МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФОРМАТ

№ 4 / 2020

THE INTERNATIONAL SCIENCE MAGAZINE

HISTORICAL FORMAT

№ 4 / 2020

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФОРМАТ

ОСНОВАН В 2015 ГОДУ

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

* * *

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Меркулов Всеволод Игоревич, канд. ист. наук
главный редактор

Жих Максим Иванович
заместитель главного редактора

Колтырин Сергей Анатольевич
ответственный редактор

Лобачева Ирина Ивановна
редактор-переводчик

Азбелев Сергей Николаевич, докт. филол. наук, проф. (Россия)
Афанасьев Михаил Николаевич, докт. соц. наук (Россия)
Богданов Андрей Петрович, докт. ист. наук, проф. (Россия)
Грот Лидия Павловна, канд. ист. наук (Швеция)
Кулаков Владимир Иванович, докт. ист. наук (Россия)
Лубков Алексей Владимирович, докт. ист. наук, проф. (Россия)
Майоров Александр Вячеславович, докт. ист. наук, проф. (Россия)
Меркявичюс Альгимантас, докт. ист. наук, доц. (Литва)
Пузанов Владимир Дмитриевич, докт. ист. наук, проф. (Россия)
Рыбаков Ростислав Борисович, докт. ист. наук (Россия)
Суляк Сергей Георгиевич, канд. ист. наук, доц. (Молдавия)
Фомин Вячеслав Васильевич, докт. ист. наук, проф. (Россия)

* * *

E-mail редакции: **mail@histformat.com**
Официальный сайт: **http://histformat.com/**

© Исторический Формат, 2020-2021
ISSN 2411-9415

THE INTERNATIONAL SCIENCE MAGAZINE

HISTORICAL FORMAT

ESTABLISHED IN 2015

SCIENTIFIC PUBLICATION

* * *

EDITORIAL BOARD:

PhD in History Vsevolod Merkulov
Editor-in-Chief

Maksim Zhikh
Deputy Editor-in-Chief

Sergey Koltyrin
Managing Editor

Irina Lobacheva
Editor-Translator

Doctor of Philology, Professor Sergey Azbelev (Russia)
Doctor of Sociology Mikhail Afanasiev (Russia)
Doctor of History, Professor Andrey Bogdanov (Russia)
PhD in History Lidia Groth (Sweden)
Doctor of History Vladimir Kulakov (Russia)
Doctor of History, Professor Aleksey Lubkov (Russia)
Doctor of History, Professor Alexander Maiorov (Russia)
Doctor of History, Associate Professor Algimantas Merkevičius (Lithuania)
Doctor of History, Professor Vladimir Puzanov (Russia)
Doctor of History Rostislav Rybakov (Russia)
PhD in History Sergey Sulyak (Moldova)
Doctor of History, Professor Vyacheslav Fomin (Russia)

* * *

E-mail: **mail@histformat.com**
Website: **http://histformat.com/**

© Historical Format, 2020-2021
ISSN 2411-9415

ОБЩЕСТВЕННЫЙ ПОПЕЧИТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «ИСТОРИЧЕСКИЙ ФОРМАТ»:

Вотрин Дмитрий Вячеславович (Академия ДНК-генеалогии)
Греков Анатолий Иванович (канд. технич. наук)
Зиновьев Станислав Валерьевич (предприниматель)
Кривошеин Александр Васильевич (адвокат)
Самусев Дмитрий Николаевич (Академия ДНК-генеалогии)
Смирнов Владимир Александрович (историк-любитель)
Сухов Николай Вадимович (канд. ист. наук)
Фурсевич Оксана Владимировна (эстетический тренер, педагог)
Цыганков Яков Андреевич (предприниматель)

Международный научный журнал «Исторический формат» посвящён публикации результатов актуальных научных исследований по истории России и других стран мира. Журнал публикует оригинальные статьи с результатами научных исследований на русском, английском, французском и немецком языках, относящиеся к исторической тематике, а также сообщения о проводимых под эгидой или при участии журнала научных мероприятиях.

The international science magazine «Historical Format» is dedicated to the publication of the results of relevant scientific research on the history of Russia and other nations. The magazine publishes original articles in Russian, English, French and German, presenting the results of scientific research on historical themes, as well as notifications of research conducted under the umbrella of the magazine or with its direct participation.

Die internationale wissenschaftliche Zeitschrift «Historisches Format» veröffentlicht aktuelle Ergebnisse der wissenschaftlichen Forschung zur Geschichte Russlands und weiterer Länder. Die Zeitschrift veröffentlicht Publikationen zu historischen Themen in russischer, englischer, französischer und deutscher Sprache, sowie Berichte über wissenschaftliche Veranstaltungen unter Leitung oder Beteiligung der Zeitschrift.

La Revue internationale scientifique «Format historique» est consacrée à la publication des résultats des recherches scientifiques actuelles sur l'histoire de la Russie et d'autres pays du monde. La Revue publie des articles originaux sur les résultats des recherches scientifiques en russe, anglais, français et allemand et aussi l'information sur des activités scientifiques organisées sous la tutelle de la Revue ou avec sa participation.

Журнал нуждается в Вашей поддержке

«Исторический формат» – это научный журнал, который был, есть и будет оставаться бесплатным. Мы принципиально не хотим взимать плату с авторов за публикации и навязывать читателям платную подписку.

Нас никто не финансирует, и одновременно мы – независимая, свободная площадка. Но нам нужны средства на подготовку новых выпусков и функционирование редакции.

Если у Вас есть возможность поддержать «Исторический формат», то это очень нам поможет. По ссылке ниже – форма для добровольного пожертвования. Можно выбрать наиболее удобный способ платежа: из кошелька ЮMoney, с карты или с мобильного. Сумму пожертвования можно изменить по Вашему желанию.

ПЕРЕХОДИТЕ ПО ССЫЛКЕ: http://histformat.com/donate/

http://histformat.com/donate/

СОДЕРЖАНИЕ / CONTENTS

М.И. Жих
НАЧАЛЬНЫЕ ЭТАПЫ ИСТОРИИ СЛАВЯН

Maksim Zhikh
THE EARLY HISTORY OF THE SLAVS 8

К.Ю. Рахно
ИРАНСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ БОГА РОДА В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИОГРАФИИ ПРОБЛЕМЫ

Kostyantyn Rakhno
IRANIAN PARALLELS OF GOD ROD IN THE CONTEXT OF HISTORIOGRAPHY OF THE PROBLEM 36

В.И. Кулаков
ПОЛИЭТНИЧНЫЙ МОГИЛЬНИК В УРОЧИЩЕ КАУП (СЕВЕРНАЯ САМБИЯ)

Vladimir Kulakov
POLYETHNIC BURIAL GROUND AT KAUP FOREST (NORTHERN SAMBIA) 60

И.А. Гагин
РОССИЙСКАЯ И ЗАРУБЕЖНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ О «СВОДЕ» «ДЖАГФАР ТАРИХЫ»: АНАЛИЗ ДИКУССИИ

Igor Gagin
RUSSIAN AND FOREIGN HISTORIOGRAPHY OF THE «DJAGFAR TARIHY» ANNALS: ANALYSIS OF DISCUSSION 72

А.А. Карпенко
«РИЩА В ТРОПУ ТРОЯНЮ»: К ВОПРОСУ О ЗАГАДОЧНОМ ПЕРСОНАЖЕ «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

Andrey Karpenko
«RACING ON THE PATH OF TROYAN»: ON THE QUESTION OF A MYSTERIOUS CHARACTER IN THE TALE OF IGOR'S CAMPAIGN 81

Д.В. Суржик
КОНСТАНТИН КРОМИАДИ: ОТ КАРАТЕЛЯ ДО ОТДЕЛА КАДРОВ РАДИО «СВОБОДНАЯ ЕВРОПА»

Dmitry Surzhik
KONSTANTIN KROMIADI: FROM A PUNISHER TO THE PERSONNEL DEPARTMENT OF RADIO FREE EUROPE 93

К.А. Анисимов
ВНУТРЕННИЕ И ВНЕШНИЕ АСПЕКТЫ ОБРАЗОВАНИЯ ОДРИССКОГО ЦАРСТВА И ПРОБЛЕМА ЛОКАЛИЗАЦИИ ПЕРВОНАЧАЛЬНОЙ ПЛЕМЕННОЙ ТЕРРИТОРИИ ОДРИСОВ

Konstantin Anisimov
INTERNAL AND EXTERNAL FACTORS OF FORMATION OF THE ODRISIAN KINGDOM AND THE PROBLEM OF LOCALIZATION OF THE ORIGINAL TERRITORY OF THE ODRYSIANS 98

М.И. Жих
О НЕДОПУСТИМОСТИ ДИЛЕТАНТИЗМА В ИСТОРИЧЕСКОЙ РАБОТЕ. РЕПЛИКА ПО ПОВОДУ СТАТЬИ: ГУБАРЕВ О.Л. К ДИСКУССИИ О ПЛЕМЕННЫХ СОЮЗАХ И ПОЛИТОГЕНЕЗЕ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН ДО РЮРИКА // NOVOGARDIA. 2020. № 2. С. 4-36

Maksim Zhikh
UNACCEPTABILITY OF DILETANTISM IN HISTORICAL WORK. A REVIEW OF THE ARTICLE BY O.L. GUBAREV TO THE DISCUSSION OF TRIBAL UNIONS AND POLITOGENESIS OF THE EASTERN SLAVS BEFORE RYURIK // NOVOGARDIA. 2020. № 2. P. 4-36. 115

ПРИГЛАШЕНИЕ к участию в конференции молодых ученых «КЛЮЧЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ»
ПРОБЛЕМА ВЫБОРА ПУТИ В ИСТОРИЧЕСКОЙ СУДЬБЕ РОССИИ 135

НАЧАЛЬНЫЕ ЭТАПЫ ИСТОРИИ СЛАВЯН

М.И. Жих
Российско-немецкий исторический семинар
(Санкт-Петербург, Россия)
e-mail: max-mors@mail.ru
Scopus Author ID: 55358941500
Researcher ID: F-3154-2014
http://orcid.org/0000-0003-2212-6416
SPIN-код: 6149-3974

АВТОРСКОЕ РЕЗЮМЕ
В статье рассматривается проблема происхождения и начальных этапов истории славян. В ходе расселения индоевропейцев их восточная (сатемная) группа, археологически соответствующая культурам боевых топоров (шнуровой керамики), после ухода носителей индо-иранских диалектов на восток, положила начало балтийско-славянскому языковому континууму, охватившему территории от Северной Польши до Волго-Окского междуречья. В рамках балтийско-славянского языкового континуума возникло два «полюса», между которыми существовала широкая полоса промежуточных диалектов разного уровня взаимной удалённости, и происходило «притяжение» и перераспределение диалектов: условный «славянский полюс» и условный «балтийский полюс». В дальнейшем «славянский полюс» притянул к себе и поглотил большую часть диалектов балтийско-славянского континуума, а на «балтийском полюсе» произошла консолидация и сложение восточно-балтийских языков (литовского и латышского). Поскольку пра-славянский язык наиболее близок пра-прусскому, он должен был располагаться в западной части славяно-балтийского ареала. Формирование в VII-VI вв. до н.э. двух культур: культуры западнобалтских (самбийских) курганов к востоку от Вислы и поморской (померанской) культура к западу от Вислы было археологическим отражением размежевания пра-славян и пра-пруссов. В дальнейшим носители поморской культуры мигрировали в Повисленье (где сложилась культура подклёшевых погребений) и в Поднепровье (где сложилась зарубинецкая культура). По всему пути их миграции формируются памятники, ведущие к достоверно славянским культурам раннего средневековья.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: славяне, этногенез, археология, лингвистика, индоевропейцы, балто-славянская проблема.

THE EARLY HISTORY OF THE SLAVS

Maksim Zhikh
The Public and Scientific Project «Russian-German Historical Seminar»
(Saint Petersburg, Russia)
e-mail: max-mors@mail.ru

ABSTRACT
The article deals with the problem of the origin and the early stages of the history of the Slavs. In the course of expansion of Indo-Europeans, their eastern (satem) group, archaeologically corresponding to the Battle Axe cultures (an offshoot of the Corded Ware culture), split, and the carriers of Indo-Iranian dialects migrated eastward, while the rest laid the foundation for the Baltic-Slavic linguistic continuum covering territory from Northern Poland to the Volga-Oka interfluve. Within the Baltic-Slavic linguistic continuum, two «poles» emerged – nominal Slavic and nominal Baltic - and a variety of intermediate dialects with diverse levels of mutual differentiation, and «gravitation» and redistribution of the dialects occurred. Eventually, the «Slavic pole» dragged in and absorbed most of the dialects of the Baltic-Slavic continuum, and the «Baltic pole» consolidated and formed Eastern Baltic languages (Lithuanian and Latvian). As the Proto-Slavic language is the closest to the Proto-Prussian, it must have been spread in the western part of the Slavic-Baltic area. Evolving of two cultures in the 7th – 6th centuries B.C. - the Western Baltic (Sambian) Mounds culture east of the Vistula and the Pomeranian culture west of the Vistula was an archaeological reflection of demarcation of the Proto-Slavs and Proto-Prussians. Subsequently, the carriers of the Pomeranian culture migrated to the Vistula basin (where the so-called culture of «under-the-hood» burials [cinerary urns covered with inverted wide-mouth clay vessels] sprang up) and to the Dnieper region (where the Zarubyntsy culture formed). Along the entire route of their migration, monuments are spread that are attributable to authentically Slavic cultures of the early Middle Ages.

KEYWORDS: Slavs, ethnogenesis, archaeology, linguistics, Indo-Europeans, Balto-Slavic problem.

Проблема происхождения и начальных этапов истории славян является одной из ключевых и наиболее дискуссионных в славистике (обзор историографии см.: Седов 1979: 7-16; 1994: 5-59; Русанова 1993: 5-15; Назин 2017: 4-13).

Отправной точкой в поисках истоков славянства является вопрос об исторических условиях его выделения из индоевропейской среды. Формирование славян как особой этноязыковой группы было не событием, а процессом. Б.А. Рыбаков предложил условно разделить процесс формирования славянской этноязыковой общности на три этапа: (1) Языковые предки славян, то есть ещё не разделённые носители индоевропейских диалектов с их общей исторической судьбой; (2) Протославяне, то есть выделившиеся из индоевропейской среды носители прото-балто-славяно-германских диалектов (северная группа индоевропейцев) с их общей исторической судьбой, среди которых находился и тот диалект, которому в будущем предстояло стать пра-славянским языком; (3) Праславяне, окончательно обособившиеся в самостоятельную этноязыковую единицу, бывшие носителями того языка, которому в дальнейшем предстояло стать предком всех существующих славянских языков (Рыбаков 1981: 146-153; 214-284).

Принимаю «теоретически» эти выделенные Б.А. Рыбаковым периоды славянского этногенеза, мы расходимся с ним в их конкретно-исторической атрибуции.

I. ЯЗЫКОВЫЕ ПРЕДКИ СЛАВЯН

Большинство археологов, а с недавних пор и генетиков, связывают становление индоевропейцев с рядом степных неолитических культур от Днепра на западе до Урала на востоке (самарская, хвалынская, среднестоговская, ямная) (обзор историографии о прародине индоевропейцев см.: Загорульский 2012: 50-73). Развитие скотоводства в этом регионе привело к одомашниванию лошади, военное значение которой было довольно быстро осознано индоевропейцами и дало им серьёзное преимущество в бою. По мере развития скотоводства, повышается уровень агрессивности и военизированности индоевропейского общества, что было вызвано необходимостью пополнения стад и расширения пастбищ, естественным средством которых представлялись набеги и завоевания. В индоневропейской популяции возникла и закрепилась терпимость к лактозе, давшая свободу в употреблении молочных продуктов, что способствовало увеличению их роста и физической силы. Мясомолочная диета сделала среди индоевропейцев относительно редким явлением кариес, распространённый у европейских неолитических земледельцев.

Всё это, по мнению сторонников данной гипотезы, в период энеолита-бронзового века привело к началу масштабных последовательных индоевропейских миграций, охвативших значительную часть Евразии, в ходе которых индоевропейцы завоевали огромные пространства и, одержав победы над многими народами, уничтожили целый ряд культур и заместили собой предшествующие европейские популяции (Gimbutas 1994: 13-135; Гимбутас 2006: 385-444; 2021: 41-59; 2021a: 18-30; Anthony 2007; Anthony, Ringe 2015; Haak et al. 2015; Загорульский 2012: 50-73; Петров 2019).

Учитывая доминирование гаплогруппы R1a у восточной части индоевропейских народов, а гаплогруппы R1b у западной части индоевропейских народов, что хорошо коррелируют с ареалами «сатемной» и «кентумной» групп индоевропейских языков, можно предположить, что расселение индоевропейцев, видимо, шло двумя потоками, в одном из которых преобладали носители мужской гаплогруппы R1a («сатемные» языки, культуры боевых топоров, освоение Восточной и Северной Европы, а также миграционный путь на восток вплоть до Индии), а в другом носители мужской гаплогруппы R1b («кентумные» языки, культура колоколовидных кубков, освоение Западной Европы). Возможно, ещё в «степной» период своей истории индоевропейское общество было в рамках дуальной организации разделено на две фратрии. Поскольку мужской состав фратрий обычно стабилен, в то время как жёны берутся из другой фратрии, это могло привести к разделению индоевропейцев на две лингвистические группы («кентум»-«сатем»), с преимущественно «полярной» концентрацией мужчин с разными гаплогруппами в каждой из них: гаплогруппы R1a в «сатемной» группе и гаплогруппы R1b в «кентумной» группе (об универсальности дуальной организации в древних обществах см.: Золотарёв 1964)[1].

II. ПРОТОСЛАВЯНЕ

По мнению сторонников «степной» теории в ходе вторжения индоевропейцев в Восточную и Центральную Европу ими были разрушены трипольская культура[2], культура шаровых амфор и культура воронко-

1 А.А. Клёсов считает индоевропейским только миграционный поток с характерной для мужчин гаплогруппой R1a (при этом он отрицает его степное происхождение и предполагает совершенно иной путь миграции) и оспаривает принадлежность к индоевропейцам миграционного потока, среди мужчин которого была распространена гаплогруппа R1b, полагая, что эти люди говорили на других языках и мигрировали другими путями, а их индоевропеизация имеет вторичный характер (Клёсов 2015; 2017). Учёный обращает внимание на то, что исследованиями палео-ДНК пока у носителей ямной культуры не обнаружена гаплогруппа R1a и преобладающий в Западной Европе субклад гаплогруппы R1b (P312), а только Z2103. Однако на данный момент протестировано лишь небольшое количество ископаемых останков «ямников», соответственно, дальнейшие исследования вполне могут выявить у них и гаплогруппу R1a и «западноевропейский» субклад гаплогруппы R1b. Таким образом, для окончательного подтверждения или опровержения степной теории индоевропейской прародины необходимо исследовать как можно больше ископаемых останков носителей ямной культуры и предшествующих ей степных культур. На данный момент, на наш взгляд, признание обоих этих миграционных потоков (как носителей гаплогруппы R1a, так и носителей гаплогруппы R1b) индоевропейскими лучше объясняет совокупность исторических и лингвистических фактов, так как позволяет объяснить происхождение и расселение носителей как сатемных, так и кентумных индоевропейских языков, в то время как при отказе носителям гаплогруппы R1b в индоевропейской принадлежности вопрос происхождения кентумной группы языков (италийские, кельтские, германские, греческий) повисает в воздухе.

2 Иную картину предполагает А.А. Клёсов: по мнению учёного, наоборот, именно трипольская культура и была исходной точкой для арийских миграций на восток (Клёсов 2017: 58-66, 75-82). Но на данный момент у её носителей обнаружены только гаплогруппы G2a и E.

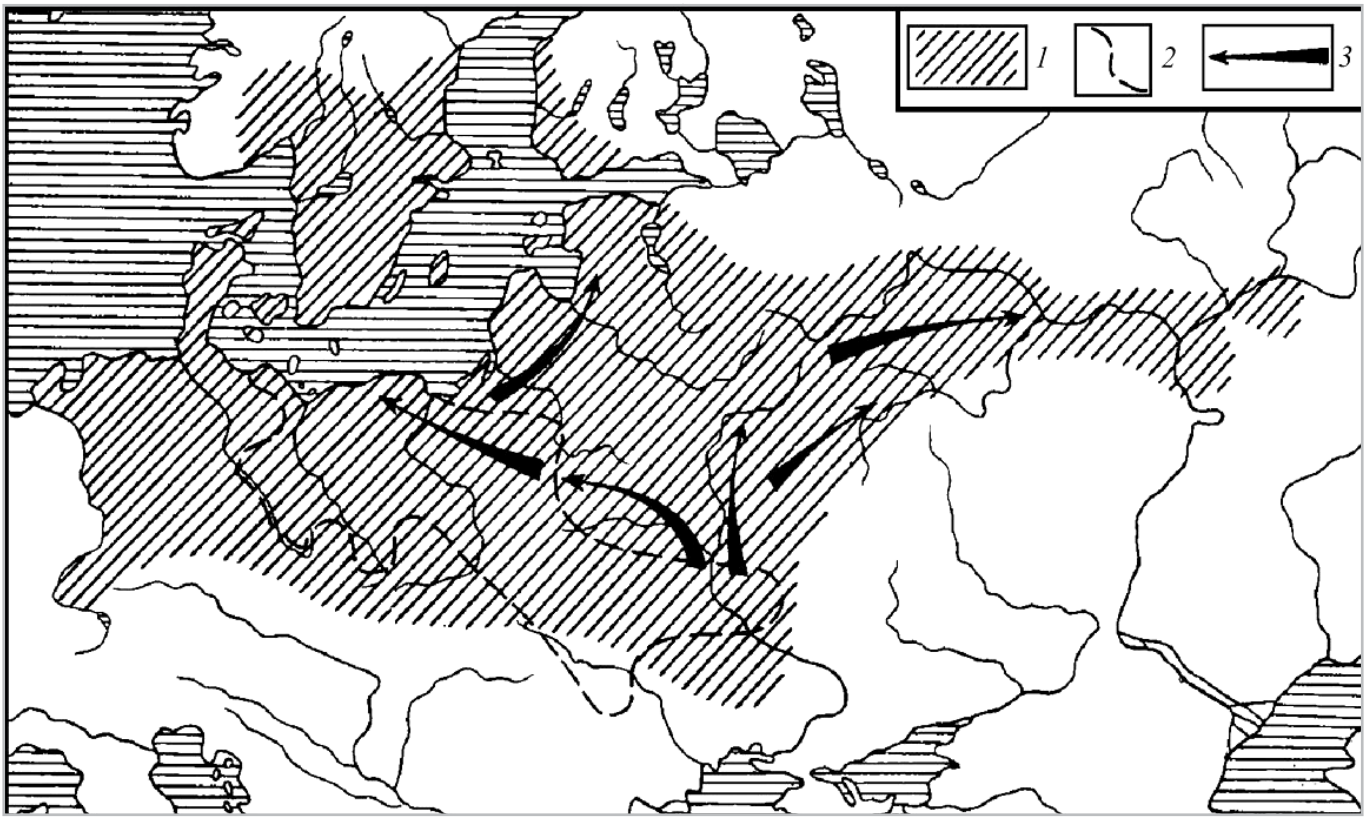


Рис. 1. Распространение культур боевых топоров (Загорульский 2012: 68)

видных кубков (Петров 2019: 175-206), а на огромной территории от Рейна на западе до Среднего Поволжья на востоке и от Швейцарии на юге до Южной Скандинавии и Финляндии на севере складывается в III тыс. до н.э. культурная общность боевых топоров (или шнуровой керамики) (Гимбутас 2006: 433-435; 2021: 41-59, 95-101; Брюсов 1961: 14-33; Третьяков 1966: 63-94, 102-107; Эпоха бронзы 1987: 35-84; Загорульский 2012: 77-80) (рис. 1).

Культуры боевых топоров получили своё название по характерному для них атрибуту – каменному топору, который обычно сопровождал мужские захоронения. Такой топор был с одной стороны грозным оружием, а с другой, важным культовым атрибутом (даже когда в реальной жизни каменное оружие давно уже было вытеснено оружием из металла, славянская традиция приписывала богу-громовержцу Перуну каменный топор и каменные стрелы: Даркевич 1961: 91; Рыбаков 1981: 418; Прозоров 2009: 168-169). Второе название, культуры шнуровой керамики, они получили по распространённому орнаменту в виде вдавливаний от шнура или верёвки, нанесённому на сырую глину. Распространённым типом погребений в культурах боевых топоров была восходящая к традициям ямной культуры индивидуальная могила по обряду трупоположения с возведённым над ней курганом. В основе хозяйства носителей культур боевых топоров лежало скотоводство, в его северном, лесном варианте с важной ролью свиноводства, что вело к регулярным перемещениям людей и не способствовало оседлой форме быта.

На основании совпадения археологических и гидронимических данных, общность носителей культур боевых топоров давно была сопоставлена археологами и лингвистами с северной группой индоевропейцев, представители которой говорили на различных прото-балто-славяно-германских диалектах (Горнунг 1958: 58; 1963: 51-75; Гимбутас 2021: 41-59, 95-101; 2021а: 18-30; Брюсов 1961: 32-33; Третьяков 1966: 108-112, 190-196; Эпоха бронзы 1987: 75; Седов 2002а: 21-28; Загорульский 2012: 74-96; Петров 2019: 187-223). Ныне эти выводы нашли своё полное подтверждение при анализе палео-ДНК останков «шнуровиков»: у них были обнаружены образцы мужской гаплогруппы R1a с линиями, предковыми по отношению к современным славянским и балтийским (Клёсов 2017: 66-74; Петров 2019: 191-196)[3].

В дальнейшем на западную часть ареала культур боевых топоров (территория современной Германии) наложилась культура колоколовидных кубков, отражавшая другой индоевропейский миграционный поток (очевидно, носителей прото-итало-кельтских языков), что привело к отрыву западной части «шнуровиков» от прото-балто-славян (вероятно, ещё до распространения таких объединяющих балто-славян и индо-ариев инноваций как сатемизация и правило РУКИ; или же прото-германский язык утратил соответствующие черты в результате «западного» влияния) и формированию группы протогерманских диалектов, занявших проме-

3 По самым последним данным среди ископаемых останков носителей фатьяновской культуры обнаружены представители индо-иранской ветви R1a-M417 (Saag et al. 2020), соответственно, культуры боевых топоров могут быть археологическим соответствием сатемной группы индоевропейцев как таковой. В дальнейшем индо-иранцы передвинулись дальше на восток (синташтинская культура), а носители балто-славянских языков остались в Центрально-Восточной Европе.

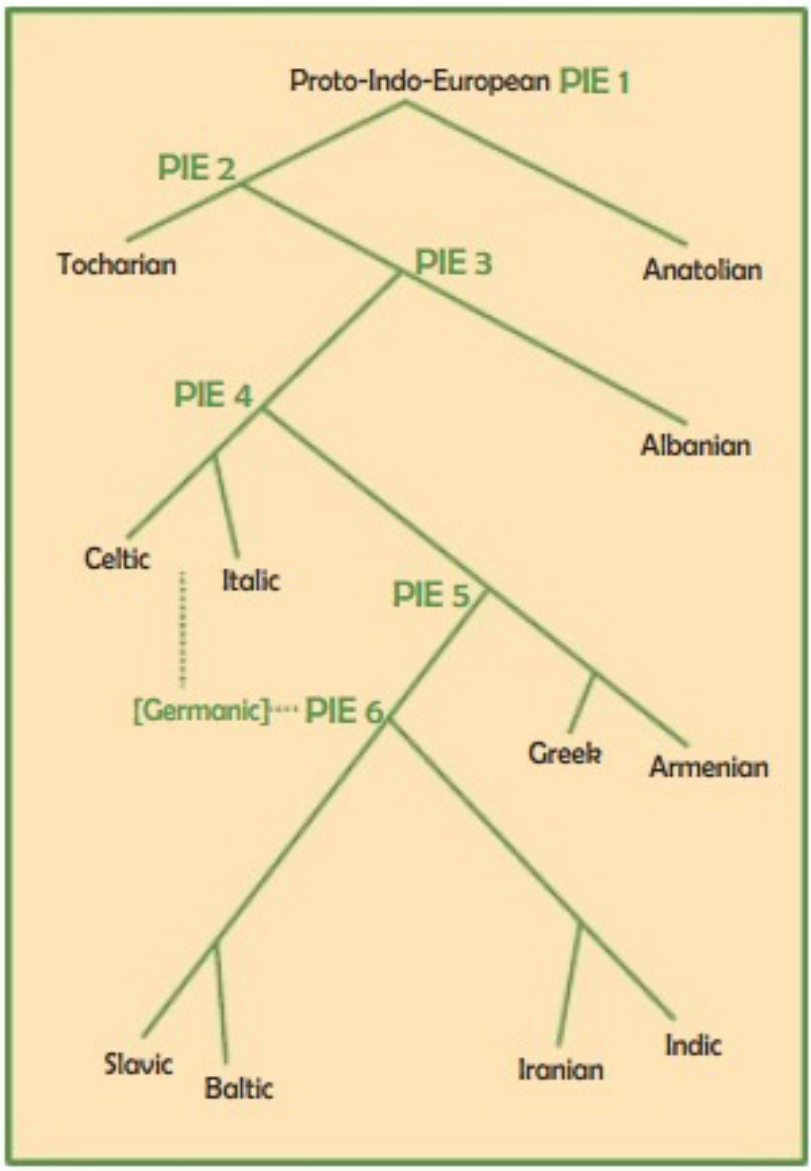


Figure 2. Simplified version of Ringe et al. 2002, Fig. 8, 'One of the best trees with Germanic omitted', to which is added labels for the nodes PIE 1–6 as explained in this essay. The bracketed position of Germanic in the tree model is that indicated in the passage quoted from Ringe et al. 2002.

Рис. 2. Индоевропейские языки и место среди них германского

жуточное положение между прото-балто-славянскими и прото-итало-кельтскими диалектами[4] (рис. 2).

С отпадением прагерманской диалектной группы произошло обособление балто-славянского диалектного континуума. Как подчёркивал Ю.В. Откупщиков «очень важно отметить качественное отличие балто-славянских от большинства других индоевропейских лексических изоглосс. Здесь обычно мы имеем дело с цельнолексемными, а не с корневыми соответствиями, причём совпадают во многих случаях не отдельные формы слов, а целые "пучки" словообразовательных и словоизменительных форм. Так, изоглосса ст.-слав. нести – др.-греч. ενεγχετν 'нести', конечно же, не может быть поставлена в один ряд с соответствиями типа нести – лит. nesti, не говоря уже о большом количестве достаточно сложных производных, например: neš-a-m-ą-įą = нес-о-м-у-ю (винит, пад. ед. числа причастия)» (Откупщиков 1989: 44).

Проблема балто-славянских языковых отношений имеет длительную историю изучения и является остро-дискуссионной. Лингвистами было предложено пять основных моделей соотношения славянских и балтийских языков[5]: (1) Существовал общий пра-балто-славянский язык, который в дальнейшем распался на два языка: пра-балтийский (давший затем начало балтийским языкам) и пра-славянский (давший затем начало славянским языкам) (впервые гипотезу сформулиро-

4 Формирование германцев на основе смешения двух разных потоков индоевропейской миграции демонстрирует и характер распространения в Германии мужских гаплогрупп: если на востоке Европы у индоевропейцев преобладает гаплогруппа R1a (в граничащей с Германией на востоке Польше её доля ок. 57%), а на западе Европы у индоевропейцев преобладает гаплогруппа R1b (в граничащей с Германией на западе Франции её доля ок. 60%), то Германия представляет собой переходную зону с преобладанием потомков «западного» миграционного потока (культура колоколовидных кубков): доля R1b составляет ок. 40%, а доля R1a составляет ок. 15%.

5 Мы предпочитаем говорить «балтийский», а не «балтский». П.Н. Третьяков в своё время писал: «Не могу одобрить излюбленного В.В. Седовым прилагательного – "балтский", употребляемого вместо традиционного – балтийский. "Балтский" – слово неблагозвучное, с четырьмя согласными подряд, оно звучит не по-русски. И потом, если быть последовательным, то и Балтийское море следует называть Балтским морем!» (Третьяков 1967: 118. Примеч. 14).

вал А. Шлейхер); (2) Пра-балтийский и пра-славянский – это два схожих между собой индоевропейских языка, которые, выделившись из праиндоевропейского, далее, независимо друг от друга, прошли параллельные, но близкие процессы в своем развитии (впервые гипотезу сформулировал А. Мейе); (3) Пра-балтийский и пра-славянский языки прошли сначала этап независимого развития, а затем сблизились, что привело к формированию сообщности или изоглоссного ареала (впервые гипотезу сформулировал Я. Эндзелин); (4) Пра-балтийский и пра-славянский языки составляли языковую общность, затем разошлись, а затем вновь сблизились (впервые гипотезу сформулировал Я. Розвадовский); (5) Пра-балтийская модель является прототипом для праславянского языка, который образовался из периферийных балтийских диалектов (впервые гипотезу сформулировал В.Н. Топоров) (Трубачёв 2002: 19).

Принципиально важным является то обстоятельство, что степень близости между славянскими и балтийскими языками неодинакова. Наиболее близкими к славянским являются западно-балтийские языки. Как подчёркивал С.Б. Бернштейн «нет сомнений в том, что балто-славянская сообщность охватывала прежде всего праславянский, прусский и ятвяжский языки» (Бернштейн 1961: 34).

В.В. Мартынов отмечал «непропорционально (учитывая скудость прусских фактов) большое количество прусско-славянских лексико-грамматических инноваций» (Мартынов 1989: 38). Учёный выявил более сорока прусско-славянских изоглосс, указывающих на их более близкую генетическую связь со славянским, чем с другими балтийскими и более двадцати прусско-славянских изоглосс, для которых полностью отсутствуют параллели в других балтийских языках, подчеркнув, что поскольку «прусский язык представлен незначительным числом небольших памятников письменности, эти данные следует считать достаточно внушительными» (Мартынов 1989: 39).

Разные варианты конкретизации исторических условий, определивших общепризнанную особую близость между пра-славянским и пра-прусским языками, предлагалась учёными в зависимости от их общих взглядов и, соответственно, носили подчас полярный характер. Так В.Н. Топоров считал, что «пока вопрос сводился к тому, что дают балтийские языки для прусского или прусский для балтийских, славянские факты поневоле оставались в стороне. Но, если выйти из этого узкого круга и отвлечься от предвзятостей, то окажется, что роль славянских лексических параллелей к прусскому языку исключительна (ср. хотя бы удивительные сходства в местоимениях, предлогах и префиксах, ряде других служебных слов, в словообразовательных элементах, именослове и т.д.)… проблема балто-славянского языкового единства в традиционном языкознании получила перекошенный вид, исключающий возможность правильных (или хотя бы верифицируемых), заключений, во-первых, из-за пренебрежения данными прусского языка, образующих, несомненно, переходную стадию между восточнобалтийским лингвистическим типом и теми диалектами, которые, возникнув на основе балтийских периферийных комплексов, развились в то, что называют праславянским, и, во-вторых, из-за пренебрежения пространственно-временным аспектом этой проблемы» (Топоров 1980: 5-6).

Противоположную позицию сформулировал В.К. Журавлёв, по мнению которого, наоборот «есть некоторые основания полагать, что древнепрусский язык, языки ятвягов и голяди первоначально входили в протославянскую изоглоссную область, но позже, оторвавшись от нее, примкнули к балтийской (летто-литовской), возможно, явившись эпицентром иррадиации общебалтославянских процессов. В свою очередь, летто-литовский, вероятно, в какой-то период примыкал к прагерманской изоглоссной области, оторвавшись от нее, примкнул к балтославянской, был до новых встреч с германскими языками эпицентром иррадиации некоторых германо-общебалтских тенденций. Детализация и хронологизация перераспределения изоглоссных областей пока может быть лишь спорной – не установлена относительная хронология древнейших процессов, не установлена их иерархия, данные, добытые путем внутренней реконструкции на материале одного языка пока несопоставимы с данными другого языка или языковой семьи. Поэтому пока речь может идти лишь о принципиальной допустимости перераспределения изоглоссных областей».

Характеризуя пра-славянский язык, В.К. Журавлёв подчёркивал, что «праславянский язык, как, возможно, и любой другой праязык, вполне реалистично представить себе как изоглоссную область, как пространственно-временной континуум более или менее родственных диалектов, где действовали праславянские (или какие-нибудь иные для другой семьи языков) тенденции развития, обусловившие последовательную цепь процессов... В праславянскую (или в какую-нибудь иную праязыковую) изоглоссную область различные диалекты могли входить не одновременно, раньше или позже. Вполне вероятно, что те или иные диалекты, ранее входившие в данную изоглоссную область, могли выйти из нее, примкнуть к другой изоглоссной области, иногда не родственной. В такой “оторвавшейся” изоглоссной области будут действовать противоречивые процессы – свои старые и новые, идущие из эпицентров новой изоглоссной области (ср. сближение славянских и романских языков в балканском языковом союзе, сближение балтийских, славянских и финнских на территории Прибалтики, сближение индоевропейских, кавказских и тюркских в рамках кавказского языкового союза)» (Журавлёв 1968: 173-175).

Б.В. Горнунг пришёл к выводу, что «можно… допускать, что если даже и существовало когда-либо балто-славянское единство, оно “распалось” не на “общебалтийское” и “общеславянское” единства, а скорее на два других новых (относительных) языковых единства, которые условно можно обозначить как “протославяно-прусское” и “протолетто-литовское”. К последнему единству, относились все диалекты, из которых позже путем перегруппировок, ассимиляций и слияний сложились латышский и литовский языки»; «После ухо-

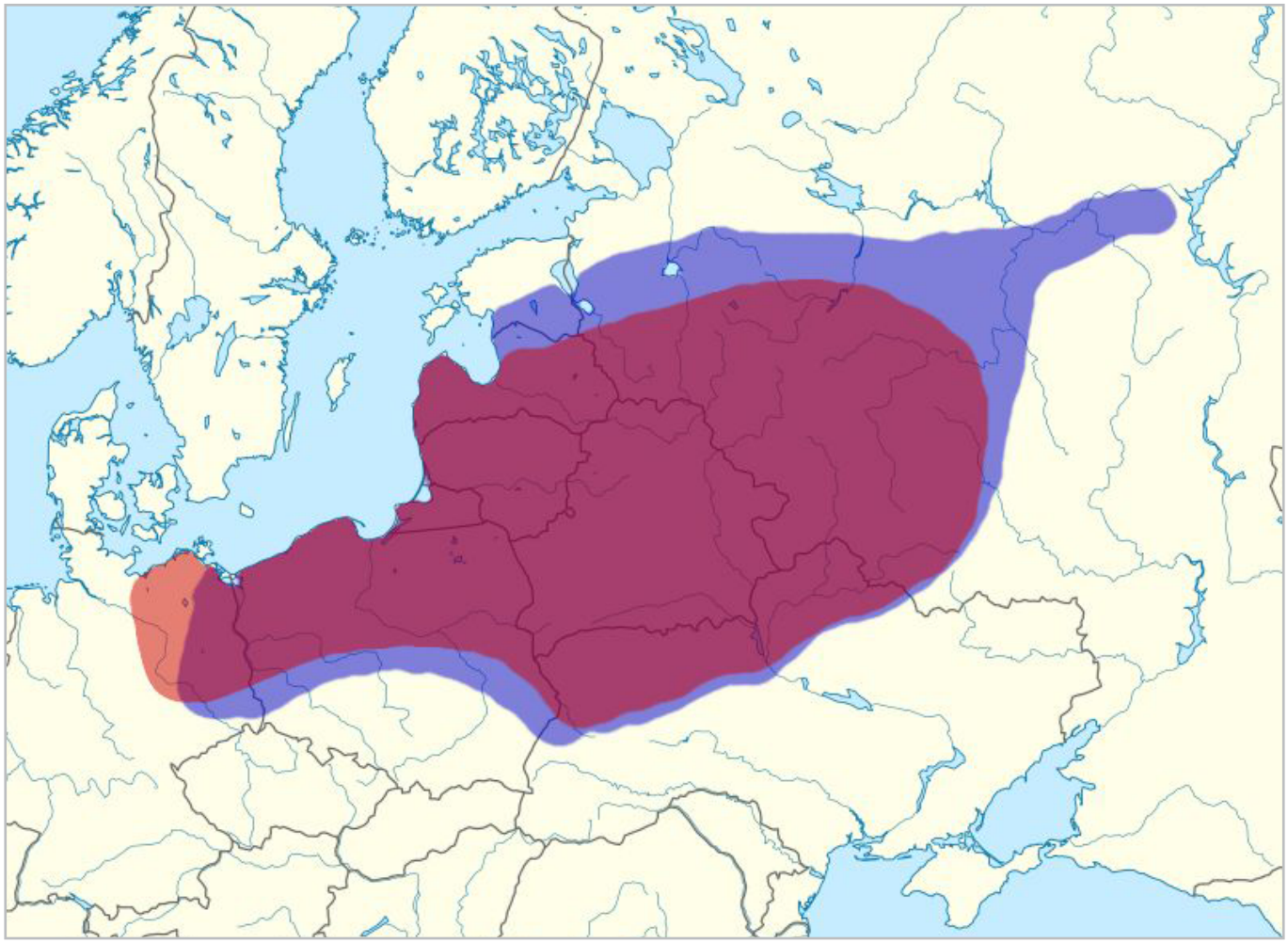


Рис. 3. Расселение носителей балтийско-славянских языков по данным лингвистики (красным) и археологии (синим)

да “прототохарской” части “северо-восточных” индоевропейцев из Восточной Европы… остаток ещё не распавшейся “северо-восточной” индоевропейской диалектной зоны и можно считать тем общим источником, из многообразия говоров которого сложились, с одной стороны, “протобалтийские” диалектные группы (несколько, а не одна), а с другой стороны – те группы говоров, которые консолидировались в “протославянское” (условно “прото-прусо-славянское”) относительное языковое единство. К этой эпохе надо, очевидно, относить и образование сходных, но не тождественных акцентологических систем славянских и балтийских языков» (Горнунг 1958: 55-62. См. также: Горнунг 1963).

Развивая идеи В.К. Журавлёва и Б.В. Горнунга, можно предложить следующую модель. Существовал занимавший обширную площадь исторически изменчивый ареал родственных диалектов, который можно условно назвать «балтийско-славянским континуумом» (рис. 3), который не имел единого центра, и в котором было два «полюса», между которыми, во-первых, существовала широкая полоса промежуточных диалектов разного уровня взаимной удалённости (чем дальше по своим характеристикам был диалект от одного «полюса», тем ближе он был к другому и наоборот), и, во-вторых, происходило «притяжение» и перераспределение диалектов: условный «славянский полюс» и условный «балтийский полюс». В дальнейшем «славянский полюс» притянул к себе и поглотил большую часть диалектов балтийско-славянского континуума, а на «балтийском полюсе» произошла консолидация и сложение восточно-балтийских языков (литовского и латышского). В рамках балтийско-славянского континуума могли существовать и другие «полюса», но они не оставили языковых потомков и, соответственно, почти неуловимы для нас.

Эту модель можно изобразить в виде цепочки, где ближе всего к пра-славянскому диалекту будет пра-прусский диалект, а дальше степень удалённости от пра-славянского диалектов в цепочке будет потихоньку нарастать.

Таким образом, первоначальный пра-славянский был, по нашему мнению, самостоятельным диалектом в рамках балтийско-славянского континуума, представлявший собой один из его «полюсов».

Пра-славянский диалект мог вступать в самостоятельные ареальные контакты, в которых не принимали участия другие диалекты балтийско-славянского континуума, и которые известны лингвистам (Трубачёв 2002: 25-27). Для О.Н. Трубачёва установление отдельных языковых связей пра-славянского (с пра-италийским, пра-германским, пра-иллирийским) послужило одним из оснований вообще отрицать существование балтийско-славянского диалектного континуума, но в рамках нашей модели они не противоречат при-

знанию его реальности. Точно также и другие диалекты балтийско-славянского континуума могли вступать в такие ареальные контакты, в которых не участвовал пра-славянский (примеры см.: Трубачёв 2002: 22-24).

В свете сказанного можно в значительной степени по-новому посмотреть на занимающую обширные территории «дославянскую» гидронимию, которую обычно называют «балтской» (Топоров, Трубачёв 1962; Гимбутас 2021: 31-37; Третьяков 1966: 184-189; Седов 1970: 8-11), но точная языковая природа которой определяется учёными различно. Так, если О.Н. Трубачёв настаивает на её собственно балтийском характере (Трубачёв 2002: 22), то Х. Бирнбаум допускает для неё более широкую балтийско-славянскую характеристику (Birnbaum 1973: 57). Интересны также наблюдения Б.А. Серебренникова, который на основе анализа гидронимии Волго-Окского междуречья и заимствований в языках соседнего финно-угорского населения пришёл к выводу, что здесь, на территории, где располагалась бывшая частью массива культур шнуровой керамики фатьяновская культура, жил народ, говоривший на индоевропейском языке, близком к известным нам балтийским языкам, но не идентичном им (Серебренников 1955: 19-31; 1957: 69-72). Этот результат хорошо согласуется с предложенной нами моделью балтийско-славянского континуума как совокупности диалектов, с двумя (или более) «полюсами» (число, локализация и степень влияния которых исторически изменялись), между которыми происходило перераспределение изоглоссных областей. Следы одного такого древнего «полюса» в рамках балтийско-славянского континуума и были выявлены Б.А. Серебренниковым.

П.Н. Третьяков, указав, что «балтийская» гидронимия территории милоградской культуры раннего железного века Северной Украины и Южной Беларуси имеет выраженные диалектные черты, а сама она существенно отличается от других «балтийских» культур Восточной Европы, сделал вывод, согласно которому «своеобразие милоградской культуры… заставляет пока воздержаться от окончательных выводов по поводу этнической характеристики милоградских племён. По-видимому, это были племена индоевропейские, родственные балтам, но, возможно, родственные и славянам» (Третьяков 1966: 187)[6]. Эти слова учёного также ведут к идее о двух «полюсах» балтийско-славянского континуума, между которыми распределялись по степени близости его диалекты.

III. ПРАСЛАВЯНЕ

Учитывая, что наиболее близким к пра-славянскому является пра-прусский, место жизни древнейших славян следует искать в соседстве с древними пруссами, которые заселяли земли в междуречье Вислы и Немана (Финно-угры и балты 1987: 398-404). В работах Г. Шаля (Schall 1962: 56-60; 1964: 123-170; 1966: 7-42), В.Н. Топорова (Топоров 1966: 255-263; 1966а: 103-111; 1983: 263-272), В.Э. Орела (Орел 1997: 332-358), Ю. Удольфа (Udolph 1999: 493-508; 2011: 313-331; Casemir, Udolph 2006: 114-136) было показано, что ареал «балтийской» гидронимии простирается на запад от Вислы и охватывает современную территорию северной Польши и восточную часть современной Северной Германии. Именно здесь, на наш взгляд, и должны были проживать люди, говорившие на пра-славянском языке.

Г. Шаль отстаивал идею не собственно балтийской, но балтийско-славянской принадлежности южнобалтийской гидронимии. В.Н. Топоров писал: «Не приходится сомневаться, что в польском Поморье и далее к западу – в Померании, Мекленбурге, Гольштейне (и даже южнее по Эльбе и Одеру) общее количество “балтийских” элементов в гидронимии и топонимике исчисляется сотнями. Здесь не место вдаваться в дискуссию о том, что представляют собой эти “балтийские” элементы. Достаточно лишь указать, что определение их как “индоевропейских” было бы излишне широким (не говоря уже о том, что некоторые названия встречаются реально лишь в балтских областях), а традиционное называние этих элементов “славянскими” – в одних случаях не вполне удовлетворительно (поскольку при наличии в славянских языках данного аппелятива, они не знают соответствующего топонимического названия, хорошо представленного в балтских областях, не говоря уже о ещё более очевидных случаях). Тем не менее, именно на этой территории (как, например, и в бассейне Днепра, особенно в верховьях его) в отличии от современной балтийской территории отмечены такие названия, которые по праву можно назвать “балтославянскими” в том смысле, что они в таком же точно виде продолжают появляться, с одной стороны, на смежных славянских (польских, кашубских, полабских, лужицких) землях, а с другой стороны, на балтийских (ср. *Bebr-: *Babr-: *Bobr-: *Berz-: *Berz-: *Grab-: *Krak-: *Lank-: *Lonk-: *Lenk-: *Leip-: *Liep-: *Lip-: и др.). Когда такие названия находятся на славянской территории, их, не задумываясь, считают славянскими; когда они отмечены на балтийской территории, существует полная уверенность в том, что эти названия балтийские. Логически оправданно такие примеры считать балто-славянскими (как и территории, где они встречаются). Исторически же такие названия, видимо, целесообразно относить: во временном плане – к эпохе, для которой бессмысленно разделение на балтийский и славянский (или потому что этого разделения не было, или потому что оно не было обнаружено), в пространственном плане – к территории, где дольше всего удерживались общие балто-славянские формы, и размежевание наступило позже, чем в других местах, или вовсе не наступило (случай каш. karva, лит. karve и др.)» (Топоров 1966: 255-257); «При этом окажется, вероятно, что территориально “балто-славянский” был приурочен к областям, примыкающим к историческим балтским территориям с запада, юга и юга-востока, и что хронологически он следовал за периодом существования древних балтийских диалектов до выделения из них тех периферийных группировок, которые впоследствии развились в славянские языки» (Топоров 1966а: 104).

6 В другой работе П.Н. Третьяков писал: «Весьма возможно, что на славянских окраинах, в области балто-славянского пограничья, имелись своеобразные группы племён переходного характера, специфика которых либо восходила к древнейшей эпохе выделения славян и балтов, либо являлась следствием их многовекового соседства» (Третьяков 1960: 45).

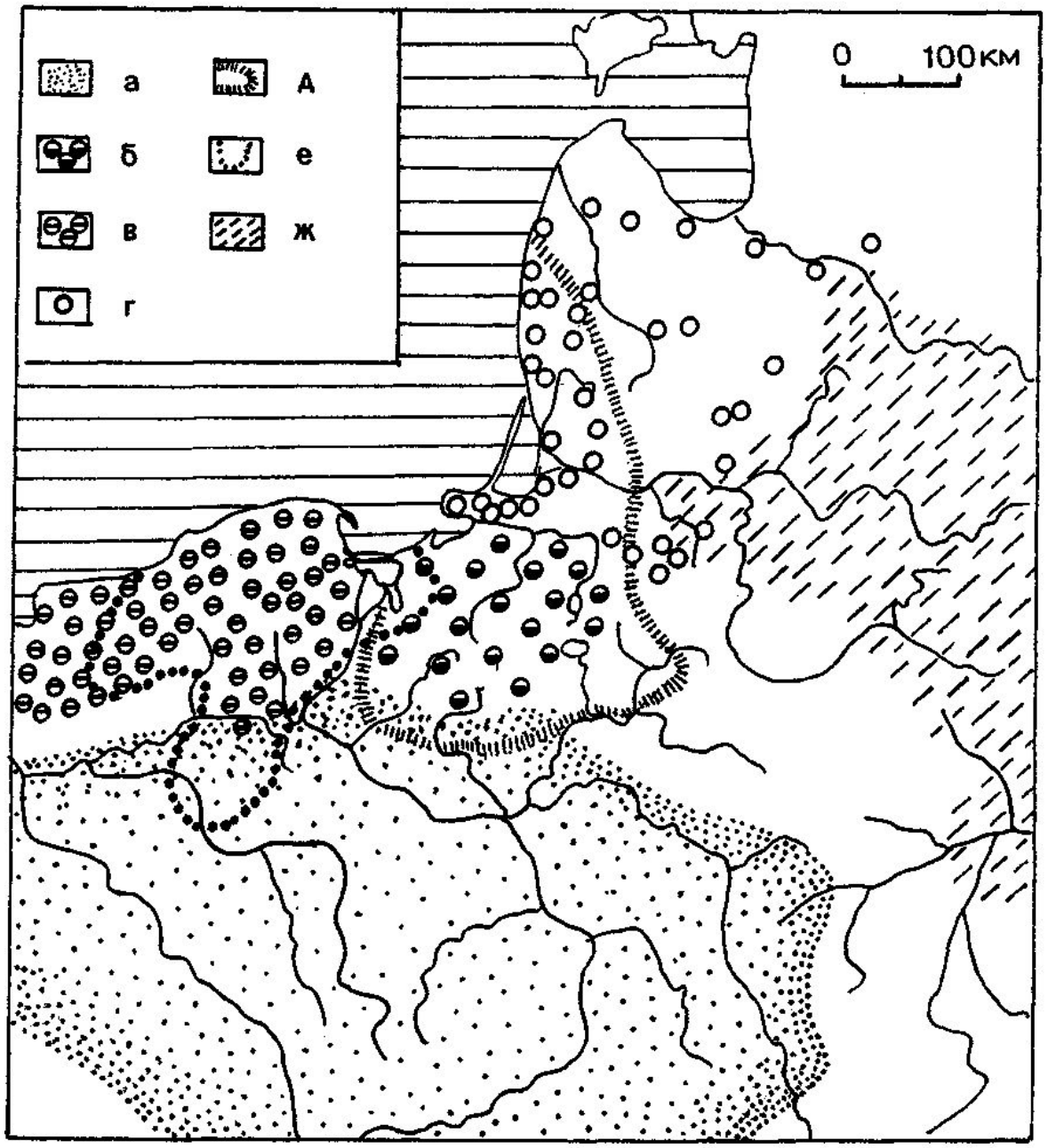


Рис. 36. Формирование западных балтов

Ареалы: а — лужицкой культуры; б — вармийско-мазурской группы; в — поморской группы; г — места находок изделий лужицких и самбийско-вармийских типов; д — ареал культуры западнобалтских курганов; е — ареал поморской культуры на велько-вейском этапе; ж — территория восточных и днепровских балтов

Рис. 4. Формирование поморской культуры и культуры западнобалтских курганов (Седов 1994: 131)

Таким образом «балтийско-славянская» топонимия к западу от Вислы может соответствовать тому периоду в истории пра-славянского языка, когда он ещё был очень близок к пра-прусскому. Различие между этой условно «славяно-прусской» и последующей «собственно славянской» топонимией такое же как между древнеславянской топонимией и, скажем, украинской или белорусской топонимией: они принадлежат одной и той же группе населения, только к разным периодам развития её языка.

Интересные наблюдения относительно соответствия славянской и западно-балтийской этнонимии сделал О.Н. Трубачёв: «Этнонимический формант -n- восточным балтам неизвестен, он выступает лишь в двух – трёх периферийных западнобалтийских этнонимах – в названиях частей и племён Пруссии Pomesani, Pogesani (и, возможно, Σουδινοί?), которые очень напоминают популярный славянский словообразовательный тип этнонимов, но вместе с тем и сами воплощают

не чисто балтийский, а скорее переходный к славянскому тип» (Трубачёв 1974: 56). Эти факты возвращают нас к выводу о двух «полюсах» балтийско-славянского континуума, одним из которых был пра-славянский, и переходных звеньях между ними.

Все романские языки восходят к латинскому языку, но в своё время он не был единственным, существовали и другие италийские языки, не оставившие потомков (оскский, умбрский, фалискский и т.д.). Аналогична ситуация и с пра-славянским языком (к которому восходят все существующие славянские языки) – в своё время он, скорее всего, тоже не был единственным. Существовали и другие близкие к нему языки, не оставившие потомков. Одним из таких языков был, вероятно, язык носителей именьковской культуры IV-VII вв., который В.В. Напольских, на основе предполагаемых заимствований в финно-угорские языки Волго-Камского региона, охарактеризовал как «близкий к праславянскому, но не идентичный ему» (Напольских 2006: 16).

В VII-VI вв. до н.э. в ареале славяно-западнобалтийской гидронимии формируются две культуры: культура западнобалтских (самбийских) курганов к востоку от Вислы и поморская (померанская) культура к западу от Вислы (рис. 4).

От культуры западнобалтских курганов прослеживается преемственность до последующих культур, принадлежавших историческим западно-балтийским народам (Седов 1994: 130; 2002: 63-64).

Носители поморской культуры, по нашему мнению, были древнейшими археологически уловимыми для нас[7] славянами. Формирование поморской культуры отражало процесс кристаллизации пра-славянского этноязыкового единства и размежевание пра-славян с предками западных балтов (пруссов, ятвягов, куршей), что соответствует переходу от прото-славян к пра-славянам.

Характерный признак поморской культуры – погребения в каменных ящиках, где стояли урны с прахом, в большинстве грунтовые, но иногда и курганные. На раннем этапе бытовали погребения с «лицевыми урнами», которые со временем по мере продвижения «поморцев» на юг сменились погребениями в урнах, покрытых большим сосудом (клёшем).

Потенциальным аргументом против отождествления носителей поморской культуры с ранними славянами может быть то, что в пра-славянском языке как будто отсутствовали слова, которые характерны для жителей приморских областей. Однако, указывая на это, Ф.П. Филин делает важную оговорку: область пра-славян располагалась в стороне от морей «по крайней мере, в последние столетия их истории» (Филин 1962: 122). Между тем, после ухода значительной части носителей поморской культуры к югу (который, вероятно, был вызван давлением соседних пра-германских племён), их коренной приморский ареал был во II в. до н.э. занят носителями оксывской культуры (скорее всего, одной из пра-германских группировок), после чего поморские племена и их потомки (носители культур подклёшевых погребений и зарубинецкой) были отрезаны от моря, что, видимо, и привело к утрате в их языках соответствующего лексического пласта.

Э.М. Загорульский, также помещающий прародину славян на балтийском побережье, хотя связывающий её с иными историко-археологическими реалиями, чем мы[8], справедливо отмечает: «Вопрос о морской терминологии (в пра-славянском языке – М.Ж.), вероятно, нуждается в дальнейшей проработке. В свое время ошибочно отрицалось существование в общеславянском и терминологии, связанной с горным ландшафтом. Следует также учитывать возможность расхождения семантики слов в родственных языках, примеры чему имеются и в славянских языках» (Загорульский 2012: 108).

По словам Б.В. Горнунга единство носителей пра-славянского языка «после отпадения “протопрусских” диалектов, т.е. разрыва непосредственных связей с ними… стало исключительно тесным, устойчивым и долговременным... Это и было общеславянское языковое единство» (Горнунг 1958: 59).

Уже на самом раннем этапе своей истории пра-славянский язык был, по словам О.Н. Трубачёва «живым языком со всеми атрибутами сложности живого языка» (Трубачёв 2002: 5).

Ф.П. Филиным была предложена периодизация развития пра-славянского языка (учёный предпочитал именовать его «общеславянским»), включающая три этапа:

(1) Ранний этап (от времени образования пра-славянского языка примерно до конца I тыс. до н.э.). В это время формируются особенности славянской языковой системы, отличающие её от других индоевропейских языковых систем: происходит ослабление роли лабиализации (огубления) гласных, повлёкшее за собой перестройку всей системы гласных общеславянского языка, в связи с чем изменился и характер их чередований (от фонетических к морфологическим); изменяются рефлексы древних ларингальных; видоизменяется на славянской почве акцентологическая система; серьёзные изменения происходят в системе согласных; в области грамматики складываются основные специфически славянские особенности склонения и спряжения и т.д.

(2) Средний этап (от конца I тыс. до н.э. до III-V вв. н.э.). В это время происходят дальнейшие серьёзные

7 Данная оговорка весьма важна. О.Н. Трубачёв писал: «попытки точно датировать “появление” праславянского языка теряют свою актуальность в языкознании», поскольку вопрос «не в том, что древняя история праславянского может измеряться масштабами II и III тысячелетия до н.э., а в том, что мы в принципе затрудняемся даже условно датировать „появление“ или выделение праславянского или праславянских диалектов из индоевропейского именно ввиду собственных непрерывных индоевропейских истоков славянского» (Трубачёв 2002: 25). Глоттохронология датирует образование пра-славянского языка серединой – второй половиной II тыс. до н.э. (Blažek, Novotná 2007: 185-210; 2007a: 323-346), но на данном этапе затруднительно указать пра-славянам археологическое соответствие, более раннее, чем поморская культура.

8 По мнению учёного древнейшими славянами были носители культуры шаровых амфор (конец IV – начало III тыс. до н.э.), но в свете современных исследований палео-ДНК она должна быть признана относящейся к неолиту «Старой Европы» и доиндоевропейской (у её носителей обнаружена мужская гаплогруппа I2a, характерная для доиндоевропейского населения). Со временем её носители были вытеснены или ассимилированы расселявшимися носителями культур боевых топоров.

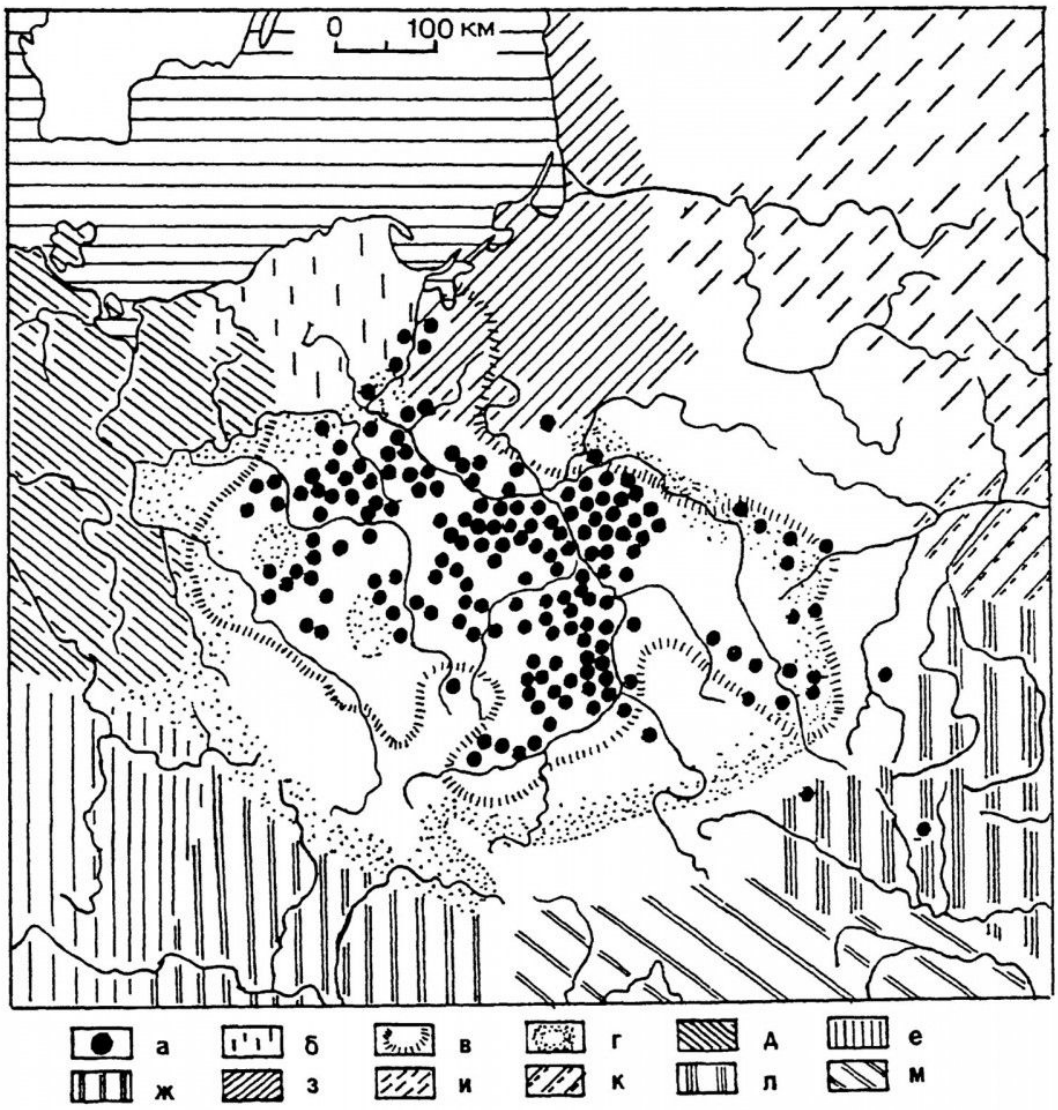


Рис. 10. Становление славянского этноса

а — могильники культуры подклёшевых погребений; **б** — первоначальный регион поморской культуры; **в** — территория расселения племен поморской культуры; **г** — ареал лужицкой культуры; **д** — ясторфской культуры (германцы); **е** — западного гальштата (кельты); **ж** — восточного гальштата (иллирийцы); **з** — западнобалтских курганов (западные балты); **и** — территория восточных балтов; **к** — ареал милоградской культуры; **л** — скифской культуры; **м** — дакийских племен.

Рис. 5. Культура подклёшевых погребений (Седов 2002: 71)

преобразования славянской языковой системы. К изменениям в фонетике приводят палатализация (смягчение) согласных и «закон» открытых слогов. Первая палатализация заднеязычных согласных произошла примерно в конце I тыс. до н.э. – начале I тыс. н.э. Одновременно с ней происходит смягчение с и з перед j, а также смягчение грубых согласных перед j в абсолютном начале слова.

За первой палатализацией последовала вторая палатализация заднеязычных, время которой приходится на III-V вв. н.э., а «поскольку с условиями её реализации связаны многие другие важные изменения в общеславянском языке, вторая палатализация имеет очень большое значение для установления относительной хронологии этих явлений».

В словах общеславянского языка возобладала тенденция устранять конечный затвор закрытого слога, вследствие чего закрытые слоги становились открытыми. Это произошло незадолго до второй палатализации, т.е. в первые века н.э. Тенденция к открытому слогу привела к устранению дифтонгов (монофтонгизации), изменениям в сочетаниях согласных в начале и середине слова, отпадению согласных в конце слова. В связи с тенденцией ликвидации закрытых слогов происходит

упрощение многих сочетаний согласных, устраняются удвоенные согласные, отпадают согласные в абсолютном конце слова (ок. III-V вв. н.э.), что приводит к перестройке грамматической системы общеславянского языка.

К концу данного этапа грамматика общеславянского языка (система глагольных времён, категория глагольного вида и т.д.) принимает вид, близкий к зафиксированной в старославянском языке.

В общеславянском языке начинают проявляться диалектные различия (так, процесс превращения носовых гласных в гласные чистого образования не проявляется в польском языке).

(3) Поздний этап (V-VII вв.). Происходит переход от старого к новому состоянию праславянской речи, общеславянский язык начинает распадаться на отдельные языки, продолжая вследствие традиции во всём существенном сохранять единство. Зарождаются отдельные славянские языковые группы (Филин 1962: 101-110).

И.П. Русанова сопоставила выделенные Ф.П. Филиным этапы развития пра-славянского языка с тремя археологическими культурами, которые, по её мнению, соответствуют трём последовательным этапам исторического развития ранних славян:

(1) Первому этапу развития пра-славянского языка соответствует период существования культуры подклёшевых погребений (IV-II вв. до н.э.);

(2) Второму этапу развития пра-славянского языка соответствует период существования пшеворской культуры (II в. до н.э. – IV в. н.э.);

(3) Третьему этапу развития пра-славянского языка соответствует период существования пражской культуры (V-VII вв. н.э.) (Русанова 1976: 214-215).

Выводы И.П. Русановой о соответствии между тремя этапами развития пра-славянского языка и тремя археологически фиксируемыми этапами развития пра-славянской культуры поддержал В.В. Седов, соотнеся их с теми же археологическими культурами (Седов 1979: 21-22, 51, 74; 1994: 44-45, 66, 144-145, 197-198; 2002: 29-30, 76, 124-125).

В середине VI в. до н.э. начинается расселение носителей поморской культуры на юг, на территорию, занимаемую лужицкой культурой, в результате чего на основе синтеза поморских и лужицких традиций формируется культура подклёшевых погребений IV-II вв. до н.э. (рис 5.).

Своё имя она получила по обычаю накрывать сложенные в глиняную урну остатки кремации умерших колоколовидным сосудом – клёшем. Обычай этот существовал с самого раннего этапа функционирования данный культуры и постепенно становился в ней всё более популярным. Зародился он в лужицкой культуре, но широкое распространение получил в подклёшевое время. В этой связи любопытно, что в славянской культуре горшок был неразрывно связан с культом предков: различные варианты захоронения кремированных останков в горшках-урнах хорошо известны по ряду позднейших достоверно славянских культур. При этом горшок представлял собой как бы «новое и вечное тело погребенного предка: недаром сам горшок с его горлом, плечиками, туловом в русском языке представляется антропоморфным» (Петрухин, Раевский 2004: 163). Коллективные захоронения постепенно сменяются индивидуальными.

Глиняная посуда культуры подклёшевых погребений отражает синтез лужицких и поморских традиций и отличается разнообразием. Её население изготавливало горшки яйцевидной формы (к ним относятся и клёши), округлобокие и амфоровидные, ситовидные сосуды, миски, кубки, крышки и т.д. Всё это изготавливалось вручную. Гончарного круга славяне-«подклёшевцы» не знали (характеристику культуры подклёшевых погребений см.: Седов 1994: 138-144; 2002: 70-74). В рамках культуры подклёшевых погребений появляется знаменитый впоследствии тип характерного пражского сосуда – высокого, расширяющегося в верхней части, со слабо выраженными округлыми плечиками и чуть намеченным прямым венчиком (Русанова 1976: 213), что указывает на преемственность славянской культурной традиции от культуры подклёшевых погребений до пражской культуры (Русанова 1976: 213-214).

Носители лужицкой культуры, видимо, говорили на языке, близком к италийским и, в меньшей степени, кельтским (Мартынов 1989: 39-40; 2004: 57-58). Пра-славянский язык испытал серьёзное воздействие языка италийского типа. По словам В.В. Мартынова «выделяется италийский лексический ингредиент праславянского языка, самый богатый из известных до сих пор вторичных ингредиентов языка славян», причём он «практически не смешивается с праславянскими латинизмами» (Мартынов 2004: 58). Важно, что из всех, в понимании В.В. Мартынова, «вторичных ингредиентов» пра-славянского, хронологически «италийский ингредиент» является наиболее ранним (Мартынов 2004: 57-92), что хорошо соотносится с археологически фиксируемой картиной расселения носителей поморской культуры в лужицком ареале. Видимо, взаимодействие с лужицким населением и внесло в язык славян-«поморцев» италийские элементы.

О.Н. Трубачёв также выявил ряд древних славяно-италийских изоглосс и в целом установил древние центральноевропейские связи пра-славянского языка, показав, что славянская ремесленная терминология формировалась в условиях тесных контактов с италиками, германцами и кельтами (Трубачёв 1966). Предки славян вместе с предками данных этносов составляли, по мнению учёного, единую историко-культурную центральноевропейскую провинцию (Трубачёв 2002). При этом балты в неё не входили, так как в балтийских языках соответствующие изоглоссы отсутствуют (Трубачёв 2002: 25-27).

Эти наблюдения привели О.Н. Трубачёва к выводу об отсутствии исходной близости славянских и балтийских языков и вторичном их сближении (Трубачёв 2002: 18-21). Таким образом, из того же материла славяно-италийских параллелей, что и В.В. Мартынов, О.Н. Трубачёв сделал противоположные выводы: не славянский язык как часть балтийско-славянского континуума подвергся определённой «итализации», а славянский как один из центрально-европейских языков подвергся определённой «балтизации».

Именно выводами О.Н. Трубачёва руководствовался В.В. Седов, который связывал пра-славянский компонент культуры подклёшевых погребений не с поморской культурой, а с лужицкой культурой, бывшей частью общности полей погребальных урн, которая, по мнению В.В. Седова представляла собой археологический эквивалент центральноевропейский культурно-исторической провинции (Седов 1994: 95-135; 2002: 39-67). По словам учёного «среди её (лужицкой культуры – М.Ж.) носителей были и протославяне, то есть население, говорившее на древнеевропейских диалектах, ставших позднее славянскими» (Седов 2002: 66). Поморская же культура, по мнению В.В. Седова была западно-балтской (Седов 1979: 46-47; Седов 1994: 130-132; 2002: 64-65) и «племена поморской культуры и внесли в славянский язык какую-то часть особенностей, которые объединяют его с балтским» (Седов 1979: 51).

Мы считаем позицию В.В. Седова ошибочной. Балтийские языковые связи пра-славянского имеют более глубокий и разнообразный характер, нежели центрально-европейские (италийские, кельтские и т.д.). Соответственно, балтийские связи пра-славянского должны быть признаны первичными, а центрально-европейские – вторичными. Поэтому при сложении культуры подклёшевых погребений именно поморский элемент, на наш взгляд, должен рассматриваться в качестве пра-славянского. При взаимодействии с близким к пра-италийцам лужицким населением славяне-«поморцы» испытали его интенсивное языковое и культурное воздействие, обогатившее как пра-славянский язык, так и культуру древнейших славян, что, как проследил О.Н. Трубачёв, отразилось в их культурной терминологии. Наша позиция, таким образом, вполне согласуется с конкретными наблюдениями О.Н. Трубачёва о древних славяно-италийских связях, но с его выводами об их первичности в отношении славяно-балтийских связей мы расходимся.

Видимо, это раннее (на этапе формирования культуры подклёшевых погребений) включение пра-славян в систему центрально-европейских языковых связей является одной из причин того, что лингвисты затрудняются определить характер взаимных отношений славянских и балтийских языков.

Соседями славян на «подклёшевом» этапе их истории на севере и северо-востоке были западные балты, с которыми постепенно нарастало языковое размежевание, и представленные ясторфской культурой германцы на западе. Славяно-германские языковые контакты этого времени привели к ряду лексических заимствований из прагерманского в праславянский, а равно и из праславянского в прагерманский (Мартынов 1963; 2004: 16-35). От фракийцев славяне были отделены Карпатскими горами, а с ираноязычными этносами Северного Причерноморья соприкасались незначительно. Языковое взаимодействие с последними охватывало лишь часть славянского мира (общеславянские заимствования из иранского единичны: Седов 2002: 25), соответственно не может относиться к начальному, «подклёшевому», этапу истории славян, живших тогда на весьма компактной территории. В контакт с ираноязычными этносами вступили какие-то группировки славян позднее, уже в период славянского расселения.

Следует оговорить, что именование носителей поморской культуры и культуры подклёшевых погребений «славянами» (словѣне, праслав. *slověne) является несколько условным, так как точное время и место возникновения этого этнонима нам неизвестны. Как подчёркивал О.Н. Трубачёв «научным мифом оказывается принимаемое отдельными этнологами и этнографами и по сей день обязательное одновременное появление этноса и этнонима... этноним – категория историческая, как и сам этнос, появляется он не сразу, ему предшествует длительный период относительно узкого этнического кругозора, когда народ, племя в сущности себя никак не называют, прибегая к нарицательной самоидентификации ‘мы’, ‘свои’, ‘наши’, ‘люди (вообще)’... ‘своих’ объединяла в первую очередь взаимопонятность речи, откуда правильная и едва ли не самая старая этимология имени славяне – от слыть, слову/слыву в значении ‘слышаться, быть понятным’» (Трубачёв 2002: 98-99).

Применительно к раннему этапу славянской истории этноним «славяне» может употребляться в двух значениях: «узком» (конкретный народ, имевший соответствующее самоназвание) и «широком» (совокупность всех славяноязычных народов; под это значение подпадают и пра-славяне, подлинные этнонимы которых нам неизвестны). По византийским источникам видно, что этноним словене (греч. Σκλάβηνοι, Σκλαύηνοι, Σκλάβινοι; лат. Sclaveni, Sclaviniae) в VI-VII в. охватывал лишь часть славяноязычного мира, в то время как другая часть славян именуется в византийских источниках антами (греч. Ἄνται) и не смешиваются со славянами, хотя Прокопий Кесарийский подчёркивает, что говорили они на одном языке, придерживались одинаковых обычаев и имели общее происхождение (Свод I: 183-185). Этноним словене/славяне не сразу утвердился как общее название всех славяноязычных народов, относясь первоначально лишь к одному из них.

Спокойное развитие культуры подклёшевых погребений было прервано начавшейся ок. 400 г. до н.э. экспансией кельтов, которая охватила ряд регионов Европы и в III-II вв. до н.э. достигла славянских земель. Привела она в движение и германцев, которые продвигаются на территорию «подклёшевцев» с запада и северо-запада. В результате формируется новая культура – пшеворская, представлявшая собой сплав славянской культуры подклёшевых погребений и германских культурных элементов при мощном влиянии латенской культуры кельтов, а в южных регионах и при их непосредственном участии (Седов 1979: 53-74; 1994: 149-200; 2002: 79-125). В праславянском языке (Бернштейн 1961: 94; Мартынов 2004: 35-46; Трубачёв 2002: 45-49), в славянской этнонимии (Трубачёв 1974: 57-58 и сл.), в духовной культуре славян (Rosen-Przeworska 1964: 54-254) обнаруживаются следы их тесных контактов с кельтами, что полностью согласуется с археологическими материалами пшеворской культуры.

Сложный полиэтничный характер пшеворской общности привёл к длительной дискуссии относительно её этнической атрибуции. Одни учёные считали «пше-

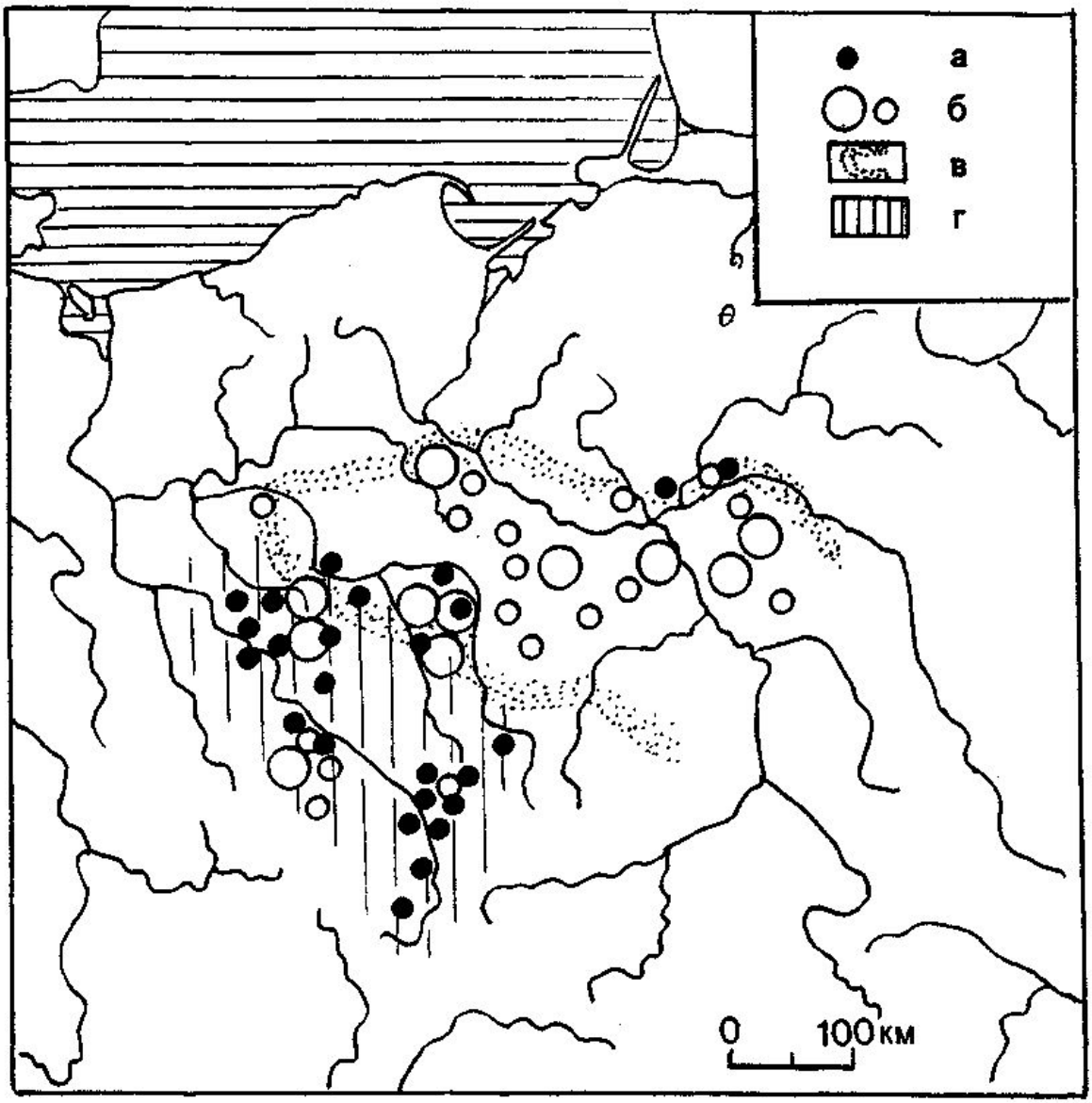


Рис. 61. Два региона пшеворской культуры

Картированы только могильники, в которых раскопано свыше 10 погребений: а — могильники с преобладанием (свыше 60%) урновых захоронений; б — могильники с преобладанием (свыше 60%) ямных погребений (более крупными значками выделены могильники с количеством вскрытых погребений, превышающим 50); в — приблизительные границы Висленского региона; г — Одерский регион

Рис. 6. Два региона пшеворской культуры (Седов 1994: 190)

ворцев» полностью или в основном славянами (см. например: Kostrzewski 1961: 65-101; Jazdzewski 1959: 51-70; Szymanski 1967: 308-327), другие – германцами (см. например: Godłowski 1985; Щукин 1994: 101-107; Parczewski 2005: 65-78).

В.В. Седов сделал справедливый вывод, что ни чисто германская, ни чисто славянская атрибуция этой культуры не может объяснить всего комплекса фактов (Седов 1979: 61-63; 1994: 178-180; 2002: 112-114). Пшеворская культура, по мнению учёного, – это сложная полиэтническая общность, единственно правильный путь в этническом определении которой состоит в разграничении в её рамках славянских, германских и иных элементов. По мнению В.В. Седова, перспективным является то направление поисков, которое ещё в 30-е гг. задал польский археолог Р. Ямка (Jamka 1933: 59-60), который обратил внимание на существенную разницу урновых и безурновых пшеворских погребений: первые обычно характеризуются значительным инвентарём, содержащим нередко и предметы вооружения, вторые обычно малоинвентарны или безынвентарны, не содержат предметов вооружения. Эти различия, очевидно, являются этнографическими, что позволяет связать их с двумя разными этносами: германским (урновые)

и славянским (безурновые). Р. Ямка допускал, что эти различия обсуловлены политическим преобладанием германцев в пшеворском ареале, которые не разрешали славянам носить оружие, однако малоинвентарность и отсутствие в погребения оружия – это характерная этнографическая черта всех раннесредневековых славянских культур. Позднее о полиэтничной структуре висло-одерского региона, в котором в начале н.э. жили как славяне, так и германцы, писали и другие учёные (см. например: Łowmiański 1964: 215-277; Jankuhn 1970: 63; Kolendo 1981: 70-78).

В.В. Седов продолжил работу, начатую Р. Ямкой, и показал, что урновые и безурновые захоронения характеризуются, преимущественно, разными типами лепной посуды и разным инвентарём (в урновых погребениях встречены предметы, не характерные для ямных захоронений: ножницы, ключи, замки, кресала и т.д.), а выявленные этнографические особенности концентрируются в пшеворском ареале неравномерно: германские преобладают на западе, а славянские – на востоке, в Повисленье, там где пшеворская культура формировалась на подклёшевой основе (Седов 1979: 63-74; 1994: 180-198; 2002: 115-122). Соответственно, можно говорить, что там преобладало именно славянское население.

Несколько иначе подошла к проблеме этнической дифференциации пшеворских памятников И.П. Русанова, попытавшаяся провести их этническую дифференциацию не по целым могильникам или поселениям, а по отдельным закрытым комплексам – погребениям и жилищам (Русанова 1976: 201-215; 1990: 119-150). При некоторых отличиях, которые дал такой подход, в главном выводы исследовательницы совпали с выводами В.В. Седова: «постоянный славянский компонент в пшеворской культуре был довольно многочисленным и мало смешивался с другими этническими группами» (Русанова 1990: 135). Интересна и попытка исследовательницы сопоставить археологические материалы об отношениях местных славян и пришлых германцев с историческими данными об отношениях германцев и населения бывших римских провинций периода великого переселения народов и формирования «варварских» королевств (Русанова 1988: 8-19).

Наблюдения В.В. Седова и И.П. Русановой о значительной доле славянского этнического компонента в рамках пшеворской культуры находят поддержку других археологов (см. например: Магомедов 2001: 125-126; Пачкова 2006: 251-253; Загорульский 2012: 160-169). Подтверждаются их выводы и современными данными по анализу ДНК, свидетельствующими о ранних германо-славянских контактах, предположительно, в междуречье Эльбы и Одера в последние столетия до н.э. (Рожанский 2015: 87-106).

Именно на основе славянского компонента пшеворской культуры, по мнению И.П. Русановой, В.В. Седова и Э.М. Загорульского сформируется раннесредневековая славянская пражская культура, что демонстрирует непрерывность исторического развития славян в Повисленье (Русанова 1976: 201-215; 1988: 8-19; 1990: 119-150; Седов 1979: 114-119; 1994: 290-296; 2002: 307-312; Загорульский 2012: 187-194). В.Д. Баран придаёт решающее значение в сложении пражской культуры верхнеднестровским памятникам типа Черепин-Теремцы, восходящим к зубрецкой группе пшеворской культуры (Баран 1961; 1981; 1983: 5-47; 1988; 2008; Баран, Гопкало 2005).

Именно в бассейне Вислы, там, где в составе пшеворского населения преобладали славяне, римские авторы первых веков н.э. (Птолемей, Плиний Старший и Тацит) помещают венетов или венедов (лат. Venedi, Venethae, Venethi; греч. Οὐενέδοι) (Свод I: 18-62), этнос, от которого согласно готскому историку VI в. Иордану происходят все славянские народы (Iord., Get. 34; Иордан 2013: 67; о привисленской локализации венетов первых веков н.э.: Седов 1994: 179-180; 2002: 122-123).

Наиболее удачное решение «венетской» проблемы в целом предложил, на наш взгляд, польский лингвист К. Витчак: данное имя относится к древнейшему пласту индоевропейских этнонимов со значением «дружественные, родственные» и независимо сохранилось в этнонимии разных индоевропейских этноязыковых групп (италийцев, иллирийцев, кельтов, славян) (Витчак 1989: 107-114)[9].

Не всё славянское население культуры подклёшевых погребений влилось в состав пшеворской общности, значительная его часть в результате продвижения на славянщину кельтов и германцев покинула свои привисленские земли и двинулась на восток, где стала основным компонентом при сложении зарубинецкой культуры. Германцы тоже под давлением кельтов продвигались на восток и юго-восток, что нашло отражение в памятниках типа Харьевки (Обломский, Терпиловский 1994: 41-51) и поянешты-лукашевской культуре (Каспарова, Максимов 1993: 85-95), связанных с миграцией германского населения.

В Среднем Поднепровье зарубинецкой культуре предшествовала скифская лесостепная («скифы-пахари» Геродота), а в Верхнем Поднепровье – милоградская. Из этих двух культур исследователи долго и пытались вывести зарубинецкую культуру (историографию см.: Поболь 1971: 175-182; Максимов 1972: 116-129; 1982: 155-158), но сделать это проблематично: скифские лесостепные элементы проявляются преимущественно в среднеднепровском регионе зарубинецкой культуры, милоградские – в верхнеднепровском, а в полесском как первые, так и вторые незначительны. Соответственно, рассматривать указанные культуры можно только как субстрат зарубинецкой в отдельных регионах. Основная масса её носителей, принесшая черты, придавшие своеобразие и единство зарубинецкой культуре во всём её обширном ареале, прибыла в днепровский регион извне.

В 1960 г. Ю.В. Кухаренко сделал вывод, что зарубинецкая культура сформировалась в результате миграции с запада носителей поморской культуры и культуры подклёшевых погребений (Кухаренко 1960: 289-300). Формирование зарубинецкой культуры было сложным процессом: при определяющей роли мигрантов из поморско-подклёшевого ареала, определённую роль в её

9 Возможно, имя анты представляет собой вариант этнонима венеты/венеды (Грацианский 2012: 27-39; Назин 2017: 75-92).

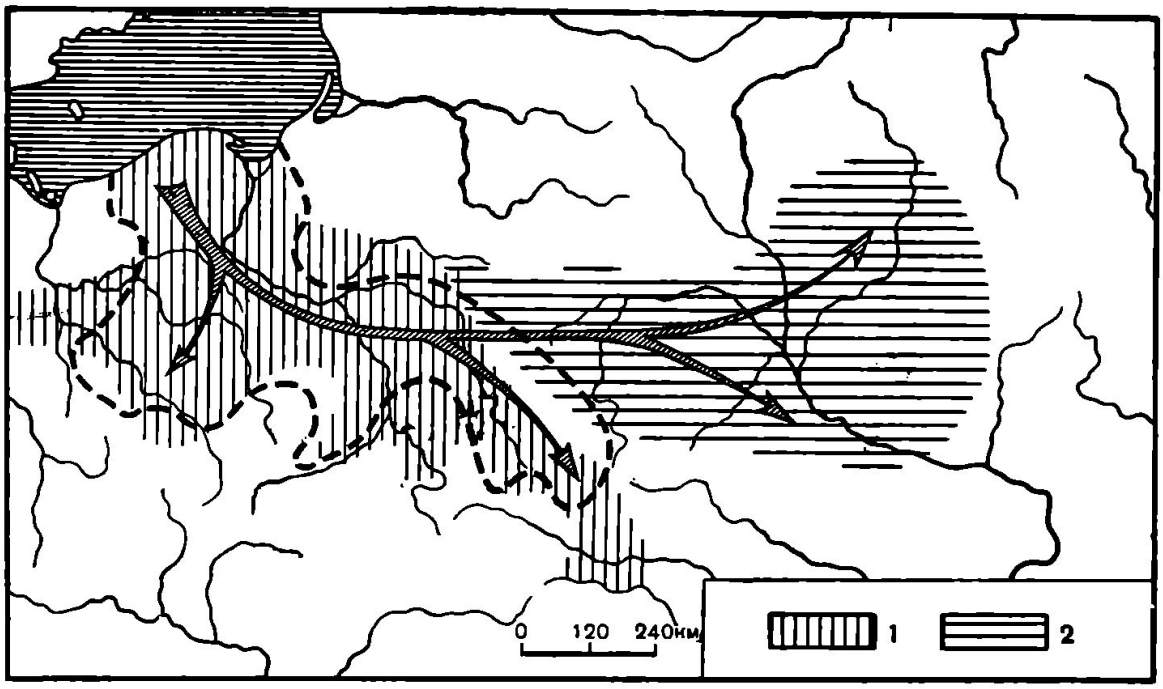


Рис. 6. Расселение славян в начале нашей эры

1 — пшеворская и оксывская культуры; *2* — зарубинецкая культура (пунктиром указан район распространения памятников поморской культуры в предшествовавшее время)

Рис. 7. Миграция носителей поморской культуры на Вислу и Днепр и становление культур подклёшевых погребений и зарубинецкой (Кухаренко 1960: 298)

формировании сыграли и местные предшествующие культуры (милоградская и скифская лесостепная) (Третьяков 1966: 213-220; Максимов 1972: 116-129; 1982: 155-158; Пачкова 2006; Седов 1994: 201-205; 2002: 125-129).

Установленная археологами миграция населения поморской культуры на Вислу и на Днепр находит подтверждение в современных исследованиях ДНК, которые отчётливо фиксируют соответствующий миграционный шлейф «поморцев» (рис. 7-8).

По всему пути миграции поморского населения в дальнейшем обнаруживаются памятники, имеющие связь с достоверно славянскими культурами раннего средневековья. О памятниках в рамках пшеворской общности, ведущих далее к пражской культуре, было сказано выше.

Аналогичная картина наблюдается и в Поднепровье. Идея о том, что исторические поднепровские славяне ведут своё происхождение от зарубинецкой археологической культуры конца III в. до н.э. – середины I вв. н.э. была сформулирована ещё В.Н. Даниленко (Даниленко 1955: 27-29) и основательно разработана П.Н. Третьяковым (Третьяков 1966; 1968: 58-68; 1970; 1982). Ныне она развивается целой плеядой учёных, которыми к настоящему времени надёжно установлена следующая цепочка культурно-генетической преемственности: зарубинецкая культура – позднезарубинецкие памятники середины I – конца II в. н.э. – киевская культура начала III – первой половины V вв. н.э. – пеньковская и колочинская раннеславянские культуры (Горюнов 1981; Обломский 1991; 2002; Обломский, Терпиловский 1991; Терпиловский 1984; 2004; Позднезарубинецкие памятники 2010).

В античных источниках массив мигрировавших из Центральной Европы под давлением кельтов славян-«подклёшевцев» (шли севернее) и германцев-«ясторфцев» (шли южнее) фигурирует под именем «бастарнов» по имени «племени» (вероятно, германского), маршрут миграции которого шёл ближе всего к землям античной цивилизации. Это объясняет тот факт, что и славяне-«зарубинцы» в общей массе центральноевропейских мигрантов-«бастарнов» приняли участие в походах на Балканы, описанных Титом Ливием, где К.В. Каспарова обнаружила прототипы характерных зарубинецких фибул с треугольным щитком (Каспарова 1981: 57-79).

Мог ли славянский этнический компонент в составе зарубинецкой культуры восходить не к «подклёшевцам», а к одной из местных её составных частей (скифам-пахарям или «милоградцам»)? На этот вопрос надо дать отрицательный ответ. Во-первых, через определённую группу пшеворских памятников культура подклёшевых погребений связана с достоверно славянской пражской. Во-вторых, локализация прародины славян в Поднепровье едва ли возможна в свете лингвистических данных, согласно которым балты находились в непосредственном языковом контакте с иранцами и не были изначально отделены от них полосой славянских земель (Трубачёв 1967: 20; 2002: 51-52), а на юго-западе своего ареала балты непосредственно контактировали с фракийцами (причём праславянский

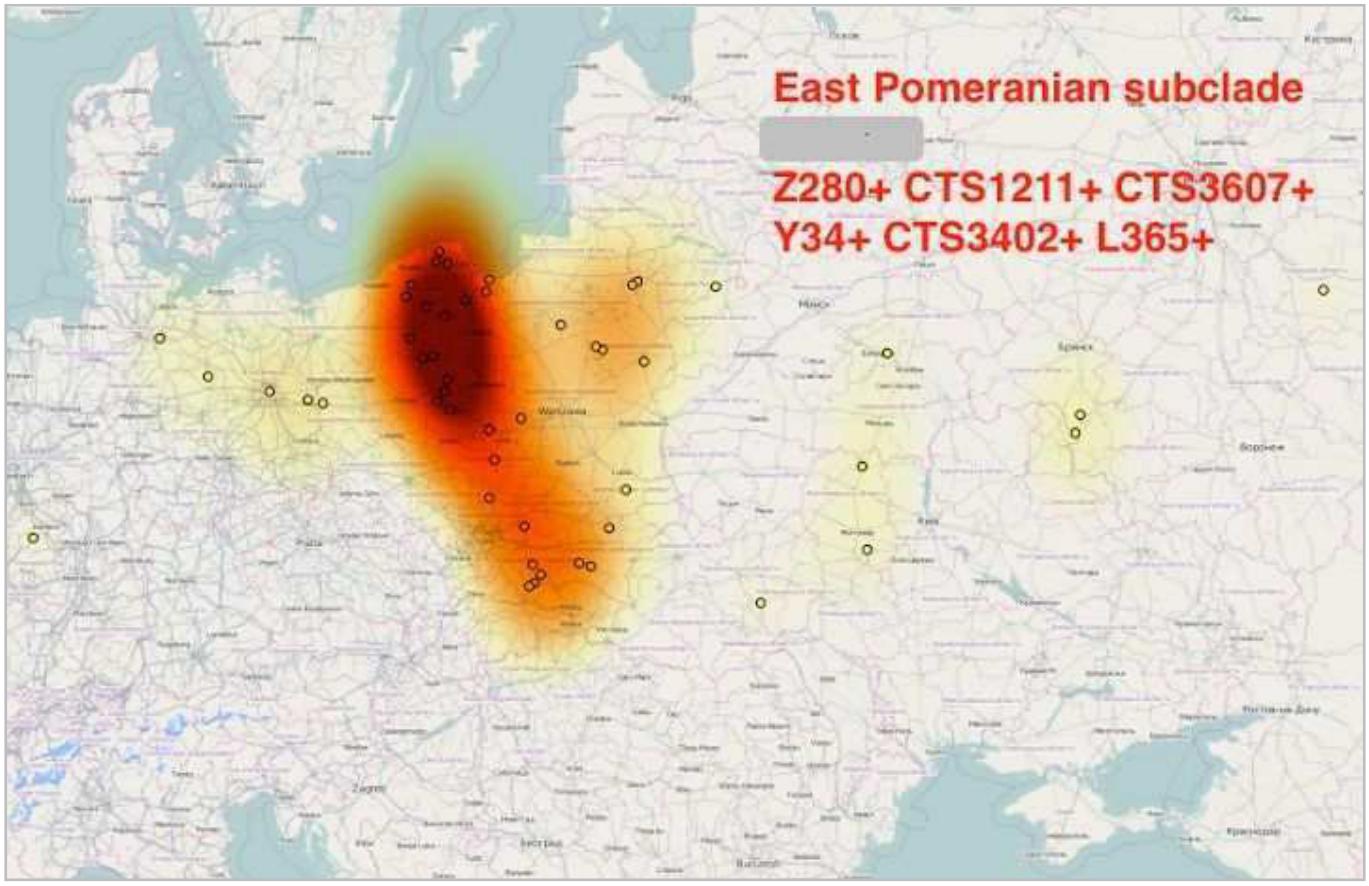


Рис. 8. Ареал современного расселения потомков поморской (померанской) культуры, имеющих в своих ДНК метку (снип) R1a-L365. Общий предок носителей данного снипа жил 400±250 лет до н.э. (датировка по гаплотипам, наши данные) и 700±700 лет до н.э. (датировка по снипам, данные компании YFull) (Клёсов 2015а: 180)

язык этот контакт не затронул) (Топоров 1973: 30-63; Трубачёв 1968 (показано соседство фракийских и балтских гидронимов); 2002: 22-24).

В I-III вв. происходит процесс миграции готов от Балтики к Чёрному морю (Wołągiewicz 1981: 79-106; Русанова 1993а: 183-191; Седов 1994: 222-232; 2002: 142-150; Щукин 2005: 25-151), затронувший и славянские земли. В первой половине I в. н.э. на территории южнобалтийской оксывской культуры появляются неизвестные здесь ранее каменные погребальные сооружения типа Одры-Венсеры, имеющие аналогии в Скандинавии, которые можно связывать с переселением готов, о котором повествует Иордан. На основе смешения переселенцев и «оксывцев» фомируется новая культура – вельбаркская (Щукин 2005: 25-57), носители которой, готы, постепенно начинают продвигаться к югу, впитывая и вовлекая в своё движение часть пшеворских племён.

Иордан повествует, что перед тем, как вступить в Скифию, готы переправились через какую-то реку, название которой он не приводит, после чего победили племя спалов (Spali) и завладели «Желанной землёй Ойум», окружённой болотами (Iord., Get. 26-29; Иордан 2013: 66). Судя по археологическим данным, река, через которую переправились готы – это Припять (Bierbrauer 1994: 105; Бірбрауер 1995: 38-39). «Желанная земля Ойум» (готское Aujom (Oium) – «страна, изобилующая водой») – это Волынь и соседние с ней районы Мазовии и Подлясья (Bierbrauer 1994: 105; Бірбрауер 1995: 38-39; Седов 1994: 228; 2002: 147).

Спалы Иордана, которых победили готы, по всей видимости, были славянами, жившими на Волыни – носителями зубрецких (волыно-подольских) древностей. Последние сложились в этом регионе на основе пшеворской культуры при смешении её с группами «зарубинцев», мигрировавшими сюда после упадка классической зарубинецкой культуры (об этой культурной группе см.: Козак 1984; 1993: 53-66; 2008). По археологическим материалам отчётливо видно, что при вторжении «вельбаркцев»-готов на Волынь в конце II – начале III вв., славяне постепенно перемещаются к югу, в Поднестровье, где количество их поселений растёт, в то время как на севере, на Волыни, они исчезают, здесь распространяется вельбаркская культура (Магомедов 2001: 125; Козак 2008: 211; Щукин 2005: 107-108). Эта археологически фиксируемая картина хорошо согласуется со сведениями Иордана о победе готов над спалами при покорении Волыни-«Ойума» (подробнее о волынской локализации Ойума и войне готов со спалами см.: Жих 2014: 76-103; 2016: 110-143; 2020: 8-43).

Этноним спалы, очевидно, связан со славянским «исполин» (Miklosich 1886: 318; Седов 2002: 148; ЭССЯ 1981: 240-242). В преданиях многих народов говорится о том, что некогда землю населяли мифические великаны, которым на смену пришли обычные люди, нередко так тот или иной народ осмысляет историю своей борьбы с какими-то древними сильными врагами. Славяне, к примеру, так осмыслили свою борьбу с аварами. В Повести временных лет пересказано славянское эпическое

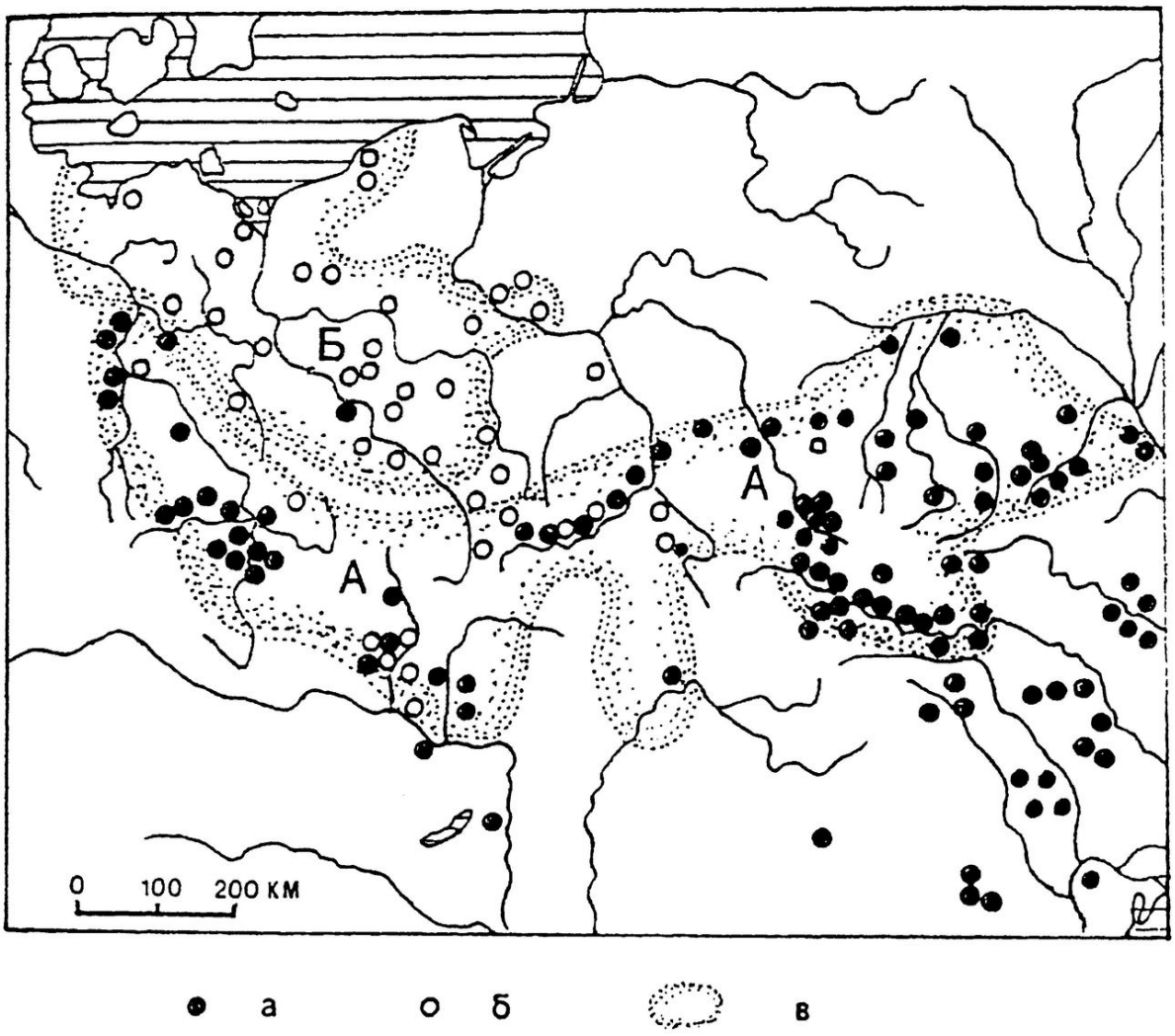


Рис. 62. Распространение двух типов жилищ в раннесредневековом славянском мире

а — поселения с жилищами-полуземлянками; **б** — поселения с наземными домами с подпольными ямами; **в** — ареалы пражско-корчакской (А) и суковско-дзедзицкой культур (Б).

Рис. 9. Два типа жилищ в раннесредневековом славянском мире (Седов 2002: 306)

сказание о войне между аварами и дулебами, в котором авары наделены чертами мифических великанов, предшествовавших заселению земли обычными людьми (ПСРЛ. I: 11-12). Аналогично и «в старопольской традиции авары-обры наделялись обликом допотопных – доисторических – исполинов» (Петрухин, Раевский 2004: 178). Видимо, в готском эпосе в качестве древних великанов, противников готов, рассматривались славяне.

Захваченная готами у славян Волынь стала важным готским центром и своеобразной базой для дальнейшей экспансии «вельбаркцев»-готов в земли Скифии, одним из районов кристаллизации черняховской культуры. Ныне учёные связывают основу полиэтничных черняховских памятников с готами (Магомедов 2001: 115-117). Славяне в черняховском ареале преобладали преимущественно в районе верховий Днестра (памятники типа Черепин-Теремцы), куда они ушли под натиском готов с Волыни. Войдя в состав полиэтничной черняховской общности славяне сохранили свои этнографические особенности (Магомедов 2001: 124-129). М.Б. Щукин и вовсе высказался за исключение памятников типа Черепин-Теремцы из состава черняховской культуры в силу их выраженного своеобразия (Щукин 2005: 109-112).

В Днепровском Левобережье севернее «черняховцев», а частично и чересполосно с ними проживали потомки «зарубинцев» – носители киевской археологической культуры, на основе которой после краха черняховской общности в результате гуннского нашествия и ухода большей части её носителей, формируется на южной кромке лесостепи антская пеньковская культура. В ходе её формирования, очевидно, имел место

своеобразный славяно-иранский симбиоз (он хорошо описан в работах В.В. Седова, хотя учёный ошибочно, по всей видимости, относил его к черняховскому времени: Седов 1994: 270-282; Седов 2002: 186-198): после нашествия гуннов тюркизация южнорусских степей произошла далеко не сразу, весьма значительное время здесь по-прежнему проживали большие массивы иранского населения, игравшего важную роль даже в период существования Великой Болгарии (Галкина 2011: 3-32).

Одним из ключевых вопросов раннеславянской археологии и истории является становление пражской археологической культуры. Согласно мнению ряда польских учёных (Й. Костшевский, К. Яждевский, З. Хильчерувна, В. Шиманский и т.д.), подержанному И.П. Русановой, она восходит к славянским памятникам пшеворской культуры (Русанова 1976: 202-215). По мнению В.Д. Барана становление пражской культуры происходит в Верхнем Поднестровье на основе черняховских памятников типа Черепин-Теремцы (Баран 1961; 1981; 1983: 5-47; 1988; 2008; Баран, Гопкало 2005), которые, впрочем, тоже восходят к пшеворской культуре, и оттуда она постепенно распространяется на другие территории. В.В. Седов сделал справедливый вывод, что две эти гипотезы не исключают, а взаимодополняют друг друга и в качестве региона становления пражской культуры определил всё обширное пространство от верховий Одера на западе до верховий Днестра на востоке (Седов 1994: 290-296; 2002: 307-310).

После гибели провинциальноримских пшеворской и черняховской культур в результате гуннского нашествия, входившее в их состав славянское население пережило процесс интеграции, в результате которого и образовалась новая культурная общность – пражская культура, носители которой, вероятно, первоначально и назывались этнонимом словене – «ясно говорящие». Исторические условия возникновения этого этнонима нам пока не ясны, вероятно, он родился в условиях противостоянии славян какому-то иноэтничному окружению, возможно, в условиях столкновения славян с кельтами и германцами в ходе их наступления на славянщину в период культур подклёшевых погребений и пшеворской. В дальнейшем этот этноним распространился на весь славяноязычный мир. С конца V в. начинается активное расселение носителей пражской культуры по соседним регионам в итоге которого она распространилась на огромной территории.

При этом количество пражских памятников существенно уступает количеству пшеворских (Русанова 1976: 207), что указывает на то, что в ходе бурных событий эпохи великого переселения народов Повисленье покинули значительные массы населения (Русанова 1976: 207), как славянского, так и германского. В.В. Седов показал, что в середине I тыс. н.э. значительные массы славян ушли из этого региона из-за ухудшения климата и нестабильной ситуации на северо-восток, где, по мнению учёного, создали культуры длинных курганов, браслетообразных сомкнутых височных колец и новгородских сопок (Седов 1994: 296-304; 2002: 348-402).

В последние годы И.О. Гавритухиным была выдвинута новая гипотеза генезиса пражской культуры. Её становление согласно ей произошло в бассейне Припяти во второй половине IV в., по всей видимости, на основе каких-то позднезарубинецких групп, и оттуда она начала постепенно распространяться на юг и запад (Гавритухин 2000: 72-90; 2009: 7-25). Эта гипотеза вызывает серьёзные вопросы (Загорульский 2012: 186-187, 190; Назин 2017: 94-96). Во-первых, не понятно как мог живущий на маленькой территории небольшой этнос (поселений IV в. и предшествующего времени в Поприпятье известно очень мало, что указывает на небольшую плотность населения) в течение весьма непродолжительного времени заселить огромные территории и «переварить» их население. Во-вторых, эта гипотеза не объясняет существования «пражской» керамики в рамках пшеворской культуры, перерастания памятников верховий Днестра и некоторых пшеворских регионов в пражскую культуру (Седов 1994: 290-296).

По всей видимости, гипотеза И.О. Гавритухина не противоречит выводам В.В. Седова относительно генезиса пражской культуры на широкой территории как следствия процесса интеграции разных славянских групп в условиях крушения провинциальноримского мира, а вписывается в них в качестве составной части, просто северо-восточную границу этого процесса следует отодвинуть до Припяти.

Таким образом, процесс сложения пражской культуры рисуется ныне как интеграция оставшегося в Северном Прикарпатье славянского населения пшеворской культуры, славянского населения в черняховской культуре, представленного памятниками типа Черепин-Темемцы и живших к северу от него вплоть до Припяти позднезарубинецких групп. В условиях краха провинциальноримского мира исчезли различия между разными группами славян, жившими в составе разных провинциальноримских культурных образований (или вне их), исчезла «вуаль» отграничивающая одних славян от других в глазах археологов (например, специфическая керамика, производимая в специализированных ремесленных центрах и распространявшаяся по всей территории пшеворской и черняховской культур и придающая им единообразие), и сформировалась единая пражская культура, объединившая славян на большой территории.

На основе северной части славянских древностей пшеворской культуры формируется суковско-дзедзицкая культура (Седов 2002: 328-329). Она резко отличается от пражской по характеру домостроительства: для пражской культуры характерны жилища-полуземлянки, а для суковско-дзедзицкой – наземные дома с подпольными ямами), что никак не позволяет выводить вторую культуру из первой, как это делает И.О. Гавритухин (Гавритухин 2009: 15).

Интересно, что аналогичное разделение по типу жилищ наблюдается и в восточнославянском ареале: на севере Восточно-Европейской равнины были распространены наземные жилища, южнее – полуземлянки (Седов 2005: 19). Данное обстоятельство в совокупности с рядом иных этнографических маркеров дало В.В. Седову основание отнести суковско-дзедзицкую культуру и культуры севера Восточно-Европейской равнины (длинных

курганов, сопок, браслетообразнызх височных колец) к единой, венедской, группе славян, сформировавшейся ещё в пшеворскую эпоху (Седов 2002: 324-402). Эта группа была соотнесена учёным с одной из двух древнейших диалектных единиц праславянского языка, которую выделили лингвисты и в которую входили предки лехитов и северных русских (Седов 2004: 3-15).

Иная концепция генезиса северных восточнославянских культур, восходящая к идеям П.Н. Третьякова о заселении севера Восточной Европы не центральноевропейскими переселенцами, а расселявшимися на север потомками «зарубинцев» (Третьяков 1966; 1970; 1982), развивается ныне Н.В. Лопатиным и А.Г. Фурасьевым. Эти исследователи считают, что начиная с III в. потомки «зарубинцев», носители киевской культуры, расселялись в северном направлении, что привело к возникновению памятников круга Заозерье-Узмень, на основе которых впоследствии сформируются культуры длинных курганов и тушемлинская (Лопатин, Фурасьев 2007).

Возможно, северные восточнославянские культуры сложились как результат синтеза культурных традиций среднеевропейских мигрантов и продвинувшихся на север потомков носителей киевской культуры. При этом в сложении разных культур роль этих двух миграционных потоков могла быть различной. Так, учитывая, что в древненовгородском диалекте наличествовали два компонента, лишь один из которых имеет западнославянские языковые связи, можно осторожно предположить, что если в становлении культуры длинных курганов решающим был миграционный импульс из Повисленья, то предсопочные памятники связаны преимущественно с южной миграционной волной. Дальнейшие исследования в области археологии в сочетании с изучением палео-ДНК должны пролить свет на данный вопрос.

ЛИТЕРАТУРА

Баран 1961 - Баран В.Д. Поселення перших століть нашої ери біля села Черепин. К.: Наукова думка, 1961. 126 с.

Баран 1981 - Баран В.Д. Черняхівська культура (за матеріалами Верхнього Дністра та Західного Бугу). К.: Наукова думка, 1981. 264 с.

Баран 1983 - Баран В.Д. Сложение славянской раннесредневековой культуры и проблема расселения славян // Славяне на Днестре и Дунае. К.: Наукова думка, 1983. С. 5-47.

Баран 1988 - Баран В.Д. Пражская культура Поднестровья (по материалам поселения у с. Рашков). К.: Наукова думка, 1988. 160 с.

Баран 2008 - Баран В.Д. Слов'янське поселення середини I тисячоліття нашої ери біля села Теремці на Дністрі. К., 2008. 134 с.

Баран, Гопкало 2005 - Баран В.Д., Гопкало О.В. Черняхівські поселення бассейну Гнилої Липи. К., 2005. 144 с.

Бернштейн 1961 - Бернштейн С.Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М.: Издательство АН СССР, 1961. 352 с.

Бірбрауер 1995 - Бірбрауер Ф. Готи в I-VII ст.: Территория розселення та просування за археологічними джерелами // Археологія. 1995. № 2. С. 32-51.

Брюсов 1961 - Брюсов А.Я. Об экспансии «культур с боевыми топорами» в конце III тысячелетия до н.э. // Советская археология. 1961. № 3. С. 14-33.

Витчак 1989 - Витчак К.Т. О первоначальных венетах // Этимология. 1986-1987. М.: Наука, 1989. С. 107-114.

Гавритухин 2000 - Гавритухин И.О. Начало великого славянского расселения на юг и запад // Археологічні студії. Т. 1. Київ; Чернівці, 2000. С. 72-90.

Гавритухин 2009 - Гавритухин И.О. Понятие пражской культуры // Труды Государственного Эрмитажа. Т. 49. СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 2009. С. 7-25.

Галкина 2011 - Галкина Е.С. К вопросу о роли Великой Булгарии в этнополитической истории Восточной Европы // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2011. № 1 (9). С. 3-32.

Гимбутас 2006 - Гимбутас М. Цивилизация Великой Богини: Мир Древней Европы / Перевод с английского М.С. Неклюдовой. М.: РОССПЭН, 2006. 572 с.

Гимбутас 2021 - Гимбутас М. Балты. Люди янтарного моря / Перевод с английского С. Федорова. М.: Центрполиграф, 2021. 223 с.

Гимбутас 2021а - Гимбутас М. Славяне. Сыны Перуна / Перевод с английского Ф.С. Капицы. М.: Центрполиграф, 2021. 216 с.

Горнунг 1958 - Горнунг Б.В. К дискуссии о балто-славянском языковом и этническом единстве // Вопросы языкознания. 1958. № 4. С. 55-62.

Горнунг 1963 - Горнунг Б.В. Из предыстории образования общеславянского языкового единства. М.: Издательство АН СССР, 1963. 143 с.

Горюнов 1981 - Горюнов Е.А. Ранние этапы истории славян Днепровского Левобережья. Л.: Наука, 1981. 134 с.

Грацианский 2012 - Грацианский М.В. О происхождении этнонима «анты» // Византийский Временник. Т. 71 (96). С. 27-39.

Даниленко 1955 - Даниленко В.Н. Славянские памятники I тыс. н.э. в бассейне Днепра // Краткие сообщения Института археологии. 1955. № 4. С. 27-29.

Даркевич 1961 - Даркевич В.П. Топор как символ Перуна в древнерусском язычестве // Советская археология. 1961. № 4. С. 91-102.

Жих 2014 - Жих М.И. Славяне и готы на Волыни и в Верхнем Поднестровье. Проблема локализации земли Oium и «племени» (gens) Spali // Международный исторический журнал «Русин». 2014. № 2 (36). С. 76-103.

Жих 2016 - Жих М.И. Древние славяне на Волыни (I тыс. н.э.). Часть первая // Исторический формат. 2016. № 1. С. 110-143.

Жих 2020 - Жих М.И. Восточные славяне накануне государственности. М.: Вече, 2020. 448 с.

Журавлёв 1968 - Журавлёв В.К. К проблеме балто-славянских языковых отношений // Baltistica. 1968. Vol. IV (2). С. 167-177.

Загорульский 2012 - Загорульский Э.М. Славяне: происхождение и расселение на территории Беларуси. Минск: Белорусский государственный университет, 2012. 367 с.

Золотарёв 1964 - Золотарёв А.М. Родовой строй и первобытная мифология. М.: Наука, 1964. 328 с.

Иордан 2013 - Иордан. О происхождении и деяниях гетов / Вступительная статья, перевод и комментарии Е.Ч. Скржинской. Второе издание (Византийская библиотека. Источники). СПб.: Алетейя, 2013. 512 с.

Каспарова 1981 - Каспарова К.В. Роль юго-западных связей в процессе формирования зарубинецкой культуры // Советская археология. 1981. № 2. С. 57-79.

Каспарова, Максимов 1993 - Каспарова К.В., Максимов Е.В. Культура Поянешти-Лукашевка // Славяне и их соседи в конце I тыс. до н.э. – первой половине I тыс. н.э. М.: Наука, 1993. С. 85-95.

Клёсов 2015 - Клёсов А.А. Степь и язык – очередное недоразумение популяционных генетиков. 2015 / Электронный ресурс: http://pereformat.ru/2015/02/steppe-and-languages/ (дата обращения – 03.02.2020).

Клёсов 2015а - Клёсов А.А. Читая В.В. Седова. «Происхождение и ранняя история славян» с точки зрения ДНК-генеалогии // Исторический формат. 2015. № 4. С. 174-228.

Клёсов 2017 - Клесов А.А. История ариев и эрбинов. Европейский Запад против европейского Востока. М.: Концептуал, 2017. 320 с.

Козак 1984 - Козак Д.Н. Пшеворська культура у Верхньому Подністров'ї та Західному Побужжі. К.: Наукова думка, 1984. 128 с.

Козак 1993 - Козак Д.Н. Пшеворская культура // Славяне и их соседи в конце I тыс. до н.э. – первой половине I тыс. н.э. М.: Наука, 1993. С. 53-66.

Козак 2008 - Козак Д.Н. Венеди. К., 2008. 470 с.

Кухаренко 1960 - Кухаренко Ю.В. К вопросу о происхождении зарубинецкой культуры // Советская археология. 1960. № 1. С. 289-300.

Лопатин, Фурасьев 2007 - Лопатин Н.В., Фурасьев А.Г. Северные рубежи раннеславянского мира в III-V веках н.э. М.: Институт археологии РАН, 2007. 252 с.

Магомедов 2001 - Магомедов Б.В. Черняховская культура. Проблема этноса. Lublin, 2001. 290 с.

Максимов 1972 - Максимов Е.В. Среднее Поднепровье на рубеже нашей эры. К.: Наукова думка, 1972. 184 с.

Максимов 1982 - Максимов Е.В. Зарубинецкая культура на территории УССР. К.: Наукова думка, 1982. 180 с.

Мартынов 1963 - Мартынов В.В. Славяно-германское лексическое взаимодействие древнейшей поры (к проблеме прародины славян). Минск: Издательство Академии наук БССР, 1963. 250 с.

Мартынов 1989 - Мартынов В.В. Славянский, италийский, балтийский (глоттогенез и его верификации) // Славяне. Этногенез и этническая история (Междисциплинарные исследования). Л.: Издательство ЛГУ, 1989. С. 37-44.

Мартынов 2004 - Мартынов В.В. Язык в пространстве и времени. К проблеме глоттогенеза славян. М.: УРСС, 2004. 110 с.

Назин 2017 - Назин С.В. Происхождение славян: реконструкция этнонима, прародины и древнейших миграций. М.: Грифон, 2017. 280 с.

Напольских 2006 - Напольских В.В. Балто-славянский языковой компонент в Нижнем Прикамье в середине I тыс. н.э. // Славяноведение. 2006. № 2. С. 3-19.

Николаев 1990 - Николаев С.Л. К истории племенного диалекта кривичей // Советское славяноведение. 1990. № 4. С. 54-63.

Обломский 1991 - Обломский А.М. Этнические процессы на водоразделе Днепра и Дона в I-V вв. н.э. М.; Сумы, 1991. 287с.

Обломский 2002 - Обломский А.М. Днепровское лесостепное Левобережье в позднеримское и гуннское время (середина III – первая половина V вв. н.э.). М.: Наука, 2002. 255 с.

Обломский, Терпиловский 1991 - Обломский А.М., Терпиловский Р.В. Среднее Поднепровье и Днепровское Левобережье в I-II вв. н.э. М.: Институт археологии АН СССР, 1991. 173 с.

Обломский, Терпиловский 1994 - Обломський А.М., Терпиловський Р.В. Посейм'я у латенський час // Археологія. 1994. № 3. С. 41-51.

Орел 1997 - Орел В.Э. Неславянская гидронимия бассейнов Вислы и Одеры // Балто-славянские исследования. 1988-1996. М.: Наука, 1997. С. 332-358.

Откупщиков 1989 - Откупщиков Ю.В. Балто-славянская ремесленная лексика (названия металлов, металлургия, кузнечное дело) // Славяне. Этногенез и этническая история (Междисциплинарные исследования). Л.: Издательство ЛГУ, 1989. С. 44-53.

Пачкова 2006 - Пачкова С.П. Зарубинецкая культура и латенизированные культуры Европы. К., 2006. 372 с.

Петров 2019 - Петров С. Конь, колесо и колесница: Как предки русских создали современный мир. М.: Издательские решения, 2019. 558 с.

Петрухин, Раевский 2004 - Петрухин В.Я., Раевский Д.С. Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье. М.: Знак, 2004. 416 с.

Поболь 1971 - Поболь Л.Д. Славянские древности Белоруссии (ранний этап зарубинецкой культуры). Минск: Наука и техника, 1971. 232 с.

Позднезарубинецкие памятники 2010 - Позднезарубинецкие памятники на территории Украины (вторая половина I-II в. н.э.) / Составители: Обломский А.М., Терпиловский Р.В. / Раннеславянский мир. Вып. 12. М.: Институт археологии РАН, 2010. 332 с.

Прозоров - Прозоров Л.Р. Русь языческая. Сумерки русских богов. М.: Яуза; Эксмо, 2009. 544 с.

ПСРЛ. I - Полное собрание русских летописей. Т. I. Лаврентьевская летопись. М.: Языки славянской культуры, 1997. 496 с.

Рожанский 2015 - Рожанский И.Л. Кто такие немцы? Ономастика и ДНК-генеалогия // Исторический формат. 2015. № 3. С. 87-106.

Русанова 1976 - Русанова И.П. Славянские древности VI-VII вв. Культура пражского типа. М.: Наука, 1976. 194 с.

Русанова 1988 - Русанова И.П. Об общественной структуре пшеворских поселений // Археологические источники об общественных отношениях эпохи средневековья. М., 1988. С. 8-19.

Русанова 1990 - Русанова И.П. Этнический состав носителей пшеворской культуры // Раннеславянский мир: Материалы и исследования. Вып. 1. М., 1990. С. 119-150.

Русанова 1993 - Русанова И.П. Введение // Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н.э. – первой половине I тысячелетия н.э. М.: Наука, 1993. С. 5-18.

Русанова 1993а - Русанова И.П. Вельбарская культура // Славяне и их соседи в конце I тыс. до н.э. – первой половине I тыс. н.э. М.: Наука, 1993. С. 183-191.

Рыбаков 1981 - Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М.: Наука, 1981. 608 с.

Свод I - Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. I. М.: Восточная литература, 1994. 474 с.

Седов 1970 - Седов В.В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М.: Наука, 1970. 200 с.

Седов 1979 - Седов В.В. Происхождение и ранняя история славян. М.: Наука, 1979. 156 с.

Седов 1994 - Седов В.В. Славяне в древности. М.: Фонд археологии, 1994. 343 с.

Седов 2002 - Седов В.В. Славяне. Историко-археологическое исследование. М.: Языки русской культуры, 2002. 622 с.

Седов 2002а: - Седов В.В. О происхождении балтов // Проблемы археологии Евразии. Сборник к 90-летию Н.Я. Мерперта. М., 2002. С. 21-28.

Седов 2004 - Седов В.В. Первое членение славян на две диалектные области // Краткие сообщения Института археологии. 2004. № 217. С. 3-15.

Седов 2005 - Седов В.В. Север Восточно-Европейской равнины в период переселения народов и в раннем средневековье (предыстория северновеликорусов) // Краткие сообщения Института археологии. 2005. № 218. С. 12-24.

Серебренников 1955 - Серебренников Б.А. Волго-Окская топонимика на территории Европейской части СССР // Вопросы языкознания. 1955. № 6. С. 19-31.

Серебренников 1957 - Серебренников Б.А. О некоторых следах исчезнувшего индоевропейского языка в центре Европейской части СССР, близкого к балтийским // Труды АН Литовской ССР. Серия А-1. Вильнюс, 1957. С. 69-72.

Терпиловский 1984 - Терпиловский Р.В. Ранние славяне Подесенья III-V вв. К.: Наукова думка, 1984. 124 с.

Терпиловский 2004 - Терпиловский Р.В. Славяне Поднепровья в первой половине I тыс. н.э. Lublin, 2004. 232 с.

Топоров 1966 - Топоров В.Н. О балтийских элементах в гидронимии и топонимии к западу от Вислы // Slavica Pragensia. 1966. Vol. VIII. С. 255-263.

Топоров 1966а - Топоров В.Н. К вопросу о топонимических соответствиях на балтийских территориях и к западу от Вислы // Baltistica. 1966. Vol. I (2). С. 103-111.

Топоров 1973 - Топоров В.Н. К фракийско-балтийским языковым параллелям // Балканское языкознание. М.: Наука, 1973. С. 30-63.

Топоров 1980 - Топоров В.Н. К реконструкции древнейшего состояния праславянского языка // Славянское языкознание. X Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М.: Наука, 1988. С. 264-292.

Топоров 1983 - Топоров В.Н. Новые работы о следах пребывания пруссов к западу от Вислы // Балто-славянские исследования. 1982. М.: Наука, 1983. С. 263-272.

Топоров, Трубачёв - Топоров В.Н., Трубачёв О.Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М.: Издательство АН СССР, 1962. 271 с.

Третьяков 1960 - Третьяков П.Н. Локальные группы верхнеднепровских городищ и зарубинецкая культура // Советская археология. 1960. № 1. С. 36-46.

Третьяков 1966 - Третьяков П.Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.; Л.: Наука, 1966. 308 с.

Третьяков 1967 - Третьяков П.Н. Восточные славяне и балтийский субстрат // Советская этнография. 1967. № 4. С. 110-118.

Третьяков 1968 - Третьяков П.Н. Зарубинецкая культура и поднепровские славяне // Советская археология. 1968. № 4. С. 58-68.

Третьяков 1970 - Третьяков П.Н. У истоков древнерусской народности / Материалы и исследования по археологии СССР. № 179. Л.: Наука, 1970. 156 с.

Третьяков 1982 - Третьяков П.Н. По следам древних славянских племён. Л.: Наука, 1982. 144 с.

Трубачёв 1966 - Трубачёв О.Н. Ремесленная терминология в славянских языках. М.: Наука, 1966. 416 с.

Трубачёв 1967 - Трубачёв О.Н. Из славяно-иранских лексических отношений // Этимология. 1965. М.: Наука, 1967. С. 3-81.

Трубачёв 1968 - Трубачёв О.Н. Названия рек Правобережной Украины. Словообразование. Этимология. Этническая интерпретация. М.: Наука, 1968. 289 с.

Трубачёв 1974 - Трубачёв О.Н. Ранние славянские этнонимы – свидетели миграции славян // Вопросы языкознания. 1974. № 6. С. 48-67.

Трубачёв 2002 - Трубачёв О.Н. Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. М.: Наука, 2002. 488 с.

Филин 1962 - Филин Ф.П. Образование языка восточных славян. М.; Л.: Наука, 1962. 296 с.

Финно-угры и балты 1987 - Финно-угры и балты в эпоху средневековья / Отв. ред. В.В. Седов. М.: Наука, 1987. 512 с.

Щукин 1994 - Щукин М.Б. На рубеже эр: Опыт историко-археологической реконструкции политических событий VI в. до н.э. – I в. н.э. в Восточной и Центральной Европе. СПб.: Фарн, 1994. 324 с.

Щукин 2005 - Щукин М.Б. Готский путь (готы, Рим и черняховская культура). СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005. 576 с.

Эпоха бронзы 1987 - Эпоха бронзы лесной полосы СССР / Отв. ред. Бадер О.Н., Крайнов Д.А., Косарев М.Ф. М.: Наука, 1987. 472 с.

ЭССЯ 1981 - Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Под ред. О.Н. Трубачёва. Вып. 8. М.: Наука, 1981. 252 с.

Anthony 2007 - Anthony D. The Horse, the Wheel and Language: How Bronze-age Riders from the Eurasian Steppes Shaped the Modern World. Princeton, 2007. 553 s.

Anthony, Ringe 2015 - Anthony D., Ringe D. The Indo-European Homeland from Linguistic and Archaeological Perspectives Article // Annual Review of Linguistics. 2015. № 1. S. 199-219.

Bierbrauer 1994 - Bierbrauer V. Archäologie und Geschichte der Goten vom 1-7. Jahr. // Frühmittelalterliche Studien. Bd. 28. Berlin; New York, 1994. S. 51-171.

Birnbaum 1973 - Birnbaum H. O możliwości odtworzenia pierwotnego stanu języka prasłowiańskiego za pomocą rekonstrukcji wewnętrznej i metody porównawczej (kilka uwag o stosunku różnych podejść) // American Contributions to the Seventh International Congress of Slavists. Vol. 1. Linguistics and Poetics. Los-Angeles, 1973. S. 33-58.

Blažek, Novotná 2007 - Blažek V., Novotná P. Glottochronology and its application on the Balto-Slavic languages (1) // Baltistica. 2007. Vol. XLII (2). S. 185-210.

Blažek, Novotná 2007a: Blažek V., Novotná P. Glottochronology and its application on the Balto-Slavic languages (2) // Baltistica. 2007. Vol. XLII (3). S. 323-346.

Casemir, Udolph 2006 - Casemir K., Udolph J. Die Bedeutung des Baltischen für die niedersächsische Ortsnamenforschung // Baltu onomastikos tyrimai, Gedenkschrift Alexander Vaganas. Wilnus, 2006. S. 114-136.

Gimbutas 1994 - Gimbutas M. Das Ende Alteuropas. Der Einfale von Steppennomaden aus Südrußland und die Indogermanisierung Mitteleuropas // Archaeolinqua Alapitvany. Budapest, 1994. S. 13-135.

Godłowski 1985 - Godłowski K. Przemiany kulturowe i osadnicze w Południowej i Środkowej Polsce w młodszym okresie przedrzymskim i w okresie wpływów rzymskich // Prace Komisji Archeol. Polska Akad. Nauk. № 23. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łódź, 1985. S. 1-213.

Haak et al. 2015 - Wolfgang Haak et al. Massive Migration from the Steppe is a Source for Indo-European Languages in Europe // Nature. 2015. № 522. S. 207-211.

Jamka 1933 - Jamka R. Cmentarzysko w Kopkach (pow. Nizki) na tłe okresu rzymskiego w Malopolsce Zachodniej // Przegląd archeologiczny. T. V. Z. 1. Poznan, 1933. S. 23-62.

Jankuhn 1970 - Jankuhn H. Germanen und Slawen // Berichte tiber den II. Internationalen Kongress für Slawische Archaologie. Bd. I. Berlin, 1970. S. 55-74.

Jazdzewski 1959 - Jazdzewski K. Das gegenseitige Verhaltnis slawischer und germanischer Elemente in Mitteleuropa seit dem Hunneneinfall bis zur awarichen Landnahme an der mittleren Donau // Archeologia Polona. 1959. T. 11. S. 51-70.

Kolendo 1981 - Kolendo J. Źródia pisane w badaniach nad strefami kulturowyrai i etnicznymi Europy środkowej w okresie rzymskim // Problemy kultury wielbarskiej. Słipsk, 1981. S. 70-78.

Kostrzewski 1961 - Kostrzewski J. Zagadnienie ciągłości zaludnienia ziem polskich w pradziejach (od połowy II tysiąclecia p. n.e. do wczesnego średniowiecza). Poznań: Państwowe Wydawnictwo Naukowe (Oddział w Poznaniu), 1961. 144 s.

Łowmiański 1964 - Łowmiański H. Począki Polski. Z dziejów słowian w I tysiacleciu n.e. T. I. Warszawa, 1964. 418 s.

Miklosich 1886 - Miklosich F. Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen. Wien, 1886. 556 s.

Parczewski 2005 - Parczewski M. Podstawy lokalizacji pierwotnych siedzib Słowian // Archeologia o początkach Słowian. Materiały z konferencji. Kraków, 19-21 listopada 2001 / Wyd. Piotr Kaczanowski, Michał Parczewski. Kraków: Instytut Archeologii UJ, 2005. S. 65-78.

Rosen-Przeworska 1964 - Rosen-Przeworska J. Tradysje celtyckie w obrzędowości protosłowian. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1964. 291 s.

Saag et al. 2020 - Saag L., Vasilyev S.V., Oshibkina S.V. et al. Genetic ancestry changes in Stone to Bronze Age transition in the East European plain. 2020 / Электронный ресурс: https://advances.sciencemag.org/content/7/4/eabd6535 (дата обращения – 03.02.2020).

Schall 1962 - Schall H. Baltische Sprachreste zwischen Elbe und Weichsel // Forschungen und Fortschritte. Vol. 36-2. Berlin, 1962. S. 56-60.

Schall 1964 - Schall H. Baltische Dialekte im Namengut Nordwestslawiens // Zeitschrift für vergleichende Forschungen auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen. 1964. S. 123-170.

Schall 1966 - Schall H. Baltische Gewässernamen im Flußsystem «obere Havel» // Baltistica. 1966. Vol. II (1). S. 7-42.

Szymanski 1967 - Szymanski W. Szeligi pod Plockiem na poczatku wczesnego sredniowieczna. Wroclaw; Warszawa; Krakow, 1967.

Udolph 1999 - Udolph J. Baltisches in Niedersachsen? // Florilegium Linguisticum. Festschrift für W. Schmidt zum 70. Geburtstag. Frankfurt/Main, 1999. S. 493-508.

Udolph 2011 - Udolph J. «Baltisches» und «Slavisches» in norddeutschen Ortsnamen // Interferenz-Onomastik. Namen in Grenz- und Begegnungsräumen in Geschichte und Gegenwart. Saarbrücken, 2011. S. 313-331.

Wołągiewicz 1981 - Wołągiewicz R. Kultura wielbarska – problemy interpretacji etnicznej // Problemy kultury wielbarskiej. Slupsk, 1981. S. 79-106.

REFERENCES

Anthony 2007 - Anthony D. The Horse, the Wheel and Language: How Bronze-age Riders from the Eurasian Steppes Shaped the Modern World, Princeton, 2007, 553 p. [in English].

Anthony, Ringe 2015 - Anthony D., Ringe D. The Indo-European Homeland from Linguistic and Archaeological Perspectives Article, in: Annual Review of Linguistics, 2015, № 1, pp. 199-219 [in English].

Baran 1961 - Baran V.D. Poselennya pershih stolit' nashoï eri bilya sela CHerepin [Settlements of the first centuries of our era near the village of Cherepin]. Kiev, Naukova dumka Publ., 1961, 126 p. [in Ukrainian].

Baran 1981 - Baran V.D. CHernyahivska kul'tura (za materialami Verhn'ogo Dnistra ta Zahidnogo Bugu) [Chernyakhovskaya culture (based on materials from the Upper Dniester and Western Bug], Kiev, Naukova dumka Publ., 1981, 264 p. [in Ukrainian].

Baran 1983 - Baran V.D. Slozhenie slavyanskoj rannesrednevekovoj kul'tury i problema rasseleniya slavyan [The formation of the Slavic early medieval culture and the problem of the settlement of the Slavs], in: Slavyane na Dnestre i Dunae [Slavs on the Dniester and Danube], Kiev, Naukova dumka Publ., 1983, pp. 5-47 [in Russian].

Baran 1988 - Baran V.D. Prazhskaya kul'tura Podnestrov'ya (po materialam poseleniya u s. Rashkov) [Prague culture of the Dniester region (based on materials from a settlement near the village of Rashkov)], Kiev, Naukova dumka Publ., 1988, 160 p. [in Russian].

Baran 2008 - Baran V.D. Slov'yans'ke poselennya seredini I tisyacholittya nashoï eri bilya sela Teremci na Dnistri [Slavic settlements of the middle of the 1st millennium AD near the village of Teremtsy on the Dniester], Kiev, 2008, 134 p. [in Ukrainian].

Baran, Gopkalo 2005 - Baran V.D., Gopkalo O.V. CHernyahivs'ki poselennya bassejnu Gniloï Lipi [Chernyakhovsk settlements of the Rotten Lipa basin], Kiev, 2005, 144 p. [in Ukrainian].

Bernshtejn 1961 - Bernshtejn S.B. Ocherk sravnitel'noj grammatiki slavyanskih yazykov [An outline of the comparative grammar of the Slavic languages], Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1961, 352 p. [in Russian].

Bierbrauer 1994 - Bierbrauer V. Archäologie und Geschichte der Goten vom 1-7. Jahr. [Archeology and history of the Goths from 1-7. Year], in: Frühmittelalterliche Studien [Early Medieval Studies], Vol. 28, Berlin; New York, 1994, pp. 51-171 [in German].

Birbrauer 1995 - Birbrauer F. Goti v I-VII st.: Teritoriya rozselennya ta prosuvannya za arheologichnimi dzherelami [Goths in the I-VII centuries: Territory of settlement and advancement according to archaeological sources], in: Arheologiya [Archeology], 1995, № 2, pp. 32-51 [in Ukrainian].

Birnbaum 1973 - Birnbaum H. O możliwości odtworzenia pierwotnego stanu języka prasłowiańskiego za pomocą rekonstrukcji wewnętrznej i metody porównawczej (kilka uwag o stosunku różnych podejść) [On the possibility of recreating the original state of the Proto-Slavic language by means of internal reconstruction and the comparative method (a few remarks on the relation of different approaches)], in: American Contributions to the Seventh International Congress of Slavists, Vol. 1, Linguistics and Poetics, Los-Angeles, 1973, pp. 33-58 [in Polish].

Blažek, Novotná 2007 - Blažek V., Novotná P. Glottochronology and its application on the Balto-Slavic languages (1), in: Baltistica, 2007, Vol. XLII (2), pp. 185-210 [in English].

Blažek, Novotná 2007a: Blažek V., Novotná P. Glottochronology and its application on the Balto-Slavic languages (2), in: Baltistica, 2007, Vol. XLII (3), pp. 323-346 [in English].

Bryusov 1961 - Bryusov A.YA. Ob ekspansii «kul'tur s boevymi toporami» v konce III tysyacheletiya do n.e. [About the expansion of "battle-axed cultures" at the end of the 3rd millennium BC.], in: Sovetskaya arheologiya [Soviet archeology], 1961, № 3, pp. 14-33 [in Russian].

Casemir, Udolph 2006 - Casemir K., Udolph J. Die Bedeutung des Baltischen für die niedersächsische Ortsnamenforschung [The importance of the Baltic for research on place names in Lower Saxony], in: Baltu onomastikos tyrimai, Gedenkschrift Alexander Vaganas [Memorial by Alexander Vaganas], Wilnus, 2006, pp. 114-136 [in German].

Danilenko 1955 - Danilenko V.N. Slavyanskie pamyatniki I tys. n.e. v bassejne Dnepra [Slavic monuments of the 1st millennium AD in the Dnieper basin], in: Kratkie soobshcheniya Instituta arheologii [Brief reports of the Institute of Archeology], 1955, № 4, pp. 27-29 [in Russian].

Darkevich 1961 - Darkevich V.P. Topor kak simvol Peruna v drevnerusskom yazychestve [Ax as a symbol of Perun in ancient Russian paganism], in: Sovetskaya arheologiya [Soviet archeology], 1961, № 4, pp. 91-102 [in Russian].

Epoha bronzy 1987 - Epoha bronzy lesnoj polosy SSSR / Otv. red. Bader O.N., Krajnov D.A., Kosarev M.F. [The era of the bronze of the forest belt of the USSR / Executive editors Bader O.N., Krainov D.A., Kosarev M.F.], Moscow, Nauka Publ., 1987, 472 p. [in Russian].

ESSYA 1981 - Etimologicheskij slovar' slavyanskih yazykov. Praslavyanskij leksicheskij fond / Pod red. O.N. Trubachyova [Etymological Dictionary of Slavic Languages. Proto-Slavic lexical fund / Edited by O.N. Trubachev], Vol. 8, Moscow, Nauka Publ., 1981, 252 p. [in Russian].

Filin 1962 - Filin F.P. Obrazovanie yazyka vostochnyh slavyan [Education of the language of the Eastern Slavs], Moscow; Leningrad, Nauka Publ., 1962, 296 p. [in Russian].

Finno-ugry i balty 1987 - Finno-ugry i balty v epohu srednevekov'ya / Otv. red. V.V. Sedov [Finno-Ugric and Balts in the Middle Ages / Executive editor V.V. Sedov], Moscow, Nauka Publ., 1987, 512 p. [in Russian].

Galkina 2011 - Galkina E.S. K voprosu o roli Velikoj Bulgarii v etnopoliticheskoj istorii Vostochnoj Evropy [On the question of the role of Great Bulgaria in the ethnopolitical history of Eastern Europe], in: Studia Slavica et Balcanica Petropolitana, 2011, № 1 (9), pp. 3-32 [in Russian].

Gavrituhin 2000 - Gavrituhin I.O. Nachalo velikogo slavyanskogo rasseleniya na yug i zapad [The beginning of the great Slavic settlement to the south and west], in: Arheologichni studiï [Archaeological research], Vol. 1, Kiev; Chernivtsi, 2000, pp. 72-90 [in Russian].

Gavrituhin 2009 - Gavrituhin I.O. Ponyatie prazhskoj kul'tury [Prague culture concept], in: Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha [Works of the State Hermitage], Vol. 49, St. Petersburg, Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha Publ., 2009, pp. 7-25 [in Russian].

Gimbutas 1994 - Gimbutas M. Das Ende Alteuropas. Der Einfale von Steppennomaden aus Südrußland und die Indogermanisierung Mitteleuropas [The fall of steppe nomads from southern Russia and the Indo-Germanization of Central Europe], in: Archaeolinqua Alapitvany, Budapest, 1994, pp. 13-135 [in German].

Gimbutas 2006 - Gimbutas M. Civilizaciya Velikoj Bogini: Mir Drevnej Evropy / Perevod s anglijskogo M.S. Neklyudovoj [Civilization of the Great Goddess: The World of Ancient Europe / Translated from English by M.S. Neklyudova], Moscow, ROSSPEN Publ., 2006, 572 p. [in Russian].

Gimbutas 2021 - Gimbutas M. Balty. Lyudi yantarnogo morya / Perevod s anglijskogo S. Fedorova [Balts. People of the Amber Sea / Translated from English by S. Fedorov], Moscow, Centrpoligraf Publ., 2021, 223 p. [in Russian].

Gimbutas 2021a - Gimbutas M. Slavyane. Syny Peruna / Perevod s anglijskogo F.S. Kapicy [Slavs. Sons of Perun / Translated from English by F.S. Kapitsa], Moscow, Centrpoligraf Publ., 2021, 216 p. [in Russian].

Godłowski 1985 - Godłowski K. Przemiany kulturowe i osadnicze w Południowej i Środkowej Polsce w młodszym okresie przedrzymskim i w okresie wpływów rzymskich [Cultural and settlement transformations in southern and central Poland in the younger pre-Roman period and in the period of Roman influence], in: Prace Komisji Archeol. Polska Akad. Nauk [The work of the Archeol Commission. Poland Akad. Science], № 23, Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łódź, 1985, pp. 1-213 [in Polish].

Gornung 1958 - Gornung B.V. K diskussii o balto-slavyanskom yazykovom i etnicheskom edinstve [Towards a discussion about the Balto-Slavic linguistic and ethnic unity], in: Voprosy yazykoznaniya [Linguistic issues], 1958, № 4, pp. 55-62 [in Russian].

Gornung 1963 - Gornung B.V. Iz predystorii obrazovaniya obshcheslavyanskogo yazykovogo edinstva [From the prehistory of the formation of a common Slavic linguistic unity], Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1963, 143 p. [in Russian].

Goryunov 1981 - Goryunov E.A. Rannie etapy istorii slavyan Dneprovskogo Levoberezh'ya [The early stages of the history of the Slavs of the Dnieper Left Bank], Leningrad, Nauka Publ., 1981, 134 p. [in Russian].

Gracianskij 2012 - Gracianskij M.V. O proiskhozhdenii etnonima «anty» [About the origin of the ethnonym "Anty"], in: Vizantijskij Vremennik [Byzantine Vremennik], Vol. 71 (96), pp. 27-39 [in Russian].

Haak et al. 2015 - Wolfgang Haak et al. Massive Migration from the Steppe is a Source for Indo-European Languages in Europe, in: Nature, 2015, № 522, pp. 207-211 [in English].

Iordan 2013 - Iordan. O proiskhozhdenii i deyaniyah getov / Vstupitel'naya stat'ya, perevod i kommentarii E.CH. Skrzhinskoj. Vtoroe izdanie (Vizantijskaya biblioteka. Istochniki) [On the origin and deeds of the Getae / Introductory article, translation and comments by E.Ch. Skrzhinsky. Second edition (Byzantine library. Sources)], St. Petersburg, Aletejya Publ., 2013, 512 p. [in Russian].

Jamka 1933 - Jamka R. Cmentarzysko w Kopkach (pow. Nizki) na tle okresu rzymskiego w Malopolsce Zachodniej [Cemetery in Kopki (Nizka district) against the background of the Roman period in Western Malopolska], in: Przegląd archeologiczny [Archaeological review], Vol. V, Part 1, Poznan, 1933, pp. 23-62 [in Polish].

Jankuhn 1970 - Jankuhn H. Germanen und Slawen [Teutons and Slavs], in: Berichte tiber den II. Internationalen Kongress für Slawische Archaologie [Reports on the II International Congress of Slavic Archeology], Vol. I, Berlin, 1970, pp. 55-74 [in German].

Jazdzewski 1959 - Jazdzewski K. Das gegenseitige Verhaltnis slawischer und germanischer Elemente in Mitteleuropa seit dem Hunneneinfall bis zur awarichen Landnahme an der mittleren Donau [The mutual relationship between Slavic and Germanic elements in Central Europe from the Huns to the Avar conquest of the central Danube], in: Archeologia Polona, 1959, Vol. 11, pp. 51-70 [in German].

Kasparova 1981 - Kasparova K.V. Rol' yugo-zapadnyh svyazej v processe formirovaniya zarubineckoj kul'tury [The role of southwestern ties in the formation of the Zarubintsy culture], in: Sovetskaya arheologiya [Soviet archeology], 1981, № 2, pp. 57-79 [in Russian].

Kasparova, Maksimov 1993 - Kasparova K.V., Maksimov E.V. Kul'tura Poyaneshti-Lukashevka [Poyesti-Lukashevka culture], in: Slavyane i ih sosedi v konce I tys. do n.e. – pervoj polovine I tys. n.e. [Slavs and their neighbors at the end of the 1st millennium BC - the first half of the 1st millennium AD], Moscow, Nauka Publ., 1993, pp. 85-95 [in Russian].

Klyosov 2015 - Klyosov A.A. Step' i yazyk – ocherednoe nedorazumenie populyacionnyh genetikov [Steppe and language – another misunderstanding of population geneticists], 2015, Electronic resource: http://pereformat.ru/2015/02/steppe-and-languages/ (Date of access – 03.02.2020) [in Russian].

Klyosov 2015a - Klyosov A.A. CHitaya V.V. Sedova. «Proiskhozhdenie i rannyaya istoriya slavyan» s tochki zreniya DNK-genealogii [Reading of «The origin and early history of Slavs» by V.V. Sedov from a viewpoint of DNA Genealogy], in: Istoricheskij format [Historical format], 2015, № 4, pp. 174-228 [in Russian].

Klyosov 2017 - Klesov A.A. Istoriya ariev i erbinov. Evropejskij Zapad protiv evropejskogo Vostoka [History of the Aryans and Erbins. European West vs. European East], Moscow, Konceptual Publ., 2017, 320 p. [in Russian].

Kolendo 1981 - Kolendo J. Źródia pisane w badaniach nad strefami kulturowyrai i etnicznymi Europy środkowej w okresie rzymskim [Sources written in research on the cultural and ethnic zones of Central Europe in the Roman period], in: Problemy kultury wielbarskiej [Problems of the Wielbark culture], Słipsk, 1981, pp. 70-78 [in Polish].

Kostrzewski 1961 - Kostrzewski J. Zagadnienie ciągłości zaludnienia ziem polskich w pradziejach (od połowy II tysiąclecia p. n.e. do wczesnego średniowiecza) [The issue of the continuity of the population of the Polish lands in prehistory (from the middle of the 2nd millennium BC to the early Middle Ages)], Poznań, Państwowe Wydawnictwo Naukowe (Oddział w Poznaniu) Publ., 1961, 144 p. [in Polish].

Kozak 1984 - Kozak D.N. Pshevors'ka kul'tura u Verhn'omu Podnistrov'ї ta Zahidnomu Pobuzhzhi [Przeworsk culture in the Upper Dniester and Western Bug regions], Kiev, Naukova dumka Publ., 1984, 128 p. [in Ukrainian].

Kozak 1993 - Kozak D.N. Pshevorskaya kul'tura [Przeworsk culture], in: Slavyane i ih sosedi v konce I tys. do n.e. – pervoj polovine I tys. n.e. [Slavs and their neighbors at the end of the 1st millennium BC - the first half of the 1st millennium AD], Moscow, Nauka Publ., 1993, pp. 53-66 [in Russian].

Kozak 2008 - Kozak D.N. Venedi [Wends], Kiev, 2008, 470 p. [in Ukrainian].

Kuharenko 1960 - Kuharenko YU.V. K voprosu o proiskhozhdenii zarubineckoj kul'tury [On the question of the origin of the Zarubintsy culture], in: Sovetskaya arheologiya [Soviet archeology], 1960, № 1, pp. 289-300 [in Russian].

Lopatin, Furas'ev 2007 - Lopatin N.V., Furas'ev A.G. Severnye rubezhi ranneslavyanskogo mira v III-V vekah n.e. [Northern borders of the early Slavic world in the III-V centuries A.D.], Moscow, Institut arheologii RAN Publ., 2007, 252 p. [in Russian].

Łowmiański 1964 - Łowmiański H. Początki Polski. Z dziejów słowian w I tysiacleciu n.e. [The beginnings of Poland. From the history of the Slavs in the first millennium CE], Vol. I, Warszawa, 1964, 418 p. [in Polish].

Magomedov 2001 - Magomedov B.V. CHernyahovskaya kul'tura. Problema etnosa [Chernyakhovskaya culture. Ethnicity problem], Lublin, 2001, 290 p. [in Russian].

Maksimov 1972 - Maksimov E.V. Srednee Podneprov'e na rubezhe nashej ery [Middle Dnieper at the turn of our era], Kiev, Naukova dumka Publ., 1972, 184 p. [in Russian].

Maksimov 1982 - Maksimov E.V. Zarubineckaya kul'tura na territorii USSR [Zarubinets culture on the territory of the Ukrainian SSR], Kiev, Naukova dumka Publ., 1982, 180 p. [in Russian].

Martynov 1963 - Martynov V.V. Slavyano-germanskoe leksicheskoe vzaimodejstvie drevnejshej pory (k probleme prarodiny slavyan) [Slavic-Germanic lexical interaction of the most ancient times (to the problem of the ancestral home of the Slavs)], Minsk, Izdatel'stvo Akademii nauk BSSR Publ., 1963, 250 p. [in Russian].

Martynov 1989 - Martynov V.V. Slavyanskij, italijskij, baltijskij (glottogenez i ego verifikacii) [Slavic, Italian, Baltic (glottogenesis and its verification)], in: Slavyane. Etnogenez i etnicheskaya istoriya (Mezhdisciplinarnye issledovaniya) [Slavs. Ethnogenesis and Ethnic History (Interdisciplinary Studies)], Leningrad, Izdatel'stvo LGU Publ., 1989, pp. 37-44 [in Russian].

Martynov 2004 - Martynov V.V. YAzyk v prostranstve i vremeni. K probleme glottogeneza slavyan [Language in space and time. To the problem of glottogenesis of the Slavs], Moscow, URSS Publ., 2004, 110 p. [in Russian].

Miklosich 1886 - Miklosich F. Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen [Etymological dictionary of the Slavic languages], Wien, 1886, 556 p. [in German].

Napol'skih 2006 - Napol'skih V.V. Balto-slavyanskij yazykovoj komponent v Nizhnem Prikam'e v seredine I tys. n.e. [Balto-Slavic linguistic component in the Lower Kama region in the middle of the 1st millennium AD], in: Slavyanovedenie [Slavic studies], 2006, № 2, pp. 3-19 [in Russian].

Nazin 2017 - Nazin S.V. Proiskhozhdenie slavyan: rekonstrukciya etnonima, prarodiny i drevnejshih migracij [The origin of the Slavs: the reconstruction of the ethnonym, ancestral home and the most ancient migrations], Moscow, Grifon Publ., 2017, 280 p. [in Russian].

Nikolaev 1990 - Nikolaev S.L. K istorii plemennogo dialekta krivichej [To the history of the Krivichi tribal dialect], in: Sovetskoe slavyanovedenie [Soviet Slavic Studies], 1990, № 4, pp. 54-63 [in Russian].

Oblomskij 1991 - Oblomskij A.M. Etnicheskie processy na vodorazdele Dnepra i Dona v I-V vv. n.e. [Ethnic processes at the watershed of the Dnieper and Don in the 1st-5th centuries. AD], Moscow; Sumy, 1991, 287 p. [in Russian].

Oblomskij 2002 - Oblomskij A.M. Dneprovskoe lesostepnoe Levoberezh'e v pozdnerimskoe i gunnskoe vremya (seredina III – pervaya polovina V vv. n.e.) [Dnieper forest-steppe Left Bank in late Roman and Hunnic times (mid-III - first half of the 5th centuries AD)], Moscow, Nauka Publ., 2002, 255 p. [in Russian].

Oblomskij, Terpilovskij 1991 - Oblomskij A.M., Terpilovskij R.V. Srednee Podneprov'e i Dneprovskoe Levoberezh'e v I-II vv. n.e. [Middle Dnieper and Dnieper Left Bank in the 1st-2nd centuries. AD], Moscow, Institut arheologii AN SSSR Publ., 1991, 173 p. [in Russian].

Oblomskij, Terpilovskij 1994 - Obloms'kij A.M., Terpilovs'kij R.V. Posejm'ya u latens'kij chas [Poseimye in La Tene time], in: Arheologiya [Archeology], 1994, № 3, pp. 41-51 [in Ukrainian].

Orel 1997 - Orel V.E. Neslavyanskaya gidronimiya bassejnov Visly i Odery [Non-Slavic hydronymy of the Vistula and Oder basins], in: Balto-slavyanskie issledovaniya [Balto-Slavic studies], 1988-1996, Moscow, Nauka Publ., 1997, pp. 332-358 [in Russian].

Otkupshchikov 1989 - Otkupshchikov YU.V. Balto-slavyanskaya remeslennaya leksika (nazvaniya metallov, metallurgiya, kuznechnoe delo) [Balto-Slavic handicraft vocabulary (names of metals, metallurgy, blacksmithing)], in: Slavyane. Etnogenez i etnicheskaya istoriya (Mezhdisciplinarnye issledovaniya) [Slavs. Ethnogenesis and Ethnic History (Interdisciplinary Studies)], Leningrad, Izdatel'stvo LGU Publ., 1989, pp. 44-53 [in Russian].

Pachkova 2006 - Pachkova S.P. Zarubineckaya kul'tura i latenizirovannye kul'tury Evropy [Zarubinets culture and latenized cultures of Europe], Kiev, 2006, 372 p. [in Russian].

Parczewski 2005 - Parczewski M. Podstawy lokalizacji pierwotnych siedzib Słowian [The basics of locating the original seats of the Slavs], in: Archeologia o początkach Słowian. Materiały z konferencji. Kraków, 19-21 listopada 2001 / Wyd. Piotr Kaczanowski, Michał Parczewski [Archeology about the origins of the Slavs. Conference materials. Krakow, November 19-21, 2001 / Ed. Piotr Kaczanowski, Michał Parczewski], Kraków, Instytut Archeologii UJ Publ., 2005, pp. 65-78 [in Polish].

Petrov 2019 - Petrov S. Kon', koleso i kolesnica: Kak predki russkih sozdali sovremennyj mir [Horse, wheel and chariot: How the Russian ancestors created the modern world], Moscow, Izdatel'skie resheniya Publ., 2019, 558 p. [in Russian].

Petruhin, Raevskij 2004 - Petruhin V.YA., Raevskij D.S. Ocherki istorii narodov Rossii v drevnosti i rannem srednevekov'e [Essays on the history of the peoples of Russia in antiquity and the early Middle Ages], Moscow, Znak Publ., 2004, 416 p. [in Russian].

Pobol' 1971 - Pobol' L.D. Slavyanskie drevnosti Belorussii (rannij etap zarubineckoj kul'tury) [Slavic antiquities of Belarus (early stage of Zarubinets culture)], Minsk, Nauka i tekhnika Publ., 1971, 232 p. [in Russian].

Pozdnezarubineckie pamyatniki 2010 - Pozdnezarubineckie pamyatniki na territorii Ukrainy (vtoraya polovina I-II v. n.e.) / Sostaviteli: Oblomskij A.M., Terpilovskij R.V. / Ranneslavyanskij mir [Late Zarubinets monuments on the territory of Ukraine (second half of the 1st-2nd centuries AD) / Compiled by: Oblomskiy A.M., Terpilovskiy R.V. / Early Slavic world], Vol. 12, Moscow, Institut arheologii RAN Publ., 2010, 332 p. [in Russian].

Prozorov - Prozorov L.R. Rus' yazycheskaya. Sumerki russkih bogov [Pagan Rus. Twilight of the Russian gods], Moscow, YAuza Publ.; Eksmo Publ., 2009, 544 p. [in Russian].

PSRL. I - Polnoe sobranie russkih letopisej. T. I. Lavrent'evskaya letopis' [Complete collection of Russian chronicles. Vol. I. Laurentian Chronicle], Moscow, YAzyki slavyanskoj kul'tury Publ., 1997, 496 p. [in Russian].

Rosen-Przeworska 1964 - Rosen-Przeworska J. Tradysje celtyckie w obrzędowości protosłowian [Celtic traditions in proto-Slavic rituals], Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1964, 291 p. [in Polish].

Rozhanskij 2015 - Rozhanskij I.L. Kto takie nemcy? Onomastika i DNK-genealogiya [Who are «Nemtsi»? Onomastics and DNA-Genealogy], in: Istoricheskij format [Historical format], 2015, № 3, pp. 87-106 [in Russian].

Rusanova 1976 - Rusanova I.P. Slavyanskie drevnosti VI-VII vv. Kul'tura prazhskogo tipa [Slavic antiquities of the 6th-7th centuries Prague-style culture], Moscow, Nauka Publ., 1976, 194 p. [in Russian].

Rusanova 1988 - Rusanova I.P. Ob obshchestvennoj strukture pshevorskih poselenij [On the social structure of Przewor settlements], in: Arheologicheskie istochniki ob obshchestvennyh otnosheniyah epohi srednevekov'ya [Archaeological Sources on Social Relations of the Middle Ages], Moscow, 1988, pp. 8-19 [in Russian].

Rusanova 1990 - Rusanova I.P. Etnicheskij sostav nositelej pshevorskoj kul'tury [Ethnic composition of the carriers of the Przewor culture], in: Ranneslavyanskij mir: Materialy i issledovaniya [Early Slavic World: Materials and Research], Vol. 1, Moscow, 1990, pp. 119-150 [in Russian].

Rusanova 1993 - Rusanova I.P. Vvedenie [Introduction], in: Slavyane i ih sosedi v konce I tysyacheletiya do n.e. – pervoj polovine I tysyacheletiya n.e. [Slavs and their neighbors at the end of the 1st millennium BC - the first half of the 1st millennium A.D.], Moscow, Nauka Publ., 1993, pp. 5-18 [in Russian].

Rusanova 1993a - Rusanova I.P. Vel'barskaya kul'tura [Welbari culture], in: Slavyane i ih sosedi v konce I tys. do n.e. – pervoj polovine I tys. n.e. [Slavs and their neighbors at the end of the 1st millennium BC - the first half of the 1st millennium AD], Moscow, Nauka Publ., 1993, pp. 183-191 [in Russian].

Rybakov 1981 - Rybakov B.A. YAzychestvo drevnih slavyan [Paganism of the ancient Slavs], Moscow, Nauka Publ., 1981, 608 p. [in Russian].

Saag et al. 2020 - Saag L., Vasilyev S.V., Oshibkina S.V. et al. Genetic ancestry changes in Stone to Bronze Age transition in the East European plain, 2020, Electronic resource: https://advances.sciencemag.org/content/7/4/eabd6535 (Date of access – 03.02.2020) [in English].

Schall 1962 - Schall H. Baltische Sprachreste zwischen Elbe und Weichsel [Baltic language remnants between the Elbe and the Vistula], in: Forschungen und Fortschritte [Research and Advances], Vol. 36-2, Berlin, 1962, pp. 56-60 [in German].

Schall 1964 - Schall H. Baltische Dialekte im Namengut Nordwestslawiens [Baltic dialects in the name of north-west Slavia], in: Zeitschrift für vergleichende Forschungen auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen [Journal for comparative research in the field of Indo-European languages], 1964, pp. 123-170 [in German].

Schall 1966 - Schall H. Baltische Gewässernamen im Flußsystem «obere Havel» [Baltic water names in the "upper Havel" river system], in: Baltistica, 1966, Vol. II (1), pp. 7-42 [in German].

Sedov 1970 - Sedov V.V. Slavyane Verhnego Podneprov'ya i Podvin'ya [Slavs of the Upper Dnieper and Podvina], Moscow, Nauka Publ., 1970, 200 p. [in Russian].

Sedov 1979 - Sedov V.V. Proiskhozhdenie i rannyaya istoriya slavyan [Origin and early history of the Slavs], Moscow, Nauka Publ., 1979, 156 p. [in Russian].

Sedov 1994 - Sedov V.V. Slavyane v drevnosti [Slavs in antiquity], Moscow, Fond arheologii Publ., 1994, 343 p. [in Russian].

Sedov 2002 - Sedov V.V. Slavyane. Istoriko-arheologicheskoe issledovanie [Slavs. Historical and archaeological research], Moscow, YAzyki russkoj kul'tury Publ., 2002, 622 p. [in Russian].

Sedov 2002a: - Sedov V.V. O proiskhozhdenii baltov [About the origin of the Balts], in: Problemy arheologii Evrazii. Sbornik k 90-letiyu N.YA. Merperta [Problems of the archeology of Eurasia. Collection for the 90th anniversary of N.Ya. Merpert], Moscow, 2002, pp. 21-28 [in Russian].

Sedov 2004 - Sedov V.V. Pervoe chlenenie slavyan na dve dialektnye oblasti [The first division of the Slavs into two dialectal areas], in: Kratkie soobshcheniya Instituta arheologii [Brief reports of the Institute of Archeology], 2004, Vol. 217, pp. 3-15 [in Russian].

Sedov 2005 - Sedov V.V. Sever Vostochno-Evropejskoj ravniny v period pereseleniya narodov i v rannem srednevekov'e (predystoriya severnovelikorusov) [North of the East European Plain during the period of migration of peoples and in the early Middle Ages (prehistory of the North Great Russians)], in: Kratkie soobshcheniya Instituta arheologii [Brief reports of the Institute of Archeology], 2005, Vol. 218, pp. 12-24 [in Russian].

Serebrennikov 1955 - Serebrennikov B.A. Volgo-Okskaya toponimika na territorii Evropejskoj chasti SSSR [Volga-Oka toponymy in the European part of the USSR], in: Voprosy yazykoznaniya [Linguistic issues], 1955, Vol. 6, pp. 19-31 [in Russian].

Serebrennikov 1957 - Serebrennikov B.A. O nekotoryh sledah ischeznuvshego indoevropejskogo yazyka v centre Evropejskoj chasti SSSR, blizkogo k baltijskim [On some traces of the disappeared Indo-European language in the center of the European part of the USSR, close to the Baltic], in: Trudy AN Litovskoj SSR. Seriya A-1 [Proceedings of the Academy of Sciences of the Lithuanian SSR. Series A-1], Vilnius, 1957, pp. 69-72 [in Russian].

SHCHukin 1994 - SHCHukin M.B. Na rubezhe er: Opyt istoriko-arheologicheskoj rekonstrukcii politicheskih sobytij VI v. do n.e. – I v. n.e. v Vostochnoj i Central'noj Evrope [At the turn of the eras: The experience of historical and archaeological reconstruction of political events in the 6th century. BC. - I century. AD in Eastern and Central Europe], St. Petersburg, Farn Publ., 1994, 324 p. [in Russian].

SHCHukin 2005 - SHCHukin M.B. Gotskij put' (goty, Rim i chernyahovskaya kul'tura) [Gothic way (Goths, Rome and Chernyakhov culture)], St. Petersburg, Filologicheskij fakul'tet SPbGU Publ., 2005, 576 p. [in Russian].

Svod I - Svod drevnejshih pis'mennyh izvestij o slavyanah [The collection of the oldest written records of the Slavs], Vol. I, Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 1994, 474 p. [in Russian].

Szymanski 1967 - Szymanski W. Szeligi pod Plockiem na poczatku wczesnego sredniowieczna [Szeligi near Plock at the beginning of the early Middle Ages], Wroclaw; Warszawa; Krakow, 1967 [in Polish].

Terpilovskij 1984 - Terpilovskij R.V. Rannie slavyane Podesen'ya III-V vv. [Early Slavs of the Podedenya III-V centuries], Kiev, Naukova dumka Publ., 1984, 124 p. [in Russian].

Terpilovskij 2004 - Terpilovskij R.V. Slavyane Podneprov'ya v pervoj polovine I tys. n.e. [Slavs of the Dnieper in the first half of the 1st millennium AD], Lublin, 2004, 232 p. [in Russian].

Toporov 1966 - Toporov V.N. O baltijskih elementah v gidronimii i toponimii k zapadu ot Visly [On the Baltic elements in hydronymy and toponymy west of the Vistula], in: Slavica Pragensia, 1966, Vol. VIII, pp. 255-263 [in Russian].

Toporov 1966a - Toporov V.N. K voprosu o toponimicheskih sootvetstviyah na baltijskih territoriyah i k zapadu ot Visly [On the issue of toponymic correspondences in the Baltic territories and west of the Vistula], in: Baltistica, 1966, Vol. I (2), pp. 103-111 [in Russian].

Toporov 1973 - Toporov V.N. K frakijsko-baltijskim yazykovym parallelyam [Towards Thracian-Baltic language parallels], in: Balkanskoe yazykoznanie [Balkan linguistics], Moscow, Nauka Publ., 1973, pp. 30-63 [in Russian].

Toporov 1980 - Toporov V.N. K rekonstrukcii drevnejshego sostoyaniya praslavyanskogo yazyka [Towards the reconstruction of the oldest state of the Proto-Slavic language], in: Slavyanskoe yazykoznanie. X Mezhdunarodnyj s"ezd slavistov. Doklady sovetskoj delegacii [Slavic linguistics. X International Congress of Slavists. Reports of the Soviet Delegation], Moscow, Nauka Publ., 1988, pp. 264-292 [in Russian].

Toporov 1983 - Toporov V.N. Novye raboty o sledah prebyvaniya prussov k zapadu ot Visly [New works on the traces of the Prussians to the west of the Vistula], in: Balto-slavyanskie issledovaniya [Balto-Slavic studies], 1982, Moscow, Nauka Publ., 1983, pp. 263-272 [in Russian].

Toporov, Trubachyov - Toporov V.N., Trubachyov O.N. Lingvisticheskij analiz gidronimov Verhnego Podneprov'ya [Linguistic analysis of hydronyms of the Upper Dnieper], Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1962, 271 p. [in Russian].

Tret'yakov 1960 - Tret'yakov P.N. Lokal'nye gruppy verhnedneprovskih gorodishch i zarubineckaya kul'tura [Local groups of the Upper Dnieper settlements and the Zarubinets culture], in: Sovetskaya arheologiya [Soviet archeology], 1960, № 1, pp. 36-46 [in Russian].

Tret'yakov 1966 - Tret'yakov P.N. Finno-ugry, balty i slavyane na Dnepre i Volge [Finno-Ugrians, Balts and Slavs on the Dnieper and Volga], Moscow; Leningrad, Nauka Publ., 1966, 308 p. [in Russian].

Tret'yakov 1967 - Tret'yakov P.N. Vostochnye slavyane i baltijskij substrat [Eastern Slavs and Baltic Substratum], in: Sovetskaya etnografiya [Soviet ethnography], 1967, № 4, pp. 110-118 [in Russian].

Tret'yakov 1968 - Tret'yakov P.N. Zarubineckaya kul'tura i podneprovskie slavyane [Zarubinets culture and the Dnieper Slavs], in: Sovetskaya arheologiya [Soviet archeology], 1968, № 4, pp. 58-68 [in Russian].

Tret'yakov 1970 - Tret'yakov P.N. U istokov drevnerusskoj narodnosti / Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR [At the origins of the ancient Russian people / Materials and research on the archeology of the USSR], Vol. 179, Leningrad, Nauka Publ., 1970, 156 p. [in Russian].

Tret'yakov 1982 - Tret'yakov P.N. Po sledam drevnih slavyanskih plemyon [In the footsteps of the ancient Slavic tribes], Leningrad, Nauka Publ., 1982, 144 p. [in Russian].

Trubachyov 1966 - Trubachyov O.N. Remeslennaya terminologiya v slavyanskih yazykah [Craft terminology in Slavic languages], Moscow, Nauka Publ., 1966, 416 p. [in Russian].

Trubachyov 1967 - Trubachyov O.N. Iz slavyano-iranskih leksicheskih otnoshenij [From Slavic-Iranian lexical relations], in: Etimologiya [Etymology], 1965, Moscow, Nauka Publ., 1967, pp. 3-81 [in Russian].

Trubachyov 1968 - Trubachyov O.N. Nazvaniya rek Pravoberezhnoj Ukrainy. Slovoobrazovanie. Etimologiya. Etnicheskaya interpretaciya [The names of the rivers of the Right-Bank Ukraine. Word formation. Etymology. Ethnic interpretation], Moscow, Nauka Publ., 1968, 289 p. [in Russian].

Trubachyov 1974 - Trubachyov O.N. Rannie slavyanskie etnonimy – svideteli migracii slavyan [Early Slavic ethnonyms – witnesses of the migration of the Slavs], in: Voprosy yazykoznaniya [Linguistic issues], 1974, № 6, pp. 48-67 [in Russian].

Trubachyov 2002 - Trubachyov O.N. Etnogenez i kul'tura drevnejshih slavyan. Lingvisticheskie issledovaniya [Ethnogenesis and culture of the ancient Slavs. Linguistic research], Moscow, Nauka Publ., 2002, 488 p. [in Russian].

Udolph 1999 - Udolph J. Baltisches in Niedersachsen? [Baltic in Lower Saxony?], in: Florilegium Linguisticum. Festschrift für W. Schmidt zum 70. Geburtstag [Festschrift for W. Schmidt on his 70th birthday], Frankfurt/Main, 1999, pp. 493-508 [in German].

Udolph 2011 - Udolph J. «Baltisches» und «Slavisches» in norddeutschen Ortsnamen ["Baltic" and "Slavic" in North German place names], in: Interferenz-Onomastik. Namen in Grenz- und Begegnungsräumen in Geschichte und Gegenwart [Interference onomastics. Names in border and encounter spaces in the past and present], Saarbrücken, 2011, pp. 313-331 [in German].

Vitchak 1989 - Vitchak K.T. O pervonachal'nyh venetah [About the original venets], in: Etimologiya [Etymology], 1986-1987, Moscow, Nauka Publ., 1989, pp. 107-114 [in Russian].

Wołągiewicz 1981 - Wołągiewicz R. Kultura wielbarska – problemy interpretacji etnicznej [Wielbark culture - problems of ethnic interpretation], in: Problemy kultury wielbarskiej [Problems of the Wielbark culture], Slupsk, 1981, pp. 79-106 [in Polish].

Zagorul'skij 2012 - Zagorul'skij E.M. Slavyane: proiskhozhdenie i rasselenie na territorii Belarusi [Slavs: origin and settlement on the territory of Belarus], Minsk, Belorusskij gosudarstvennyj universitet Publ., 2012, 367 p. [in Russian].

ZHih 2014 - ZHih M.I. Slavyane i goty na Volyni i v Verhnem Podnestrov'e. Problema lokalizacii zemli Oium i «plemeni» (gens) Spali [Slavs and Gotha on Volhyn and in the Top Dniester. Problem of localization of the earth of Oium and «tribe» (gens) of Spali], in: Mezhdunarodnyj istoricheskij zhurnal «Rusin» [The international historical journal «Rusin»], 2014, № 2 (36), pp. 76-103 [in Russian].

ZHih 2016 - ZHih M.I. Drevnie slavyane na Volyni (I tys. n.e.). CHast' pervaya [Early Slavs in Volhynia (1st millennium). Part one], in: Istoricheskij format [Historical format], 2016, № 1, pp. 110-143 [in Russian].

ZHih 2020 - ZHih M.I. Vostochnye slavyane nakanune gosudarstvennosti [Eastern Slavs on the eve of statehood], Moscow, Veche Publ., 2020, 448 p. [in Russian].

ZHuravlyov 1968 - ZHuravlyov V.K. K probleme balto-slavyanskih yazykovyh otnoshenij [On the problem of Balto-Slavic linguistic relations], in: Baltistica, 1968, Vol. IV (2), pp. 167-177 [in Russian].

Zolotaryov 1964 - Zolotaryov A.M. Rodovoj stroj i pervobytnaya mifologiya [Ancestral structure and primitive mythology], Moscow, Nauka Publ., 1964, 328 p. [in Russian].

Жих Максим Иванович
– Общественно-научный проект «Российско-немецкий исторический семинар» (Санкт-Петербург, Россия).

Maksim Zhikh
– The Public and Scientific Project «Russian-German Historical Seminar» (Saint Petersburg, Russia).

max-mors@mail.ru

ИРАНСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ БОГА РОДА В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИОГРАФИИ ПРОБЛЕМЫ

К.Ю. Рахно
Национальный музей-заповедник украинского гончарства
Украина, 38164, Полтавская область, пгт. Опошня, ул. Партизанская, д. 102
e-mail: krakhno@ukr.net
Scopus Author ID: 57191091005
ResearcherID: B-8738-2017
http://orcid.org/0000-0002-0973-3919

АВТОРСКОЕ РЕЗЮМЕ
В статье рассматривается момент возникновения гиперскептических взглядов на существование славянского языческого бога Рода. Причиной его стала борьба московской и ленинградской историко-археологических научных группировок за влияние. В ходе противостояния была сделана попытка поставить под сомнение наиболее яркие и известные научные выводы вождя московской археологической школы, академика Бориса Рыбакова, к которым относились и его исследования культа бога Рода. При этом умышленно не был принят во внимание ряд свидетельств в пользу его существования, включая параллели в этнографии и фольклоре ираноязычного народа осетин.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: мифология, этнография, календарные праздники, письменные памятники, история археологии, Род, Наф, Осетия.

IRANIAN PARALLELS OF GOD ROD IN THE CONTEXT OF HISTORIOGRAPHY OF THE PROBLEM

Kostyantyn Rakhno
National Museum of Ukrainian Pottery
Ukraine, 38164, Poltava region, urban-type settlement Oposhnya, st. Partizanskaya, 102
e-mail: krakhno@ukr.net

ABSTRACT
The article looks into the springing up of hyperskeptic views on the existence of the Slavic pagan god Rod. They originated as a result of struggle for influence between the Moscow and the Leningrad historical-archaeological scientific groups. In the course of the confrontation, an attempt was made to cast doubt on the most known and striking scientific achievements of academician Boris Rybakov, the leader of the Moscow archaeological school, which included his research into the cult of the god Rod. Some evidence in favor of the Slavic beliefs in its existence was deliberately disregarded, including parallels in the ethnography and folklore of the Iranian-speaking Ossetians.

KEYWORDS: mythology, ethnography, calendar holidays, written sources, history of archaeology, Rod, Naf, Ossetia.

В современных исследованиях славянского язычества происходит постепенный отказ от концепции так называемой «кабинетной мифологии», согласно которой большинство божеств являются плодом ошибок и фантазий учёных прошлого. На смену нигилистическому скепсису приходит взвешенный взгляд на источники, в том числе поздние, понимание ценности содержащейся в них информации, ведущее к их реинтерпретации и «реабилитации» (Mikhailov 1998: 9-31, 79-108; Михайлов 2017: 246-256, 278-281, 298-307; Былина 2000). Тем не менее, рецидивы гиперскептических взглядов всё ещё иногда встречаются, особенно в российской и украинской научной литературе, причём, как ни парадоксально, они нередко касаются известных теонимов, хорошо засвидетельствованных в источниках и вроде бы не подлежащих сомнению. Так, славянский языческий бог Род, существование которого отразилось в средневековых памятниках письменности, в конце XX – начале XXI века оказался в центре соперничества двух противоборствующих научных группировок.

Противостояние это было заложено давно, с момента переноса дирекции Института истории материальной культуры АН СССР – будущего Института археологии – из Ленинграда в Москву в 1945 году и превращения прежнего центра в его ленинградское отделение (Тихонов 2003: 194; Формозов 2006: 78-79; Клейн 2014: 228). У истоков его стоял негласный вождь ленинградской группировки археологов (Формозов 2006: 72), сотрудник Государственной академии истории материальной культуры, а потом, после Иосифа Орбели, директор Института истории материальной культуры и проректор Ленинградского государственного университета Михаил Артамонов, который, по признанию биографов, существенно повлиял на судьбу и взгля-

ды Льва Клейна: «Настоящим учителем Клейна был М.И. Артамонов» (Щавелёв 2012: 200). В отличие от Бориса Рыбакова с его купеческими корнями, Михаил Артамонов обладал безукоризненным прошлым, которое спасало от репрессий. Он был выходцем из небогатых крестьян, секретарём дивизионного комитета солдатских депутатов в годы Гражданской войны, после демобилизации был направлен советской властью в национализированный Европейский банк для замены саботирующих служащих и гордился тем, что слушал речь Владимира Ленина (Платонова 1999; Тихонов 2003: 189, 192; Формозов 2006: 47; Клейн 2010: 65; Клейн 2014: 221). С тех пор он пользовался покровительством могущественного партийного деятеля Андрея Жданова (Столяр 1998: 7-9; Тихонов 2016: 83; Клейн 2010: 66). Артамонов являлся последовательным приверженцем так называемого нового учения академика Николая Марра о языке, считавшегося ортодоксально марксистским, и полностью воспринял его теорию стадиальности, господствовавшую в языкознании и считавшуюся основоположной в смежных общественных науках (Формозов 2006: 73; Бузько 2016: 12).

В ленинградском отделении Института истории материальной культуры позиции марризма были особенно сильны. Именно Ленинград считался настоящим бастионом «культа Марра», а местные археологи, преимущественно получившие образование уже при советской власти и сформировавшиеся в стенах Государственной академии, – последовательными марристами (Алымов 2009: 19; Тихонов 2016: 291; Curta 2001: 27). Они активно использовали марристские теории для увязывания археологического материала с этногенетическими схемами, кроме того, они были удобны в идеологическом противостоянии германской науке и выглядели радикально марксистскими, антибуржуазными и антиколониальными. Так у них сформировалась своеобразная научная парадигма, сильно отличающаяся от современной. Для специалистов по древностям Николай Марр вообще был человеком, стоявшим у истоков советской археологии со времени основания Государственной академии истории материальной культуры в 1918 году, следовательно, абсолютным авторитетом. Он лично оказал содействие некоторым инициативам молодого Михаила Артамонова. Археологи искренне воспринимали яфетическое учение как своего рода «универсальную отмычку», путеводную нить к этническим процессам древности, о которых не сохранилось прямых свидетельств, в отличие от «буржуазных» и «расистских» теорий, и постепенно в их работах, по сделанным позднее заявлениям, марризм приобрёл своего рода программный для археологии характер (Аксенова, Васильев 1993: 89-91; Алымов 2008: 91; Алымов 2009: 27; Платонова 2010: 236; Тихонов 2016: 286, 291; Curta 2001: 27). В своей монографии «Очерки древнейшей истории хазар» (1936), в соответствии с довоенными представлениями советской науки, Артамонов обосновывал значительную роль «могущественного и обширного» Хазарского каганата в истории Причерноморья. Его концепция складывалась под непосредственным влиянием Николая Марра, который считал хазар и связанные с ними этнические группы восходящими к сарматам аборигенами восточной части горного Кавказа и северокавказской степи. Артамонов, хотя и с некоторыми коррективами, принял позицию Марра как соответствующую материалистическому пониманию истории (Гадло 1983: 82; Shnirelman 1995: 131-133; Curta 2001: 27). Детерминированными марризмом были и другие воззрения Артамонова. Так, например, в полном соответствии с Марром, проявлявшим особое внимание к «яфетидской» Чувашии (Формозов 2006: 128), Артамонов отводил особую роль предполагаемому родству хазарского и булгарского языков с чувашским как неким древнейшим языковым слоем, на базе которого сложились и тюркские, и финно-угорские языки (Артамонов 1936: 86-87, 106-108, 114). Мнение о преемственности сарматов и хазар тоже было заимствовано у Марра, вместе с соответствующими этимологиями (Медведенко 2006: 34, 50, 86). Скифов Артамонов уверенно считал не этносом, а специфической стадией в развитии местного населения (Артамонов 1950: 40). Поэтому вполне справедливый и в целом полезный для гуманитаристики, позволивший вернуть исследования древнейших периодов в строго научное русло (Тихонов 2014: 173), разгром учения Марра, как подчёркивают исследователи, вызвал подлинную панику в археологических кругах. Вместо отказа от него и необходимой самокритики со стороны ленинградцев прозвучали заявления, в которых подчёркивались заслуги Марра, потому что никому в голову не приходило усомниться в правильности его теорий. В свою очередь, против марризма и его реабилитации в 1950 году победоносно выступила московская группа в составе Бориса Рыбакова, Александра Монгайта и Георгия Фёдорова, стоявшая на позициях традиционной индоевропеистики и славистики. Их поддержал де-факто киевский по месту своих продолжительных раскопок археолог Михаил Каргер. Считается, что в этом проявилось соперничество московского и ленинградского отделений и что разгромом марризма московские археологи воспользовались для окончательного закрепления своего главенства над ленинградскими, в частности, было решено устранить автономию ленинградцев и обеспечить централизацию руководства (Алымов 2009: 16, 18, 20-22; Формозов 2006: 81; Тихонов 2003: 198; Тихонов 2016: 291-292; Stamati 2018: 76).

Поражение марризма действительно серьёзно пошатнуло научные и отчасти социальные позиции Артамонова, заставив его несколько пересмотреть свои восторженные взгляды на Хазарский каганат. Вместе с тем, критика удивительно мало отразилась на его научно-административной карьере. Артамонов ушёл с должности проректора Ленинградского государственного университета, но причиной этому было его назначение по личному распоряжению Иосифа Сталина в августе 1951 года на ещё более престижную должность директора Государственного Эрмитажа, освободившуюся после снятия всё того же Иосифа Орбели. Кроме того, Артамонов сохранил за собой профессорство и заведование кафедрой археологии в университете, которой он бессменно руководил в 1949-1972 годах (Кузьмин 1993: 234; Тихонов 2003: 198; Шнирельман 2012: 33-42,

47; Клейн 2014: 229, 231; Тихонов 2016: 83-84, 293). Исследователи говорят даже о могущественности профессора (Беляков 2013: 525). За марризм его, разумеется, пробовали критиковать (Пиотровский 1995: 265, 270; Медведенко 2006: 77, 87). «В конце 1952 года потребовалось покаяние марристов, и «Вопросы истории» в передовой последнего номера за 1952 г. призвали к покаянию археологов, в чьих работах были марристские ошибки». В их числе был упомянут и Артамонов. «...Но археологи почему-то не были склонны к покаянию...» (Некрич 1979: 92). Даже больше, Артамонов спустя некоторое время напечатал в издательстве Государственного Эрмитажа монографию «История хазар» (1962), оставив свои основные трактовки принципиально теми же (Клейн 2010: 68), только, естественно, без ссылок на Марра. Обширная книга Артамонова была направлена против ряда положений Бориса Рыбакова и его сторонников (Новосельцев 1990: 55), которые воспринимались как атака на ленинградскую школу археологии (Ващенко 2006: 79). В ней Артамонов ещё более рьяно выступал против попыток «принизить историческое значение хазар и созданного ими государства», снова повторяя, что у одних племён преобладала тюркская основа, у других – угорская, до тех пор, пока тюркский язык не приобрел полного господства. Тогда, по Артамонову, состоялось образование гунно-болгарского этнического массива, в котором местные сарматские традиции в некоторых отношениях заняли господствующее положение и который стал предками чувашского народа (Артамонов 1962: 37, 43, 56, 68, 102, 115, 174). Возможно, именно взгляды Марра прямо или подспудно определили и тот факт, что в данной работе, содержащей многочисленные интересные наблюдения, этноним «русь» связывался не с варягами, а с южным, среднеднепровским племенным образованием (Артамонов 1962: 365-366; Новосельцев 1990: 55-56). Даже в последних своих работах, считая варягов норманнами и славяно-норманнами, Артамонов определял кагана рос как главу среднеднепровских славян, доказывая, что славянское государство в Среднем Поднепровье не могло получить своё имя от варягов, оно унаследовало его от ираноязычных роксоланов, которые, по его мнению, были тождественны росомонам готского времени (Артамонов 1990: 286-287).

Под крылом Артамонова Государственный Эрмитаж стал пристанищем для тех, кто был в опале у Бориса Рыбакова, научным центром, оппозиционным к якобы «верноподданным» московским археологам (Алешковский 1999: 31-32). Однако те минувшие события, видимо, побудили его к поиску новых личностей, молодых умов, способных укрепить и усилить ленинградскую группировку археологов, подав свежие идеи (Тихонов 2003: 199, 203). Свою роль как руководителя кафедры Артамонов недаром определял как сводящуюся «к направлению её деятельности к определённой цели, к созданию дружного, творческого коллектива, не раздираемого склоками, но вместе с тем строго критически следящего за деятельностью своих членов». Ставилась задача из студентов воспитать специалистов, которые пойдут в науку (Тихонов 2003: 202-203). Как описывал Глеб Лебедев, Клейн в когорте учеников, отобранной и взращивавшейся Артамоновым, всегда занимал особое место. Именно ему было поручено разрабатывать ключевые проблемы ранней истории, которые интересовали самого Артамонова в качестве «поля боя» (Лебедев 2004: 34), а именно происхождение славян, взаимоотношения славян и готов, происхождение скифов, этногенез индоариев, семантика совместных погребений катакомбной культурно-исторической общности. Наряду с «хазарской проблемой», главным специалистом по которой Артамонов полагал себя, он никогда не упускал из поля зрения симметричную ей «норманнскую проблему» и считал ключевым для российской истории «варяжский вопрос». Именно туда он направил и поддержал исследования Клейна (Хлевов 1997: 73; Лебедев 2004: 31; Томсинский 2014: 359-360). Сам Клейн тоже готов был признать, что почти все его работы по перечисленным выше направлениям целенаправленно продолжают начатую Артамоновым линию, от проблем скифского искусства и до борьбы с антинорманизмом: «...Его статью о совместных погребениях продолжает моя статья о богатых катакомбных погребениях и еще более точно – моя статья о смысле совместных погребений... Он разработал этногеографию Скифии – и я разграничил ...территории скифских племен. Он написал о происхождении скифов – и я выдвинул гипотезу о происхождении скифов-царских... Он не согласился с господствовавшей теорией о варягах – и я этим занялся, только более радикально» (Клейн 2010: 69). Дискуссия вокруг книги Игоря Шаскольского о норманнской теории на историческом факультете Ленинградского университета в 1965 году курировалась именно Артамоновым, благодаря чему она не имела последствий для участников. Наоборот, семинар Клейна получил санкцию на продолжение своей работы (Лебедев 1999: 103; Тихонов 2003: 203). Кроме того, Михаил Артамонов принял решение поставить Клейна на идеологически важное направление – общую теорию археологии. «Нам нужен теоретик», – говорил он, представляя Клейна на кафедре (Лебедев 2004: 31). Теоретические взгляды Клейна на археологию как на вспомогательную, источниковедческую дисциплину восходили как раз к теоретикам Государственной академии истории материальной культуры начала 1930-х годов. Развивая их позицию, Клейн настаивал, что требуется сложная и длительная процедура исследования вещественного источника, прежде чем переходить к общеисторическим выводам. При его участии кафедра стала инициатором дискуссии о фундаментальных понятиях археологии: «археологическая культура» и «тип» артефактов. В этой дискуссии 1969 года принял участие и Михаил Артамонов, сделав на заседании кафедры доклад о соотношении археологической культуры и этноса. По словам историка археологии Александра Формозова, «Клейн всегда подчёркивал свою приверженность к марксизму и критиковал работы учителей и сверстников за то, что идеи марксизма они толком не усвоили и применять не умеют» (Формозов 2006: 87-88; Тихонов 2003: 206). Радикальный материализм

Клейна подмечают также Стивен Хризомалис и Андрэ Костопулос (Chrisomalis, Costopoulos 2013: XX). Философ и историк Сергей Щавелёв даже мимоходом отмечал у Клейна ностальгию по стройности «единственно верной теории» и попытки её гальванизировать, поскольку, составив себе среди зарубежных коллег репутацию археолога-марксиста ещё в позднем СССР, тот и дальше именовал свою теоретическую конструкцию «диалектикой археологии» (Щавелёв 2013: 117).

Об Артамонове Клейн вспоминал именно как о «лидере оппозиции школе Рыбакова» и рассматривал своё противостояние «московскому академику» не иначе как продолжение линии Артамонова (Клейн 2010: 185, 225). Ведь главой и опорой московской группировки археологов был всё тот же, что и в 1950 году, Борис Рыбаков. Такое понимание себя самого прежде всего как «борца», а не как труженика науки, уже вызывает подозрения в необъективности. Парадоксально, но как раз ленинградская группа археологов, обвинявшая оппонентов в предвзятости и мифотворчестве, культивировавшая либеральные взгляды и полушутливо ассоциировавшая себя с «прогрессорами» из фантастических романов кумиров советской либеральной интеллигенции братьев Стругацких (Томсинский 2014: 359-361; Щавелёв 2012: 195-196), исторически восходила к сторонникам упомянутого выше марризма – сложного, неоднозначного, но в области археологии очень далёкого от научности учения, наиболее тесно связанного по своему зарождению и развитию с тоталитарным режимом и сталинщиной (Алпатов 2004; Илизаров 2012). Своеобразным реваншем ленинградцев запахло спустя сорок лет после разгрома приверженцев теорий Николая Марра. Воспользовавшись новыми политическими веяниями в стране, ленинградская группа попыталась низвергнуть московскую, в том числе, отстранить от руководства её непосредственного главу (Клейн 2004: 69). Предлогом для свержения закономерно должна была выступать научная критика. Озвучить эту критику в части славянской мифологии, трудами по которой был широко известен Борис Рыбаков, доверили тому, кто подходил по перестроечным представлениям о добронравии и своеобразном мандате на обличение руководящих кругов, – Клейну как «диссиденту» и «узнику совести» (Лебедев 2004: 38; Клейн 2004: 69; Мосионжник 2016: 70), на тот момент безработному и лишённому научной степени. Даже тюремные мемуары Клейна вписались в общую струю перестроечной лагерной прозы (Матяш, Пономарев 2020: 22). Кроме того, Клейн вступил в общественно-политический клуб верхов демократически настроенной интеллигенции города «Ленинградская трибуна» при журнале «Звезда» и был в составе его ленинградской делегации на Первом слёте демократических организаций России (Клейн 2010: 402), то есть активно формировал соответствующий имидж. Предварительно он должен был показать свою компетентность в области славянского язычества. Статьи на эту тему, которые публиковались под его именем, были очень разные по объёму и доказательности, одним из них был и текст о боге Роде, существование какового Клейн полностью отрицал. Он появился в печати уже в 1990 году, через два года после снятия Рыбакова с поста (Клейн 1990).

Сложно сказать, запоздала ли эта статья или была направлена уже в спину ушедшему академику. Понятно, что смысл критики состоял не в установлении научной правды о Роде как таковом (Клейн 2010: 450, 452; Leach 2015: 75-76), а в том, чтобы поколебать наиболее известные и яркие тезисы критикуемого учёного. Судя по всему, Бориса Рыбакова Лев Клейн воспринимал как своего личного врага, не скрывая этого (Клейн 2010: 224-226, 231, 258, 268-269, 283, 285, 310, 324, 386, 415, 418, 620). Хотя на самом деле они явно находились в разных, фигурально говоря, весовых категориях, Клейн полагал, что именно Рыбаков повинен в его злоключениях, рассматривая их как «помощь ...академику Рыбакову и его школе – убрать из археологической науки того, кто доставляет беспокойство» (Клейн 2010: 332, 386, 415). Такого же мнения придерживались и некоторые знакомые Клейна: «Разумеется, бурная деятельность ленинградцев не могла не беспокоить власти предержащие, в частности, Б.А. Рыбакова. И Клейн был устранён...» (Формозов 2006: 88).

Поэтому Клейн потрудился перевести научную дискуссию по частным вопросам реконструкции славянской мифологии в политическое русло, довольно тенденциозно описав на основании сплетен, кривотолков и слухов взгляды Бориса Рыбакова (Клейн 2014: 201-202). Всё это было беспочвенно (Чубур 2003: 331). Клейн всячески старался опорочить имя Рыбакова и обесценить его вклад в науку, представив «учёным невеждой, самоуверенным дилетантом, делающим скандальные промахи», «эрудированным и воинствующим дилетантом» (Клейн 2004: 70, 88; Клейн 2010: 401, 642; Королев 2020: 113-114). Он постоянно прибегал к личностной характеристике оппонента, не особо ограничивая себя моральными рамками, как и в других случаях. Как было констатировано его коллегами, Клейн «на удивление подмечает, прежде всего, принижающие человека чёрточки, оставляя в стороне его главные заслуги и достоинства» (Засецкая 2020: 745-748). Даже выводы Рыбакова о месте и роли Рода в языческом пантеоне славян Клейн всецело объяснял его происхождением из старинной старообрядческой семьи и семейными религиозными традициями, приписывая желание представить славянское язычество монотеистической религией (Клейн 2004: 53). Одинок он в этом не был. До него на старообрядческое происхождение Рыбакова, которое якобы заставляло его доказывать превосходство всего русского, упирал Александр Некрич (Некрич 1979: 338). На самом деле старообрядчество не имело влияния на становление взглядов будущего академика (Бесков 2016: 79). Но Клейн под воздействием трудов канадского археолога-марксиста Брюса Триггера и французского историка и археолога, коммуниста Алена Шнаппа твёрдо придерживался мнения, что социальные факторы, в том числе, служба тоталитарным режимам, империализм, колониализм, национализм, влияют на интерпретацию археологических данных (Moro Abadía 2013: 98). Характерно,

что упрёки со стороны Клейна в том, будто бы взгляды Бориса Рыбакова всецело проистекают «из патриотических чувств и национальной гордости», что он является «русским националистом», «ультрапатриотом», стремящимся любой ценой возвысить своё отечество (Клейн 2004: 70, 212; Клейн 2010: 225), прямо восходили к далеко не безопасным обвинениям Рыбакова в идеализации прошлого «в угоду вредным националистическим тенденциям», выдвинутым ещё в 1948 году одним из вождей ленинградцев, марксистским археологом Владиславом Равдоникасом (Алымов 2009: 15). Подобные грехи, за компанию с Борисом Рыбаковым, пытались в то время приписать даже его юным студентам – участникам Деснинской археологической экспедиции во Вщиж 1949 года (Кабо 1995: 129). Тем не менее, на самом деле Клейну, возможно, жестоко отомстил кто-то из его окружения за высокомерие, которому, среди прочих, подвергся его собственный близкий друг, специалист по археологии Южной Сибири и Центральной Азии, археолог Александр Грач:

«…Я предложил Грачу попросить отзыв у нашего общего приятеля, доцента, с которым Грач когда-то вместе учился в университете. Назовем его NN. Грач тут же ему позвонил: «Послушай, NN, я вот написал предисловие для списка литературы к кандидатскому экзамену, но для издания нужен чисто формальный издательский отзыв. Может, напишешь прямо сейчас?» «Приноси, я посмотрю», – солидно, как подобает доценту, отвечал NN. Грача слегка передёрнуло, но делать нечего, отвез ему предисловие. Мы с Грачом потом говорили, что окажись NN на его месте, а это вполне могло бы быть, любой из нас тут же, не глядя, написал бы ему положительный отзыв на любую работу просто из чувства товарищеской солидарности.

Через несколько дней NN «разъяснял» Грачу, что его предисловие нуждается в серьёзной доработке. Он говорил: «У тебя нет никакого анализа работ твоих предшественников в области философских вопросов археологии. Ты не читал Кента Флэннери, ты не учитываешь позиции Дэниела и Ренфрью, ты не споришь с Раузом, не упоминаешь, наконец, мои работы...» Грач постепенно мрачнел, а потом взбодрился, повеселел и сказал:

– NN, милый, я ведь не претендовал на серьёзную статью, это всего-навсего предисловие к списку литературы, просто хотелось показать, что я ещё не растоптан, что могу что-то сочинять и печатать, а к тебе обратился как к старому другу, но я как-то не подумал о том, что ты у нас теоретический бог.

– Да, – сказал NN, не уловив иронии и вздёрнув левую бровь, – я бог, поэтому я строг, но справедлив.

Накануне похорон Грача NN был арестован по совершенно вздорному обвинению и провел полтора года в узилище. Всем нам было его очень жалко…» (Шер 1998: 65–66). Разумеется, речь идёт о Льве Клейне, задержанном за два дня до смерти Александра Грача.

Публицист Виктор Топоров, описывавший события в Ленинграде того времени, вообще полагал, что обвинение, выдвинутое Клейну, имело под собой весьма реальные основания (Топоров 1999: 304-305). В археологической среде высказывались и другие, вполне корректные и вежливые сомнения в достоверности этой части его мемуаров (Щавелёв 2012: 196). Здесь необходимы дальнейшие, беспристрастные исследования историков науки.

Сочинения Льва Клейна по славянской мифологии были в 2004 году сведены им воедино в книге «Воскрешение Перуна. К реконструкции восточнославянского язычества» (Клейн 2004), с претензией на переворот в изучении язычества и противопоставлением себя всей прежней профессиональной науке, прежде всего Борису Рыбакову (Клейн 2004: 102; Клейн 2010: 452-453). Категорически нельзя согласиться с Евгением Дувакиным по вопросу оценки «стилистических качеств» данной книги. Вопреки его мнению, что «она структурирована с безупречной логикой и написана живым, ясным языком» (Дувакин 2020: 152), на самом деле книга лоскутная, сумбурная. «Местами Клейну хочется доругаться – даже с давно почившими оппонентами» (Пономарев 2010: 351). Нет в ней и особого «разнообразия и занимательности материалов» (Дувакин 2020: 152), если не понимать под этим, что старые статьи Клейна, действительно научные, заметно отличаются по содержанию от основного текста. Они из него просто торчат. Через много лет после их написания Клейн попробует эти тексты объединить домыслами и сатирическими пассажами в другом стиле, ведь у него не будет достаточного количества научных статей на эту книгу. Уровень этих новых пассажей, граничащих с памфлетом, сильно смущает. Он на удивление сильно контрастирует со старыми статьями про Перуна и резко снижает научность книги. Явно планировалось нечто академическое, а не вышло в силу нехватки текстов, и автор стал соединять их искусственно, в том числе неуместным в научном тексте юмором. Во многих случаях это было не совсем оправданно. Так, в качестве курьёза, повода посмеяться Лев Клейн указывал на гипотезу Бориса Рыбакова, по которой древнейшим прототипом Змея Горыныча является мамонт, черты которого могли удержаться в памяти населения на протяжении десятков тысячелетий (Клейн 1997: 291-292; Клейн 2004: 79-80). В то же время у Клейна не вызывали протеста не менее смелые гипотезы касательно былин его не менее известного преподавателя, марриста, а затем структуралиста Владимира Проппа типа: «В чудовищах первоначально воплощены хозяева стихий, которые с культурным и техническим прогрессом становятся ненужными и вредными и уничтожаются героями эпоса. У различных народов на позднейших стадиях развития эпоса эти чудовища воплощают различные враждебные народу начала. В русском эпосе змей, Тугарин, Идолище, Соловей-разбойник представляют собой унаследованные с древнейших времен мифологические чудовища» (Пропп 1958: 35-36). Пропп откровенно искал в былинном эпосе следы первобытнообщинных отношений и древнейших охотничьих сказаний, фоном в которых была бы сугубо добыча зверя: «Развитое земледелие, полеводство, появляется только с созданием государства; древнейший герой не земледелец, а охотник.

Есть одна русская былина, в которой герой должен быть признан архаическим охотником, – это былина о Вольге Святославовиче. В свете приведенных материалов его следует признать одним из древнейших героев русского эпоса» (Пропп 1958: 37). Такой первобытный слой героического эпоса, получается, действительно вполне мог относиться к эпохе охоты на мамонтов, не говоря уже о волшебной сказке, которая гораздо древнее. Но есть и некоторые лингвистические факты, которые удивительным образом вполне могут быть истолкованы в пользу не такой уж и фантастической версии Бориса Рыбакова. В частности, Елена Семека-Панкратова, востоковед, буддолог, работавшая в Институте востоковедения, но эмигрировавшая в 1974 году, через несколько лет после эмиграции опубликовала англоязычную статью о змеях в индийской мифологии, с которой Рыбаков, по всей видимости, не был знаком. Она сделала наблюдение, что уже в таких архаических текстах, как «Шатапатха-брахмана» (XI, 2, 7, 12), санскритский термин nāga, обозначавший мифического демона-змея, употреблялся также в значении ‘слон’. Это значение, присущее древне- и среднеиндийским текстам на санскрите, сохранялось и в некоторых новоиндийских языках. Все лингвистические попытки интерпретировать эту полисемию данного слова увенчались провалом (Semeka-Pankratov 1979: 237-238). Поэтому вопрос об отражении этого доисторического периода в славянском фольклоре, пожалуй, следует оставить открытым, вопреки Клейну.

Не удалось Клейну опровергнуть и другой яркий образ из книг Бориса Рыбакова, проникший в массовую культуру, – Ящера, «хозяина подводно-подземного мира» (Рыбаков 2002: 40-41, 120, 140; Рыбаков 1987: 152-153, 206-208, 278-293). Клейн привлёк работы этнографа Татьяны Бернштам и заявил, что Ящер из детских игр – «это совершенно другая фигура», никоим образом не «гиперболизированная ящерица» (Клейн 2004: 88). Между тем, сама Татьяна Бернштам включает игровой образ Ящера (Ящура) «в широкий пласт мифологических представлений восточных славян о Змее и Пращуре, в системе которых сосуществовали и сочетались как верховные божества небес..., так и мужские божества низшего ранга, более имевшие отношение к различного рода водным культам (вместе с женскими), часто выступающие в зверином или змееобразном облике». По мнению Бернштам, Ящер как раз обладал «признаками гигантских рептилий, т.е. предположительно может рассматриваться как синоним Дракона», «по внешнему виду, месту своего пребывания и поведения он очень близок к сказочным и былинным змеям, в частности к Змею Горынычу». Исследовательница делает вывод, что Ящер, обладая качествами соблазнителя, любовника, насильника женщин, будучи связан со «стихией подземного мира», принимал участие в переходных обрядах молодёжи (Бернштам 1988: 26-27; Бернштам 1990: 18-24, 28; Бернштам 2011: 72, 164). Таким образом, Клейн умышленно фальсифицировал её выводы, на самом деле не столь уж отличные от взглядов Рыбакова и не особо им противоречащие. Вопреки Бернштам, игра издавна была известна не только в Беларуси и России, но и в Украине (Каковский 1892: 448; Літала 1990: 24). Современные этнографические исследования показывают сакральность этой игры, её приуроченность к зимним календарным празднествам (Berkovič 2015: 144-146). Вполне убедительными выглядят и выводы Бориса Рыбакова (Рыбаков 2002: 388-389) относительно наличия Ящера в польских текстах пастырского характера первой четверти XV века, в задачу которых входило бороться с пережитками язычества в верованиях и обрядах простонародной паствы. Статут провинциальный вкратце 1420-х годов, Ченстоховская рукопись Яна из Михочина 1423 года, проповедь польского гусита начала XV века, недавно опубликованные польские глоссы к проповедям Яна Домбровки, умершего в 1472 году, подают его имя среди одних и тех же теонимов как Yassa, Ysaya, Yesse, Gyessze, Jassa (Былина 2000: 31-32, 34-35; Brückner 1924: 10-12; Urbańczyk 1947: 8; Lowmiansky 1979: 212-213, 215; Gieysztor 2008: 192-193; Рыбаков 2002: 380-381). Вероятно, к ним следует присовокупить словенское свидетельство в виде Jasomirgott – прозвища австрийского герцога Генриха II Бабенберга, возможно, являющегося теонимом (Birnbaum 1977: 33-35). Примечательно, что «Истинная повесть об основании монастыря на Лысой горе» 1538 года упоминает, вместо Яши, в том же окружении польских языческих божеств некоего неизвестного Boda (Gacki 1873: 15-16; Brückner 1924: 14; Gąssowski 1968: 47; Gąssowscy 1970: 26; Gieysztor 2008: 200; Рыбаков 2002: 381-382). Осетинский исследователь Алан Туаллагов удачно сопоставил замещающее Ящера-Яшу польское божество по имени Бода со змееподобным Бадняком южнославянской мифологии. С образом последнего связан новогодний обряд сжигания полена, имеющий аналоги у осетин. Как и нартовский Бедзенаг-Бадыноко, Бадняк, возможно, сопоставим с Ахи Будхнья – ‘донным (глубинным, корневым) змеем’, персонажем ведийской мифологии, обладающим змеиной природой и в своих истоках идентичного со змеем Вритрой (Туаллагов 2001: 132-133). Характерно, что праславянское *jaščerъ само является иранизмом, распространившимся в говоры современных славянских языков из Поднепровья, в котором археологически засвидетельствовано продолжительную ассимиляцию славянами иранских культурных влияний (Тищенко 2006: 124-126).

Причём тексту Клейна можно поставить в укор то, что он инкриминировал Борису Рыбакову (Клейн 2004: 71, 102). Он почти не содержит ссылок на нероссийские книги, новая зарубежная литература по мифологии просто упомянута в обзоре всуе, на неё практически нет ссылок. Её банально выписали из списка и прилепили в книгу, чтобы создать впечатление новизны. Книги, изданные позже 1990 года, стоят в списке литературы, но не анализируются и практически не привлекаются (Клейн 2004: 48-49, 102). Многие важные работы даже советского времени, проигнорированы, и, как можно будет видеть дальше, небеспричинно, так что его историографический анализ никоим образом не «скрупулёзный» и уж точно не «лучший из всех существующих» (Дувакин 2020: 155). Совершенно дикими и антина-

учными являются некоторые выводы Клейна, в частности, его эвгемеристические фантазии, по которым у западных славян вместо богов были исключительно обожествлённые предводители: «В условиях ожесточенной борьбы с германцами западные славяне, судя по именам их богов, на места богов подставляли своих героизированных князей-полководцев и князей-жрецов, которые после смерти становились богами подобно римским императорам. Меч и боевой конь были естественными их атрибутами, ибо война была их главным делом. Погребальные культы неких исторических личностей, ставших легендарными и окруженных посмертным поклонением, постепенно слились с почитанием богов, и образы героев переросли в образы богов. Так были вытеснены старые общеславянские имена богов – ещё до крещения» (Клейн 2004: 248). По мере отдаления от первоначальных статей в качестве аргументов у Клейна всё чаще фигурировали его собственный обсценный юмор, чьи-то «живые, ясные» анонимные пересуды, современные стихи, порнографические рассказы из Интернета и литературное описание Максимом Горьким пьяной забавы деклассированных горожан, которые пародировали хорошо известный им церковный обряд, не имеющий ни малейшего отношения к языческим умирающим и воскресающим божествам славян (Клейн 2004: 54, 71, 104-105, 123-124, 126-129, 368-370, 376-377). Дополнением служили пикантные описания половых отношений Новой Гвинеи и Меланезии (Клейн 2004: 377-378). Эти моменты не прибавили книге веса (Прозоров 2006: 52). Не соответствовало действительности и изображение неоязычников, разумеется, обвинённых в увлечении идеями Бориса Рыбакова, как ксенофобских общин с жёсткой иерархией и вождеством (Клейн 2004: 108-115; Клейн 2010: 452-453), которое вообще не имело ни малейшего отношения к теме книги и научным интересам её автора, а просто было призвано немного сместить акценты с осуждения чрезмерного патриотизма на борьбу с ультраправым экстремизмом. То есть всё, что было дописано Клейном после 1990 года, почему-то отличалось резко и по стилю изложения, и по научному уровню. Зато сам этот стиль имел весьма престижные истоки, неожиданно связанные с политическими предпочтениями Клейна. Философ Андрей Поцелуйко обратил внимание автора этих строк на знаменитое сочинение Владимира Ленина «Материализм и эмпириокритицизм. Критические заметки об одной реакционной философии» (1908), изучение которого входило в программы всех высших учебных заведений СССР по общественным предметам и служило «философской «библией» официальных советских интеллектуалов» (Сервис 2002: 220). А ведь это стиль Льва Клейна один в один: «нелепая и реакционная теория», «учено-философская тарабарщина», «профессорская галиматья» и «беспросветная схоластика». Идеализм рассматривался Лениным как «безмозглая философия», поскольку там «мысль существует без мозга» (Ленин 1968: 43, 73, 91). Поразительна схожесть с той манерой, в которой Клейн говорил, например, о теории основного мифа Вячеслава Иванова и Владимира Топорова, объявляя её без особых утруждений «натяжками, декларативностью, просто заумью и несерьёзной игрой словами». По его мнению, там только «многозначительные намёки», «тонкая и неразборчивая вязь косвенных выводов, длинные цепочки с перескакиванием через слабые звенья», «фактов – кот наплакал, всё соткано из домыслов и натяжек» (Клейн 2004: 61, 65). Такое смешение научной и публицистической манер письма давало Клейну основания подавать в качестве «научных» нечёткие художественные допущения, но при этом время от времени пользоваться научной терминологией, теряющей в таком употреблении свою определённость.

Касается это и бога Рода. Как известно, Клейн безапелляционно заявил: «Документально Род известен только в России и только по одной категории источников – поучениям отцов православной церкви, направленным на искоренение суеверий, в том числе пережитков язычества» (Клейн 1990: 25; Клейн 2004: 183; Leach 2015: 76). Между тем, старинный польский троицкий обряд «Родусь», известный с начала XVI века и преследуемый как языческий, является убедительным доказательством наличия бога Рода у западных, а не только у восточных славян. Он принадлежал к типу обходных магических обрядов, широко представленных в календарном цикле славян (Рахно 2020). Клейн об этом обряде не имел понятия, поскольку не пожелал ознакомиться с польской этнографической литературой, зато вторая часть его радикального утверждения является умышленной и преднамеренной дезинформацией, рассчитанной на тех, кто не знаком с первоисточниками по славянскому язычеству.

К тому же, Род действительно упоминается и характеризуется в имеющих назидательный характер «Слове святого Григория, изобретено в толцех о том, как первое погани суще языци кланялися идолом и требы им клали» (Гальковский 1913: 22-25; Миура 2008: 526-528), «Слове Исайи пророка, истолковано Святым Иоаном Златоустом о поставляющих вторую трапезу Роду и рожаницам» (Гальковский 1913: 86-89; Миура 2008: 522-523), «Слове некоего христолюбца» (Гальковский 1913: 41-45; Миура 2008: 524-525), а также в близком к ним богословском полемическом тексте «О вдуновении духа в человека» (Гальковский 1913: 97-98; Миура 2008: 517). Но, как отметила основательница «православной этнографии» Татьяна Бернштам, которую не заподозришь в симпатии ни к язычеству, ни к Борису Рыбакову, киевоурусская церковная письменность является ценнейшим и не менее важным, нежели фольклор, источником знаний о языческих богах и обрядах славян Киевской Руси и средневековья, в специальных доказательствах не нуждающемся (Бернштам 2000: 231). В самом деле, давно замечено, что почти за все описания верований, которые известны из эпохи средневековья, следует быть благодарными заинтересованности церкви, поскольку та должна была выработать соответствующее оружие для преодоления языческих народных традиций путем полемики или апологетики (Klapper 1915: 19). Комментируя нигилистические точки зрения Льва Клейна и его гораздо более радикальных антинативистских эпигонов Владимира Петрухина и Николая Зубова, славист Владимир Мильков, в свою очередь, довольно

прямо высказался, что при такой трактовке церковным полемистам впору ставить в укор как отсутствие понимания сути объекта критики, так и отрыв киеворусских характеристик язычества и двоеверия от реалий жизни. И если верен вывод о воспроизведении византийских образцов и малоинформативных стереотипов, имеющих весьма опосредованную связь с собственно реликтами язычества, к которому приходит Владимир Петрухин, то есть все основания усомниться в квалификации средневековых церковных полемистов. Получается, либо они не понимали, о чем говорили, либо при воспроизведении штампов не касались сути дела. Но тогда неясно, ради чего и против чего создавалось большое количество антиязыческих поучений. По верному наблюдению Милькова, Клейн с последователями так и не объяснили, почему якобы никогда не существовавший Род был сближен средневековым полемистом с Творцом (Мильков, Симонов 2011: 227, 238). Елена Грузнова указывает, что взгляды антинативистов, считающих, будто бы действительная народная обрядность христианских книжников не интересовала, плохо согласуются с самими источниками и этнографическими материалами, которые показывают наличие упоминаемых в церковно-учительной литературе явлений как в Киевской Руси, так и в современной России. А попытки объяснить эти явления заимствованием из других культур, в том числе византийской, вообще ничего не проясняют. Ведь такие римские обычаи, как служение богам, принесение жертв, счет звезд, землемерие, волхование, гадание по снам и птицам, раннехристианские авторы тоже обличали как заимствованные у других народов, однако это не мешает исследователям считать их языческими и вполне римскими. Поэтому исследовательница не отрицает наличия представлений о Роде, прямо причисленном в «Слове Исайи пророка» к «кумирамъ суетнымъ», как о небожителе и покровителе чадородия, связанном с изображениями фаллоса и ответственном за воспроизведение потомства (Грузнова 2012: 31, 97, 107). Исследователь гомилетической литературы Иржи Дында настаивает, что поучения против язычества почти всегда были сосредоточены на практических вопросах повседневной жизни и отправления религиозного культа. Он полагает, что Род был мифологической сущностью, метафорой человеческого деторождения и именем отдельного божества, которое сыграло заметную роль в создании первого человека, став покровителем семьи и рода в целом, и даже если там были какие-то византийские влияния, то всё равно они ложились на проявления концептуально-идеологического славянского языческого субстрата, который состоял из абстрактных категорий, реализируемых, конкретизируемых и персонализируемых для потребностей символической системы (Dynda 2019: 13, 120-122).

Однако поучения против язычества являются не единственным жанром этой письменности, в которых упомянут бог Род. Его имя содержится, прежде всего, в 33-м пункте «Вопрошания» Кирика Новгородца, которое представляет собой не поучение, а характерный для средневековья текст по установлению норм церковного права в вопросно-ответной форме. Среди прочего, Кирик обратился к киевскому митрополиту Клименту Смолятичу с таким вопросом: «Аже се Роду и рожаницѣ крають хлѣбы, и сыры, и медъ?» Климент категорическим образом рекомендовал пресекать данный обычай, отмечая силу, с которой за него держится народ: «Бороняше велми: нѣгдѣ, рече, молвить: «Горе пьющимъ рожаницѣ» (Мильков, Симонов 2011: 232, 369, 486-487; Рыбаков 2002: 428; Миура 2008: 520-522).

Клейн также не мог не знать, что в неоднократно цитированном новгородском «Уставе преподобного Саввы» XVI века предлагается задавать на исповеди такой вопрос касательно богов языческого пантеона: «Ли сплутила есі с бабоми богомерьскыя блуды, ли молилася еси виламъ, ли Роду и роженицамъ и Перуну и Хорсу и Мокоши, пила и ела?». За это полагалось три лета поста с поклонами (Горчаков 1874: 136; Смирнов 1909: 224; Аничков 1914: 267). Исследователи также обратили внимание на другой памятник такого же рода, относящийся к первой половине XVI века, – «Чин последованию и исповеданию князем и бояром и всем православным христьаном отцем духовным», где содержалась другая огласовка теонима – Хурс, известная из некоторых житий и поучений (Васильев 1998: 13, 17). Это явное указание на иной источник его происхождения, на отсутствие механического переписывания, которое порой предполагают. Между вопросами, предлагавшимися на исповеди женщинам, находился и такой: «Чи молилася ес(и) виломъ, і Роду, и роженицамъ, і Перуну, Хурсу, и Мокошы», за что полагалась епитимия – два года поста (Отчет 1893: 122). Другие церковные требники XVI века тоже сохраняют эти покаянные вопросы с упоминанием божеств: «Или чашу пила з бабами бѣсомъ, или трапезу ставила Роду и роженицамъ?», «Не молилася ли виламъ и Роду?», «Молилася еси виламъ, и Роду и роженицамъ, и Перену, и Хорсу, и Мокоши пила и ѣла? 2 лѣта постися» (Каратыгин 1877: 433; Корогодина 2006: 70, 462, 470).

Хотя, вопреки мнению Марии Корогодиной, вопросы о молении «бѣсамъ» встречаются не только в женской части требников (Корогодина 2006: 225), но только в них есть упоминание имён почитаемых богов. По мнению многих исследователей, это служит лишним подтверждением реальности поклонения перечисленным мифологическим персонажам на Руси. Ведь, как справедливо заметил религиевед Михаил Васильев, в проповедях и тем более в исповедальных вопросах не могло идти речи о том, о чём паства не знала. Они должны были обличать реальные языческие культы, обряды и обычаи, которые продолжали существовать и с которыми церкви приходилось бороться: странно было бы говорить в проповедях о том, о чём никогда не слышали те, к кому они были обращены, укорять их за то, что они никогда не делали (Васильев 1998: 13, 17). Историк Лев Прозоров отмечает, что исповедальные вопросы – это, собственно говоря, инструкция, жанр сугубо практичный и злободневный, чуждый всяческой «традиции» и не предполагающий никаких «воспоминаний» о полутысячелетних древностях. Если в XVI веке такой вопрос задавали на исповеди, это может означать лишь одно – кто-то совершал подобные «проступки» именно в это время (Прозоров 2016: 288; Прозоров, Калинкина 2012:

23). Пункты о трапезах Роду и рожаницам неслучайно были составной частью вопросов о молении женщин бесам и идолам (Грузнова 2012: 97). Вера в языческих богов сохранялась и через шестьсот лет после крещения Руси. Попытки объяснить упоминание поклонения низвергнутым Владимиром кумирам некоей «традицией» всерьёз принимать нельзя: ведь не слышат же наши православные современники на исповедях «по традиции» вопросов, не общались ли они с гуситами и стригольниками (Прозоров, Калинкина 2012: 23). Полное непонимание Клейном основ христианского быта дополнительно привело его к искажению научной истины.

Независимым от поучений является и, к примеру, свидетельство о связи культа Рода и Рожаниц с зимней, возможно, поминальной обрядностью. В подборке «А се грехи» из Великих Четь-Миней говорится о муковарении в понедельник после Рождества, причём приготовление этой ритуальной пищи было сопряжено с печалью и скорбью: «желя Роду и рожаницамь по Рожествѣ в понедѣльникъ муку варити и святѣи Богородици, а Роду примолвивающе» (Смирнов 1912: 46, 331; Гальковский 1916: 169). Род здесь явно субъективируется и выступает персонажем высшей мифологии, а не персонификацией семьи, рода, младенцем или чем-то подобным. Именно этот противоречащий христианству обычай приносить в церковь в первый день Рождества «муку печену, что есть велико нечестіе», «муку зъ сыромъ варену», бытовавший на территории Украины, требовал уничтожить константинопольский патриарх Иеремия в XVI веке. Киевский митрополит Михаил отозвался на его энциклику осуждением тех, кто в церковь «назавтріе Рождества Христова носятъ пирогы» (Акты 1851: 29-30; Грузнова 2012: 103, 106). Горестное празднование на Коляду вряд ли могло быть связано с новорождёнными детьми и родившими женщинами, как, на почве народной этимологии и экстраполяции на прошлое современного значения схожих по звучанию слов, представляется отдельным последователям Клейна.

Глосса с упоминанием Рода встречается в Житии и мучении святого Трифона по списку до-Макарьевской Минеи XV века: «Артеми, юже нарицають Родъ» (Срезневский 1903: 138; Мансикка 2005: 225). Речь идёт об Аполлоне, который, как и Род, во многих своих аспектах был близок индоарийскому Рудре (Grégoire, Goossens, Mathieu 1950; Puhvel 1987: 134-135; Gershenson 1991: 20, 30, 125; Oberlies 1998: 206-207, 214-215; Allen 2007: 205). Житийная литература к поучениям против язычества не относится, а составляет отдельный жанр.

Не всё так просто и с фразой из Толстовского и Покровского списков Первой редакции «Моления» Даниила Заточника: «Дѣти бѣгають Рода, Господь пьяного человѣка» (Зарубин 1932: XXXI, 24; Миура 2008: 517), как это представляется Льву Клейну (Клейн 2004: 189). Попытка истолковать его как «безумного, сумасшедшего», приняв конъектуру «урода» (Лексика 1981: 172) небезупречна, равно как и усилие Вильо Мансикки опереться на более понятную фразу киеворусской «Пчелы»: «Ефремъ Сиринъ рече: люди бѣгають урода, Богъ пьяна человѣка» (Мансикка 2005: 225), выявленную ещё знатоком фольклора и старинных памятников письменности Иваном Сахаровым (Сахаров 1843: 154). В сочинениях преподобного Ефрема Сирина и Исаака Сирина, порицавших пьянство, её прототипа не обнаруживается. Многочисленные подражания Ефрему Сирину зато выходили из-под пера киеворусских книжников (Архангельский 1888: 52-53). Более того, не «Пчела» выступала источником «Моления», а, наоборот, поздние редакции «Пчелы» обращались за материалом к «Молению» (Сперанский 1904: 313). Борис Рыбаков видел здесь отражение связи бога Рода с громом и молнией и соответственно страха детей перед грозой (Рыбаков 2002: 436). Поэтому в связи с темой бега/избегания у Даниила Заточника обращают на себя восточнославянские суеверные запреты быстро бегать во время грозы, чтобы гром не убил человека, приняв его за чёрта, а также вообще бегать в Ильин день по дорогам, и особенно на перекрёстках (Морозов 1995: 146).

Важным доказательством реального существования бога Рода являются его параллели в мифологии других индоевропейских народов. В частности, Клейн пренебрёг вполне обоснованным сопоставлением Рода с божеством осетин, потомков ираноязычных соседей протославян, чьё имя Наф было полностью тождественно семантически. Сопоставил их задолго до публикаций Бориса Рыбакова один из ведущих иранистов, крупнейший осетиновед Васо Абаев, который считал, что восточнославянское божество Род привлекло незаслуженно мало внимания со стороны исследователей славянского язычества. Между тем, судя по тому ожесточению, с каким нападали на его культ представители православия, это было популярнейшее в народе божество с разнообразными и широкими функциями, возможно, даже верховный бог. Выступал Род обычно в сопровождении рожаниц, женских божеств плодородия, и этим, как думал Абаев, в какой-то мере определяется природа самого Рода. Абаев сделал вывод, что культ Рода, «по всей видимости, был глубоко народным, стойко противостоял натиску христианства и немало портил крови тем, кто насаждал у славян новых богов взамен старых». Он указал на аналогичное и тоже очень популярное божество плодородия Наф, то есть буквально «Род», в языческом пантеоне осетин (Абаев, 1965: 110-111; Абаев 1973: 148). Не исключено, что к мнению о главенствующей роли Рода Абаев пришёл под влиянием историка-эмигранта Георгия Вернадского, на труды которого, богатые материалами об ираноязычных степных номадах и ирано-славянском этнокультурном взаимодействии, он не мог ссылаться по цензурным соображениям. В отличие от советских учёных, Вернадский как раз считал культ Рода и рожаниц очень значимым (Вернадский 1997: 16). Книгу Абаева «Скифо-европейские изоглоссы. На стыке Востока и Запада» Клейн знал, указав в списке литературы (Клейн 2004: 419), но даже не упомянул об этом сближении, хотя, по идее, должен был винить именно его, а не Бориса Рыбакова, в возведении Рода в ранг верховного божества.

Вполне либерально настроенный в политическом отношении украинский философ Мирослав Попович, который, в противоположность Клейну, долго и серьёзно занимался проблемой славянского язычества,

работая в рамках структуралистской методологии, и при этом довольно критично относился к трудам Рыбакова, всё же не ставил под сомнение существование Рода и был вполне уверен в правомочности его сопоставления с осетинским Нафом:

«Был ли Род только восточнославянским богом? Об этом будто говорит близость внутренней формы славянского «Род» и сармато-аланского «Наф», означавшего буквально то же самое... Однако слово с той же семантикой стало именем и одного из трех кельтских богов – бога плодородия и смерти Теутатеса. Правда, О.Н. Трубачёв (1959) отмечает, что старославянское «родъ» было чисто славянским новшеством, построенным, возможно, на метатезе иранскому «арт» – шире, индоевропейскому «ард», «арт» – и имело более абстрактное значение, чем позднее «родство». Возможна метатеза иранскому «арт», имеющему культовое значение. Но, даже если старославянское «родъ» возникло как метатеза иранскому, широкий и культовый смысл слова принадлежит общеславянской стадии. Короче говоря, культ Рода мог быть старше периода контактов славян с сармато-аланами и отражать символизируемую звёздным небом идею множественности и плодородия, а равно смерти и судьбы до великого расселения славянства» (Попович 1985: 98).

С книгой Поповича Клейн тоже должен был однозначно быть знаком, хотя и не ссылается на неё. Маловероятно, чтобы мимо него прошёл этот заметный и важный труд на тему, не самую популярную в советское время. К тому же, на наблюдение Абаева обратил внимание и неоднократно упоминал его российский археолог Валентин Седов (Седов 1976: 104; Седов 1978: 228; Седов 1999: 35), принадлежавший к московской группе. К Седову в то время присоединился и упомянутый выше Михаил Васильев (Васильев 1987: 140, 155-156), со ссылкой на труды Бориса Рыбакова высказав упрёки Вячеславу Иванову и Владимиру Топорову в том, что они в своих построениях не учли значение Рода, «культ которого играл чрезвычайно большую роль у славян». К гипотезе Абаева Васильев приобщил также давнюю статью американского лингвиста Романа Якобсона, хорошо известную Клейну, но предусмотрительно не упомянутую им при обсуждении данного вопроса. Якобсон на основании общей семантики имён сближал Рода не только с кельтским Теутатесом, но также с латинским Квирином, умбрийским Вофионом и неиндоевропейскими карельским Сюнтю, Сюндю и вепсским Сюндом, прямо калькирующими имя славянского Рода (Якобсон 1970: 618). Примечательно, что последнее божество, пребывающее на земле преимущественно в зимние Святки, карелы звали Большим или Великим Сюндю. Оно могло связываться с атмосферными явлениями. Великий Сюндю или просто Сюндю в представлениях и языке южных и тверских карел приобрёл значение Иисуса Христа либо Спасителя. У карел-людиков в ночь перед Рождеством готовились к встрече Сюндю и славили его: «Христос рождается!» Иногда в образе Сюндю появляются и мотивы звёздного неба: «Великий Сюндю-кормилец на этих звёздочках спускается сюда». А в Северной Карелии Сюндю (Сюнтю или Сюнти) в свадебных песнях калевальской метрики, прежде всего в величальных песнях, поющихся руководителю свадьбы – свадебному колдуну, сравнивался со «Спасом» или даже приравнивался к Богу-отцу, верховному «небесному Отцу», причем он действует при изготовлении ритуального пояса этого колдуна вместе с Куутар и Пяйвятар, божествами луны и солнца. Образ Сюндю встречается и в карельских эпических песнях. При этом в сюжете об изготовлении лодки он упоминается в одном ряду с мифическими героями и древними языческими божествами. В эпической «Песне Создателя» рождающийся Христос сравнивается с «Божьим днем» и «зарёй Сюндю», что опять же говорит о сравнении Сюндю с Богом-отцом, творцом всего сущего, стадиально более ранним мифологическим персонажем. Как языческого бога карел Сюндю упоминает ещё Микаэль Агрикола в 1551 году (Конкка 2007: 345-346, 349; Конкка 2015: 6-7; Иванова 2012: 87, 93-94; Haavio 1959: 3). Существовали и связанные с ним женские мифологические персонажи, например, «Баба Сюнди» (Конкка 2003: 131; Конкка 2007: 341; Иванова 2012: 92), возможно, близкие трём финским богиням Сюннютар у корней Мирового древа (Петрухин 2005: 114), что напоминает о рожаницах. У вепсов Сюнд после христианизации повсеместно приобрёл значение ‘Бог-Творец, Иисус Христос’ (Винокурова 2013: 178-179; Винокурова 2015: 360-361). Именно с этим божеством у карел и вепсов соотносились святочные девичьи гадания (Конкка 2007: 343-344, 352-357; Иванова 2012: 94-99; Винокурова 2013: 180-181; Винокурова 2015: 361). Это явно не домовой и не чтимый умерший, поэтому параллели, которые финский лингвист Яло Калима (Kalima 1928: 258-259, 263-264) и упомянутый выше Роман Якобсон провели со славянским Родом, обретают под собой твёрдую почву.

Согласны с тождественностью Рода и осетинского Нафа также ведущие осетинские этнографы Вилен Уарзиаты (Уарзиаты 1995: 49), Людвиг Чибиров (Чибиров 2008: 392), Валерий Цагараев (Цагараев 2000: 196) и украинский иранист Олег Бубенок (Бубенок 1997: 154). Речь идёт о признанных академических учёных. То, что Клейн не упоминает их давно высказанные мнения, лишний раз снижает ценность его книги и показывает его откровенную предвзятость.

Осетинская этнография и фольклор подтверждают это сопоставление. Ведь бог Наф у осетин – покровитель семьи, рода этой семьи, единства и сплоченности фамилии. Его культ, по мнению видных осетиноведов, восходил к древнеиранскому периоду и являлся наследием скифских и сармато-аланских племен (Калоев 2004: 366; Чибиров 2008: 392; Уарзиаты 1995: 49). По народным верованиям, он имел власть над плодородием, и от него зависело процветание рода (Абаев, 1965: 111; Чибиров 2008: 65; Хъайтыхъты 2008: 100). В осетинской обрядовой поэзии, описывающей пахоту богов, говорится, что всё посеяно во имя Нафа (Айларты 2012: 104). Для сравнения со славянским Родом, который имел метеорологические коннотации, важно, что Наф мог покарать нивы градом и ветрами: «Сын Уациллы Габутдзали зорко оберегал его пахотные участки, не подпуская к пашне Уахтанага (ни) полоски града, (несомого) облаком

или тучей, (ни) ветра, (рождённого) из немилости (божества) Нафа» (Ирон 2007: 6; Дзиццойты 2017: 183, 196). Бытовала отдельная поговорка: «По немилости Нафа» (Абаев 1973: 148). Эта черта сближает осетинского Нафа и с близким Роду в других отношениях индоарийским яростным Рудрой, связанным с грозой, ветром, бурей (Basham 1989: 15). Примечательно, что в средневековых бенгальских верованиях Рудра выступал как земледельческое божество, связанное с пахотой, севом, уборкой урожая (Machek 1954: 547).

Праздник в честь Нафа ко второй половине XX века уже был полузабыт и малопонятен (Чибиров 2008: 392; Уарзиаты 1995: 48). По одним данным, он был приурочен к началу весны, ближе к Великому посту, и отмечался несколько дней (Абаев 1965: 111; Абаев 1973: 148; Чочиев 1996: 40). По другим сведениям, праздник проводился в начале января (Калоев 2004: 366), сразу после первого дня Нового года и длился четыре дня (Тменова 2008: 46). Его отождествляли с христианской Всеядной неделей (Миллер 1929: 840). В то же время жители Тагаурского ущелья именовали декабрь «Два Нафа» в честь популярного праздника (Чибиров 2008: 336). Данные этнографии в подавляющем большинстве относят Наф к зимнему циклу, указывая, что время его наступления определялось по новолунию вслед за Новым годом. Наф предшествовал Комахсан, то есть Заговению (Чибиров 2008: 339, 392; Уарзиаты 1995: 48). Ещё в недавнем прошлом его отмечали все осетинские этнические группы – иронцы, дигорцы и туальцы (Абаев 1965: 111; Калоев 2004: 366; Чибиров 2008: 392). Наф был известен и кахетинским осетинам (Чибиров 2008: 392). Праздник состоял из двух частей, отмечавшихся по субботам с недельным промежутком и именовавшихся Большой Наф и Маленький Наф. Если под Новый год было новолуние, то Большой Наф отмечался в следующую после Нового года субботу, а Наф маленький – спустя неделю. Помимо них, Наф имел множество других названий, связанных с осетинскими фамилиями. В одних местах шире отмечался Большой Наф, в других – Маленький Наф (Чибиров 2008: 65, 339, 392; Уарзиаты 1995: 48). Большой Наф справлялся в честь возникновения осетинского народа, а Маленький Наф – в честь возникновения каждой фамилии. В эти дни в каждом ущелье жители праздновали по-разному. В Алагире и Туалгоме Наф начинался в первую субботу после праздника Ношения воды – Доныскафан, а Малый Наф - во вторую (Айларты 2012: 308). В некоторых высокогорных районах сохранились святилища в честь этого божества (Чибиров 2008: 392). Они, как правило, назывались Найфат (от Нафиуат ‘место Рода’) (Чибиров 2008: 394; Абаев 1973: 148, 151; Абаев 1989: 58; Уарзиаты 1995: 49). Наф был настолько глубоко почитаем, что в честь него каждая фамилия устраивала молитвенное торжественное застолье, длившееся несколько дней. Эти застолья могли собрать фамилию, все селение, и даже жителей всего ущелья, случалось и такое, когда жители всей Осетии организовали огромное празднование. Поэтому в речи осетин остались словосочетания: «Иры Наф», «Наф Харисджына», «Наф Унала», «Наф Бураевых», «Наш Наф». Подобные варианты свидетельствуют о том, что этот праздник касался соответственно всей Осетии, отдельного села или фамилии (Цгоев 2015: 342-343; Чибиров 2008: 392, 394; Уарзиаты 1995: 48). Отличительной чертой праздника являлось выпекание больших круглых пирогов «гуыдын», чем-то напоминающих новогодний «артхурон». Их могло быть один или три. Размеры пирога зависели от количества дворов домохозяев-участников праздничной трапезы. На его изготовление расходовалось восемь и более килограммов муки; местами он достигал в весе до трёх пудов. Ритуальная выпечка, характерная для этого празднества, символизировала родовое единство. Чем крупнее был пирог, тем почётнее он считался. Вместе с другими яствами его привозили к сборному пункту и после молитвы старшего делили на части по количеству дворов в селении. Представитель семьи должен был съесть свою долю, несъеденную часть забирал домой (Чибиров 2008: 392, 394; Уарзиаты 1995: 48-49). Разрезание ритуальных хлебов в честь славянского Рода упоминается Кириком Новгородцем, как было указано выше.

В некоторых селениях, например, в Сба Южной Осетии, Нафу была посвящена особая пашня. Ячмень, собранный с этой пашни, шёл на пиво, приготовляемое к празднику Наф (Абаев 1973: 148). Жители селения Архон в Алагирском ущелье Северной Осетии тоже выделяли этому богу определенный участок под ячмень и из урожая с этого участка готовили пиво к его празднику. Участок обрабатывался обычно той фамилией, на обязанности которой лежало устройство очередного общественного пира. В день праздника покровителя семьи в каждом доме пекли столько хлебов, сколько в нём было душ. Основное содержание молитвы архонцев, обращённой к Нафу, сводилось к тому, чтобы упросить его дать им «много хлебов и всякого добра». В его святилище хранился большой деревянный ковш, из которого на пиршестве пили пиво. Празднество продолжалось четыре дня (Калоев 2004: 366; Абаев 1973: 148). В святилище нельзя было петь и танцевать (Тменова 2008: 46). Ковш и возлияния, кстати, напоминают засвидетельствованные в «Слове Исайи пророка» обстоятельства поклонения Роду в Киевской Руси (Гальковский 1913: 88). О возникновении этого святилища сохранилась легенда: «Святого Нафа, говорят, похитили из Дигории три фамилии из Архона – Икаевы, Каммарзаевы и Худаловы. В Дигории Нафа звали Фацбаданом (Цициаевых). Прихватили медный кувшин, цепь, рога для питья, половник Гаста, большую миску, вилы и большой половник для вытаскивания мяса из котла. Построили молельню Нафа у себя и все украденные вещи положили туда, поставили там и котёл. В (святилище) молельне, говорят, жил голубь, и он всегда ходил по краю кувшина вкруговую. Но однажды один пастух увидел его и закричал: «Тревога!» Люди все прибежали и спрашивают пастуха: «С какой стороны тревожно?» И пастух им говорит: «Кому куда хочется, пусть туда идет». Пастух был пришлым, и в святилище его не пускали. Чтобы им навредить, он закричал, и голубь испугался и улетел. А это был ангел в образе голубя. После этого пастух ослеп. А был он из фамилии Дулаевых из Куртата. На следующий год он в Наф привез жертвенное животное.

Как только произнесли молитву, пастуха подвели к цепям Нафа, и он тут же прозрел» (Тменова 2008: 45-46). Действительно, в Дигории отмечен культ божества Фацбадана («Сидящего на поляне»), которое являлось покровителем сёл Стур-Дигорского прихода. По мнению, авторитетных стариков, это был Наф (Миллер 1882: 282-285; Периодическая 1989: 28; Калоев 2004: 379-380; Тменова 2008: 53-55, 57). С Нафом исследователи связывают и праздник Габонаи кувд, или Гулари Габони, отмечавшийся жителями селений Дзинага, Ногкау и Гулар в Стур-Дигорском ущелье и посвящённый в первую очередь патрону плодородия Гулари Габону (Чибиров 2008: 394; Уарзиаты 1995: 48).

Как и у карел, в течение нескольких недель между праздниками Нового года и Нафа продолжались гадания о суженом. Девушки проводили это время в веселье, рассказывали друг другу свои сны и мечтали о будущем (Чибиров 2008: 253, 384). Столы на этот праздник накрывались так богато, что даже вошли в поговорки: «Не за столом же Нафа ты сидел», «Похож на сидящего на Наф», «Сидит, как будто на празднике Наф» или «Не с нафского застолья же ты идешь». Порядочно захмелевшего мужчину спрашивали: «На пиршестве Наф сидел, что-ли?» Особенно впечатляли огромные пироги от имени фамилии или от большой семьи. Если кто-то накрывал очень богатый стол, люди говорили, что это, словно на празднике Нафа (Цгоев 2015: 343; Чибиров 2008: 392). «Вот тебе Нафов пир», то есть обильный (Дзаттиаты 2002: 143). «Пиршество Нафа» было синонимом обильности и богатства (Абаев 1973: 148; Уарзиаты 1995: 48). Согласно осетинской присказке, лиса говорила своему детёнышу: «После Унальского праздника «Наф» больше не ходи по ледяному мосту: сломается под тобою». Также говорили, что после первого праздника в честь Нафа лиса не пускает больше лисят ходить по льду (Миллер 1929: 840-841; Миллер 1934: 1482; Осетинские 1962: 66; Абаев 1973: 148). Места культа Нафа не раз упоминаются в осетинском эпосе. В одном из сказаний о рождении трикстера Сырдона нарты описываются заносчивыми богатырями, задирами, которые даже друг другу спуску не давали. Они любили соревноваться, и если их сильно заносило, то могли друг друга и порубить. Особенно они любили соревноваться на Игровом поле в стрельбе из лука. Нарты ставили мишени на вершине кургана Бараг, на Найфате, на горе Уаз. Кто попадал, тот выигрывал (Нарты 2007: 5). В сказании, как нарты выбирали лучшего мужчину, Урызмаг прибыл в село нартов. Там по домам он никого не нашёл, потому что все были на кувде Найфата, и он тоже туда отправился. В примечаниях к сказанию объясняется, что речь идёт о кувде в честь Нафа, который делали на святилище, называемом Найфат. Отдельные сёла также делали на Найфате кувд на Джеоргубу – фестиваль в честь бога воинов Уастырджи (Нарты 2010: 45, 658). В нартовском эпосе даже подземные духи-далимоны описывались сидящими на пиру в честь божества Наф. Сказание «Созырыко и далимоны» повествует, как в поисках своего собрата Созырыко грозовой нарт Батраз спустился к ним в подземелье и застал их сидящими за пиршеством в честь Нафа (Нарты 1973: 71; Нарты 2005: 157; Дзиццойты 2017: 196).

Именно от теонима Наф происходит популярное осетинское мужское имя Нафи (Абаев 1973: 148; Чибиров 2008: 392). Его женским соответствием было Нафешка (Гаглойти 2007: 104). В осетинской топонимии известны святилище Найфат около селения Гули в Северной Осетии, поляна Найфат в Урсдзуарском ущелье Южной Осетии, там же святилища с таким названием в окрестностях села Дзомаг, в селе Сыба, возле села Хуыцъе Даллаг, пашня у селения Назыджын (Цагаева 2010: 237; Цховребова, Дзиццойты 2013: 130, 173, 308). На сармато-аланские корни этого божества указывают древние заимствования у соседних с осетинами народов, например, Напра, Напурнахе – название божества и летнего праздника у мингрелов, абхазское Напра-, Напер-ныха – имя божества и святилища, Анапа-нага – божество урожая, балкарский топоним Наф жияк – место в селении Верхний Чегем (Коков, Шахмурзаев 1970: 104; Абаев 1973: 149; Бгажба 1988: 145; Чирикба 1998: 132, 137; Крылов 2001: 164, 312-313; Дзиццойты 2017: 196). Это заставляет вспомнить о предположении Бориса Рыбакова, согласно которому древний город Родень на реке Роси получил имя от бога Рода, будучи центром его культа (Рыбаков 1982: 332). Связывают с Родом также топонимы Родня в Могилёвской области Беларуси, Rodna в Чехии, Родно Брдо в Сербии (Карпенко 1992: 153).

Таким образом, вопреки необоснованному скептицизму, славянский языческий бог Род вплоть до XVI века оставался вполне реальной угрозой христианскому благочестию. Он упоминался не только в поучениях против язычества, которые, впрочем, сами по себе служат надёжнейшим источником для реконструкции дохристианских верований. Его имя фигурировало также в других разновидностях письменных памятников, в том числе таких важных, как исповедальные вопросы, отражавшие народную религиозность и борьбу с ней церкви. У Рода существовали многочисленные параллели в индоевропейской мифологии, прежде всего в североиранской – у осетин, сохранивших много мифологической архаики. Эти параллели не единожды отмечались в историографии, как и другие – прибалтийско-финские, возникшие, очевидно, благодаря этнокультурному взаимодействию финских народов с северными русскими. Но эти данные не всегда привлекались к рассмотрению фигуры Рода. Пожалуй, даже можно упрекнуть скептиков в главе с Львом Клейном в сознательном игнорировании современной им литературы касательно славянской мифологии и незнании этнографии Северного Кавказа, в том числе осетинской. В попытках развенчать выводы академика Бориса Рыбакова Клейн смело шёл и на умалчивание авторитетных научных мнений, которые противоречили его собственному, и на сознательное искажение фактов, не укладывавшихся в заранее предложенную концепцию. Его позиция отражала не столько потребность в пересмотре состава славянского пантеона, сколько политизированную борьбу за власть научных группировок, начавшуюся в середине прошлого века.

ЛИТЕРАТУРА

Абаев 1965 - Абаев В.И. Скифо-европейские изоглоссы. На стыке Востока и Запада. М., 1965.

Абаев 1973 - Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. II. L-R. Л., 1973.

Абаев 1989 - Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. IV. U-Z. Л., 1989.

Айларты 2012 - Айларты И. Ирон фарн. Дзæуджыхъæу, 2012.

Аксенова, Васильев 1993 - Аксенова Е.П., Васильев М.А. Проблемы этногонии славянства и его ветвей в академических дискуссиях рубежа 1930–1940-х годов // Славяноведение. 1993. № 2.

Акты 1851 - Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою коммиссиею. Том четвертый: 1588-1632. СПб., 1851.

Алешковский 1999 - Алешковский П. Седьмой чемоданчик: повести и рассказы. М., 1999.

Алмазов 1894 - Алмазов А.И. Тайная исповедь в Православной Восточной Церкви: Опыт внешней истории: Исследование преимущественно по рукописям. Т. 1. Общий устав совершения исповеди. Одесса, 1894.

Алмазов 1894а - Алмазов А.И. Тайная исповедь в Православной Восточной Церкви: Опыт внешней истории: Исследование преимущественно по рукописям. Т. 3. Приложения. Одесса, 1894.

Алпатов 2004 - Алпатов В.М. История одного мифа: Марр и марризм. М., 2004.

Алымов 2008 - Алымов С.С. Три этюда о «марризме» в советской этнографии // Этнографическое обозрение. 2008. №6.

Алымов 2009 - Алымов С.С. Космополитизм, марризм и прочие «грехи»: отечественные этнографы и археологи на рубеже 1940-1950-х годов // Новое литературное обозрение. 2009. № 97 (3).

Аничков 1914 - Аничков Е.В. Язычество и древняя Русь. СПб., 1914.

Артамонов 1936 - Артамонов М.И. Очерки древнейшей истории хазар. Л., 1936.

Артамонов 1950 - Артамонов М.И. К вопросу о происхождении скифов // Вестник древней истории. 1950. № 2.

Артамонов 1962 - Артамонов М.И. История хазар. Л., 1962.

Артамонов 1990 - Артамонов М.И. Первые страницы русской истории в археологическом освещении // Советская археология. 1990. № 3.

Архангельский 1888 - Архангельский А.С. К изучению древне-русской литературы: Очерки и исследования. Творения отцов церкви в древне-русской письменности. СПб., 1888.

Бгажба 1988 - Бгажба Х.С. Труды. Книга вторая: исследования и очерки. Сухуми, 1988.

Беляков 2013 - Беляков С.С. Гумилев сын Гумилева. М., 2013.

Бернштам 1986 - Бернштам Т.А. К реконструкции некоторых русских обрядов совершеннолетия // Советская этнография. 1986. № 6.

Бернштам 1990 - Бернштам Т.А. Следы архаических ритуалов и культов в русских молодежных играх «Ящер» и «Олень» (Опыт реконструкции) // Фольклор и этнография: Проблемы реконструкции фактов традиционной культуры. Л., 1990.

Бернштам 2000 - Бернштам Т.А. Молодость в символизме переходных обрядов восточных славян: Учение и опыт Церкви в народном христианстве. СПб., 2000.

Бернштам 2011 - Бернштам Т.А. Герой и его женщины: образы предков в мифологии восточных славян. СПб., 2011.

Бесков 2016 - Бесков А. Интервью с Ростиславом Борисовичем Рыбаковым // Qolloquium Heptaplomeres: Научный альманах. Вып. III. Нижний Новгород, 2016.

Бубенок 1997 - Бубенок О.Б. Ясы и бродники в степях Восточной Европы (VI – начало XIII вв.). К., 1997.

Бузько 2015 - Бузько О.В. Про подолання марризму в археології на початку 50-х років XX ст. // Магістеріум. Археологічні студії. Вип. 60. К., 2015.

Былина 2000 - Былина С. В каких богов верили западные славяне на закате язычества? // Славянские народы: общность истории и культуры. М., 2000.

Васильев 1989 - Васильев М.А. Боги Хорс и Семаргл восточнославянского язычества // Религии мира. История и современность. 1987. М., 1989.

Васильев 1998 - Васильев М.А. Язычество восточных славян накануне крещения Руси. Религиозно-мифологическое взаимодействие с иранским миром. Языческая реформа князя Владимира. М., 1998.

Ващенко 2006 - Ващенко Э.Д. «Хазарская проблема» в отечественной историографии XVIII-XX вв. СПб., 2006.

Вернадский 1997 - Вернадский Г.В. Россия в средние века. Тверь; М., 1997.

Винокурова 2013 - Винокурова И.Ю. Вепсский мифологический пантеон в свете некоторых этапов этнической истории народа (на основе вепсского диалектного материала) // Вепсские ареальные исследования. Сборник статей. Петрозаводск, 2013.

Винокурова 2015 - Винокурова И.Ю. Мифология вепсов: энциклопедия. Петрозаводск, 2015.

Гаглойти 2007 - Гаглойти З.Д. Осетинские фамилии и личные имена. Цхинвал, 2007.

Гадло 1983 - Гадло А.В. Этническая общность барсилы // Историческая этнография: традиции и современность. Л., 1983.

Гальковский 1913 - Гальковский Н.М. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. Т. II. Древнерусские слова и поучения, направленные против остатков язычества в народе. М., 1913.

Гальковский 1916 - Гальковский Н.М. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. Т. I. Харьков, 1916.

Горчаков 1874 - Горчаков М.И. «Номоканон при большом требнике, изданный вместе с Греческим подлинником, до сих пор неизвестным, и с примечаниями издателя», А. Павлова. Рецензия // Отчет о шестнадцатом присуждении наград графа Уварова: 25 сентября 1873 г. СПб., 1874.

Грузнова 2012 - Грузнова Е.Б. На распутье Средневековья: языческие традиции в русском простонародном быту (конец XV–XVI вв.). СПб., 2012.

Дзаттиаты 2002 - Дзаттиаты Р.Г. Культура позднесредневековой Осетии. Владикавказ, 2002.

Дзиццойты 2017 - Дзиццойты Ю.А. Вопросы осетинской филологии. Т. I. Цхинвал, 2017.

Дувакин 2020 - Дувакин Е.Н. Изучение восточнославянского язычества // Лев Клейн. [Путеводитель]: Сборник статей памяти Льва Самуиловича Клейна. СПб., 2020.

Зарубин 1932 - Зарубин Н.Н. «Слово Даниила Заточника» по редакциям XII-XIII вв. и их переделкам. М., 1932.

Засецкая 2020 - Засецкая И.П. К вопросу об исследовательской этике (Рецензия на: Клейн Л.С. Первый век: Сокровища сарматских курганов. СПб.: Евразия, 2016) // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. XXV. Симферополь, 2020.

Иванова 2012 - Иванова Л.И. Персонажи карельской мифологической прозы. Исследования и тексты быличек, бывальщин, поверий и верований карелов. Ч. I. М., 2012.

Илизаров 2012 - Илизаров Б.С. Почётный академик Сталин и академик Марр. М., 2012.

Ирон 2007 - Ирон адæмон сфæлдыстад. Дыууæ томы. Фыццаг том. / Сарæзта йæ Салæгаты З. Дзæуджыхъæу, 2007.

Кабо 1995 - Кабо В. Дорога в Австралию: воспоминания. New York, 1995.

Каковский 1892 - Каковский Ю. Игры молодежи в деревне Леоновке Киевского уезда // Киевская старина. Год одиннадцатый. Апрель, май и июнь. 1892.

Калоев 2004 - Калоев Б.А. Осетины: Историко-этнографическое исследование. М., 2004.

Каратыгин 1877 - Каратыгин И.Г. Обзор некоторых особенностей в чинопоследованиях рукописных требников, принадлежащих библиотеке Санкт-петербургской духовной академии // Христианское чтение. № 3-4. СПб., 1877.

Карпенко 1992 - Карпенко О.П. Род і рожаниці в гідронімії Полісся // Ономастика України першого тисячоліття нашої ери. К., 1992.

Клейн 1990 - Клейн Л.С. Памяти языческого бога Рода // Язычество восточных славян. Л., 1990.

Клейн 1997 - Клейн Л.С. Змей с хоботом (фольклор и этнография в работе археолога) // Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии. Памяти Василия Дмитриевича Белецкого (1919-1997). СПб.; Псков, 1997.

Клейн 2004 - Клейн Л.С. Воскрешение Перуна. К реконструкции восточнославянского язычества. СПб., 2004.

Клейн 2010 - Клейн Л.С. Трудно быть Клейном. СПб., 2010.

Клейн 2014 - Клейн Л.С. История российской археологии. Учения, школы и личности. Т. 2. Археологи советской эпохи. СПб., 2014.

Коков, Шахмурзаев 1970 - Коков Дж.Н., Шахмурзаев С.О. Балкарский топонимический словарь. Нальчик, 1970.

Конкка 2003 - Конкка А. Святки в Панозере, или Крещенская свинья // Панозеро: сердце Беломорской Карелии. Петрозаводск, 2003.

Конкка 2007 - Конкка А.П. Материалы по календарной мифологии и календарной обрядности сямозерских карел // Антропологический форум. № 6. М., 2007.

Конкка 2015 - Конкка А.П. На плечах Большой Медведицы: Избранные статьи (Юбилейный сборник к 65-летию и 45-летию собирательской деятельности). Петрозаводск, 2015.

Корогодина 2006 - Корогодина М.В. Исповедь в России в XIV-XV веках: исследование и тексты. СПб., 2006.

Королев 2020 - Королев К. Поиски национальной идентичности в советской и постсоветской массовой культуре: славянский метасюжет в отечественном культурном пространстве. СПб., 2020.

Крылов 2001 - Крылов А.Б. Религия и традиции абхазов. М., 2001.

Кузьмин 1993 - Кузьмин А.Г. Хазарские страдания // Молодая гвардия. 1993. № 5-6.

Лебедев 1999 - Лебедев Г.С. Varangica Проблемного семинара Л.С. Клейна. Тридцать лет движения к Неизвестному Городу на Пути из Варяг в Греки // Стратум плюс. № 5. Кишинёв, 1999.

Лебедев 2004 - Лебедев Г.С. Л.С. Клейн и петербургская школа российской археологии // Археолог: детектив и мыслитель. Сборник статей, посвящённый 77-летию Льва Самойловича Клейна. СПб., 2004.

Лексика 1981 - Лексика и фразеология «Моления» Даниила Заточника. Л., 1981.

Ленин 1968 - Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 18. Материализм и эмпириокритицизм. М., 1968.

Літала 1990 - Літала сорока по зеленім гаю: дитячі та молодіжні українські народні ігри / Упорядник та автор приміток Г.В. Довженок. К., 1990.

Мансикка 2005 - Мансикка В.Й. Религия восточных славян. М., 2005.

Матяш, Пономарев 2020 - Матяш Е.И., Пономарев Е.Р. Биография и личная жизнь // Лев Клейн. [Путеводитель]: Сборник статей памяти Льва Самуиловича Клейна. СПб., 2020.

Медведенко 2006 - Медведенко Н.А. История и археология Хазарского каганата в исследовании М.И. Артамонова. Воронеж, 2006.

Миллер 1882 - Миллер В. Осетинские этюды. Часть вторая. Исследования // Ученые записки императорского Московского университета. Отдел историко-филологический. Выпуск второй. М., 1882.

Миллер 1929 - Миллер В. Осетинско-русско-немецкий словарь / Под редакцией и с дополнениями А.А. Фреймана. Т. II. I-С. Л., 1929.

Миллер 1934 - Миллер В. Осетинско-русско-немецкий словарь / Под редакцией и с дополнениями А.А. Фреймана. Т. III. Т-Ҳ. Л., 1934.

Мильков, Симонов 2011 - Мильков В.В., Симонов Р.А. Кирик Новгородец: ученый и мыслитель // Памятники древнерусской мысли: исследования и тексты. Вып. VII. М., 2011.

Миура 2008 - Миура К. Языческий культ Рода и рожаниц по памятникам учительной литературы // Труды отдела древнерусской литературы. Т. 58. СПб., 2008.

Михайлов 2017 - Михайлов Н.А. История славянской мифологии в XX веке. М., 2017.

Морозов 1995 - Морозов И.А. Бег // Славянские древности: Этнолингвистический словарь / Под ред. Н.И.Толстого. Т.1. А-Г. М., 1995.

Нарты 1973 - Нарты таурæгътæ æмæ хабæрттæ / Æрæмбырд сæ кодта, разныхас æмæ сын фиппаинæгтæ ныффыста Бязырты А. Цхинвали, 1973.

Нарты 2005 - Нарты кадджытæ: Ирон адæмы эпос / Тексттæ бацæттæ кодта, чиныг æмæ дзырдуат сарæзта Хæмыцаты Тамарæ; зонадон ред. Джыкаайты Шамил. Æртыккаг чиныг. Дзæуджихъæу, 2005.

Нарты 2007 - Нарты кадджытæ: Ирон адæмы эпос / Тексттæ бацæттæ кодта, чиныг æмæ дзырдуат сарæзта Хæмыцаты Тамарæ; зонадон ред. Джыкаайты Шамил. Цыппæрæм чиныг. Дзæуджихъæу, 2007.

Нарты 2010 - Нарты кадджытæ: Ирон адæмы эпос / Тексттæ бацæттæ кодта, чиныг æмæ дзырдуат сарæзта Хæмыцаты Тамарæ; зонадон ред. Джыкаайты Шамил. Фæндзæм чиныг. Дзæуджихъæу, 2010.

Некрич 1979 - Некрич А. Отрешись от страха: Воспоминания историка. London, 1979.

Новосельцев 1990 - Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990.

Осетинские 1962 - Осетинские пословицы и поговорки / Составила и перевела З.В. Абаева. Цхинвали, 1962.

Отчет 1893 - Отчет Императорской публичной библиотеки за 1890 г. СПб., 1893.

Периодическая 1989 - Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах: Научно-популярный сборник / Составление, предисловие, примечания и комментарии доктора исторических наук, профессора Л.А. Чибирова. Кн. 4. Цхинвали, 1989.

Петрухин 2005 - Петрухин В.Я. Мифы финно-угров. М., 2005.

Пиотровский 1995 - Пиотровский Б.Б. Страницы моей жизни. СПб., 1995.

Платонова 1999 - Платонова Н.И. Михаил Илларионович Артамонов – директор ИИМК // Археологические вести. Вып. 6. СПб., 1999.

Платонова 2010 - Платонова Н.И. История археологической мысли в России. Вторая половина XIX – первая треть XX века. СПб., 2010.

Пономарев 2010 - Пономарев Е.Р. Повесть о прогрессоре. (Рецензия на книгу: Клейн Л.С. Трудно быть Клейном: Автобиография в монологах и диалогах. СПб., 2010) // Новое литературное обозрение. 2010. № 10.

Попович 1985 - Попович М.В. Мировоззрение древних славян. К., 1985.

Прозоров 2006 - Прозоров Л.Р. Боги и касты языческой Руси. Тайны Киевского Пятибожия. М., 2006.

Прозоров 2016 - Прозоров Л.Р. Как утопили в крови Языческую Русь. Иго нового Бога. М., 2016.

Прозоров, Калинкина 2012 - Прозоров Л.Р., Калинкина Е. Вещая Русь. Языческие заговоры и арийский обряд. М., 2012.

Пропп 1958 - Пропп В.Я. Русский героический эпос. М., 1958.

Рахно 2020 - Рахно К.Ю. Бог Род в западнославянской обрядности // Исторический формат. 2020. № 2.

Рыбаков 1982 - Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII-XIII вв. М., 1982.

Рыбаков 1987 - Рыбаков Б.А. Язычество древней Руси. М., 1987.

Рыбаков 2002 - Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М., 2002.

Сахаров 1843 - Сахаров И.П. О Слове Даниила Заточника // Москвитянин. Журнал, издаваемый М. Погодиным. Ч. V. М., 1843.

Седов 1976 - Седов В.В. Ранний период славянского этногенеза // Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев. Методология и историография. М., 1976.

Седов 1978 - Седов В.В. Славяне и иранцы в древности // История, культура, этнография и фольклор славянских народов. VIII Международный съезд славистов, Загреб-Любляна, сентябрь 1978 г.: доклады советской делегации. М., 1978.

Седов 1999 - Седов В.В. Древнерусская народность: историко-археологическое исследование. М., 1999.

Сервис 2002 - Сервис Р. Ленин. Минск, 2002.

Смирнов 1909 - Смирнов С. «Бабы богомерзские» // Сборник статей, посвященный В.О. Ключевскому его учениками, друзьями и почитателями ко дню тридцатилетия его профессорской деятельности в Московском университете (5 декабря 1879 – 5 декабря 1909 года). М., 1909.

Смирнов 1912 - Смирнов С. Материалы для истории древне-русской покаянной дисциплины. М., 1912.

Сперанский 1904 - Сперанский М.Н. Переводные сборники изречений в славянорусской письменности: Исследования и тексты. М., 1904.

Срезневский 1903 - Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. III. Вып. 1. Р-СТЕП. СПб., 1903.

Столяр 1998 - Столяр А.Д. Триада жизнедеятельности М.И. Артамонова // История и культура древних и средневековых обществ. СПб., 1998.

Тихонов 2003 - Тихонов И.Л. Археология в Санкт-Петербургском университете: Историографические очерки. СПб., 2003.

Тихонов 2014 - Тихонов В.В. Историки, идеология, власть в России XX века: Очерки. М., 2014.

Тихонов 2016 - Тихонов В.В. Идеологические кампании «позднего сталинизма» и советская историческая наука (середина 1940-х – 1953 г.). М.; СПб., 2016.

Тищенко 2006 - Тищенко К. Мовні контакти: Свідки формування українців. К., 2006.

Тменова 2008 - Тменова Дз.Г. Легенды о святых местах осетин. Владикавказ, 2008.

Томсинский 2014 - Томсинский С.В. Ленинградский неонорманизм: истоки и итоги // Stratum plus. № 5. Кишинёв, 2014.

Топоров 1999 - Топоров В. Двойное дно. Признания скандалиста. М., 1999.

Туаллагов 2001 - Туаллагов А.А. Скифо-сарматский мир и нартовский эпос осетин. Владикавказ, 2001.

Уарзиаты 1995 - Уарзиаты В. Праздничный мир осетин. Владикавказ, 1995.

Формозов 2006 - Формозов А.А. Русские археологи в период тоталитаризма: Историографические очерки. М., 2006.

Хлевов 1997 - Хлевов А.А. Норманская проблема в отечественной исторической науке. СПб., 1997.

Хъайтыхъты 2008 - Хъайтыхъты А. Сафайы рæхыс: Таурæгьтæ, æмдзæвгæтæ, царды хабæрттæ. Дзæуджыхъæу, 2008.

Цагаева 2010 - Цагаева А.Дз. Топонимия Северной Осетии. Владикавказ, 2010.

Цагараев 2000 - Цагараев В.А. Золотая яблоня нартов: История, мифология, искусство, семантика. Владикавказ, 2000.

Цгоев 2015 - Цгоев Х.Ф. Словарь осетинской мифологии и уклада жизни. Владикавказ, 2015.

Цховребова, Дзиццойты 2013 - Цховребова З.Д., Дзиццойты Ю.А. Топонимия Южной Осетии: в трёх томах. Т. 1. Дзауский район. М., 2013.

Чибиров 2008 - Чибиров Л.А. Традиционная духовная культура осетин. М., 2008.

Чирикба 1998 - Чирикба В. К вопросу об абхазских заимствованиях в мегрельском языке // Вопросы языкознания. 1998. № 4.

Чочиев 1996 - Чочиев А.Р. Нарты-арии и арийская идеология. Кн. 1. М., 1996.

Чубур 2003 - Чубур А.А. Овстуг и Вщижская археологическая экспедиция 1949 гг. в воспоминаниях и судьбах советских диссидентов и историков // Ф.И. Тютчев и тютчеведение в начале третьего тысячелетия: Материалы научно-практической конференции: 20-21 мая 2003 г. Брянск, 2003.

Шер 1998 - Шер Я.А. Кое-что из жизни Грача // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург. Материалы всероссийской научной конференции, посвященной 70-летию со дня рождения Александра Даниловича Грача. СПб., 1998.

Шнирельман 2012 - Шнирельман В.А. Хазарский миф. Идеология политического радикализма в России и ее истоки. М.; Иерусалим, 2012.

Щавелёв 2012 - Щавелёв С.П. Участь прогрессора // Евразийский археолого-историографический сборник. К 60-летию Сергея Владимировича Кузьминых. СПб.; Красноярск, 2012.

Щавелёв 2013 - Щавелёв С.П. Дань Мнемозине: Рецензии и отзывы на издания и рукописи 1990 – 2000-х годов по историографии отечественной истории и археологии. В 2 кн. Кн. 1. Курск, 2013.

Якобсон 1970 - Якобсон Р. Роль лингвистических показаний в сравнительной мифологии // Труды VII Международного Конгресса антропологических и этнографических наук, 3-10 августа 1964 г. Т. V. М., 1970.

Allen 2007 - Allen N.J. Śiva and Indo-European Ideology: One Line of Thought // International Journal of Hindu Studies. Vol. 11. № 2. Berlin; Heidelberg, 2007.

Basham 1989 - Basham A.L. The Origins and Development of Classical Hinduism. Boston, 1989.

Berkovič 2015 - Berkovič T. «Ящер» как песенно-игровая форма зимнего периода в календарно-земледельческой традиции белорусов // Lietuvos muzikologija. T. 16. Vilnius, 2015.

Birnbaum 1977 - Birnbaum H. Der österreichische Jasomirgott und die frühere Verbreitung der Alpenslaven (Urslovenen) // Gedenkschrift für Josef Matl. Graz, 1977.

Brückner 1924 - Brückner A. Mitologja polska: studjum porównawcze. Warszawa, 1924.

Chrisomalis, Costopoulos 2013 - Chrisomalis S., Costopoulos A. Bruce Trigger: Citizen Scholar // Human Expeditions: Inspired by Bruce Trigger. Toronto; Buffalo; London, 2013.

Curta 2001 - Curta F. The Making of the Slavs. History and Archaeology of the Lower Danube Region, c. 500-700. Cambridge, 2001.

Dynda 2019 - Dynda J. Slovanské pohanství ve středověkých ruských kázáních. Praha, 2019.

Gacki 1873 - Gacki J. Benedyktyński klasztor Świętego Krzyża na Łysej Górze. Warszawa, 1873.

Gąssowscy 1970 - Gąssowscy E. i J. Łysa Góra we wczesnym średniowieczu. Wrocław, 1970.

Gąssowski 1968 - Gąssowski J. Ośrodek kultu pogańskiego na Łysej Górze // Religia pogańskich Słowian. Sesja naukowa w Kielcach. Kielce, 1968.

Gershenson 1991 - Gershenson D.E. Apollo the Wolf-God. McLean, 1991.

Gieysztor 2008 - Gieysztor A. Mitologia Słowian. Warszawa, 2008.

Grégoire, Goossens, Mathieu 1950 - Grégoire H., Goossens R., Mathieu M. Asklépios, Apollon Sminlheus et Rudra, Études sur le dieu à la taupe et le dieu au rat dans la Grèce et dans l'Inde. Bruxelles, 1950.

Haavio 1959 - Haavio M. Karjalan jumalat: Uskontotieteellinen tutkimus. Porvoo; Helsinki, 1959.

Kalima 1928 - Kalima J. Karjalais-vepsäläisestä Vapahtajan nimityksesta // Suomalais-Ugrilaisen Seurau Toimituksia. T. LXIII. 1928.

Klapper 1915 - Klapper J. Deutscher Volksglaube in Schlesien in ältester Zeit // Mitteilungen der schlesischen Gesellschaft für Volkskunde. Band XVII. Breslau, 1915.

Leach 2015 - Leach S. A Russian Perspective on Theoretical Archaeology: The Life and Work of Leo S. Klejn. Walnut Creek, 2015.

Lowmiański 1979 - Lowmiański H. Religia Słowian i jej upadek (w. VI-XII). Warszawa, 1979.

Machek 1954 - Machek V. Origin of the Gods Rudra and Pūśan // Archiv orientální. T. 22. Praha, 1954.

Mikhailov 1958 - Mikhailov N. Baltische und Slawische Mythologie: ausgewählte Artikel. Madrid, 1998.

Moro Abadía 2013 - Moro Abadía O. The History of Archaeology as a Field: From Marginality to Recognition // Human Expeditions: Inspired by Bruce Trigger. Toronto; Buffalo; London, 2013.

Oberlies 1998 - Oberlies Th. Die Religion des Ṛgveda. Erster Teil: Das religiose System des Ṛgveda. Wien, 1998.

Puhvel 1987 - Puhvel J. Comparative Mythology. Baltimore; London, 1987.

Semeka-Pankratov 1979 - Semeka-Pankratov E. A Semiotic Approach to the Polysemy of the Symbol nāga in Indian Mythology. Semiotica. Vol. 27 (1-3). 1979.

Shnirelman 1995 - Shnirelman V.A. From Internationalism to Nationalism: Forgotten Pages of ¬Soviet Archaeology in the 1930s and 1940s // Nationalism, Politics, and the Practice of Archaeology. Cambridge, 1995.

Stamati 2018 - Stamati I. The Slavic Dossier: Medieval Archaeology in the Soviet Republic of Moldova: Between State Propaganda and Scholarly Endeavor. Leiden; Boston, 2018.

Urbańczyk 1947 - Urbańczyk S. Religia poganskich Stowian. Kraków, 1947.

REFERENCES

Abaev 1965 - Abaev V.I. Skifo-evropejskie izoglossy. Na styke Vostoka i Zapada [Scythian-European Isoglosses. At the Junction of East and West], Moscow, 1965 [in Russian].

Abaev 1973 - Abaev V.I. Istoriko-etimologicheskij slovar' osetinskogo jazyka [Historical and Etymological Dictionary of the Ossetian Language], Volume II. L-R, Leningrad, 1973 [in Russian].

Abaev 1989 - Abaev V.I. Istoriko-jetimologicheskij slovar' osetinskogo jazyka [Historical and Etymological Dictionary of the Ossetian Language], Volume IV. U-Z, Leningrad, 1989 [in Russian].

Ajlarty 2012 - Ajlarty I. Iron farn [Ossetian Farn], Dzawjeqaw, 2012 [in Ossetian].

Aksenova, Vasil'ev 1993 - Aksenova E.P., Vasil'ev M.A. Problemy etnogonii slavjanstva i ego vetvej v akademicheskih diskussijah rubezha 1930–1940-h godov [Problems of Ethnogonia of Slavdom and its Branches in Academic Discussions of the 1930s – 1940s], in: Slavjanovedenie [Slavonic Studies], Nr. 2, Moscow, 1993 [in Russian].

Akty 1851 - Akty, otnosjashhiesja k istorii Zapadnoj Rossii, sobrannye i izdannye Arheograficheskoju kommissieju [Acts Relating to the History of Western Russia, Collected and Published by the Archaeological Commission], Volume 4: 1588-1632, St. Petersburg, 1851 [in Russian].

Aleshkovskij 1999 - Aleshkovskij P. Sed'moj chemodanchik: povesti i rasskazy [The Seventh Suitcase: Stories and Narratives], Moscow, 1999 [in Russian].

Allen 2007 - Allen N.J. Śiva and Indo-European Ideology: One Line of Thought, in: International Journal of Hindu Studies, Volume 11, Nr. 2, Berlin and Heidelberg, 2007 [in English].

Almazov 1894 - Almazov A.I. Tajnaja ispoved' v Pravoslavnoj Vostochnoj Cerkvi: Opyt vneshnej istorii: Issledovanie preimushhestvenno po rukopisjam [Secret Confession in the Eastern Orthodox Church: The Experience of External History: A Study Mainly of Manuscripts], Volume 1: Obshhij ustav sovershenija ispovedi [General Charter of Confession], Odessa, 1894 [in Russian].

Almazov 1894a - Almazov A.I. Tajnaja ispoved' v Pravoslavnoj Vostochnoj Cerkvi: Opyt vneshnej istorii: Issledovanie preimushhestvenno po rukopisjam [Secret Confession in the Eastern Orthodox Church: The Experience of External History: A Study Mainly of Manuscripts], Volume 3: Prilozhenija [Addenda], Odessa, 1894 [in Russian].

Alpatov 2004 - Alpatov V.M. Istorija odnogo mifa: Marr i marrizm [The Story of One Myth: Marr and Marrism], Moscow, 2004 [in Russian].

Alymov 2008 - Alymov S.S. Tri etjuda o «marrizme» v sovetskoj etnografii [Three Etudes on "Marrism" in Soviet Ethnography], in: Etnograficheskoe obozrenie [Ethnographic Review], Nr. 6, Moscow, 2008 [in Russian].

Alymov 2009 - Alymov S.S. Kosmopolitizm, marrizm i prochie «grehi»: otechestvennye etnografy i arheologi na rubezhe 1940-1950-h godov [Cosmopolitanism, Marrism and other "Sins": Domestic Ethnographers and Archaeologists at the Turn of the 1940-1950s], in: Novoye literaturnoye obozrenie [New Literary Review], Nr. 97 (3), Moscow, 2009 [in Russian].

Anichkov 1914 - Anichkov E.V. Jazychestvo i drevnjaja Rus' [Paganism and Ancient Rus], St. Petersburg, 1914 [in Russian].

Arhangel'skij 1888 - Arhangel'skij A.S. K izucheniju drevne-russkoj literatury: Ocherki i issledovanija. Tvorenija otcov cerkvi v drevne-russkoj pis'mennosti [To the Study of Ancient Russian Literature: Essays and Research. Works of the Church Fathers in Ancient Russian Writing], St. Petersburg, 1888 [in Russian].

Artamonov 1936 - Artamonov M.I. Ocherki drevnejshej istorii hazar [Essays on the Ancient History of the Khazars], Leningrad, 1936 [in Russian].

Artamonov 1950 - Artamonov M.I. K voprosu o proishozhdenii skifov [On the Question of the Origin of the Scythians], in: Vestnik drevnej istorii [Bulletin of Ancient History], Nr. 2, Moscow, 1950 [in Russian].

Artamonov 1962 - Artamonov M.I. Istorija hazar [History of the Khazars], Leningrad, 1962 [in Russian].

Artamonov 1990 - Artamonov M.I. Pervye stranicy russkoj istorii v arheologicheskom osveshhenii [The First Pages of Russian History in Archaeological Lighting], in: Sovetskaja arheologija [Soviet Archaeology], Nr. 3, Moscow, 1990 [in Russian].

Basham 1989 - Basham A.L. The Origins and Development of Classical Hinduism. Boston, 1989 [in English].

Beljakov 2013 - Beljakov S.S. Gumilev syn Gumileva [Gumilev Son of Gumilev], Moscow, 2013 [in Russian].

Berkovič 2015 - Berkovič T. Jashcher kak pesenno-igrovaja forma zimnego perioda v kalendarno-zemledel'cheskoj tradicii belorusov [Lizard as a Song-Game Form of the Winter Period in the Calendar Agricultural Tradition of the Belarusians], in: Lietuvos muzikologija, Volume 16, Vilnius, 2015 [in Russian].

Bernschtam 1986 - Bernschtam T.A. K rekonstrukcii nekotoryh russkih obrjadov sovershennoletija [Towards the Reconstruction of Some Russian rites of Adulthood], in: Sovetskaja etnografija [Soviet Ethnography], Nr. 6, Moscow, 1986 [in Russian].

Bernschtam 1990 - Bernschtam T.A. Sledy arhaicheskih ritualov i kul'tov v russkih molodezhnyh igrah «Jashcher» i «Olen'» (Opyt rekonstrukcii) [Traces of Archaic Rituals and Cults in the Russian Youth Games "Lizard" and "Deer" (An Experience of Reconstruction)], in: Fol'klor i etnografija: Problemy rekonstrukcii faktov tradicionnoj kul'tury [Folklore and Ethnography: Problems of Reconstruction of the Facts of Traditional Culture], Leningrad, 1990 [in Russian].

Bernschtam 2000 - Bernschtam T.A. Molodost' v simvolizme perehodnyh obrjadov vostochnyh slavjan: Uchenie i opyt Cerkvi v narodnom hristianstve [Youth in the Symbolism of the Transitional Rites of the Eastern Slavs: The Doctrine and Experience of the Church in Folk Christianity], St. Petersburg, 2000 [in Russian].

Bernschtam 2011 - Bernschtam T.A. Geroj i ego zhenshhiny: obrazy predkov v mifologii vostochnyh slavjan [The Hero and His Women: Images of Ancestors in the Mythology of the Eastern Slavs], St. Petersburg, 2011 [in Russian].

Beskov 2016 - Beskov A. Interv'ju s Rostislavom Borisovichem Rybakovym [Interview with Rostislav Borisovich Rybakov], in: Qolloquium Heptaplomeres: Nauchnyj al'manah [Qolloquium Heptaplomeres: Scientific Almanac], Issue III, Nizhnij Novgorod, 2016 [in Russian].

Bgazhba 1988 - Bgazhba Kh.S. Trudy. Kniga vtoraja: issledovanija i ocherki [Works. Book two: Studies and Essays], Sukhumi, 1988 [in Russian].

Birnbaum 1977 - Birnbaum H. Der österreichische Jasomirgott und die frühere Verbreitung der Alpenslaven (Urslovenen) [The Austrian Jasomirgott and the earlier distribution of the Alpine Slavs (the Proto-Slavs)], in: Gedenkschrift für Josef Matl [Commemorative Collection for Josef Matl], Graz, 1977 [in German].

Brückner 1924 - Brückner A. Mitologja polska: studjum porównawcze [Polish Mythology: Comparative Study], Warsaw, 1924 [in Polish].

Bubenok 1997 - Bubenok O. Jasy i brodniki v stepjah Vostochnoj Evropy (VI – nachalo XIII vv.) [Yas People and Brodniks in the Steppes of Eastern Europe (the 6th – Early 13th Centuries)], Kyiv, 1997 [in Russian].

Buz'ko 2015 - Buz'ko O.V. Pro podolannja marrizmu v arheologiï na pochatku 50-h rokiv XX st. [On Overcoming Mazrrism in Archaeology in the Early 1950s], in: Magisterium. Arheologichni studiï [Magisterium. Archaeological Studies], Issue 60, Kyiv, 2015 [in Ukrainian].

Bylina 2000 - Bylina S. V kakih bogov verili zapadnye slavjane na zakate jazychestva? [In Which Gods Did the Western Slavs Believe at the Decline of Paganism?], in: Slavjanskie narody: obshhnost' istorii i kul'tury [Slavic Peoples: Common History and Culture], Moscow, 2000 [in Russian].

Chibirov 2008 - Chibirov L.A. Tradicionnaya dukhovnaya kul'tura osetin [Traditional Spiritual Culture of the Ossetians], Moscow, 2008 [in Russian].

Chirikba 1998 - Chirikba V. K voprosu ob abhazskih zaimstvovanijah v megrel'skom jazyke [On the Question of Abkhazian Borrowings in the Megrelian Language], in: Voprosy jazykoznanija [Questions of Linguistics], Nr. 4, Moscow, 1998 [in Russian].

Chochiev 1996 - Chochiev A.R. Narty-arii i arijskaja ideologija [Aryan Narts and Aryan Ideology], Book 1, Moscow, 1996 [in Russian].

Chrisomalis, Costopoulos 2013 - Chrisomalis S., Costopoulos A. Bruce Trigger: Citizen Scholar, in: Human Expeditions: Inspired by Bruce Trigger, Toronto; Buffalo; London, 2013 [in English].

Chubur 2003 - Chubur A.A. Ovstug i Vshhizhskaja arheologicheskaja jekspedicija 1949 gg. v vospominanijah i sud'bah sovetskih dissidentov i istorikov [Ovstug and Vshchizh Archaeological Expedition of 1949 in the Memories and Destinies of Soviet Dissidents and Historians], in: F.I. Tjutchev i tjutchevedenie v nachale tret'ego tysjacheletija: Materialy nauchno-prakticheskoj konferencii: 20-21 maja 2003 g. [F.I. Tyutchev and Tyutchev Studies at the Beginning of the Third Millennium: Proceedings of the Scientific and Practical Conference: May 20-21, 2003], Brjansk, 2003 [in Russian].

Curta 2001 - Curta F. The Making of the Slavs. History and Archaeology of the Lower Danube Region, c. 500-700, Cambridge, 2001 [in English].

Duvakin 2020 - Duvakin Ye.N. Izuchenie vostochnoslavjanskogo jazychestva [Study of East Slavic Paganism], in: Lev Klejn. [Putevoditel']: Sbornik statej pamjati L'va Samuilovicha Klejna [Lev Klejn. [Guide]: Collection of articles in memory of Lev Samuilovich Klejn], St. Petersburg, 2020 [in Russian].

Dynda 2019 - Dynda J. Slovanské pohanství ve středověkých ruských kázáních [Slavic Paganism in Medieval Russian Homiletics], Praha, 2019 [in Czekh].

Dzattiaty 2002 - Dzattiaty R.G. Kul'tura pozdnesrednevekovoj Osetii [Culture of Late Medieval Ossetia], Vladikavkaz, 2002 [in Russian].

Dziccojty 2017 - Dziccojty Ju.A. Voprosy osetinskoj filologii [Questions of Ossetian Philology], Volume I, Tskhinval, 2017 [in Russian and Ossetian].

Formozov 2006 - Formozov A.A. Russkie arheologi v period totalitarizma: Istoriograficheskie ocherki [Russian Archaeologists in the Period of Totalitarianism: Historiographical Essays], Moscow, 2006 [in Russian].

Gacki 1873 - Gacki J. Benedyktyński klasztor Świętego Krzyża na Łysej Górze [Benedictine Monastery of the Holy Cross on Łysa Góra], Warsaw, 1873 [in Polish].

Gadlo 1983 - Gadlo A.V. Jetnicheskaja obshhnost' barsily [Ethnic community of the Barsils], in: Istoricheskaja etnografija: tradicii i sovremennost' [Historical Ethnography: Traditions and Modernity], Leningrad, 1983 [in Russian].

Gaglojti 2007 - Gaglojti Z.D. Osetinskie familii i lichnye imena [Ossetian Surnames and Personal Names], Tskhinval, 2007 [in Russian].

Gal'kovskij 1913 - Gal'kovskij N. Bor'ba hristianstva s ostatkami jazychestva v drevnej Rusi [The Struggle of Christianity with the Remnants of Paganism in Ancient Rus]. Volume II. Drevnerusskie slova i pouchenija, napravlennye protiv ostatkov jazychestva v narode [Old Russian Words and Lections Directed against the Remnants of Paganism in the People], Moscow, 1913 [in Russian].

Gal'kovskij 1916 - Gal'kovskij N. Bor'ba hristianstva s ostatkami jazychestva v drevnej Rusi [The Struggle of Christianity with the Remnants of Paganism in Ancient Rus], Volume I, Kharkiv, 1916 [in Russian].

Gąssowski 1968 - Gąssowski J. Ośrodek kultu pogańskiego na Łysej Górze [The Center of Paganism on Łysa Góra], in: Religia pogańskich Słowian. Sesja naukowa w Kielcach [Religion of Pagan Slavs. Scientific Session in Kielce], Kielce, 1968 [in Polish].

Gąssowskis 1970 - Gąssowskis E. and J. Łysa Góra we wczesnym średniowieczu [Łysa Góra in the Early Middle Ages], Wrocław, 1970 [in Polish].

Gershenson 1991 - Gershenson D.E. Apollo the Wolf-God, McLean, 1991 [in English].

Gieysztor 2008 - Gieysztor A. Mitologia Słowian [Mythology of the Slavs], Warsaw, 2008 [in Polish].

Gorchakov 1874 - Gorchakov M.I. «Nomokanon pri bol'shom trebnike, izdannyj vmeste s Grecheskim podlinnikom, do sih por neizvestnym, i s primechanijami izdatelja", A. Pavlova. Recenzija [Nomocanon at the Great Book of Needs, published Together with the Greek Original, Still Unknown, and with the Publisher's Notes, by A. Pavlov. A Review], in: Otchet o shestnadcatom prisuzhdenii nagrad grafa Uvarova: 25 sentjabrja 1873 g. [Report on the Sixteenth Count Uvarov's Award Ceremony: September 25, 1873], St. Petersburg, 1874 [in Russian].

Grégoire, Goossens, Mathieu 1950 - Grégoire H., Goossens R., Mathieu M. Asklépios, Apollon Sminlheus et Rudra, Études sur le dieu à la taupe et le dieu au rat dans la Grèce et dans l'Inde [Asklepios, Apollo Sminlheus and Rudra, Studies on the Mole God and the Rat God in Greece and in India], Brussels, 1950 [in French].

Gruznova 2012 - Gruznova Ye.B. Na rasput'e Srednevekov'ja: jazycheskie tradicii v russkom prostonarodnom bytu (konec XV–XVI vv.) [At the Crossroads of the Middle Ages: Pagan Traditions in Russian Common Life (Late 15th – 16th Centuries)], St. Petersburg, 2012 [in Russian].

Haavio 1959 - Haavio M. Karjalan jumalat: Uskontotieteellinen tutkimus [The Gods of Karelia: A Religious Studies], Porvoo and Helsinki, 1959 [in Finnish].

Ilizarov 2012 - Ilizarov B.S. Pochjotnyj akademik Stalin i akademik Marr [Honorary Academician Stalin and Academician Marr], Moscow, 2012 [in Russian].

Iron 2007 - Iron adæmon sfældystad [Ossetian Folklore], In two volumes, Volume 1, Compiled by Z. Salægaty, Dzawjeqaw, 2007 [in Ossetian].

Ivanova 2012 - Ivanova L.I. Personazhi karel'skoj mifologicheskoj prozy. Issledovanija i teksty bylichek, byval'shhin, poverij i verovanij karelov [Characters of Karelian Mythological Prose. Studies and Texts of Legends, Narratives, Beliefs and Superstitions of the Karelians], Part one, Moscow, 2012 [in Russian].

Jacobson R. 1970 - Jakobson R. Rol' lingvisticheskih pokazanij v sravnitel'noj mifologii [The Role of Linguistic Indications in Comparative Mythology], in: Trudy VII Mezhdunarodnogo Kongressa antropologicheskih i jetnograficheskih nauk, 3-10 avgusta 1964 g. [Proceedings of the 7th International Congress of Anthropological and Ethnographic Sciences, August 3-10, 1964], Volume V, Moscow, 1970 [in Russian].

Kabo 1995 - Kabo V. Doroga v Avstraliju: vospominanija [The Road to Australia: Memories], New York, 1995 [in Russian].

Kakovskij 1892 - Kakovskij Yu. Igry molodiozhi v derevne Leonovke Kievskogo uyezda [Youth Games in the Village of Leonovka of the Kyiv District], in: Kievskaja starina [Kyivan Antiquity], The eleventh yearbook, April, May and June, Kyiv, 1892 [in Russian].

Kalima 1928 - Kalima J. Karjalais-vepsäläisestä Vapahtajan nimityksesta [On the Karelian and Veps Designation of the Savior], in: Suomalais-Ugrilaisen Seurau Toimituksiathe [Finno-Ugric Society Proceedings], Volume. LXIII, Helsinki, 1928 [in Finnish].

Kaloev 2004 - Kaloev B.A. Osetiny: Istoriko-etnograficheskoe issledovanie [Ossetians: Historical and Ethnographic Study], Moscow, 2004 [in Russian].

Karatygin 1877 - Karatygin I.G. Obzor nekotoryh osobennostej v chinoposledovanijah rukopisnyh trebnikov, prinadlezhashhih biblioteke Sankt-peterburgskoj duhovnoj akademii [Review of Some Features in the Rank-and-File of Manuscript Books of Needs Belonging to the Library of the St. Petersburg Theological Academy], in: Khristianskoe chtenie [Christian Reading], Nr. 3-4, St. Petersburg, 1877 [in Russian].

Karpenko 1992 - Karpenko O.P. Rod i rozhanyci v hidronimiyi Polissya [Rod and Rozhanitsas in the Hydronymy of Polissya], in: Onomastyka Ukrayiny pershogo tysyacholittya nashoyi ery [Onomastics of Ukraine of the First Millennium AD], Kyiv, 1992 [in Ukrainian].

Khaytykhuty 2008 - Khaytykhuty A. Safayy ræhys: Taurægütæ, æmdævgætæ, tsardy habærttæ [Hearth Chain (Legends, Poetry, Miniatures)], Dzawjeqaw, 2008 [in Ossetian].

Khlevov 1997 - Khlevov A.A. Normanskaja problema v otechestvennoj istoricheskoj nauke [The Norman Problem in Domestic Historical Science], St. Petersburg, 1997 [in Russian].

Klapper 1915 - Klapper J. Deutscher Volksglaube in Schlesien in ältester Zeit [German Folk Belifs in Silesia in Elder Time], in: Mitteilungen der schlesischen Gesellschaft für Volkskunde [Communications of the Silesian Society for Ethnology], Volume XVII, Breslau, 1915 [in German].

Klejn 1990 - Klejn L.S. Pamyati yazycheskoho boga Roda [In Memory of the Pagan God Rod], in: Yazychestvo vostochnykh slavyan [Paganism of the Eastern Slavs], Leningrad, 1990 [in Russian].

Klejn 1997 - Klejn L.S. Zmej s hobotom (fol'klor i jetnografija v rabote arheologa) [Dragon with a Trunk (Folklore and Ethnography in the Work of an Archaeologist)], in: Pamjatniki stariny. Koncepcii. Otkrytija. Versii. Pamjati Vasilija Dmitrievicha Beleckogo (1919-1997) [Monuments of Antiquity. Concepts. Discoveries. Versions. In Memory of Vasily Dmitrievich Beletsky (1919-1997)], St. Petersburg and Pskov, 1997 [in Russian].

Klejn 2004 - Klejn L.S. Voskresheniye Peruna: K rekonstruktsyi slavyanskogo yazychestva [Resurrection of Perun: Towards a Reconstruction of Slavic Paganism], St. Petersburg, 2004 [in Russian].

Klejn 2010 - Klejn L.S. Trudno byt' Klejnom [It's hard to be Klejn], St. Petersburg, 2010 [in Russian].

Klejn 2014 - Klejn L.S. Istorija rossijskoj arheologii. Uchenija, shkoly i lichnosti [History of Russian Archaeology. Teachings, Schools, and Personalities], Volume 2. Arheologi sovetskoj epohi [Archaeologists of the Soviet Era], St. Petersburg, 2014 [in Russian].

Kokov, Shakhmurzaev 1970 - Kokov Dzh.N., Shakhmurzaev S.O. Balkarskij toponimicheskij slovar' [Balkar Toponymic Dictionary], Nalchik, 1970 [in Russian].

Konkka 2003 - Konkka A. Svjatki v Panozere, ili Kreshhenskaja svin'ja [Christmas in Panozero, or the Baptismal Pig], in: Panozero: serdce Belomorskoj Karelii [Panozero: the Heart of the White Sea Karelia], Petrozavodsk, 2003 [in Russian].

Konkka 2007 - Konkka A.P. Materialy po kalendarnoj mifologii i kalendarnoj obrjadnosti sjamozerskih karel [Materials on Calendar Mythology and Calendar Rituals of the Syamozero Karelians], in: Antropologicheskij forum [Anthropological Forum], Nr. 6, Moscow, 2007 [in Russian].

Konkka 2015 - Konkka A.P. Na plechah Bol'shoj Medvedicy: Izbrannye stat'i (Jubilejnyj sbornik k 65-letiju i 45-letiju sobiratel'skoj dejatel'nosti) [On the Shoulders of the Big Dipper: Selected Articles (Jubilee Collection for the 65th Anniversary and 45th Anniversary of Collecting Activities)], Petrozavodsk, 2015 [in Russian].

Korogodina 2006 - Korogodina M.V. Ispoved' v Rossii v XIV-XV vekah: issledovanie i teksty [Confession in Russia in the 14th-15th Centuries: Research and Texts], St. Petersburg, 2006 [in Russian].

Korolev 2020 - Korolev K. Poiski nacional'noj identichnosti v sovetskoj i postsovetskoj massovoj kul'ture: slavjanskij metasjuzhet v otechestvennom kul'turnom prostranstve [The Search for National Identity in Soviet and post-Soviet Mass Culture: a Slavic Meta-Plot in the Domestic Cultural Space], St. Petersburg, 2020 [in Russian].

Krylov 2001 - Krylov A.B. Religija i tradicii abhazov [Religion and traditions of Abkhazians], Moscow, 2001 [in Russian].

Kuzmin 1993 - Kuzmin A.G. Khazarskie stradanija [Khazar Sufferings], in: Molodaja gvardija [Young Guard], Nr. 5-6, Moscow, 1993 [in Russian].

Leach 2015 - Leach S. A Russian Perspective on Theoretical Archaeology: The Life and Work of Leo S. Klejn, Walnut Creek, 2015 [in English].

Lebedev 1999 - Lebedev G.S. Varangica Problemnogo seminara L.S. Klejna. Tridcat' let dvizhenija k Neizvestnomu Gorodu na Puti iz Varjag v Greki [Varangica of the L.S. Klejn's Problem Seminar. Thirty Years of Movement to the Unknown City on the Way from the Varyags to the Greeks], in: Stratum plus, Nr. 5, Chişinaú, 1999 [in Russian].

Lebedev 2004 - Lebedev G.S. L.S. Klejn i peterburgskaja shkola rossijskoj arheologii [L.S. Klejn and the St. Petersburg School of Russian Archaeology], in: Arkheolog: detektiv i myslitel'. Sbornik statej, posvjashhjonnyj 77-letiju L'va Samojlovicha Klejna [Archaeologist: Detective and thinker. Collection of Articles Dedicated to the 77th Anniversary of Lev Samoilovich Klejn], St. Petersburg, 2004 [in Russian].

Leksika 1981 - Leksika i frazeologija «Molenija» Daniila Zatochnika [Vocabulary and Phraseology of Supplication by Daniel the Exile], Leningrad, 1981 [in Russian].

Lenin 1968 - Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenij [Complete Collected Works], Volume 18. Materializm i empiriokriticizm [Materialism and Empiriocriticism], Moscow, 1968 [in Russian].

Lowmiański 1979 - Lowmiański H. Religia Słowian i jej upadek (w. VI-XII) [Religion of the Slavs and Her Fall (6th-12th Centuries)], Warsaw, 1979 [in Polish].

Litala 1990 - Litala soroka po zelenim haju: dytjachi ta molodizhni ukrayins'ki narodni ihry [A Magpie Was Flying Through the Green Grove], Compiled and comments by H.V. Dovzhenok, Kyiv, 1990 [in Ukrainian].

Machek 1954 - Machek V. Origin of the Gods Rudra and Pūśan, in: Archiv orientální [Oriental Archive], Volume 22, Praha, 1954 [in English].

Mansikka 2005 - Mansikka V.J. Religija vostochnyh slavjan [Religion of the Eastern Slavs], Moscow, 2005 [in Russian].

Matyash, Ponomarev 2020 - Matyash Ye.I., Ponomarev Ye.R. Biografija i lichnaja zhizn' [Biography and personal life], in: Lev Klejn. [Putevoditel']: Sbornik statej pamjati L'va Samuilovicha Klejna [Lev Klejn. [A Guide]: Collection of Articles in Memory of Lev Samuilovich Klejn], St. Petersburg, 2020 [in Russian].

Medvedenko 2006 - Medvedenko N.A. Istorija i arheologija Hazarskogo kaganata v issledovanii M.I. Artamonova [History and archaeology of the Khazar Khaganate in the M.I. Artamonov's Studies], Voronezh, 2006 [in Russian].

Mikhailov 1998 - Mikhailov N. Baltische und Slawische Mythologie: ausgewählte Artikel [Baltic and Slavic Mythology: Selected Articles], Madrid, 1998 [in German].

Mikhailov 2017 - Mikhailov N.A. Istorija slavjanskoj mifologii v XX veke [History of Slavic Mythology in the 20th Century], Moscow, 2017 [in Russian].

Milkov, Simonov 2011 - Milkov V.V., Simonov R.A. Kirik Novgorodec: uchenyj i myslitel' [Kirik the Novgorodian: Scientist and Thinker], in: Pamjatniki drevnerusskoj mysli: issledovanija i teksty [Monuments of Ancient Ruthenian Thought: Studies and Texts], Issue VII, Moscow, 2011 [in Russian].

Miller 1882 - Miller V. Osetinskie etjudy. Chast' vtoraja. Issledovanija [Ossetian Sketches. Part two. Research], in: Uchenye zapiski imperatorskogo Moskovskogo universiteta. Otdel istoriko-filologicheskij [Scientific Proceedings of the Imperial Moscow University. Department of History and Philology], Issue 2, Moscow, 1882 [in Russian].

Miller 1929 - Miller V. Osetinsko-russko-nemeckij slovar' [Ossetian-Russian-German Dictionary], Edited and supplemented by A.A. Freiman, Volume II. I-C, Leningrad, 1929 [in Russian].

Miller 1934 - Miller V. Osetinsko-russko-nemeckij slovar' [Ossetian-Russian-German Dictionary], Edited and supplemented by A.A. Freiman, Volume III. T-Ћ, Leningrad, 1934 [in Russian].

Miura 2008 - Miura K. Yazycheskiy kul't Roda i rozhanits po pamyatnikam uchytel'noy literatury [The Pagan Cult of Rod and Rozhanitsas According to the Monuments of Educational Literature], in: Trudy otdela drevnerusskoy literatury [Proceedings of the Department of Ancient Ruthenian Literature], Volume 58, St. Petersburg, 2008 [in Russian].

Moro Abadía 2013 - Moro Abadía O. The History of Archaeology as a Field: From Marginality to Recognition, in: Human Expeditions: Inspired by Bruce Trigger, Toronto, Buffalo and London, 2013 [in English].

Morozov 1995 - Morozov I.A. Beg [Running], in: Slavjanskie drevnosti: Etnolingvisticheskij slovar' [Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary], Edited by N.I. Tolstoy, Volume 1. A-G, Moscow, 1995 [in Russian].

Narty 1973 - Narty taurægtæ æmæ habærttæ [Nart Sagas and Tales], Compiled, foreword and comments by A. Byazyrty, Tskhinvali, 1973 [in Ossetian].

Narty 2005 - Narty kaddzhytæ: Iron adæmy epos [Nart Sagas. Epos of the Ossetian People], compiled by T. Khamytsaty; edited by Sh. Dzhykkajty, Volume 3, Dzawjeqaw, 2005 [in Ossetian].

Narty 2007 - Narty kaddzhytæ: Iron adæmy epos [Nart Sagas. Epos of the Ossetian People], compiled by T. Khamytsaty; edited by Sh. Dzhykkajty, Volume 4, Dzawjeqaw, 2007 [in Ossetian].

Narty 2010 - Narty kaddzhytæ: Iron adæmy epos [Nart Sagas. Epos of the Ossetian People], compiled by T. Khamytsaty; edited by Sh. Dzhykkajty, Volume 5, Dzawjeqaw, 2010 [in Ossetian].

Nekrich 1979 - Nekrich A. Otreshys' ot straha: Vospominanija istorika [Get Rid of Fear: Memoirs of a Historian], London, 1979 [in Russian].

Novoseltsev 1990 - Novoseltsev A.P. Hazarskoe gosudarstvo i ego rol' v istorii Vostochnoj Evropy i Kavkaza [Khazar State and its Role in the History of Eastern Europe and the Caucasus], Moscow, 1990 [in Russian].

Oberlies 1998 - Oberlies Th. Die Religion des Ṛgveda [The Religion of the Rigveda], Part 1: Das religiose System des Ṛgveda [The Religious System of Rigveda], Wien, 1998 [in German].

Osetinskie 1962 - Osetinskie poslovicy i pogovorki [Ossetian Proverbs and Sayings], Compiled and translated by Z.V. Abaeva, Tskhinvali, 1962 [in Russian].

Otchet 1893 - Otchet Imperatorskoj publichnoj biblioteki za 1890 g. [Report of the Imperial Public Library for 1890], St. Petersburg, 1893 [in Russian].

Periodicheskaya 1989 - Periodicheskaya pechat' Kavkaza ob Osetii i osetinakh: Nauchno-populyarnyy sbornik [Periodical Press of the Caucasus about Ossetia and Ossetians: Popular Scientific Collection], Compilation, preface, notes and comments by L.A. Chibirov, Book 4, Tskhinvali, 1989 [in Russian].

Petrukhin 2005 - Petrukhin V.Ya. Mify finno-ugrov [Myths of Finno-Ugric Peoples], Moscow, 2005 [in Russian].

Piotrovskiy 1995 - Piotrovskiy B.B. Stranitsy moej zhyzni [Pages of My Life], St. Petersburg, 1995 [in Russian].

Platonova 1999 - Platonova N.I. Mikhail Illarionovich Artamonov – direktor IIMK [Mikhail Illarionovitch Artamonov – the Director of IHMC], in: Arheologicheskie vesti [Archaeological News], Issue 6, St. Petersburg, 1999 [in Russian].

Platonova 2010 - Platonova N.I. Istorija arheologicheskoj mysli v Rossii. Vtoraja polovina XIX – pervaja tret' XX veka [History of Archaeological Thought in Russia. The late 19th – the First Third of the 20th Century], St. Petersburg, 2010 [in Russian].

Ponomarev 2010 - Ponomarev E.R. Povest' o progressore. (Recenzija na knigu: Klejn L. Trudno byt' Klejnom: Avtobiografija v monologah i dialogah. SPb., 2010) [A Tale on a Progressor. (Book review: Klejn, L. It's hard to be Klejn: Autobiography in Monologues and Dialogues. St. Petersburg, 2010)], in: Novoe literaturnoe obozrenie [New Literary Review], Nr. 10, Moscow, 2010 [in Russian].

Popovich 1985 - Popovich M.V. Mirovozzrenie drevnih slavjan [The Worldview of the Ancient Slavs], Kyiv, 1985 [in Russian].

Propp 1958 - Propp V.Ya. Russkiy geroicheskiy epos [Russian Heroic Epic], Moscow, 1958 [in Russian].

Prozorov 2006 - Prozorov L.R. Bogi i kasty jazycheskoj Rusi. Tajny Kievskogo Pjatibozhija [Gods and Castes of Pagan Rus. Mysteries of the Kyivan Pentatheism], Moscow, 2006 [in Russian].

Prozorov 2016 - Prozorov L.R. Kak utopili v krovi Jazycheskuju Rus'. Igo novogo Boga [How Pagan Rus Was Drowned in Blood. The Yoke of the New God], Moscow, 2016 [in Russian].

Prozorov, Kalinkina 2012 - Prozorov L.R., Kalinkina Ye. Veshhaja Rus'. Jazycheskie zagovory i arijskij obrjad [Prophetic Rus. Pagan Spells and the Aryan rite], Moscow, 2012 [in Russian].

Puhvel 1987 - Puhvel J. Comparative Mythology, Baltimore; London, 1987 [in English].

Rakhno 2020 - Rakhno K.Yu. Bog Rod v zapadnoslavjanskoj obrjadnosti [God Rod in the Western Slavic Folk Customs], in: Istoricheskij format [Historical Format], 2020, Nr. 2 [in Russian].

Rybakov 1982 - Rybakov B.A. Kievskaja Rus' i russkie knjazhestva XII-XIII vv. [Kievan Rus and the Ruthenian Principalities of the XII-XIII Centuries], Moscow, 1982 [in Russian].

Rybakov 1987 - Rybakov B.A. Jazychestvo drevnej Rusi [Paganism of Ancient Rus], Moscow, 1987 [in Russian].

Rybakov 2002 - Rybakov B.A. Yazychestvo drevnikh slavyan [Paganism of the Ancient Slavs], Moscow, 2002 [in Russian].

Sakharov 1843 - Sakharov I.P. O Slove Daniila Zatochnika [On the Word of Daniel the Exile], in: Muscovite. Magazine published by M. Pogodin, Part V, Moscow, 1843 [in Russian].

Sedov 1976 - Sedov V.V. Rannij period slavjanskogo etnogeneza [Early Period of Slavic Ethnogenesis], in: Voprosy etnogeneza i etnicheskoj istorii slavjan i vostochnyh romantsev. Metodologija i istoriografija [Questions of Ethnogenesis and Ethnic History of the Slavs and Eastern Romanic Peoples. Methodology and Historiography], Moscow, 1976 [in Russian].

Sedov 1978 - Sedov V.V. Slavjane i irancy v drevnosti [Slavs and Iranians in Antiquity] Istorija, kul'tura, jetnografija i fol'klor slavjanskih narodov: VIII Mezhdunarodnyj syezd slavistov, Zagreb-Ljubljana, sentjabr' 1978 g.: doklady sovetskoj delegacii [History, Culture, Ethnography and Folklore of the Slavic Peoples: VIII International Congress of Slavists, Zagreb and Ljubljana, September 1978: Reports of the Soviet Delegation], Moscow, 1978 [in Russian].

Sedov 1999 - Sedov V.V. Drevnerusskaja narodnost': istoriko-arheologicheskoe issledovanie [Ancient Ruthenian Nationality: Historical and Archaeological Research], Moscow, 1999 [in Russian].

Semeka-Pankratov 1979 - Semeka-Pankratov E. A Semiotic Approach to the Polysemy of the Symbol nāga in Indian Mythology, in: Semiotica. Volume 27 (1-3), Berlin, 1979 [in English].

Service 2002 - Service R. Lenin. Minsk, 2002 [in Russian].

Shchavelyov 2012 - Shchavelyov S.P. Uchast' progressora [Fate of the Progressor], in: Yevrazijskiy arkheologo-istoriograficheskiy sbornik. K 60-letiyu Sergeya Vladimirovicha Kuzminykh [Eurasian Archaeological and Historiographical Collection. To the 60th Anniversary of Sergey Vladimirovich Kuzminykh], St. Petersburg and Krasnoyarsk, 2012 [in Russian].

Shchavelyov 2013 - Shchavelyov S.P. Dan' Mnemozine: Recenzii i otzyvy na izdanija i rukopisi 1990 – 2000-h godov po istoriografii otechestvennoj istorii i arheologii [Tribute to Mnemosyne: Reviews and Responses of Published Works and Manuscripts of the 1990s – 2000s on the Historiography of National History and Archaeology], In 2 books, Book 1, Kursk, 2013 [in Russian].

Sher 1998 - Sher Ya.A. Koye-chto iz zhizni Gracha [Something from the Life of Grach], in: Drevniye kul'tury Central'noj Azii i Sankt-Peterburg. Materialy vserossiyskoy nauchnoy konferencii, posvyashhennoy 70-letiyu so dnya rozhdeniya Aleksandra Danilovicha Gracha [Ancient Cultures of Central Asia and St. Petersburg. Proceedings of the All-Russian Scientific Conference Dedicated to the 70th Anniversary of the Birth of Alexander Danilovich Grach], St. Petersburg, 1998 [in Russian].

Shnirelman 1995 - Shnirelman V.A. From Internationalism to Nationalism: Forgotten Pages of Soviet Archaeology in the 1930s and 1940s, in: Nationalism, Politics, and the Practice of Archaeology, Cambridge, 1995 [in English].

Shnirelman 2012 - Shnirelman V.A. Hazarskij mif. Ideologiya politicheskogo radikalizma v Rossii i yeyo istoki [The Khazar Myth. The Ideology of Political Radicalism in Russia and Its Origins], Moscow and Jerusalem, 2012 [in Russian].

Smirnov 1909 - Smirnov S. «Baby bogomerzskie» [Impious Old Women], in: Sbornik statej, posvjashhennyj V.O. Kljuchevskomu ego uchenikami, druz'jami i pochitateljami ko dnju tridcatiletija ego professorskoj dejatel'nosti v Moskovskom universitete (5 dekabrja 1879 – 5 dekabrja 1909 goda) [Collection of Articles Dedicated to V.O. Klyuchevsky by His Students, Friends and Admirers on the Day of the Thirtieth Anniversary of His Professorial Activity at Moscow University (December 5, 1879 – December 5, 1909)], Moscow, 1909 [in Russian].

Smirnov 1912 - Smirnov S. Materialy dlja istorii drevne-russkoj pokajannoj discipliny [Materials for the History of Ancient Ruthenian Penitential Discipline], Moscow, 1912 [in Russian].

Speranskiy 1904 - Speranskiy M.N. Perevodnye sborniki izrechenij v slavjanorusskoj pis'mennosti: Issledovanija i teksty [Translated Collections of Sayings in Slavic Writing: Studies and Texts], Moscow, 1904 [in Russian].

Sreznevskiy 1903 - Sreznevskiy I.I. Materialy dlja slovarja drevnerusskogo jazyka po pis'mennym pamjatnikam [Materials for the Dictionary of the Ancient Ruthenian Language on Written Monuments], Volume 3, Issue 1, R-STEP, St. Petersburg, 1903 [in Russian].

Stamati 2018 - Stamati I. The Slavic Dossier: Medieval Archaeology in the Soviet Republic of Moldova: Between State Propaganda and Scholarly Endeavor, Leiden and Boston, 2018 [in English].

Stolyar 1998 - Stolyar A.D. Triada zhiznedejatel'nosti M.I. Artamonova [Triad of Life of M.I. Artamonov], in: Istorija i kul'tura drevnih i srednevekovyh obshhestv [History and Culture of Ancient and Medieval Societies], St. Petersburg, 1998 [in Russian].

Tikhonov 2003 - Tikhonov I.L. Arheologija v Sankt-Peterburgskom universitete: Istoriograficheskie ocherki [Archaeology at St. Petersburg University: Historiographical Essays], St. Petersburg, 2003 [in Russian].

Tikhonov 2014 - Tikhonov V.V. Istoriki, ideologija, vlast' v Rossii XX veka: Ocherki [Historians, Ideology, Power in Twentieth-Century Russia: Essays], Moscow, 2014 [in Russian].

Tikhonov 2016 - Tikhonov V.V. Ideologicheskie kampanii «pozdnego stalinizma» i sovetskaja istoricheskaja nauka (seredina 1940-h – 1953 g.) [Ideological Campaigns of "Late Stalinism" and Soviet Historical Science (mid-1940s – 1953)], Moscow and St. Petersburg, 2016 [in Russian].

Tmenova 2008 - Tmenova Dz.G. Legendy o svjatyh mestah osetin [Legends about the Holy Places of the Ossetians], Vladikavkaz, 2008 [in Russian].

Tomsinskiy 2014 - Tomsinskiy S.V. Leningradskij neonormanizm: istoki i itogi [Leningrad Neonormanism: Origins and Results], in: Stratum plus. Nr. 5, Chişinaú, 2014 [in Russian].

Toporov 1999 - Toporov V. Dvoynoe dno. Priznaniya skandalista [Double Bottom. Confessions of a Brawler], Moscow, 1999 [in Russian].

Tsagaeva 2010 - Tsagaeva A.Dz. Toponimiya Severnoy Osetii [Toponymy of North Ossetia], Vladikavkaz, 2010 [in Russian].

Tsagaraev 2000 - Tsagaraev V.A. Zolotaja jablonja nartov: Istorija, mifologija, iskusstvo, semantika [Golden Apple Tree: History, Mythology, Art, Semantics], Vladikavkaz, 2000 [in Russian].

Tsgoev 2015 - Tsgoev H.F. Slovar' osetinskoj mifologii i uklada zhizni [Dictionary of Ossetian Mythology and Way of Life], Vladikavkaz, 2015 [in Russian].

Tskhovrebova, Dziccojty 2013 - Tskhovrebova Z.D., Dziccojty Yu.A. Toponimija Juzhnoj Osetii: v trjoh tomah [Toponymy of South Ossetia: in three volumes], Volume 1, Dzau District, Moscow, 2013 [in Russian].

Tuallagov 2001 - Tuallagov A.A. Skifo-sarmatskiy mir i nartovskiy epos osetin [The Scythian-Sarmatian world and the Nart Epoc of the Ossetians], Vladikavkaz, 2001 [in Russian].

Tyshchenko 2006 - Tyshchenko K. Movni kontakty: Svidky formuvannya ukrayinciv [Language Contacts: Witnesses of the Formation of Ukrainians], Kyiv, 2006 [in Ukrainian].

Uarziaty 1995 - Uarziaty V. Prazdnichnyj mir osetin [The Festive World of the Ossetians], Vladikavkaz, 1995 [in Russian].

Urbańczyk 1947 - Urbańczyk S. Religia poganskich Stowian [Religion of the Pagan Slavs], Kraków, 1947 [in Polish].

Vashhenko 2006 - Vashhenko E.D. «Khazarskaja problema» v otechestvennoj istoriografii XVIII-XX vv. ["Khazar Problem" in the Domestic Historiography of the 18th-20th Centuries], St. Petersburg, 2006 [in Russian].

Vasil'ev 1989 - Vasil'ev M.A. Bogi Khors i Semargl vostochnoslavjanskogo jazychestva [Gods Khors and Semargl of East Slavic Paganism], in: Religii mira. Istorija i sovremennost'. Ezhegodnik1987 [Religions of the World. History and Modernity. Yearbook 1987], Moscow, 1989 [in Russian].

Vasil'ev 1998 - Vasil'ev M.A. Yazychestvo vostochnyh slavjan nakanune kreshhenija Rusi. Religiozno-mifologicheskoe vzaimodejstvie s iranskim mirom. Jazycheskaja reforma knjazja Vladimira [Paganism of the Eastern Slavs on the Eve of the Baptism of Rus. Religious and Mythological Interaction with the Iranian World. Pagan Reform of Prince Vladimir], Moscow, 1998 [in Russian].

Vernadsky 1997 - Vernadsky G.V. Rossija v srednie veka [Russia in the Middle Ages], Tver and Moscow, 1997 [in Russian].

Vinokurova 2013 - Vinokurova I.Yu. Vepsskij mifologicheskij panteon v svete nekotoryh etapov etnicheskoj istorii naroda (na osnove vepsskogo dialektnogo materiala) [Veps Mythological Pantheon in the Light of Some Stages of the Ethnic History of the People (Based on the Veps Dialect Material)], in: Vepsskie arel'nye issledovanija. Sbornik statej [Veps Areal Studies. Collection of articles], Petrozavodsk, 2013 [in Russian].

Vinokurova 2015 - Vinokurova I.Yu. Mifologija vepsov: enciklopediya [Mythology of the Veps: an encyclopedia], Petrozavodsk, 2015 [in Russian].

Zarubin 1932 - Zarubin N.N. "Slovo Daniila Zatochnika" po redakcijam XII-XIII vv. i ih peredelkam [Word of Daniel the Exile according to the Editions of the 12th-13th Centuries and Their Alterations], Moscow, 1932 [in Russian].

Zasetskaya 2020 - Zasetskaya I.P. K voprosu ob issledovatel'skoy etike (Recenzija na: Klejn L.S. Pervyj vek: Sokrovishcha sarmatskikh kurganov. SPb.: Evraziya, 2016) [On the Question of Research Ethics (Review on: Klejn L.S. The First Century: Treasures of the Sarmatian Mounds. St. Petersburg: Eurasia, 2016)], in: Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii [Materials on the Archaeology, History and Ethnography of Tavria], Issue XXV, Simferopol, 2020 [in Russian].

Рахно Константин Юрьевич
– доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Национального музея-заповедника украинского гончарства в Опошном, старший научный сотрудник Института керамологии – отделения Института народоведения Национальной академии наук Украины (Опошное, Украина).

Kostyantyn Rakhno
– Doctor of History, the principal scientific assistant of the National Museum of Ukrainian Pottery, the senior scientific assistant of the Ceramology Institute – the branch of the Ethnology Institute of the National Academy of Sciences of the Ukraine (Opishne, Ukraine).

krakhno@ukr.net

ПОЛИЭТНИЧНЫЙ МОГИЛЬНИК В УРОЧИЩЕ КАУП (СЕВЕРНАЯ САМБИЯ)

В.И. Кулаков
Институт археологии Российской академии наук Россия, 117036, Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19
e-mail: drkulakov@mail.ru
Scopus Author ID: 26038228300
SPIN-код: 3764-2260

АВТОРСКОЕ РЕЗЮМЕ
Самым известным в европейской науке памятником археологии земли пруссов является археологический комплекс, занимающий камовую возвышенность (выс. до 11 м над уровнем моря в лесном урочище Kaup – дисл. «Торжище») и включающего остатки отрытого торгово-ремесленного пункта, курганный могильник в уроч. Grosse Kaup (западная, бóльшая часть лесного урочища) и массив грунтовых погребений первой половины нашей эры и IX-XIII вв. на участке Kleine Kaup (восточная, меньшая часть лесного урочища). Эти частично синхронные участки объединяются в курганно-грунтовой могильник Кауп. С 1873 по 2007 гг. в пределах могильника Grosse Kaup было раскопано 77 курганных и 4 грунтовых погребения. Только пять курганов можно хотя бы минимально сопоставить с прусской погребальной традицией, характерной для всего раннего средневековья обязательным присутствием в могиле захоронения коня. Здесь нет характерных для скандинавских могильников эпохи викингов сочетаний различных признаков обрядности. Отсутствуют характерные для традиций викингов захоронения в ладье. На рубеже X-XI вв. сооружение курганов на Каупе прекращается, по времени совпав с походом конунга Канута Магнуса в юго-восточную Балтию. Грунтовой могильник Kl. Kaup выделяется на поверхности земли тёмным цветом грунта, представляющего собой эрозированные остатки погребального костра, из которых сформирована верхняя часть культурного слоя этого могильника (разм. не менее 40 х 35 м). В 1934-2013 гг. здесь было исследовано 89 погребений. Единственная категория погребального инвентаря, одновременно представленная и в курганах, и в грунтовых могилах в уроч. Kaup, это – стремена вар. Gossler AII1. В X в. они были распространены у различных народов берегов Балтики, изначально имея скандинавское происхождение. Остальной вещевой материал свидетельствует о том, что, несмотря на синхронность существования в пределах одного микрорегиона курганного и грунтового могильников на протяжении минимум кон. IX – нач. XI вв., ни скандинавы, ни западные балты не пользовались традициями духовной и материальной культуры друг друга.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Балтия, эпоха викингов, скандинавы, западные балты.

POLYETHNIC BURIAL GROUND AT KAUP FOREST (NORTHERN SAMBIA)

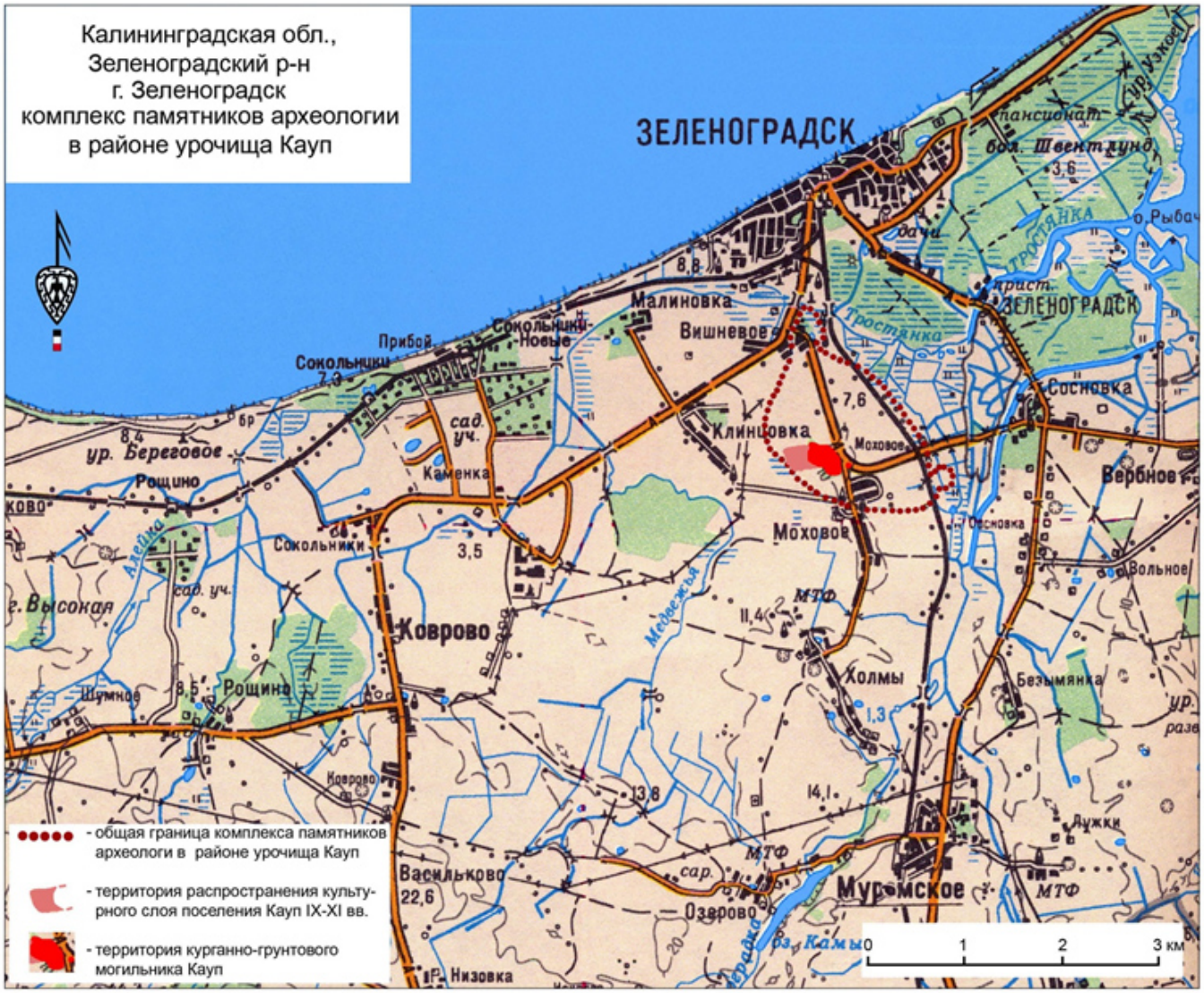
Vladimir Kulakov
Institute of archeology of the Russian Academy of Sciences
Russia, 117036, Moscow, Dmitry Ulyanov Street, 19
e-mail: drkulakov@mail.ru

ABSTRACT
The most renowned archaeological monument of the Prussian land in European science is the archeological complex located on a kame hill (altitude up to 11 m above sea level, in Kaup forest) that includes unearthed remnants of a trade and craft emporium, grave mounds at Grosse Kaup (western, larger part of the forest) and a cluster of moundless graves at Kleine Kaup (eastern, smaller part of the forest) circa first half of the Common Era and the 9th-13th centuries CE. These partially coeval burials are known as the mound and moundless cemetery of Kaup. From 1873 to 2007, 77 mound and 4 moundless graves were excavated within the boundaries of the Grosse Kaup burial ground. Only five mounds can be at least minimally associated with the Prussian burial tradition of placing a horse in the grave that was indicative for the entire Early Medieval period. No combinations of certain ritual features typical for the Scandinavian burials of the Viking Age have been found there. Neither present were the ship burials, characteristic of the Viking traditions. At the turn of the 10th and 11th centuries, the construction of burial mounds at Kaup ceased, coinciding in time with the expedition of King Kanut Magnus to the southeastern Baltic. The moundless burial ground at Kleine Kaup stands out on the surface of the earth by the dark color of the soil representing the eroded remnants of the funeral pyre, from which the upper part of the cultural layer of this burial site was formed (at least 40 m x 35 m in size). In 1934-2013, 89 burials were studied there. The only category of funeral inventory represented both in the barrows and

moundless graves at Kaup is horse stirrups var. Gossler AII1. Initially having a Scandinavian origin, they were common among the various peoples of the Baltic coast in the 10th century. The rest of the material evidences that, despite the contemporaneous existence of the mound and moundless graves within the same microregion throughout at least end of the 9th - beginning of the 11th centuries CE, neither the Scandinavians, nor the Western Balts used the traditions of spiritual and material culture of each other.

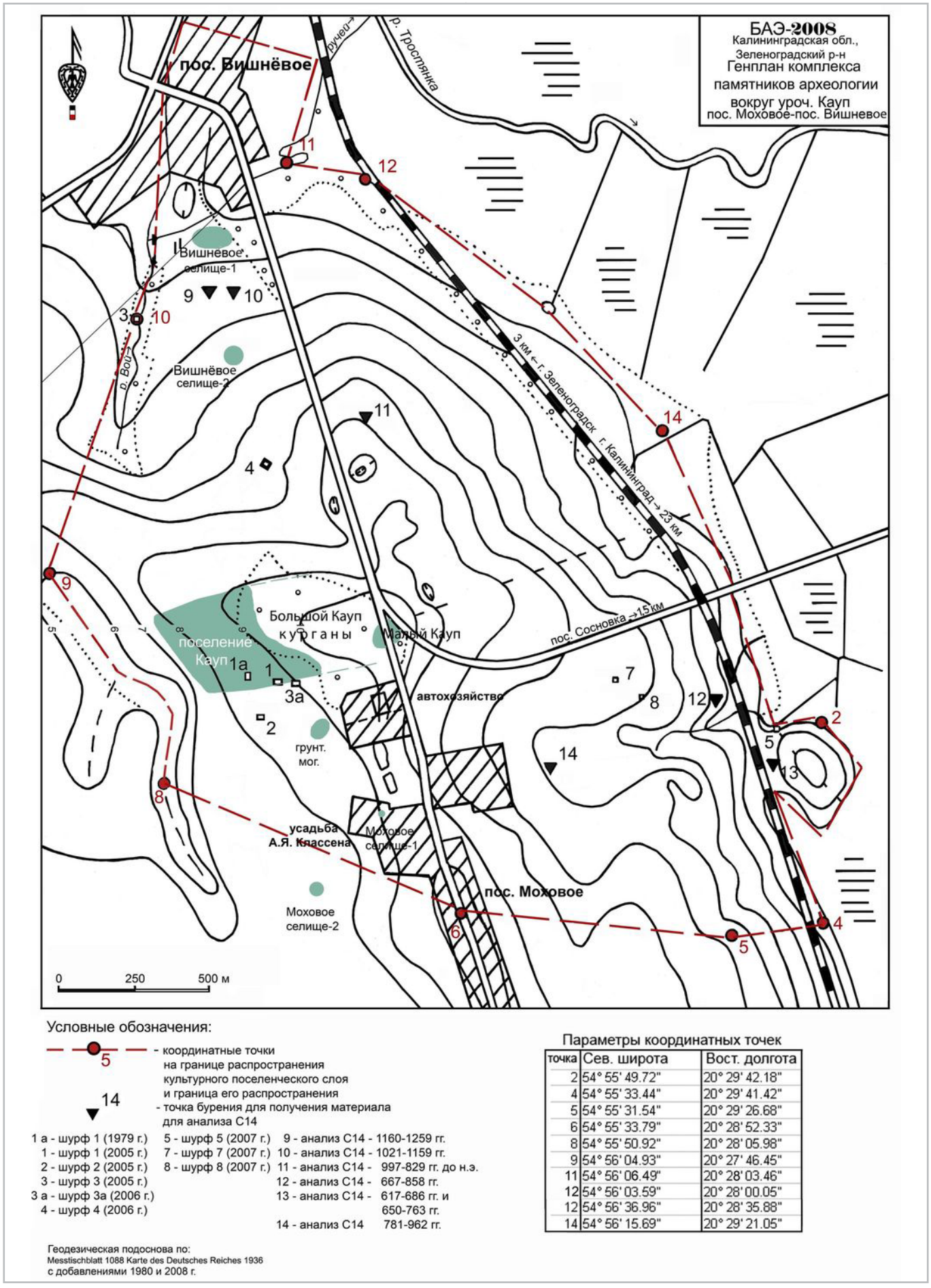
KEYWORDS: **Baltic, Viking era, Scandinavians, Western Balts.**

Курганно-грунтовой могильник эпохи викингов у пос. Wiskiauten/Моховое (г. Зеленоградск Калининградской обл.), был открыт летом 1865 г. (Кулаков 2012: 11, 12) и является важнейшим объектом археологического наследия юго-восточной Балтии. Эта точка зрения - следствие наличием на территории данного лесного урочища погребальных древностей не только балтов, но и скандинавов. Данный могильник является частью археологического комплекса, занимающего заросшую лесом камовую возвышенность (выс. до 11 м над уровнем моря) с историческим именем Kaup, что с древнеисландского переводится как «Торжище» - рис. 1). Данный памятник археологии включает курганный могильник в уроч. Grosse Kaup (западная, бóльшая часть лесного урочища) и массив грунтовых погребений первой половины нашей эры и IX-XIII вв. на участке Kleine Kaup (восточная, меньшая часть лесного урочища) (Кулаков 2012: 7, 8), занимающий вершину возвышенности. Кроме курганно-грунтового могильника в состав упомянутого комплекса входят остатки отрытого торгово-ремесленного поселения. Археологический комплекс расположен в историческом лесном урочище, находящемся в 3 км к югу от центра г. Зеленоградска, на северо-западной окраине пос. Моховое (бывш. Wiskiauten, Kr. Fischhausen-Samland). Данный лесной массив, являющийся частью Великой Пустоши (нем. Grosse Wildnis), существовал ещё в XIV в. (Mager 1960, Karte 1). Причём



Картподоснова по: Региональный атлас “Калининградская область”, М., 2004, с. 10.

Рис. 1. Картподоснова комплекса памятников археологии вокруг лесного урочища Кауп (Кулаков 2012: рис. 99).



Условные обозначения:

5 - координатные точки на границе распространения культурного поселенческого слоя и граница его распространения

14 - точка бурения для получения материала для анализа С14

1 а - шурф 1 (1979 г.)
1 - шурф 1 (2005 г.)
2 - шурф 2 (2005 г.)
3 - шурф 3 (2005 г.)
3 а - шурф 3а (2006 г.)
4 - шурф 4 (2006 г.)
5 - шурф 5 (2007 г.)
7 - шурф 7 (2007 г.)
8 - шурф 8 (2007 г.)

9 - анализ С14 - 1160-1259 гг.
10 - анализ С14 - 1021-1159 гг.
11 - анализ С14 - 997-829 гг. до н.э.
12 - анализ С14 - 667-858 гг.
13 - анализ С14 - 617-686 гг. и 650-763 гг.
14 - анализ С14 781-962 гг.

Параметры координатных точек

точка	Сев. широта	Вост. долгота
2	54° 55' 49.72"	20° 29' 42.18"
4	54° 55' 33.44"	20° 29' 41.42"
5	54° 55' 31.54"	20° 29' 26.68"
6	54° 55' 33.79"	20° 28' 52.33"
8	54° 55' 50.92"	20° 28' 05.98"
9	54° 56' 04.93"	20° 27' 46.45"
11	54° 56' 06.49"	20° 28' 03.46"
12	54° 56' 03.59"	20° 28' 00.05"
12	54° 56' 36.96"	20° 28' 35.88"
14	54° 56' 15.69"	20° 29' 21.05"

Геодезическая подоснова по:
Messtischblatt 1088 Karte des Deutsches Reiches 1936
с добавлениями 1980 и 2008 г.

Рис. 2. Генеральный план комплекса памятников археологии вокруг лесного урочища Кауп (Кулаков 2012: рис. 99).

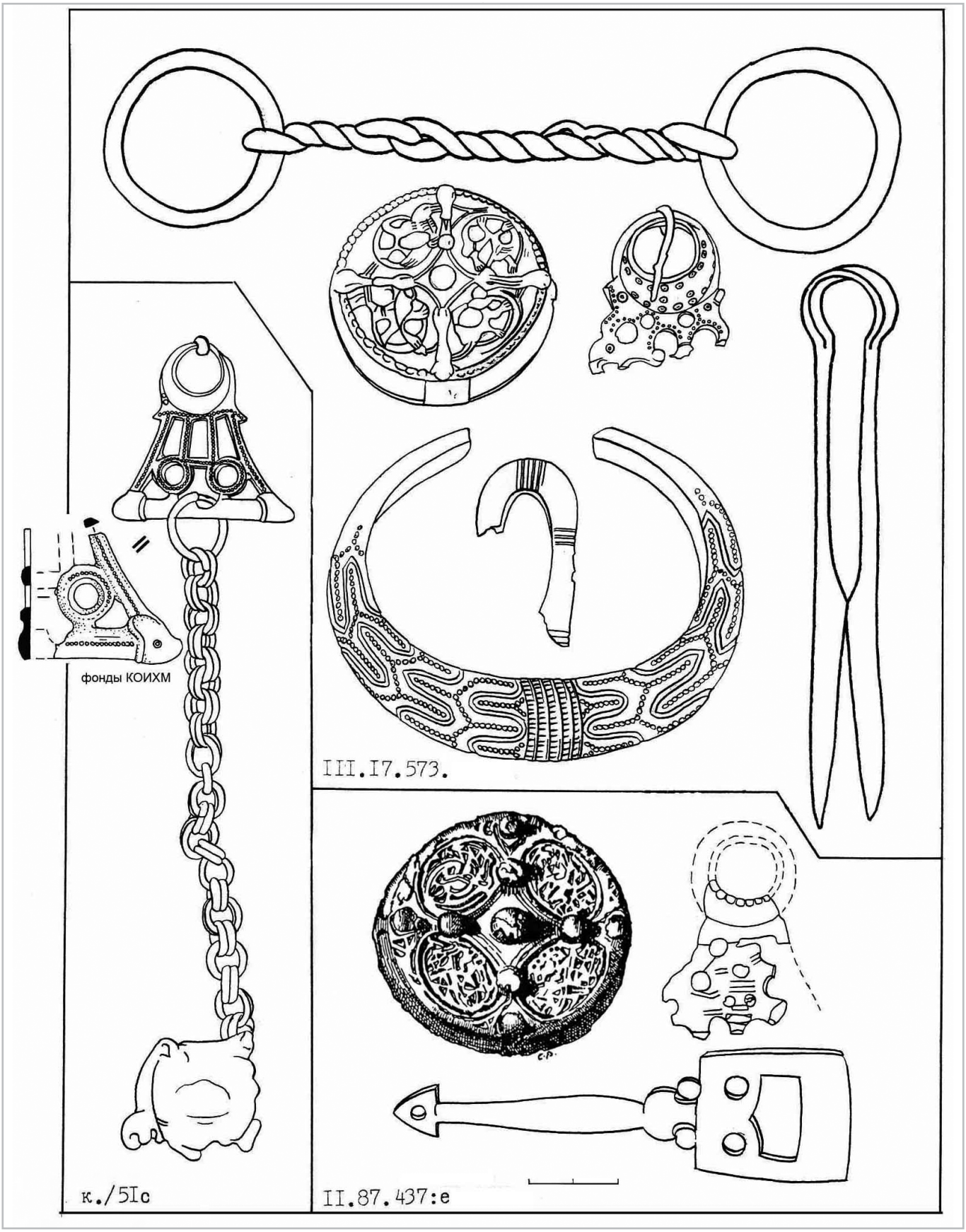


Рис. 3. Инвентарь кург.К/51с, инв. № III.17.573 и инв. № II.67.447:e (Кулаков 2012: рис. 569).

с востока к этому лесу в орденское время подступала заболоченная часть Куршского залива.

В 1932 г. в ходе реализации немецко-шведского археологического проекта был снят план могильника и проведён подсчёт курганных насыпей, которых на тот момент оказалось 215. На 1980 г., время съёмки современного топографического плана Каупа, в пределах этого лесного урочища насчитывалось (точнее

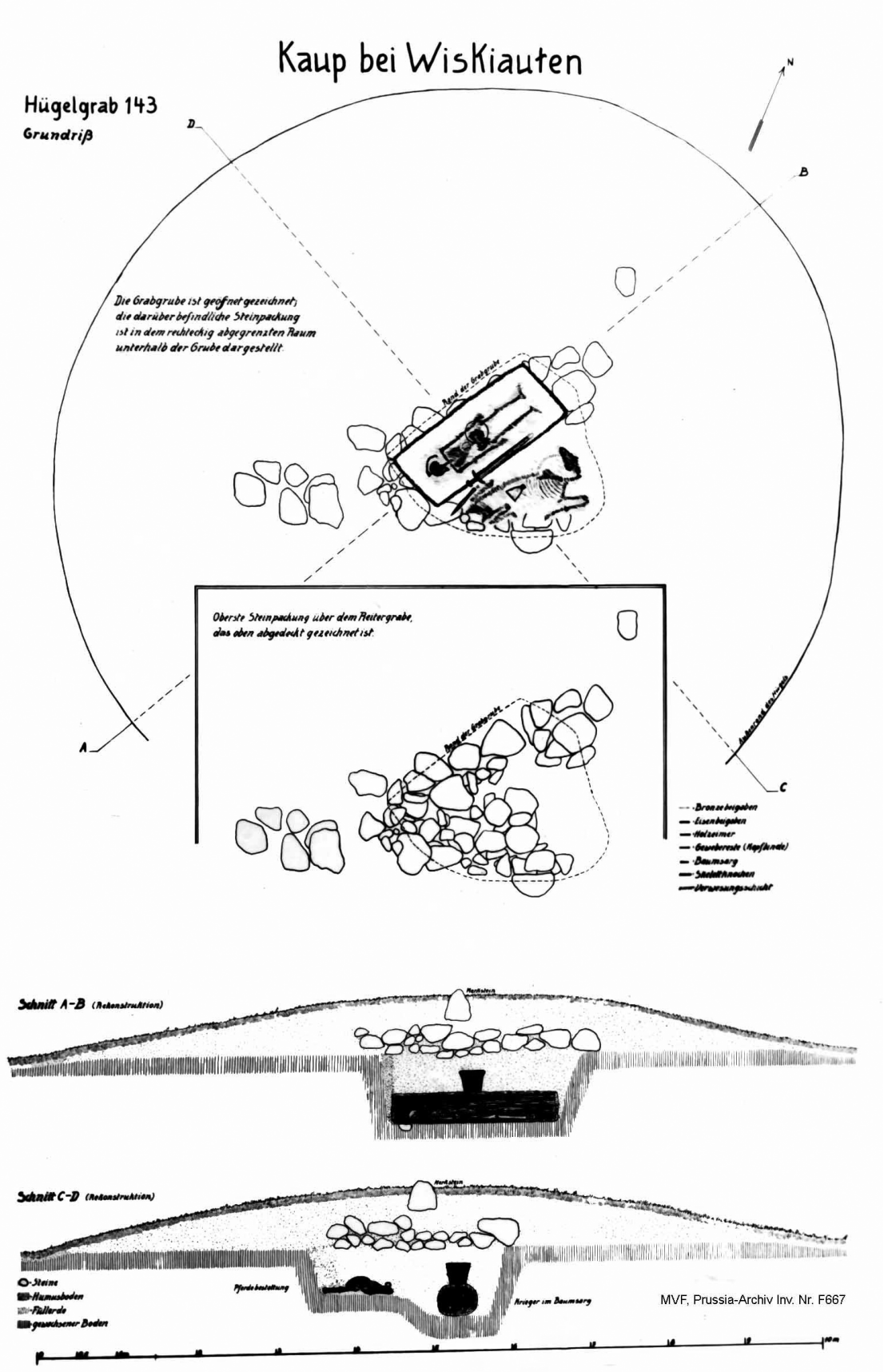


Рис. 4. План и сечения кург. К/143 (Prussia-Archiv, Reg. Nr PM-F7661).

– просматривалось) лишь 203 курганных насыпи. Количество грунтовых погребений учёту на могильнике в восточной части лесного урочища Кауп (на его участке под названием Kleine Kaup, рядом с дорогой Wosegau/Вишневое-Mühlsen/Холмы) не поддаётся ввиду отсутствия у них наружных признаков. В разное время между 1924 и 2010гг. вокруг леса Кауп были обнаружены свидетельства поселенческой деятельности,

Рис. 5. Инвентарь кург. К/143 (Кулаков 2012: рис. 133).

датируемые X-XII вв. В центре занятой могильниками возвышенности располагался сооружённый в эпоху позднего неолита кург. К/1, в 1873 и в 1933 гг. подвергавшийся раскопкам и докопанный международной экспедицией в 2014 г. (Кулаков 2012: 14-27). Фрагменты круговой и лепной керамики различного вида, а также обломки конских костей, встреченные в переотложенных остатках курганной насыпи в ходе этих работ, свидетельствуют в пользу наличия в этой насыпи впускных грунтовых погребений от эпохи раннего железного века до XI в. В 1873 г. у дороги (нем. Kirchenstieg), в лесу (?) Иоганнес Хейдек в шурфе обнаружил грунтовое погребение с конским костяком, с подогнутым книзу черепом которого находились кольчатые удила (Кулаков 2011a: 87). Как позднее было установлено, такая норма возложения коня в могилу, указывающая на возможный перелом шеи коня, соответствует прусской обрядности эпохи викингов. Отто Клееман в 1933 г. сообщал о наличии в восточной части леса Кауп женского грунтового погребения, отнесённого им, судя по его инвентарю, к IX в. (Kleemann 1933: 248).

Копавший в 1934 г. грунтовой могильник Kl. Kaup Карл Энгель в инвентаре его погребений (на примере стремян) видел влияние культуры викингов. Погребения данного могильника автором этих строк интерпретируются как захоронения западных балтов. Грунтовые погребения в восточной части лесного урочища Kaup Б. Мюлен считал позднейшими относительно местных курганов и трактовал их как могилы потомков викингов, принявших прусские народные традиции (Mühlen 1974: 16). Бернт фон цур Мюлен, в предвоенное время принимавший участие в раскопках Каупа, считал исследованные здесь подкурганные могилы вместилищами останков скандинавов, происходивших из юго-восточной Швеции, из о. Готланд и из Дании (Mühlen 1974: 54-56). Того же мнения придерживалась и Ф.Д. Гуревич, первая в советское время исследовавшая курганы могильника Gr. Kaup (Гуревич 1963: 202). Варшавский археолог Войцех Врублевски, ошибочно датируя подкурганные погребения могильника Gr. Kaup IX – второй пол. XI вв., пришёл к выводу о синхронности существования на Каупе курганов и грунтовых захоронений, соотнеся последние с пруссами (Wróblewski 2007: 142). Этот тезис косвенно подтвердил исследовавший недавно поселенческие участки вокруг уроч. Кауп Тимо Ибсен, признавший их полиэтничный характер (Ibsen 2009: 120). Интересно заявление Бернта фон цур Мюлен: «В хронологически поздних подкурганных погребениях Kaup, по моему мнению, погребены тоже не собственно викинги, а древние пруссы викингского происхождения, которые придерживались погребальных традиций своих отцов» (Mühlen 1975: 16). Современный уровень наших знаний о могилах Каупа позволяет предпринять попытку оценить степень присутствия северогерманских и западнобалтских культурно-этнических элементов, здесь представленных.

ХАРАКТЕРИСТИКА КУРГАННЫХ ЗАХОРОНЕНИЙ КАУПА

С 1873 по 2007 гг. в пределах могильника Große Kaup было раскопано 77 курганных и 4 грунтовых погребения (Кулаков 2012: 40). В своей массе курганы Каупа имели насыпи высотой от 1 до 2 м, диаметром от 6 до 15 м. Следы ровиков в основном отсутствуют, роль baustenar (плоские каменные «надгробные» плиты, характерные для Скандинавии эпохи викингов) выполняли стоявшие в центре насыпи, как правило, небольшие валуны-Merksteine (нем. «знаковый камень»). Эта меморативная традиции, известна и у местных жителей, воспринявших её ещё в римское время у соседних германцев (Кулаков 2017: 248). Урновые трупосожжения редки на могильнике Gr. Kaup, трупоположения в камерных гробницах отсутствуют. Из всего массива раскопанных здесь курганов лишь под двумя насыпями обнаружены бесспорные захоронения мужчин-воинов с конями (кург. К/143 и инв. № V.171.7971:3). Под тремя курганами лежали лишь конские останки (кург. инв. № II.87.437:n и инв. № III.92.90862, кург. К/145) (Кулаков 2011a: 90). Только эти пять курганов с конскими костяками можно сопоставить с прусской погребальной традицией, отличающейся в раннем средневековье обязательным присутствием в могиле (как

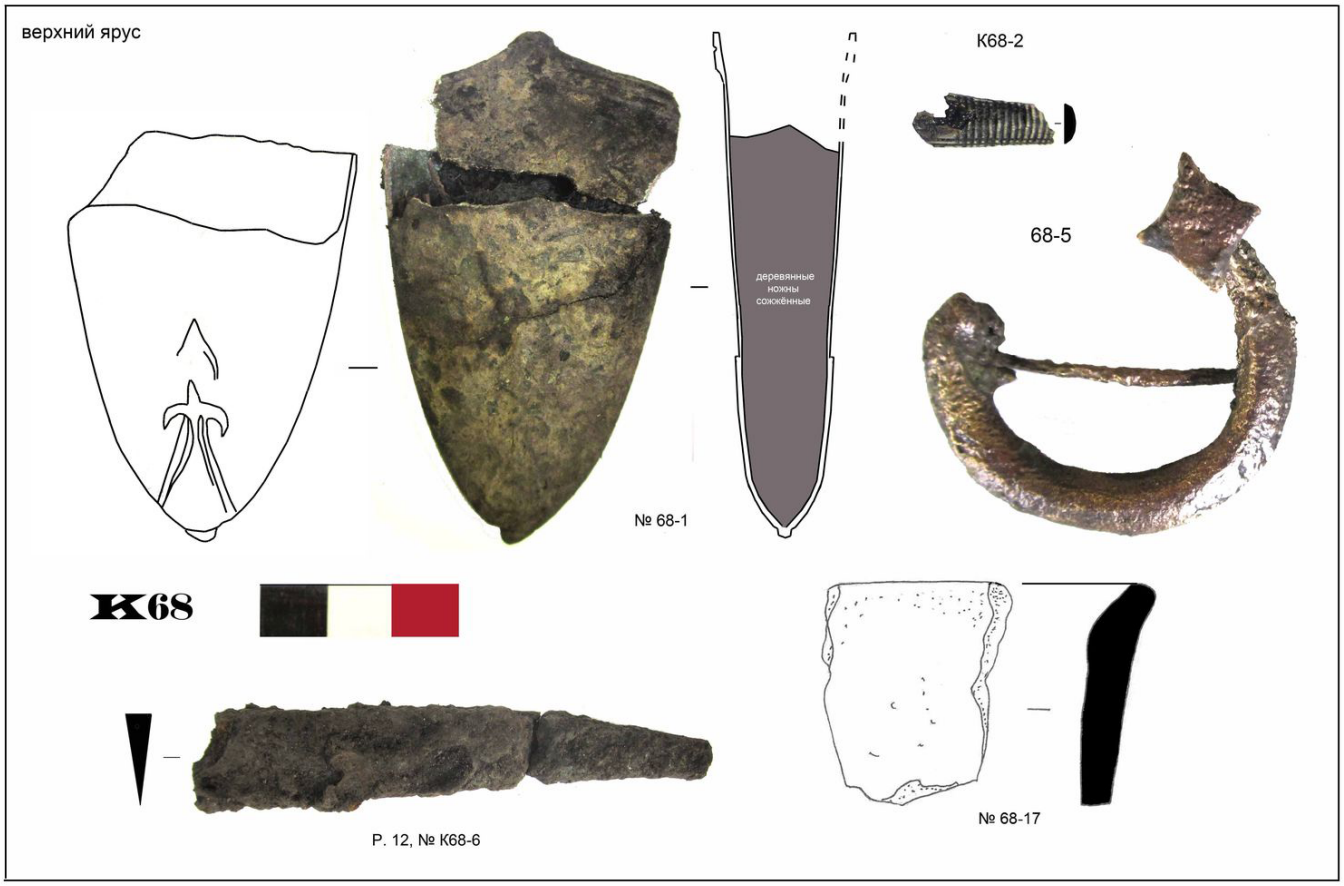


Рис. 6. Инвентарь верхнего яруса погр. К68 (Архив ИА РАН, Кулаков 2010).

правило - в её нижнем ярусе) захоронения коня (Кулаков 2003: 295, 296). В остальном обрядность могильника Gr. Kaup прямо указывает на североевропейские традиции, которых придерживались творцы курганов. Как гласили обычаи скандинавов, здесь мужчин-воинов погребали сожжёнными, а «тела женщин – хозяек дома и усадьбы – предпочитали сохранить в целости под курганами как залог мистической стабильности мира и благосостояния» (Кулаков 2012: 46).

Инвентарь подкурганных погребений на участке Gr. Kaup также в своей массе имеет скандинавское происхождение. В особенности это замечание относится к наборам женских украшений, встреченным в 22 курганах, содержавших одиночные костяки (Кулаков 2012: 44, 45). Как правило, пруссы с VII в. вплоть до орденского времени не сооружали одиночные женские трупоположения. Для комплексов IX в. могильника Gr. Kaup характерны наборы украшений готландского типа, с нагрудными застёжками-цепедержателями (рис. 2). В X в. превалируют пары черепаховидных фибул преимущественно типа J.P.51 или J.P.52, имеющие вполне среднешведский облик. Для мужских комплексов характерно присутствие двулезвийных каролингских мечей и бронзовых подковообразных фибул с косицевидным декором на дужке. Собственно, этим ограничивается набор особенностей подкурганных погребений могильника Gr. Kaup. Здесь нет известных на Скандинавском полуострове могильников эпохи викингов с сочетаниями различных признаков обрядности. Отсутствуют характерные для традиций викингов захоронения в ладье. На рубеже X-XI вв. сооружение курганов на Каупе прекращается, по времени совпав с походом конунга Канута Магнуса в юго-восточную Балтию (Кулаков 2012: 60).

ХАРАКТЕРИСТИКА ГРУНТОВЫХ ЗАХОРОНЕНИЙ КАУПА

Грунтовой могильник Kl. Kaup выделяется на лишённой дёрна поверхности земли тёмным цветом грунта, представляющего собой эрозированные остатки погребального костра, из которых сформирована верхняя часть культурного слоя этого могильника. В 2010 г. размеры этого пятна были не менее 40 х 35 м. В раннем средневековье это пятно, обозначавшее на поверхности грунта грунтовой могильник, простиралось за дорогу в восточном направлении (Кулаков 2014а: 95), где часть могильника была 29-31 августа 1934 г. вскрыта Карлом Энгелем (Раскоп 1). Ведущая форма обрядности на могильнике Kl. Kaup – двухъярусное трупосожжение с парой конских костяков в придонной части могилы, что прямо указывает на прусскую этно-культурную принадлежность захороненных здесь индивидуумов (Кулаков 2011а: 92).

Основной массив комплексов могильнике Kl. Kaup относится к X-XI вв. Эти могилы принадлежали преимущественно воинам-дружинникам (погребения с оружием) и купцам (комплексы с весами, гирьками и монетами) (Кулаков 2014б: 63). Позднее, в XI-XII вв. на могильнике фиксируется одна из форм куршской обрядности (Кулаков 2011б: 68). В этом периоде здесь встречаются

Рис. 7. Инвентарь верхнего яруса погр. К54 (Архив ИА РАН, Кулаков 2011).

погребения мастеров различных металло- и деревообработки, а также косторезного производства (Кулаков 2014б: 63). Примечательно расположение участка Kl. Kaup, занятого грунтовым балтским могильником, на самой высокой точке камовой возвышенности, ныне покрытой лесом. Для западных балтов наиболее возвышенная часть могильника являлась самой престижной, поэтому следует полагать роль западнобалтского субстрата на могильнике Кауп ведущей. Окружавшие балтский участок могильника скандинавские курганы содержали останки воинов и членов их семей, функцией которых было, очевидно, обеспечение безопасной жизнедеятельности балтской части местного поселения (Кулаков 2011а: 97).

Погребальный обряд курганных и грунтовых захоронений в лесном урочище Kaup прямо указывает на этно-культурную принадлежность погребённых здесь индивидуумов. Выше упоминалось о том, что инвентарь грунтового могильника позволил сделать немецким археологам вывод о плотной связи местных пруссов с традициями скандинавской материальной культуры. При наличии данных новейших раскопок проверим справедливость этой точки зрения на конкретном вещевом материале, сравнивая находки в курганных (в 77 курганах ок. 100 захоронений) и грунтовых захоронениях (89 комплексов). Сравнение стоит произвести согласно отделам погребального инвентаря:

Предметы вооружения. Мечи. В курганах могильника Gr. Kaup с сер. IX в. ведущим видом находок являются двулезвийные мечи (23 экз.) типов J.P.M, J.P.H и J.P.V (Кулаков 2012: 56). В погребении X в. они занимают место рядом с останками воина (рис. 3), от ножен меча сохраняется бронзовый наконечник (рис. 4). В балтских грунтовых погребений находки мечей отсутствуют. Наконечник ножен, однотипный находке в погр. К/143 («шведско-варяжская группа» по П. Паульсену), был обнаружен в Раскопе 5 в культурном слое на шт. 1 (Кулаков 2016: 149). В верхнем ярусе погр. К68 обнаружен бронзовый наконечник ножен меча подтипа Kazakevičius IIIB (XI в.) (Kazakevičius 1998: 300) с остатками сгоревших деревянных ножен. При этом соответствующий клинок отсутствовал.

Топоры в скандинавских курганах могильника Gr. Kaup, как ни странно, не были обнаружены. Напротив, в грунтовых погребениях могильника Kl. Kaup имеются два топора, относящиеся к типу J.P.M, характерные для скандинавов и балтов X-XI вв. (Петерсен 2005: 79). Один из этих топоров имел небольшие размеры и выявлен в верхнем ярусе погр. К54 вместе с редким вариантом солида короля Стефана Батория (чекан 1584г.). Единственный возможный вариант интерпретации этой необычной находки – объяснение её как жертвы, осуществлённой на заполнении захоронения далёкими потомками (или почитателями) воина, здесь погребённого (Кулаков 2016: 204).

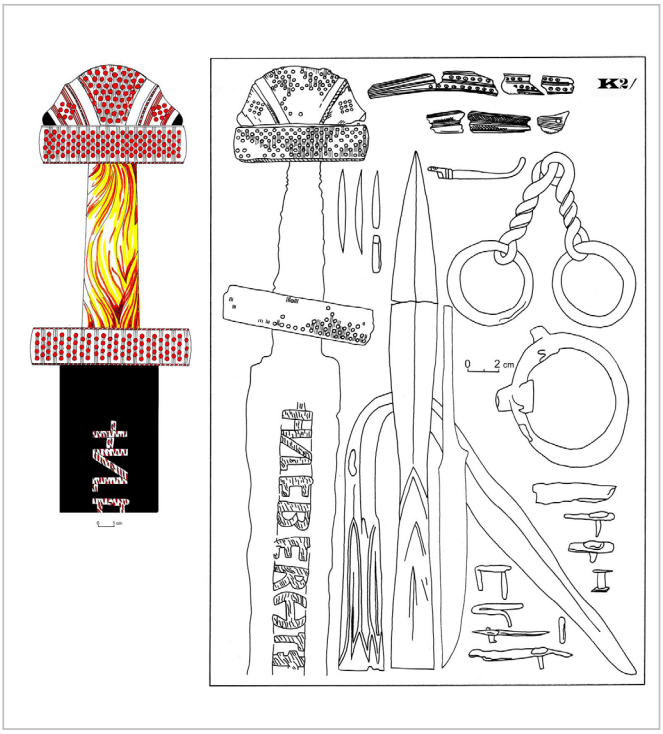


Рис. 8. Инвентарь кург.2/ (Кулаков 2012: рис. 148).

Наконечники копий в курганах представлены ланцетовидными формами с врезным пламевидным орнаментом втулок (рис. 7), характерным преимущественно для древностей X в. Грунтовые могилы в уроч. Kl. Kaup только в одном случае дали находку ланцетовидного наконечника дротика, при этом - без прорезного декора, ввиду сложности своего изготовления не употреблявшегося прусскими оружейниками. Остальные известные пруссам в X-XI вв. копья, встреченные в могилах Kl. Kaup, имели различные варианты ромбических наконечников (рис. 8).

Представленные в прусских комплексах в уроч. Kl. Kaup статусная булава (Кулаков 2011а: рис. 5) и многочисленные наконечники стрел отсутствуют в курганах скандинавов.

Снаряжение всадника и верхового коня в погребальных комплексах могильника Gr. Kaup представлено прежде всего удилами и стременами. Если удила (как правило – кольчатые двухчастные) ввиду их неудовлетворительной сохранности в курганах типологизировать трудно, то номенклатура стремян здесь довольно разнообразна и позволяет выделить стремена с выносной ременной петлей вар. Gossler AII1, X в. (Goßler 2013: Abb. 3, 4).

Эта форма стремени, как правило – вытянутых очертаний, встречена в нескольких скандинавских курганах (Кулаков 2012: 52), в которых представлено конское снаряжение X в.Конское снаряжение, в изобилии представленное в грунтовых могилах в уроч. Kl. Kaup, не находит соответствия в подкурганных погребениях. Особое место в могилах местных балтов занимают комплексы костяных накладок на сёдла, выявленные в трёх погребениях (Кулаков 2011а: 97). Аналогий им не обнаружено ни в курганах уроч. Gr. Kaup, ни в прусских грунтовых могилах во всей Самбии. Очевидно, грунт, заполнявший грунтовые могилы, являлся мелким гравием, обладал высокой способностью, для пропуска воды, что способствовало сохранности предметов (в т.ч. – костяных) в погребальных комплексах. Благодаря этому здесь до нас дошли костяные накладки, не сохранившиеся на других прусских могильниках. Скелеты коней со сломанными

Рис. 9. Инвентарь верхнего яруса погр. K75 (Архив ИА РАН, Кулаков 2013).

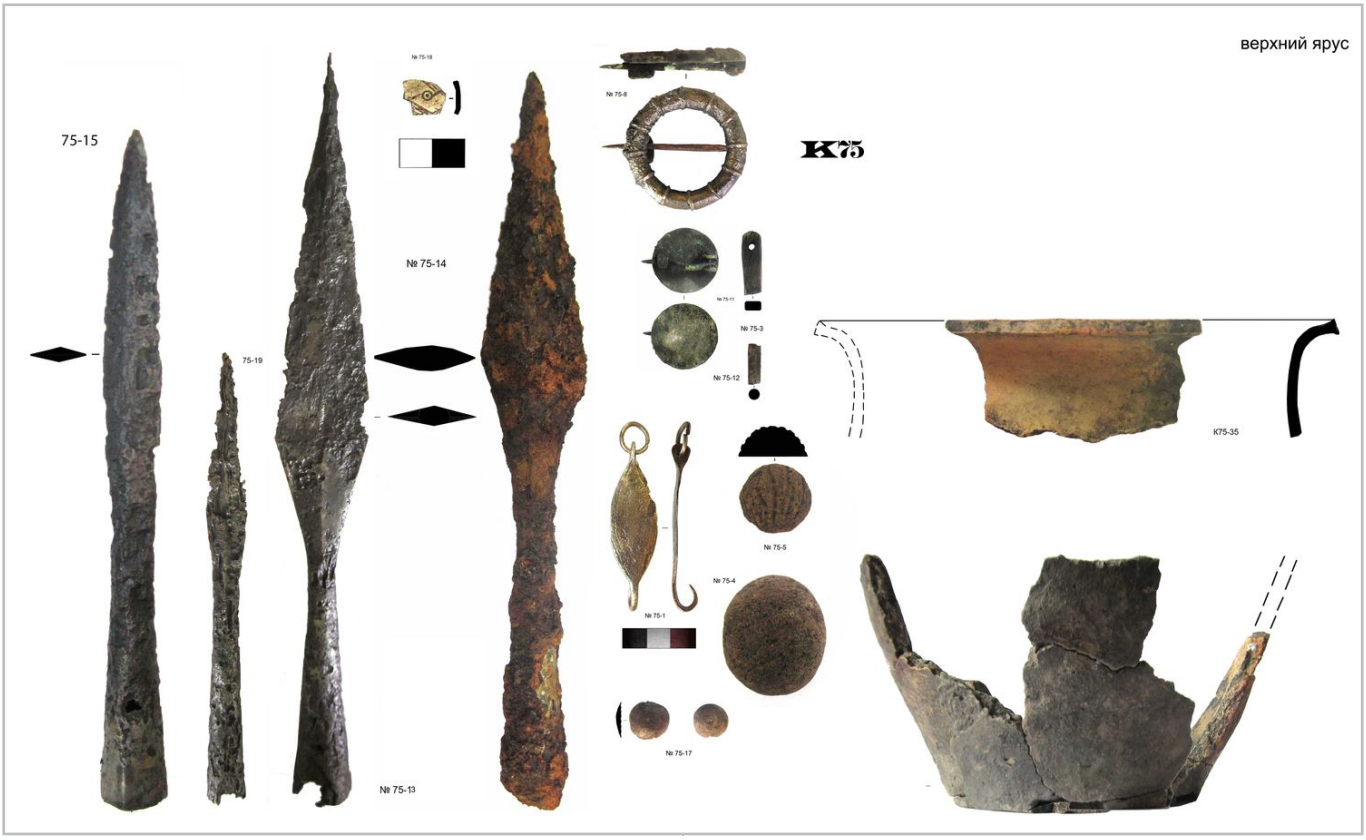


Рис. 10. Костяк коня в погр. 3 кург. К/145 (Prussia-Archiv, Reg. Nr. PM-A552, Bd. 18, S. 7).

по прусскому обычаю шеями, известные на могильнике Kl. Kaup и выявленные в скандинавском (?) кург. К/145 в 1937 г. (Кулаков 2011: 90), скорее всего, могут быть заупокойным жертвоприношением, сделанным пруссами на скандинавском кургане. Положение конских костяков в погр. 3 кург. К/145 показывает классическое отражение прусского ритуала эпохи викингов (рис. 9).

Украшения. В 1930 г. в кург. К/151b, по составу инвентаря датирующемся второй пол. IX - нач. X вв., были найдены куршская литая арбалетовидная фибула и подковообразная фибула подтипа Carlsson FAC:C.(Кулаков 2011a: 90, рис. 3) Единственный вид украшений, представленный как в балтских, так и скандинавских комплексах – бронзовые подковообразные фибулы вар. Carlsson TRA KSV (X в.) (Carlsson 1988: 70).

В остальном, в западнобалтских грунтовых погребениях на участке Kl. Kaup среди украшений, представленных преимущественно различными типами подковообразных фибул X-XIII вв. (в том числе – кольчатых застёжек «куршского типа»), ни одной находки североевропейского происхождения обнаружено не было. В курганах, содержавших женские комплексы, обнаружены сформированные по готландским и среднешведским нормам эпохи викингов металлические детали уборов. Ничего связанного с балтскими традициями в эти уборы включено не было. При этом находки на Каупе убедительно свидетельствуют в пользу синхронности существования здесь скандинавских и западнобалтских захоронений (Кулаков 2011a: 97).

Предметы быта в курганах уроч. Gr. Kaup представлены декоративными ключами, ножницами и хозяйственными ножами, встречаемыми исключительно в женских комплексах. Бытовой инвентарь (точила, шиферные пряслица, инструменты металло- и деревообработки) были особенно популярны в позднейших могилах участка Kl. Kaup (XI-XII вв.), времени присутствия на Каупе куршского этно-культурного элемента (Кулаков 2011a: 65-68). Если весы и гирьки имеются только в двух скандинавских курганах, то эти принадлежности торговцев встречены практически в каждом третьем грунтовом захоронении на участке Kl. Kaup. В курганах найдены лишь отдельные диргемы, причём – в качестве подвесок к ожерелью (Кулаков 2012: рис. 137). Над тремя могилами в уроч. Kl. Kaup в процессе их заполнения остатками погребального костра были рассыпаны в качестве заупокойной жертвы германские пфенниги Оттона I или III (Кулаков 2011a: 9, рис. 9).

Таким образом, следует сделать вывод о том, что, несмотря на синхронность существования в пределах одного микрорегиона (камовая возвышенность в лесу, носившем историческое название Kaup с участками Gr. и Kl. Kaup) курганного и грунтового могильников на протяжении минимум кон. IX – нач. XI вв., ни скандинавы, ни западные балты не пользовались традициями духовной и материальной культуры соседей по могильнику. Если скандинавские курганы сооружались до нач. XI в., то прусские и куршские могилы создавались в редких случаях до XIII в. Складывается впечатление о том, что и северяне, и балты-автохтоны в местах своего обитания не контактировали. Если скандинавское влияние на аборигенов не читается никак (стремена вар. Gossler AII1 были актуальны в X в. для всего населения берегов Балтики), то в курганах встречены и следы вторичных прусских захоронений (кони в кург. К/145), и отдельные западнобалтские находки (фибулы в кург. К/151b). Примечательно то, что, несмотря на указанное выше отсутствие связей между материалом скандинавской и балтской частей могильника грунтовые могилы занимают центр возвышенности Kaup, а курганы распространяются с востока на запад от внешних границ зоны грунтовых могил. Значит, могильник возводился одновременно в виде зоны курганов и зоны грунтовых могил. При этом отсутствие массовых взаимных заимствований в материальной культуре местных балтов и скандинавов позволяет сделать вывод о существовании их в пределах раздельных, не контактировавших между собой общин. Сделанный мною ранее (см. выше) вывод о несении скандинавами для прусских мастеров и купцов охранных функций подтверждается археологическим материалом. Социальные и, очевидно, культовые нормы, которыми руководствовались при этом скандинавы и балты, не способствовали их взаимной культурно-этнической ассимиляции.

ЛИТЕРАТУРА

Архив 2010 - Кулаков В.И. **Отчёт о раскопках и разведках, проведённых Балтийским отрядом ИА РАН в 2010 г. на курганном могильнике Моховое, расположенном в лесном урочище Кауп (г. Зеленоградск Калининградской обл.) // Архив ИА РАН. 2010. Р-1.**

Архив 2011 - Кулаков В.И. **Отчёт о раскопках, проведённых Балтийским отрядом ИА РАН в 2011 г. на территории курганного могильника Моховое в восточной части лесного урочища Кауп (Kl.Kaup), г. Зеленоградск Калининградской обл. // Архив ИА РАН. 2011. Р-1.**

Архив 2013 - Кулаков В.И. Отчёт о раскопках, проведённых Балтийским отрядом в 2013 г. на территории курганного могильника Моховое в восточной части лесного урочища Кауп (Kl.Kaup), г. Зеленоградск Калининградской обл. // Архив ИА РАН. 2013. Р-1.

Архив 2014 - Кулаков В.И. Отчёт об археологических раскопках, проведённых Балтийским отрядом ИА РАН в 2014 г. на курганном могильнике Моховое, расположенном в лесном урочище Кауп у пос. Моховое Зеленоградского р-на Калининградской области // Архив ИА РАН. 2014. Р-1.

Гуревич 1963 - Гуревич Ф.Д. Норманнский могильник у дер. Вишнево // Скандинавский сборник. Вып. VI. Таллин: Ээсти раамат, 1963. С. 198-206.

Кулаков 2003 - Кулаков В.И. История Пруссии до 1283 года. М.: Индрик, 2003. 364 с.

Кулаков 2011а - Кулаков В.И. Балтская часть могильника Кауп // Archaeologia Lituana. Vol. 12. Vilnius: Universiteto leidykla, 2011. С. 87-98.

Кулаков 2011б - Кулаков В.И. Куршский погребальный обряд на Каупе (полуостров Самбия) // Pruthenia. Vol. VI. Olsztyn: Edicja Towarzystwa Naukowego Pruthenia, 2011. С. 61-79.

Кулаков 2012 - Кулаков В.И. Неманский янтарный путь в эпоху викингов. Калининград: Калининградский областной музей янтаря, 2012. 222 с.

Кулаков 2014а - Кулаков В.И. Малый Кауп: две формы обрядности // Archaeologia Lituana. Vol. 15. Vilnius: Universiteto leidykla, 2014. С. 93-109.

Кулаков 2014б - Кулаков В.И. Социумы в прусском обществе Северной Самбии (по данным могильника Малый Кауп) // Матэрыялы па археалогii Беларусi. Вып. 25. Минск: Беларуская навука, 2014. С. 54-64.

Кулаков 2016 - Кулаков В.И. Пруссы эпохи викингов. Жизнь и быт общины Каупа. М.: Книжный мир, 2016. 350 с.

Кулаков 2017 - Кулаков В.И. Меморативная традиция у эстиев и пруссов // Археологические вести. № 27. СПб.: Институт истории материальной культуры РАН, 2017. С. 241-249.

Петерсен 2005 - Петерсен Я. Норвежские мечи эпохи викингов. СПб.: Альфарет, 2005. 331 с.

Archiv - Archiv Prussia-Museum, für Vor- und Frühgeschichte. Berlin.

Carlsson 1988 - Carlsson A. Vikingatida ringspännen från Gotland. Text och katalog. Stockholm: Universitet Stockholm, 1988. 275 s.

Goßler 2013 - Goßler N. Die mittelalterliche Steigbügel aus dem Berliner Bestand der Prussia-Sammlung (ehemals Königsberg/Ostpreussen) – Studien zu Typologie, Chronologie und Kulturgeschichte // Acta Praehistorica et Archaeologica. Bd. 45. Berlin, 2013. S. 109-216.

Ibsen 2009 - Ibsen T. “Etwa hier die Siedlung”. Der frühmittelalterliche Fundplatz Wiskiauten/Mohovoe im Kaliningrader Gebiet im Lichte alter Dokumente und neuer Forschungen. Kiel: Dissertation, 2009. 518 s.

Kazakevičius 1998 - Kazakevičius V. Iš vėlyvojo geležies amžiaus baltų ginklų istorijos (kalavių makštų galų apkalai) // Lietuvos archeologija. T. 15. Vilnius: Minti, 1998. S. 287-332.

Kleemann 1933 - Kleemann O. Neue Ausgrabungen in Wiskiauten // Nachrichtenblatt für Deutsche Vorzeit. Jg. 9. H. 12. Leipzig: Verlag von Kurt Kabitzsch, 1933. S. 247-248.

Mühlen 1975 - Mühlen B. Die Kultur der Wikinger in Ostpreussen. Bonner Hefte zur Vorgeschichte. Nr 9. Bonn, 1975. 286 s.

Randsborg, Merkytė, Merkevičius, Kulakov 2007 - Randsborg K., Merkytė I., Merkevičius A., Kulakov V.I. Kaup 2014: archaeological Excavations & Research History // Acta Archaeologica. Vol. 87. Issue 1. Køpenhavn: Wiley-Blackwell, 2007. S. 85-130.

Wróblewski 2007 - Wróblewski W. Wiskiauten // Reallexikon der Germanischen Altertumskunde. Bd. 34. Berlin; New York: Walter de Gruyter Verlag, 2007. S. 140-145.

REFERENCES

Archiv - Archiv Prussia-Museum, für Vor- und Frühgeschichte [Archive Prussia Museum, for prehistory and early history], Berlin [in German].

Arhiv 2010 - Kulakov V.I. Otchyot o raskopkah i razvedkah, provedyonnyh Baltijskim otryadom IA RAN v 2010 g. na kurgannom mogil'nike Mohovoe, raspolozhennom v lesnom urochishche Kaup (g. Zelenogradsk Kaliningradskoj obl.) [Report on excavations and explorations carried out by the Baltic team of the Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences in 2010 at the Mokhovoye burial mound, located in the Kaup forest tract (Zelenogradsk, Kaliningrad region)], in: Arhiv IA RAN [Archive of the IA RAS], 2010, R-1 [in Russian].

Arhiv 2011 - Kulakov V.I. Otchyot o raskopkah, provedyonnyh Baltijskim otryadom IA RAN v 2011 g. na territorii kurgannogo mogil'nika Mohovoe v vostochnoj chasti lesnogo urochishcha Kaup (Kl.Kaup), g. Zelenogradsk Kaliningradskoj obl. [Report on excavations carried out by the Baltic team of the Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences in 2011 on the territory of the Mokhovoye burial mound in the eastern part of the Kl.Kaup forest tract, Zelenogradsk, Kaliningrad region], in: Arhiv IA RAN [Archive of the IA RAS], 2011, R-1 [in Russian].

Arhiv 2013 - Kulakov V.I. Otchyot o raskopkah, provedyonnyh Baltijskim otryadom v 2013 g. na territorii kurgannogo mogil'nika Mohovoe v vostochnoj chasti lesnogo urochishcha Kaup (Kl.Kaup), g. Zelenogradsk Kaliningradskoj obl. [Report on excavations carried out by the Baltic team in 2013 on the territory of the Mokhovoye burial mound in the eastern part of the Kl.Kaup forest tract, Zelenogradsk, Kaliningrad region], in: Arhiv IA RAN [Archive of the IA RAS], 2013, R-1 [in Russian].

Arhiv 2014 - Kulakov V.I. Otchyot ob arheologicheskih raskopkah, provedyonnyh Baltijskim otryadom IA RAN v 2014 g. na kurgannom mogil'nike Mohovoe, raspolozhennom v lesnom urochishche Kaup u pos. Mohovoe Zelenogradskogo r-na Kaliningradskoj oblasti [A report on archaeological excavations carried out by the Baltic team of the Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences in 2014 at the Mokhovoye burial mound, located in the Kaup forest tract near the village. Mokhovoe, Zelenogradskiy district, Kaliningrad region], in: Arhiv IA RAN [Archive of the IA RAS], 2014, R-1 [in Russian].

Carlsson 1988 - Carlsson A. Vikingatida ringspännen från Gotland. Text och katalog [Viking ring buckles from Gotland. Text and catalog], Stockholm, Universitet Stockholm Publ., 1988, 275 p. [in Swedish].

Goßler 2013 - Goßler N. Die mittelalterliche Steigbügel aus dem Berliner Bestand der Prussia-Sammlung (ehemals Königsberg/Ostpreussen) – Studien zu Typologie, Chronologie und Kulturgeschichte [The medieval Steigbügel from the Berlin holdings of the Prussia Collection (formerly Königsberg / East Prussia) - studies on typology, chronology and cultural history], in: Acta Praehistorica et Archaeologica, Vol. 45, Berlin, 2013, pp. 109-216 [in German].

Gurevich 1963 - Gurevich F.D. Normannskij mogil'nik u der. Vishnevo [Norman burial ground near the village. Vishnevo], in: Skandinavskij sbornik [Scandinavian collection], Vol. VI, Tallin, Eesti raamat Publ., 1963, pp. 198-206 [in Russian].

Ibsen 2009 - Ibsen T. "Etwa hier die Siedlung". Der frühmittelalterliche Fundplatz Wiskiauten/Mohovoe im Kaliningrader Gebiet im Lichte alter Dokumente und neuer Forschungen ["Around here the settlement". The early medieval discovery site Wiskiauten / Mohovoe in the Kaliningrad region in the light of old documents and new research], Kiel, Dissertation Publ., 2009, 518 p. [in German].

Kazakevičius 1998 - Kazakevičius V. Iš vėlyvojo geležies amžiaus baltų ginklų istorijos (kalavių makštų galų apkalai) [From the History of Late Iron Age White Weapons (Sword Sheaths)], in: Lietuvos archeologija [Lithuanian archeology], Vol. 15, Vilnius, Minti Publ., 1998, pp. 287-332 [in Lithuanian].

Kleemann 1933 - Kleemann O. Neue Ausgrabungen in Wiskiauten [New excavations in Wiskiauten], in: Nachrichtenblatt für Deutsche Vorzeit [News sheet for German prehistoric times], Vol. 9, Issue 12, Leipzig, Verlag von Kurt Kabitzsch Publ., 1933, pp. 247-248 [in German].

Kulakov 2003 - Kulakov V.I. Istoriya Prussii do 1283 goda [History of Prussia until 1283], Moscow, Indrik Publ., 2003, 364 p. [in Russian].

Kulakov 2011a - Kulakov V.I. Baltskaya chast' mogil'nika Kaup [Baltic part of the Kaup burial ground], in: Archaeologia Lituana [Lithuanian archeology], Vol. 12, Vilnius, Universiteto leidykla Publ., 2011, pp. 87-98 [in Russian].

Kulakov 2011b - Kulakov V.I. Kurshskij pogrebal'nyj obryad na Kaupe (poluostrov Sambiya) [Curonian funeral rite on Kaupe (Sambia Peninsula)], in: Pruthenia [Prussia], Vol. VI, Olsztyn, Edicja Towarzystwa Naukowego Pruthenia Publ., 2011, pp. 61-79 [in Russian].

Kulakov 2012 - Kulakov V.I. Nemanskij yantarnyj put' v epohu vikingov [Neman Amber Trail in the Viking Age], Kaliningrad, Kaliningradskij oblastnoj muzej yantarya Publ., 2012, 222 p. [in Russian].

Kulakov 2014a - Kulakov V.I. Malyj Kaup: dve formy obryadnosti [Small Kaup: two forms of ritual], in: Archaeologia Lituana [Lithuanian archeology], Vol. 15, Vilnius, Universiteto leidykla Publ., 2014, pp. 93-109 [in Russian].

Kulakov 2014b - Kulakov V.I. Sociumy v prusskom obshchestve Severnoj Sambii (po dannym mogil'nika Malyj Kaup) [Societies in the Prussian society of Northern Sambia (according to the Maly Kaup burial ground)], in: Materiyaly pa arhealogii Belarusi [Materials on archeology of Belarus], Vol. 25, Minsk, Belaruskaya navuka Publ., 2014, pp. 54-64 [in Russian].

Kulakov 2016 - Kulakov V.I. Prussy epohi vikingov. ZHizn' i byt obshchiny Kaupa [Viking Age Prussians. Life and everyday life of the Kaup community], Moscow, Knizhnyj mir Publ., 2016, 350 p. [in Russian].

Kulakov 2017 - Kulakov V.I. Memorativnaya tradiciya u estiev i prussov [Memorial tradition among the Aestians and Prussians], in: Arheologicheskie vesti [Archaeological news], Vol. 27, St. Petersburg, Institut istorii material'noj kul'tury RAN Publ., 2017, pp. 241-249 [in Russian].

Mühlen 1975 - Mühlen B. Die Kultur der Wikinger in Ostpreussen. Bonner Hefte zur Vorgeschichte [The culture of the Vikings in East Prussia. Bonn booklets on prehistory], Nr 9, Bonn, 1975, 286 p. [in German].

Petersen 2005 - Petersen YA. Norvezhskie mechi epohi vikingov [Norse swords of the Viking Age], St. Petersburg, Al'faret Publ., 2005, 331 p. [in Russian].

Randsborg, Merkytė, Merkevičius, Kulakov 2007 - Randsborg K., Merkytė I., Merkevičius A., Kulakov V.I. Kaup 2014: archaeological Excavations & Research History, in: Acta Archaeologica, Vol. 87, Issue 1, Køpenhavn, Wiley-Blackwell Publ., 2007, pp. 85-130 [in English].

Wróblewski 2007 - Wróblewski W. Wiskiauten, in: Reallexikon der Germanischen Altertumskunde [Real Lexicon of Germanic Archeology], Vol. 34, Berlin; New York, Walter de Gruyter Verlag Publ., 2007, pp. 140-145 [in German].

Кулаков Владимир Иванович
– доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела археологии эпохи великого переселения народов и раннего Средневековья Института археологии РАН (Москва, Россия).

Vladimir Kulakov
– Doctor of Historical Sciences, Leading researcher of Department of Archeology of an Migration Period and early Middle Ages of Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

drkulakov@mail.ru

РОССИЙСКАЯ И ЗАРУБЕЖНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ О «СВОДЕ» «ДЖАГФАР ТАРИХЫ»: АНАЛИЗ ДИКУССИИ

И.А. Гагин
Рязанский государственный медицинский университет
Россия, 390026, г. Рязань, ул. Высоковольтная, д. 9
e-mail: igagin@mail.ru
SPIN-код: 6046-8148

АВТОРСКОЕ РЕЗЮМЕ
В статье рассматривается дискуссия, возникшая в российской и зарубежной историографии по поводу «Джагфар Тарихы» – свода булгарских летописей, будто бы собранных секретарем руководителя башкирского восстания 1680/83 гг. Сеида Джагфара Бахши Иманом для поднятия боевого духа восставших. «Джагфар тарихы» становится рупором идеи «булгаризма» и краеугольным камнем острой полемики между, в первую очередь, историками и общественными деятелями Татарстана, разделившимися на «булгаристов» и «татаристов». В статье дана характеристика дискуссии, рассмотрены концепции причин мистификации и фальсификации истории, осмысляется гипотеза «спасения» свода и возможности его дальнейшего существования.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: булгары, историческое сознание, булгаризм, татаризм, мифотворчество, фальсификация, «Джагфар Тарихы».

RUSSIAN AND FOREIGN HISTORIOGRAPHY OF THE «DJAGFAR TARIHY» ANNALS: ANALYSIS OF DISCUSSION

Igor Gagin
Ryazan State Medical University
9 The Vysokovoltnaya Street, Ryazan, 390026, Russia
e-mail: igagin@mail.ru

ABSTRACT
The article reviews discussion that arose in Russian and foreign historiography about the «Djagfar Tarihy» – a collection of Bulgarian annals allegedly gathered by Bakhshi Iman, the secretary of seid Djagfar, the leader of the Bashkir revolt of 1680/83, to raise the morale of the rebels. «Djagfar Tarihy» becomes the mouthpiece of the idea of «Bulgarism» and the cornerstone of a sharp polemic between, mainly, historians and public figures of Tatarstan, who divided into the «bulgarists» and «tatarists». The author analyzes the discussion, reviews concepts of the causes of mystification and falsification of history, and ponders over a hypothesis of «salvation» of the annals and the possibility of their further existence.

KEYWORDS: Bulgars, historical consciousness, Bulgarism, Tatarism, myth-making, falsification, Djagfar Tarihy..

Говоря об исчезновении булгарской письменности и языка, можем ли мы говорить об исчезновении булгар еще в XIV столетии полностью и без остатка? Многое убедительно доказывает, что это, несомненно, слишком радикальное суждение. Бесспорным остается факт, что и в наши дни среди части национальной интеллигенции Башкортостана, Татарстана и Чувашии наличествует булгарское самосознание, то есть, в Среднем Поволжье есть довольно внушительное количество людей, считающих себя потомками булгар.

Американский востоковед Ю. Шамильоглу, пришедший к выводу об их фактическом исчезновении в результате пандемии чумы, был изрядно удивлен, когда во время визита в Казань в июне 1998 года столкнулся с людьми, искренне считавшими себя булгарами, а не татарами. Он пишет об этом, как о довольно забавном эпизоде, приведшем его в состояние некоторого удивления (Шамильоглу 2007: 44; Schamiloglu 2011: 137-153). Однако этот факт может говорить только об одном: считать себя представителем какого-либо народа возможно при условии сохранения и передачи из поколения в поколение важного фактора самоопределения и самоидентификации – исторической памяти. Следовательно, в формировании таких современных народов, как казанские татары, башкиры, чуваши, вполне возможно, какой-то части удмуртов и марийцев, непосредственное участие принимали потомки булгар, пережившие многочисленные военные неурядицы, погромы и чумные бури.

Идеи булгарской идентификации неоднократно возникали в немногочисленных татарских и башкирских литературных памятниках. Так, анонимная история «Дафтар-и Чингиз-наме», составленная в конце XVII сто-

летия в Башкирии, описывает первых казанских ханов не как потомков Чингиз-хана, что как бы должно следовать из содержания повествования, а последнего хана Булгарии – Абдуллы (Усманов 1972: 120). Один из организаторов башкирского восстания 1755-1756 годов, Батырша, в воззваниях к мусульманскому населению ссылается на булгар как предков волго-уральских мусульман (Frank 1998: 44). Это утверждение, высказанное в исследовании А.Д. Франка, было с критикой встречено определенными кругами историков Татарстана, отстаивающих «татаристскую» концепцию происхождения казанских татар.

В частности, Д.М. Исхаков утверждает следующее: «Применительно к сословию служилых татар можно говорить о том, что их историческое сознание – один из важнейших элементов идентичности – концентрировалось на “Золотой Орде”, “Казани” и “Крыме”, а не на “Булгаре”». Батырша же, вероятно, под словом «булгар» подразумевал Казань и Казанское ханство (Исхаков 1997: 30, 31). Однако, по мнению японского историка Томохико Уяма, аргументы Д.М. Исхакова, вопреки его намерениям, воздают должное именно булгаризму. Исходя из того, что существовало сильное историческое сознание, связанное с Золотой Ордой, булгаризм и стремился преодолеть его. «И не важно, какое государство в реальной истории подразумевал Батырша под “Булгар”, так как восприятие времени до середины XIX в. отличалось от современного и такие анахронизмы, как превращение Чингиз-хана и Тимура в современников, были довольно обычным делом. Важнее то, что столь многообразные явления обозначались названием “Булгар”» (Уяма 2003: 44).

Развитие идей булгаризма стало ярким феноменом 90-х годов XX в., послужив предметом исследования не только для российских, но и для зарубежных учёных (Frank 1998: 3-232; Уяма 2003: 16-51; Цвиклински 2003: 361-392; Шнирельман 1998: 137-159). Важным толчком к этому явилась публикация в 1993 г. Ф.Г.-Х. Нурутдиновым новоявленных «булгарских летописей» – свода второй половины XVII вв. «Джагфар Тарихы» (Нурутдинов 1993). Данная публикация стала возможной благодаря поддержке редактора вестника «Болгар иле» и секретарей клуба «Булгар аль-Джадид» в Оренбурге и Казани, возникновение которых, в свою очередь, тесно связаны с политическими процессами в Татарстане и Башкортостане на фоне глобальных перемен, проходящих в Российской Федерации в последнее десятилетие уходящего XX в.

Основная часть историков не только Татарстана и Башкортостана, но России в целом, а также зарубежных исследователей древней и средневековой истории Восточной Европы, отнеслась к этому «источнику» довольно холодно, квалифицировав его как фальсификат. Определенная часть специалистов высказывалась о нем очень сдержано, предполагая, что какие-то достоверные сведения все-таки лежат в основе этого сочинения. Тех, кто принял «Джагфар Тарихы» как подлинник, не так уж и много, но и они предлагают относиться к «Булгарским летописям» осторожно, потому что, как они считают, в неопределенном, по всей видимости, довольно отдаленном от наших дней прошлом, очень талантливые беллетристы все-таки вплели в его канву толику вымысла (Львова 2001: 105-110; 2002; Мусина 2003: 29-56; Бегунов 2002).

Самый резкий критик «летописей», И.Л. Измайлов, в одной из своих статей называет «Джагфар тарихы» «фольк-хистори», являющейся разновидностью «квазинаучного литературно-художественного творчества “халык-тарихистори”», то есть вымыслом всевозможных мифотворцев, пытающихся заполнить существующие лакуны исторических данных своими представлениями о событиях минувшего. Выявление сущности и причин современного мифотворчества стало предметом исследования этнологов, историков, социологов и политологов как в нашей стране, так и за ее пределами.

Как считает Г.-Г. Гадамер, суть проблемы сводится к тому, что миф вовсе не спешит уступать дорогу научному мировоззрению, но самое главное заключается в том, что современный человек проявляет готовность ему доверять (Гадамер 1991: 97-98). Этногенетическое мифотворчество связано с усилением националистических тенденций в многонациональных государствах, переживших крах имперских амбиций. В этой связи между историками Татарстана по вопросу об истинных предках казанских татар возникает острая дискуссия, расколовшая татарских интеллектуалов на две основные группы – «татаристов» и «булгаристов», причем в самих этих группах специалистов по этнополитической истории татарского народа заметна довольно любопытная стратификация, когда мы видим не просто тех или других в их ярко выраженном проявлении, а булгаро-татаристов и татаро-татаристов (Shnirelman 1996: 36-45).

Дискуссии об этапах и ключевых точках этнической истории татарского народа имеют довольно давнюю историю. На сегодняшний день существует несколько теорий об этногенезе татар и место в нем булгар и других предков казанских татар. Исследователи уверены, что дискуссии начались в конце XVIII в., с этапа становления самой исторической науки в Российском государстве, и, то затухая, то вскипая, продолжают будоражить умы татарской интеллигенции. Можно сказать, что с удвоенной, если не с утроенной силой, они вспыхнули после развала Советского Союза и докатились до наших дней (Исхаков, Измайлов 2007: 11).

Булгаро-татарская теория основывается на положении, что этнической основой татарского народа является булгарский этнос, сложение которого в Среднем Поволжье и Приуралье началось с VIII в. Главное положение концепции базируется на приоритете булгар и непрерывности их проживания в Волго-Уральском регионе. Основы культурных традиций сложились именно в период существования Волжской Булгарии (X – первая четверть XIII в.). В дальнейшем (золотоордынский, казанско-ханский и русский периоды) они претерпевали лишь незначительные изменения. «В период Казанского ханства булгарский (“булгаро-казанский”) этнос упрочил ранние домонгольские этнокультурные особенности, которые продолжали традиционно со-

храняться (включая самоназвание “булгары”) вплоть до 1920-х годов, когда ему татарскими националистами и советской властью был насильственно навязан этноним “татары”» (Исхаков, Измайлов 2007: 12).

Теория татаро-монгольского происхождения татарского народа сформировалась на основе гипотезы о переселении в Европу кочевых татаро-монгольских этнических групп, которые, смешавшись с кыпчаками, создали основу культуры современных татар. Сторонники этой теории отрицают, либо приуменьшают значение Волжской Булгарии и ее культуры в истории казанских татар, считая, что Булгария была слаборазвитым государством без городской культуры и с поверхностно исламизированным населением. «Татаристы» предпочитают указывать на преемственность татарского языка от кыпчакского и на сам этноним «татар», утвердившийся у современных татар, что, по их мнению, позволяет реконструировать исчезновение булгар и переселение в Среднее Поволжье тюрко-кыпчакских (татарских) групп из Центральной Азии. Цель «татаристов» состоит в культурной и языковой консолидации всех татар России под эгидой казанских татар.

Как отмечалось выше, внутри «булгаристов» существуют определенные различия в понимании роли собственно булгар в этногенезе казанских татар. Одни их них – это ученые-булгароведы, профессиональные историки и археологи, другие – по сути дела, любители, не имеющие исторического образования, но с энтузиазмом отстаивающие свои идеи, безоговорочно доверяя новооткрытым «источникам» как истине в последней инстанции. Их взгляды на булгарскую историю представляют собой «вульгаризированную и чрезмерно мифологизированную интерпретацию положений научной теории» (http://www.bulgars.ru/bnk/estmtn.htm). Именно такие «булгаристы» и сделали ставку на опубликованные Ф. Г.-Х. Нурутдиновым новоявленные «источники». Обосновывая доказательства о фальсифицированности «Джагфар тарихы», В.А. Шнирельман отметил, что «даже беглое знакомство с текстами свидетельствует об их значительной модернизации и заставляет усомниться в их подлинности» (Шнирельман 1998: 149).

В 1990 году под редакцией Ф. Г.-Х. Нурутдинова вышло «Сказание о дочери Шана» («Шан кызы дастаны»). В предисловии редактор отметил, что «Сказание» было написано в 882 году западно-булгарским поэтом Микаиль-Башту Ибн Шамс Тебиром, который создал основы общетюркского письменного языка «тюрки». Далее с поражающей убежденностью рассказывается о том, что Западно-булгарское царство, в котором поэт Микаиль будто бы занимал должность писца, возникло в ходе его отмежевания от Хазарского каганата и занимало территорию, на которой расположена нынешняя Украина, причем столица этого царства находилась не где-нибудь, а именно в Киеве. При написании «Сказания» Микаиль использовал ранние булгарские легенды, сохранив их, таким образом, для потомков (Нурутдинов 1990: XXI-XXII). «Сказание о дочери Шана» и «Историю Джагфара» объединяет, по мнению Ф. Г.-Х. Нурутдинова, необычная судьба. «Сказание», исламские мотивы которого были поверхностными, очень быстро запретили мусульманские властители из-за его языческого содержания. Сохранился, однако, один список, который вместе с рукописью «Истории Джагфара» и «дожил» до нашего времени (Нурутдинов 1990: XXX-XXXII).

Тюрколог О. Прицак, изучив текст «Сказания», пришел к выводу о том, что этот памятник, содержащий массу языковых инноваций и исторических несоответствий, не имеет никакого отношения к IX веку и, скорее всего, является очень хорошо сработанной фальшивкой. Высказав свое негативное мнение об источниковых достоинствах этого текста, он сравнил его с «Песнями Оссиана», являющимися подделкой шотландского поэта XVIII в. Д. Макферсона. Фальсификат представляет предания, которые якобы передавались из поколения в поколение в горной Шотландии более пятнадцати веков. Придя к убеждению о фальшивости «Сказания», О. Прицак высказал вполне обоснованные и глубокие сомнения также по поводу подлинности свода Джагфара (Прицак 1993).

Немецкий востоковед С. Цвиклински, изучая сущность дискуссии между «татаристами» и «булгаристами», в конечном итоге приходит к заключению, «что ведущие участники булгаристско-татаристского спора придают ему конкретное политическое значение» (Цвиклински 1993: 386). Исходя из этого, появление произведения, подобного «Джагфар тарихы» представляется вполне предсказуемым. Поэтому «прав кажется тот, кто усмотрит в этой истории попытку выдать за оригинал историческую фальсификацию и придумать для нее красивую историческую легенду» (Цвиклински 1993: 378).

Несомненно, стоит рассмотреть историю «открытия» этого «источника», вызвавшего столь неоднозначные суждения в историографии. По данным, которые приводит в кратком предисловии к публикуемым текстам свода Нурутдинов, свод Джагфара был составлен в 1680 г. по повелению башкирского Сеида Джагфара секретарем его канцелярии – бахши Иманом, который включил в него несколько булгарских летописей: «Гази-Барадж тарихы» (1229-1246 гг.) Гази-Бараджа, «Праведный путь или Благочестивые деяния булгарских шейхов» (1483 г.) Мохаммед-Амина, «Казан тарихы» (1551 г.) Мохаммедьяра Бу-Юргана, «Шейх Тали китабы» (1605 г.) Иш-Мохаммеда и некоторые другие.

Причиной появления «Джагфар тарихы» будто бы явилась подготовка башкирского восстания и необходимость подъема боевого духа его участников (Нурутдинов 1993: 5-6). Выше уже отмечалось, что действительно лидеры башкирских восстаний, например, Батырша, в своих воззваниях называли булгар предками волго-уральских мусульман и призывали возродить булгарскую государственность.

Башкирские восстания XVII в., как правило, совпадавшие с осложнениями отношений России с Турцией и Крымским ханством, – не стихийный порыв серых угнетенных масс, а продуманная акция верхов башкирского общества, способных следить за политическими событиями и адекватно на них реагировать (Булыгин 1962: 188). Поводом для восстания 1681-1683 гг. послужили слухи о насильственной христианизации нерусского населения Поволжья и Урала. Поэтому данные

Ф. Г.-Х. Нурутдинова о составлении свода Джагфара накануне этих событий кажутся вполне убедительными. Джагфару удалось поднять в Башкирии освободительное восстание под лозунгом восстановления независимого Булгарского государства. Но после поражения от царских войск под Мензелинском в 1683 г. он отступил вглубь Башкортостана, где был схвачен изменившими ему феодалами и выдан русским властям.

Имя предводителя башкирского восстания 1681-1683 годов, исходя из интерпретации разных версий, имеет различную огласовку, хотя, скорее всего, под ними подразумевается один и тоже человек. Сайид-Джагфар как руководитель восстания известен из анонимного сборника «Дафтар-и Чингиз-наме», сообщающего о нем в одном из своих последних известий следующее: «В 1091 году (названный год хиджры соответствует 1680/81 г. – И.Г.) …среди башкирского народа появился один мусульманский хан, который призвал народ к вере. В нем самом были свойственные святым чудотворения. Именовали этого хана Сайид-Джагфар-ханом. Напоследок весь людской [и] весь башкирский народ перестали его считать ханом; не действовали по его указаниям; изменили [в пользу] иноверцев-русских, проявляя к ним любовь, опять перешли к этим неверным. Наконец, по изволению грозного гнева всевышнего Бога, [башкиры] оказались связанными и обессиленными у русских, которыми были и истреблены, а [оставшиеся] лишились истиной веры. Участь изменников всегда такова» (Усманов 1972: 122). Историк А.П. Чулошников, согласно изученным им источникам, называет его Сеид Садир-хан (Чулошников 1936: 38-39). Н.В. Устюгов, опираясь на архивные материалы, – Сеид Сафар-хан (Устюгов 1955: 811). И.Г. Акманов в монографии «Башкирские восстания» пишет: «Скупы источники относительно предводителей движения. Известен лишь главный вождь восстания, вернее его имя – Сеид» (Акманов 1993: 113).

Далее Нурутдинов отмечает следующее. Если составление «свода» было предпринято предводителями башкир, по всей видимости, считавшими себя потомками булгарской элиты, то его дальнейшая судьба связана с определенной частью казанских татар. Поскольку летописи «свода» освещают историю древних булгар, ее текстами заинтересовались те слои татарской интеллигенции, которые придавали особое значение булгарским предкам и даже называли себя не татарами, а булгарами. Согласно версии Нурутдинова, чуть ли не единственный оригинал списка свода, переписанный с более древнего варианта в XIX в., в начале XX в. оказался в казахском городе Петропавловске (по-булгарски – Кызыл Яр). Сюда еще в XIX в. переселилось большое число булгар, «поддерживавших тесные связи с Казахстаном с незапамятных времен. Кроме этого через Кызыл Яр пролегал печально знаменитый Сибирский тракт, по которому прошло на поселения и каторгу немало булгарских ссыльных. А в гражданскую войну через Кызыл Яр эвакуировались все оппозиционные большевикам силы, и среди них – видные деятели булгарского национального движения (Гаяз Исхаки и другие)» (Нурутдинов 1993: 5). Нурутдинов не исключает, что кто-нибудь из них мог оставить на хранение в Кызыл Яре список свода «Джагфар тарихы».

С этого момента можно говорить о существовании двух версий дальнейшей судьбы «свода». По первой, изложенной в предисловии к первому тому изданной в 1993 г. «Истории Джагфара», «неизвестно, у кого этот список был на хранении», но в 1939 г. дядя Ф.Г.-Х. Нурутдинова И.М.-К. Нигматуллин, «изложил в нескольких тетрадях на русском языке его текст» (Нурутдинов 1993: 5). Что понимается под словом «изложил» – перевел или переписал, не объясняется, но причина найдена очень серьезная. Дело в том, что в 1939 г. по инициативе Совнаркома проводился перевод башкирской и татарской письменности на кириллический алфавит – «основы русской графики» (Усманов, Юлдашбаев 1962: 187). Началось уничтожение древних рукописей на арабском языке или тюрки, сопровождавшееся репрессиями тех лиц, которые их хранили. Поскольку тексты, написанные русским алфавитом, уничтожению не подлежали, Нигматуллин переводит поэму Микаэля «Шан кызы дастаны» (865-882 гг.), эпос XII в. «Барадж дастаны» и свод летописей сеида Джагфара.

Вторая версия, освещенная в «Заключении о степени достоверности сообщений летописного свода Бахши Имана», была изложена в третьем томе «Джагфар Тарихы» (Нурутдинов 1997; Бегунов, Нурутдинов 2007: 171-173). Она однозначно связывает судьбу «свода» с ваисовцами. Здесь необходимо дать короткую историческую справку. Ваисовское движение возникло в 1862 г., когда одна из староверческих сект начала проповедовать возвращение к исконному исламу, якобы искаженному мусульманским духовенством, продавшимся русской администрации. Начало движению положили проповеди Багаутдина, который объявил себя последователем сподвижника Мухаммеда, святого Ваиса, и основал в Казани автономный молитвенный дом.

Оппозиция мусульманскому духовенству привела к открытой вражде и преследованиям, закончившимся полицейским погромом и судом в 1884 г. Багаутдин скончался в 1893 г. в сумасшедшем доме, ближайших сподвижников сослали в Сибирь. По возвращении из ссылки в 1905 г. сын Багаутдина Гинан (Гейнан) восстановил общину. В этот второй период существования идеология ваисовцев становится более радикальной, что привело к новому столкновению с властями, суду и ссылке Гинана. Он вернулся в Казань в апреле 1917 г., созвал I съезд волжских болгар-мусульман и начал проповедовать нечто вроде мусульманского социализма. После октября 1917 г. ваисовцы действовали в союзе с большевиками и сыграли определенную роль в разгроме Забулачной республики (февраль-март 1918 г.). Во время этих событий Гинан погиб. Позднее ваисовцы участвовали в действиях Красной армии по подавлению контрреволюции и мятежей в разных районах страны. Ваисовцы открыто противопоставились татарам, объявив себя истинными мусульманами и потомками древних булгар, живших в Среднем Поволжье в домонгольский период. По их учению, ислам, полученный непосредственно от арабов, сохранился в чистом виде только в роду булгарских ханов, прямым потомком которых якобы и являлся Багаутдин Ваисов. Именно на этом основании его сын Гинан присвоил себе и своим сторонникам титул ал-Бул-

гари, то есть «потомок волжских булгар», и выдвинул лозунг «обратно в Булгарию». После окончания Гражданской войны большевистское руководство приходит к убеждению, что ваисовское движение таит в себе угрозу для целостности РСФСР. В результате в 1923 г. имя «булгары» было запрещено, лидеры движения репрессированы (Батыров, Собянин 199: 61-68; Шнирельман 1998: 139-149; Усманова 2009; Шакуров 2007: 54-58).

Итак, вторая версия судьбы «Свода» связывается с ваисовцами. Здесь появляются имена хранителей рукописей, имена целой группы людей, участвовавших в переводе «Свода». По всей видимости, Нурутдинов пришел к выводу, что одному человеку, пусть даже блестящему переводчику и знатоку ряда тюркских языковых диалектов, арабского, как минимум иврита и русского языков, причем в совершенстве, очень сложно за короткое время выполнить такой титанический труд. Трудно сказать, нашел ли он новые материалы, проливающие свет на этот вопрос, или что-то ему рассказали вдруг объявившиеся свидетели событий, но Нурутдинов обходит эту тему молчанием.

По новой версии «Свод», также как и другие булгарские источники, хранился в культурно-просветительском центре ваисовцев в Казани. В конце XIX в. хранителями летописей становится семья Нигматуллиных, высланная за связь с ваисовцами в казахстанский город Кызыл Яр. В 1920-е годы перевод булгарских летописей на русский язык организовал некто Сайфуллин. Переводили их два русских учителя, а также семь булгар-ваисовцев. Перечисляются их имена, якобы сохранившиеся благодаря семейному преданию Нурутдиновых (Бегунов, Нурутдинов 2007: 173). Заметим, что в первом варианте версии никаких преданий не существует. В 1930-е годы И.М.-К. Нигматуллин переписал сделанные переводы в свои тетради.

В дальнейшем обе версии сходятся в единую канву. «Оригинал» таинственно исчезает в горниле революционных событий той неоднозначно воспринимаемой историками эпохи. Ф. Г.-Х. Нурутдинов считает, что он был похищен чекистами во время ареста его дяди и уничтожен (Нурутдинов 1993: 6). В 1941 г. И.М.-К. Нигматуллин погибает на фронте; его мать, Латыфа-эби, долго хранит тетради, ожидая возвращения сына. В 1966 г. она впервые показала 14 (или 15) тетрадей с переводами своему внуку, Ф. Г.-Х. Нурутдинову, который готовился в то время к поступлению на исторический факультет КГУ. «С той поры, в каждый приезд к бабушке, я выписывал из тетрадей дяди большие отрывки... В 1976 г. Латыфа-эби умерла. Согласно ее завещанию, я забрал архив дяди к себе в Казань» (Нурутдинов 1993: 6). Так тексты попали к Нурутдинову. Их дальнейшая судьба не менее детективная. В начале 80-х Нурутдинов написал письмо в АН СССР, в котором попросил оказать ему материальную помощь для издания «Джагфар тарихы», но, как он сам пишет, «получил издевательский ответ» (Нурутдинов 1993: 7). Тогда он принимает решение написать и издать конспект изложения текстов всех трех памятников: «Шан кызы дастаны», «Барадж дастаны» и «Джагфар тарихы». Для этого, что совершенно непонятно и не поддается логическому объяснению, Нурутдинов перевозит тетради и часть своих выписок на дачу отца. Видимо, хотел работать вдали от городского шума, не отвлекаясь на посторонние раздражители, но при этом с кем-то поделился информацией о своих дальнейших действиях, потому что вскоре все тетради Нигматуллина были с дачи похищены. По его словам, уцелели лишь некоторые выписки, хранившиеся дома. Другими словами, значительная часть материалов пропала.

Именно это в значительной степени определяет скепсис тех, кто считает «Джагфар тарихы» вымыслом. Как отмечают исследователи, авторы фальсификаций, чтобы объяснить отсутствие подлинников «открытых» ими источников, чаще всего указывают на несчастные случаи типа пожаров (кражи, по всей видимости, попадают в разряд подобных казусов), в результате которых эти источники, являющиеся оригиналами чудом сохранившихся у них выписок или конспектов, исчезают (см. напр.: Толочко 2005: 11-12). Случай Нурутдинова как раз вписывается в указанную схему, что делает памятник уязвимым. Но на основе этих сохранившихся конспектов и был издан в 1993 г. первый том «Джагфар тарихы». Во второй и третий тома (1994, 1997 гг.) издания свода вошли статьи и заметки Нурутдинова, написанные им на основе «утраченных» материалов.

Следует предупредить тех, кто решит изучать содержание «Джагфар тарихы». Они столкнутся с совершенно оригинальной точкой зрения на историю Восточной Европы и, скорее всего, первое испытанное ими впечатление будет связано с удивлением и, возможно, шоком. В частности, они узнают, что одним из первых мировых государств было царство Идель, охватывающее территорию от современного Подмосковья до Енисея. Правили в нем разные булгарские династии: в период с VIII в. до н.э. до I в. н.э. – династия Сармат и соответственно страну называли Сарматией, а булгар – сарматами, в I-II вв. н.э. во главе государства стояла династия Алан, следовательно, булгар в это время называли аланами; во II-V вв. правила Гуннская династия, с VI по VII вв. – Суварская (Бариев 2007: 94). Согласно версии Свода, в раннем средневековье булгары сыграли значительную роль в европейской истории и оказали влияние на развитие многих европейских народов. Например, они будто бы приняли непосредственное участие в создании ряда древнейших государств Восточной Европы, таких, как Аварский каганат, Литовское государство, Дунайская Болгария, Венгрия. В первый период существования Хазарского каганата, во главе которого стояли среднеазиатские булгары из рода Ашина, центром булгарской политической жизни становится город Башту (Киев). Основанный братом булгарского хана Кубрата Шамбатом, Киев являлся экономическим центром булгар в их борьбе как с хазарами, так и с варягами. Однако, вытесненные последними, они основывают на Средней Волге новую столицу… И еще много нового узнают для себя читатели «Джагфар тарихы»: и то, что Русь долгое время платила Булгарии дань за спорные территории Волго-Окского междуречья, и то, что на Куликовом поле булгарами сыграна чуть ли не ключевая роль (Гагин 2006: 475-482). Можно приводить нескончаемую вереницу примеров такого рода.

Как было отмечено выше, появление «Джагфар тарихы» большинством исследователей булгарской истории было встречено с долей иронии и скептицизма. Во-первых, издание не отвечает академическим требованиям. Публикация «свода» Джагфара только в переводе без подлинника вызывает у исследователей вполне понятные сомнения. Во-вторых, не способствует доверию к «своду» и то, что переводчик счел возможным перевести принятое в подлиннике летоисчисление на даты григорианского календаря от Рождества Христова. Преобразовать автоматически все даты хиджры досовременных исламских текстов на христианское летоисчисление видится очень сложным даже для крупного специалиста. Следует помнить, что один год хиджры часто соотносится с двумя григорианскими годами, а этот аспект перевода никак не отражен в издании. В-третьих, недоверие к публикуемым «летописям» вызывает проводящаяся в них непомерно амбициозная оценка роли булгар в истории Евразии.

В то же время определенные сюжеты повествования, как считают Р.Х. Бариев, Ю.К. Бегунов, З.А. Львова, И.Р. Мусина, могут отражать подлинные фрагменты булгарской истории. По мнению З.А. Львовой, прежде всего на это указывает большая информативность автора. В текстах «свода» упоминается более пятисот древних географических и этнических наименований, даны родословные и жизнеописания многих исторических лиц. Сравнение части текста «летописи», сделанное З.А. Львовой (речь идет о летописи Гази-Бараджа в описании истории хана Куврата), с переводами Иоанна Никиусского, патриарха Никифора, Феофана Исповедника и с данными Именника болгарских царей свидетельствует, по мнению историка, о ее подлинности. Но, самые поразительные выводы, делаются исследователем при сопоставлении данных Гази-Бараджа и археологических находок, обнаруженных во время полевых исследований И.А. Барановым в Крыму (Львова 2002; 2003). Этого не могли знать ни составитель свода Бахши Иман, живший в XVII столетии, ни Ф.Г.-Х. Нурутдинов, так как археологические исследования И.А. Баранова проводились несколькими годами позже опубликования «Джагфар тарихы», а материалы исследования были апробированы только в 1998 году (Баранов 1998). Будет честным отметить, что автор данной статьи тезисы доклада И.А. Баранова найти не смог, поэтому вынужден ориентируется на статью З.А. Львовой.

Вполне закономерным представляется колебание мнений и выводов отдельных исследователей по проблеме подлинности «Свода», причем от полностью отрицательных до колеблющихся в сторону позитива, но все равно с долей осторожной умеренности. Так, Ю. Шамильоглу в статье, опубликованной в 2001 г., пишет буквально следующее: «I will arguet hat this work is clear lyan elaborate forgery, perhaps continuing in the tradition of earlier fabrications of histories of the Bulgars» (Schamiloglu 2001: 143)[1]. Позднее данная категоричность уступает место более сдержанному подходу: «Я не согласен с тем, что данная работа является несомненной сплошной фальсификацией. Возможно, это продолжение традиций более ранних фальсификаций истории булгар» (Шамильоглу 2007: 46).

Более определенно изложил свои взгляды по данному вопросу И.Р. Тагиров. Выступая на расширенном заседании коллегии Главного архивного управления при Кабинете Министров Республики Татарстан, он отметил, что в процессе реконструкции прошлого татар не следует игнорировать такие сочинения, как «Шан кызы дастаны» и «Джагфар тарихы». «Они не могли возникнуть на пустом месте и, несомненно, имеют реальные корни. Другое дело, что происхождение данных материалов сомнительно. Нередко даже утверждается, что все это фальшивка. Если так, то фальшивку трудно не признать гениальной» (Тагиров 1997: 6).

Таким образом, мы видим, что далеко не все исследователи исходят из признания полной фальсифицированности «свода», предполагая, что в основе его, возможно, лежат подлинные источники, переплетенные с выдумкой составителей. Поэтому можно осторожно согласить с точкой зрения Ю. Шамильоглу, что «Джагфар тарихы» есть продолжение более ранних фальсификаций, однако, при этом добавив: имеющих в своей основе какую-то подлинную историческую базу, фрагменты древних литературных материалов.

Можно предположить, что причиной возникновения подделок явилась историческая ситуация, побудившая секретаря Сеида Джагфара Бахши Имана приступить к составлению «свода»[2]. Получив официальный заказ, он собрал в то время еще существовавшие остатки булгарских летописей, присовокупил устные предания, добавив в них то, что, по его мнению, должно было поднять дух башкирского народа, пробудить в нем волю к борьбе и победе в готовящемся восстании. А таким стимулом могло быть только одно: все должны вспомнить и уверовать в то, что они потомки «великих булгар», государство которых простиралось на «полмира», перед которыми трепетали все народы, и главная цель борьбы – сбросить зависимость от русского царя и восстановить Булгарское государство.

Если исходить из признания данной гипотезы, становится вполне понятным, почему в «Джагфар тарихы» переплетены правда и вымысел, которые, зачастую, очень сложно дифференцировать. Это дает основание для углубленного исследования «Джагфар тарихы», что, несомненно, будет сделано специалистами-булгароведами в обозримом будущем.

На сегодняшний день историки Татарстана пришли к общему мнению вообще не упоминать «Джагфар Тарихы», как будто его никогда не было, но подобная позиция может привести к обратному эффекту, связанному с возникновением нездорового интереса к уже существующей книге и той полемике, фрагменты которой приведены выше.

1 «Я буду утверждать, что эта работа – явно тщательно продуманная подделка, возможно, продолжающая традиции более ранних фальсификаций историй булгар».

2 Если такой действительно существовал, а не является вымышленным персонажем, плодом творческого воображения фэйк-мастера.

ЛИТЕРАТУРА

Акманов 1993 - Акманов И.Г. Башкирские восстания. Уфа: КИТАП, 1993. 224 с.

Баранов 1998 - Баранов И.А. Великая Болгария и Крым: итоги и проблемы изучения // Международная конференция «Византия и Крым». Севастополь, 6-11 июня 1997 г. Тезисы докладов. Симферополь, 1998.

Бариев 2007 - Бариев Р.Х. Древние и средневековые государства булгар // Сокровища булгарского народа. СПб., 2007. 152 с.

Батыров, Собянин 1999 - Батыров У.Ф., Собянин А.Д. Булгары: неизвестная история очень известного народа // Профи. 1999. № 6-7. С. 61-68.

Бегунов 2002 - Бегунов Ю.К. Ханы Кубрат и Аспарух в своде булгарских летописей XVII в. // Материалы XXXI Всероссийской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов. Вып. 14. Ч. I. СПб.: Филфак СПГУ, 2002.

Бегунов, Нурутдинов - Бегунов Ю.К., Нурутдинов, Ф.Г.-Х. Князь Владимир Святославович – автор «Слова о полку Игореве» // Сокровища булгарского народа. СПб., 2007. 152 с.

Булыгин 1962 - Булыгин И.А. Башкирские восстания // Советская историческая энциклопедия. Т. 2. М., 1962. 517 с.

Гагин 2006 - Гагин И.А. Версия участия волжских булгар в Куликовском сражении // Сборник Русского Исторического общества. Т. 10 (158). М., 2006. С. 475-482.

Гадамер 1991 - Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. М., 1991. 368 с.

Исхаков 1997 - Исхаков Д.М. Об идентичности волго-уральских татар в XVIII в. // Панорама-Форум. 1997. № 12. С. 25-43.

Исхаков, Измайлов 2007 - Исхаков Д.М., Измайлов И.Л. Этнополитическая история татар (III – середина XVI вв.). Казань, 2007. 356 с.

Львова 2001 - Львова З.А. Летопись Гази-Барадж тарихы (1229-1246) и ее данные о древних булгарах // Археология Восточноевропейской лесостепи. Вып. 15. Средневековые древности Евразийских степей. Воронеж, 2001. С. 105-110.

Львова 2002 - Львова З.А. «Именник» болгарских царей и Кубрат, каган Великой Булгарии // Л.Н. Гумилев. Теория этногенеза и исторические судьбы Евразии: Материалы конференции. Т. I. Посвящается 90-летию со дня рождения выдающегося евразийца XX века – Л.Н. Гумилева. СПб., 2002.

Львова 2003 - Львова З.А. «Гази-Барадж тарихы» (1229-1246 гг.). Вопрос о подлинности летописи // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. № 36. СПб., 2003. 148 с.

Мусина 2003 - Мусина И.Р. История древней Руси в булгарских летописях Бахши Имана «Джагфар тарихы» // Йордан Табов. Когда крестилась Киевская Русь. СПб.: Нева, 2003. С. 29-56.

Нурутдинов 1990 - Нурутдинов Ф Г.-Х. Судьба и зов древней поэмы // Микаиль-Башту Ибн Шамс Тебир: Шан кызы дастаны (Сказание о дочери Шана) 882 г. / Под ред. Ф. Г.-Х. Нурутдинова. Казань, 1990. С. XXI-XXII.

Нурутдинов 1993 - Джагфар Тарихы. Свод булгарских летописей 1680 г. / Изд. подг. Ф. Г.-Х. Нурутдиновым. Т. I. Оренбург, 1993. 387 с.

Нурутдинов 1997 - Нурутдинов Ф.Г.-Х. Заключение о степени достоверности сообщений летописного свода Бахши Имана «Джагфар Тарихы» о времени основания города Казани в свете данных русских исторических источников // Бахши Иман. Джагфар тарихы. Оренбург, 1997. 182 с.

Прицак 1993 - Прицак О. А може, булгаро-татарський Оссіан? // Східний світ. 1993. № 2.

Тагиров 1997 - Тагиров И.Р. Источники по истории татарского народа: направления поиска // Гасырлар авазы – Эхо веков. 1997. № 1-2. С. 4-7.

Толочко 2005 - Толочко А.П. «История Российская» Василия Татищева: источники и известия. М.; Киев, 2005. 544 с.

Усманов 1972 - Усманов М.А. Татарские исторические источники XVII-XVIII вв.: «Сборник летописей», «Дафтар-и Чингиз-наме», «Таварих-и Булгария». Татарские шаджара / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: Издательство КГУ, 1972. 223с.

Усманов, Юлдашбаев 1962 - Усманов А.Н., Юлдашбаев Б.Х. Башкирская автономная советская социалистическая республика // Советская историческая энциклопедия. Т. 2. М., 1962. 517 с.

Усманова 2009 - Усманова Д.М. Мусульманское «сектанство» в Российской империи: «Ваисовский Божий полк староверов-мусульман». 1862-1916 гг. Казань, 2009. 565 с.

Устюгов 1955 - Очерки по истории СССР. Т. VI. Феодальный период (XVII в.) / Под ред. А.А. Новосельского, Н.В. Устюгова. М., 1955. 1032 с.

Уяма 2003 - Уяма Томохико. От «булгаризма» через «марризм» к националистическим мифам: дискурсы о татарском, чувашском и башкирском этногенезе // Новая волна в изучении этнополитической истории Волго-Уральского региона / Под ред. К. Мацузато. Саппоро: Центр славянских исследований, 2003. С. 16-51.

Цвиклински 2003 - Цвиклински С. Татаризм vs. Булгаризм: «первый спор» в татарской историографии // Ab imperio: Теория и история национальностей и национализма в постсоветском пространстве. 2003. № 3. С. 361-392.

Чулошников 1936 - Материалы по истории Башкирской АССР. Т. 1. Башкирские восстания в XVII и первой половине XVIII вв. / Отв. ред. А.П. Чулошников. М.; Л., 1936. С. 38-39.

Шакуров 2007 - Шакуров К.Р. Социально-политическая направленность ваисовского движения в волго-уральском регионе во второй половине XIX – начале XX вв. // Вестник Чувашского университета. 2007. № 4. С. 54-58.

Шамильоглу 2007 - Шамильоглу Ю. «Джагфар Тарихы». Как изобреталось булгарское самосознание // Родина. 2007. № 8. С. 44-48.

Шнирельман 1998 - Шнирельман В.А. От конфессионального к этническому: булгарская идея в национальном самосознании казанских татар в XX веке // Вестник Евразии. 1998. № 1-2 (4-5). С. 137-159.

Frank 1998 - Frank A.J. Islamic Historiography and «Bulghar» Identity among the Tatars and Bashkirs of Russia. Leiden: Brill, 1998. 232 s.

Schamiloglu 2011 - Schamiloglu Uli. We Are Not Tatars! The Invention of a Bulġar Identity // Néptörténet – Nyelvtörténet. A 70 éves Róna-Tas András köszöntése. Szerkesztette: Károly László és Kineses Nagy Éva. Szeged, 2001. S. 137-153.

Shnirelman 1996 - Shnirelman V.A. Who gets the past? Competition for ancestors among non-Russian intellectuals in Russia. Washington D. C., Baltimore & London: Woodrow Wilson Center Press and Johns Hopkins University Press, 1996. 232s.

REFERENCES

Akmanov 1993 - Akmanov I.G. Bashkirskie vosstaniya [Bashkir uprisings], Ufa, KITAP Publ., 1993, 224 p. [in Russian].

Baranov 1998 - Baranov I.A. Velikaya Bolgariya i Krym: itogi i problemy izucheniya [Great Bulgaria and Crimea: results and problems of study], in: Mezhdunarodnaya konferenciya «Vizantiya i Krym». Sevastopol, 6-11 iyunya 1997 g. Tezisy dokladov [International conference "Byzantium and Crimea". Sevastopol, June 6-11, 1997, Abstracts], Simferopol, 1998 [in Russian].

Bariev 2007 - Bariev R.H. Drevnie i srednevekovye gosudarstva bulgar [Ancient and medieval states of the Bulgars], in: Sokrovishcha bulgarskogo naroda [Treasures of the Bulgar people], St. Petersburg, 2007, 152 p. [in Russian].

Batyrov, Sobyanin 1999 - Batyrov U.F., Sobyanin A.D. Bulgary: neizvestnaya istoriya ochen' izvestnogo naroda [Bulgars: unknown history of a very famous people], in: Profi, 1999, № 6-7, pp. 61-68 [in Russian].

Begunov 2002 - Begunov YU.K. Hany Kubrat i Asparuh v svode bulgarskih letopisej XVII v. [Khans Kubrat and Asparukh in the set of Bulgarian chronicles of the 17th century], in: Materialy XXXI Vserossijskoj nauchno-metodicheskoj konferencii prepodavatelej i aspirantov [Materials of the XXXI All-Russian Scientific and Methodological Conference of Teachers and Postgraduates], Issue 14, Part 1, St. Petersburg, Filfak SPGU Publ., 2002 [in Russian].

Begunov, Nurutdinov - Begunov YU.K., Nurutdinov, F.G.-H. Knyaz' Vladimir Svyatoslavovich – avtor «Slova o polku Igoreve» [Prince Vladimir Svyatoslavovich – author of "The Lay of Igor's Campaign"], in: Sokrovishcha bulgarskogo naroda [Treasures of the Bulgar people], St. Petersburg, 2007, 152 p. [in Russian].

Bulygin 1962 - Bulygin I.A. Bashkirskie vosstaniya [Bashkir uprisings], in: Sovetskaya istoricheskaya enciklopediya [Soviet Historical Encyclopedia], Volume 2, Moscow, 1962, 517 p. [in Russian].

CHuloshnikov 1936 - Materialy po istorii Bashkirskoj ASSR. T. 1. Bashkirskie vosstaniya v XVII i pervoj polovine XVIII vv. / Otv. red. A.P. CHuloshnikov [Materials on the history of the Bashkir ASSR. Volume 1. Bashkir uprisings in the 17th and first half of the 18th centuries. / Executive editor A.P. Chuloshnikov], Moscow; Leningrad, 1936, pp. 38-39 [in Russian].

Cviklinski 2003 - Cviklinski S. Tatarizm vs. Bulgarizm: «pervyj spor» v tatarskoj istoriografii [Tatarism vs. Bulgarism: "the first dispute" in Tatar historiography], in: Ab imperio: Teoriya i istoriya nacional'nostej i nacionalizma v postsovetskom prostranstve [Ab imperio: Theory and history of nationalities and nationalism in the post-Soviet space], 2003, № 3, pp. 361-392 [in Russian].

Frank 1998 - Frank A.J. Islamic Historiography and «Bulghar» Identity among the Tatars and Bashkirs of Russia, Leiden: Brill Publ., 1998, 232 p. [in English].

Gadamer 1991 - Gadamer G.-G. Aktual'nost' prekrasnogo [Relevance of the beautiful], Moscow, 1991, 368 p. [in Russian].

Gagin 2006 - Gagin I.A. Versiya uchastiya volzhskih bulgar v Kulikovskom srazhenii [The version of the participation of the Volga Bulgars in the Battle of Kulikovo], in: Sbornik Russkogo Istoricheskogo obshchestva [Collection of the Russian Historical Society], Volume 10 (158), Moscow, 2006, pp. 475-482 [in Russian].

Iskhakov 1997 - Iskhakov D.M. Ob identichnosti volgo-ural'skih tatar v XVIII v. [On the identity of the Volga-Ural Tatars in the 18th century], in: Panorama-Forum, 1997, № 12, pp. 25-43 [in Russian].

Iskhakov, Izmajlov 2007 - Iskhakov D.M., Izmajlov I.L. Etnopoliticheskaya istoriya tatar (III – seredina XVI vv.) [Ethnopolitical history of the Tatars (III – mid-16th centuries)], Kazan, 2007, 356 p. [in Russian].

L'vova 2001 - L'vova Z.A. Letopis' Gazi-Baradzh tarihy (1229-1246) i ee dannye o drevnih bulgarah [Chronicle of Gazi-Baraj tarikhi (1229-1246) and its data on the ancient Bulgars], in: Arheologiya Vostochnoevropejskoj lesostepi. Vyp. 15. Srednevekovye drevnosti Evrazijskih stepej [Archeology of the East European forest-steppe. Issue 15. Medieval antiquities of the Eurasian steppes], Voronezh, 2001, pp. 105-110 [in Russian].

L'vova 2002 - L'vova Z.A. «Imennik» bolgarskih carej i Kubrat, kagan Velikoj Bulgarii ["Named" of the Bulgarian kings and Kubrat, kagan of Great Bulgaria], in: L.N. Gumilev. Teoriya etnogeneza i istoricheskie sud'by Evrazii: Materialy konferencii. T. I. Posvyashchaetsya 90-letiyu so dnya rozhdeniya vydayushchegosya evrazijca XX veka – L.N. Gumileva [L.N. Gumilyov. The theory of ethnogenesis and the historical fate of Eurasia: Proceedings of the conference. Volume I. Dedicated to the 90th anniversary of the birth of the outstanding Eurasianist of the 20th century – L.N. Gumilyov], St. Petersburg, 2002 [in Russian].

L'vova 2003 - L'vova Z.A. «Gazi-Baradzh tarihy» (1229-1246 gg.). Vopros o podlinnosti letopisi ["Gazi-Baraj tarikhy" (1229-1246). The question of the authenticity of the chronicle], in: Arheologicheskij sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha [Archaeological collection of the State Hermitage], № 36, St. Petersburg, 2003, 148 p. [in Russian].

Musina 2003 - Musina I.R. Istoriya drevnej Rusi v bulgarskih letopisyah Bahshi Imana «Dzhagfar tarihy» [The history of ancient Russia in the Bulgarian annals of Bakhshi Iman "Jagfar tarikhi"], in: Jordan Tabov. Kogda krestilas' Kievskaya Rus' [When Kievan Rus was baptized], St. Petersburg, Neva Publ., 2003, pp. 29-56 [in Russian].

Nurutdinov 1990 - Nurutdinov F G.-H. Sud'ba i zov drevnej poemy [The fate and the call of an ancient poem], in: Mikail'-Bashtu Ibn SHams Tebir: SHan kyzy dastany (Skazanie o docheri SHana) 882 g. / Pod red. F. G.-H. Nurutdinova [The Legend of the Shan's Daughter 882 / Edited by F.G.-Kh. Nurutdinov], Kazan, 1990, pp. XXI-XXII [in Russian].

Nurutdinov 1993 - Dzhagfar Tarihy. Svod bulgarskih letopisej 1680 g. / Izd. podg. F. G.-H. Nurutdinovym [The set of Bulgarian annals of 1680 / Edition prepared by F.G.-Kh. Nurutdinov], Volume I, Orenburg, 1993, 387 p. [in Russian].

Nurutdinov 1997 - Nurutdinov F.G.-H. Zaklyuchenie o stepeni dostovernosti soobshchenij letopisnogo svoda Bahshi Imana «Dzhagfar Tarihy» o vremeni osnovaniya goroda Kazani v svete dannyh russkih istoricheskih istochnikov [Conclusion on the degree of reliability of the messages of the annals of Bakhshi Iman "Jagfar Tarikhi" about the time of the founding of the city of Kazan in the light of the data of Russian historical sources], in: Bahshi Iman. Dzhagfar tarihy [Jagfar tarikhi], Orenburg, 1997, 182 p. [in Russian].

Pricak 1993 - Pricak O. A mozhe, bulgaro-tatars'kij Occian? [Or maybe a Bulgaro-Tatar Ossian?], in: Skhidnij svit [Eastern world], 1993, № 2 [in Ukrainian].

Schamiloglu 2011 - Schamiloglu Uli. We Are Not Tatars! The Invention of a Bulġar Identity, in: Néptörténet – Nyelvtörténet. A 70 éves Róna-Tas András köszöntése. Szerkesztette: Károly László és Kineses Nagy Éva, Szeged, 2001, pp. 137-153 [in English].

SHakurov 2007 - SHakurov K.R. Social'no-politicheskaya napravlennost' vaisovskogo dvizheniya v volgo-ural'skom regione vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv. [Socio-political orientation of the Vaisov movement in the Volga-Ural region in the second half of the 19th - early 20th centuries], in: Vestnik CHuvashskogo universiteta [Chuvash University Bulletin], 2007, № 4, pp. 54-58 [in Russian].

SHamil'oglu 2007 - SHamil'oglu YU. «Dzhagfar Tarihy». Kak izobretalos' bulgarskoe samosoznanie ["Jagfar Tarihi". How the Bulgar self-consciousness was invented], in: Rodina [Homeland], 2007, № 8, pp. 44-48 [in Russian].

Shnirelman 1996 - Shnirelman V.A. Who gets the past? Competition for ancestors among non-Russian intellectuals in Russia. Washington D. C., Baltimore & London, Woodrow Wilson Center Press and Johns Hopkins University Press Publ., 1996, 232 p. [in English].

SHnirel'man 1998 - SHnirel'man V.A. Ot konfessional'nogo k etnicheskomu: bulgarskaya ideya v nacional'nom samosoznanii kazanskih tatar v XX veke [From confessional to ethnic: the Bulgarian idea in the national consciousness of the Kazan Tatars in the XX century], in: Vestnik Evrazii [Eurasia Bulletin], 1998, № 1-2 (4-5), pp. 137-159 [in Russian].

Tagirov 1997 - Tagirov I.R. Istochniki po istorii tatarskogo naroda: napravleniya poiska [Sources on the history of the Tatar people: directions of search], in: Gasyrlar avazy – Ekho vekov [Echo of the ages], 1997, № 1-2, pp. 4-7 [in Russian].

Tolochko 2005 - Tolochko A.P. «Istoriya Rossijskaya» Vasiliya Tatishcheva: istochniki i izvestiya ["Russian history" by Vasily Tatishchev: sources and news], Moscow; Kiev, 2005, 544 p. [in Russian].

Usmanov 1972 - Usmanov M.A. Tatarskie istoricheskie istochniki XVII-XVIII vv.: «Sbornik letopisej», «Daftar-i CHingiz-name», «Tavarih-i Bulgariya». Tatarskie shadzhara / Otv. red. A.H. Halikov [Tatar historical sources of the 17th-18th centuries. / Responsible editor A.Kh. Khalikov], Kazan, Izdatel'stvo KGU Publ., 1972, 223 p. [in Russian].

Usmanov, YUldashbaev 1962 - Usmanov A.N., YUldashbaev B.H. Bashkirskaya avtonomnaya sovetskaya socialisticheskaya respublika [Bashkir Autonomous Soviet Socialist Republic], in: Sovetskaya istoricheskaya enciklopediya [Soviet Historical Encyclopedia], Volume 2, Moscow, 1962, 517 p. [in Russian].

Usmanova 2009 - Usmanova D.M. Musul'manskoe «sektanstvo» v Rossijskoj imperii: «Vaisovskij Bozhij polk staroverov-musul'man». 1862-1916 gg. [Muslim "sectarianism" in the Russian Empire: "Vaisov God's regiment of Muslim Old Believers"], Kazan, 2009, 565 p. [in Russian].

Ustyugov 1955 - Ocherki po istorii SSSR. T. VI. Feodal'nyj period (XVII v.) / Pod red. A.A. Novosel'skogo, N.V. Ustyugova [Essays on the history of the USSR. Volume VI. Feudal period (XVII century) / Edited by A.A. Novoselsky, N.V. Ustyugov], Moscow, 1955, 1032 p. [in Russian].

Uyama 2003 - Uyama Tomohiko. Ot «bulgarizma» cherez «marrizm» k nacionalisticheskim mifam: diskursy o tatarskom, chuvashskom i bashkirskom etnogeneze [From Bulgarism through Marrism to Nationalist Myths: Discourses on Tatar, Chuvash and Bashkir Ethnogenesis], in: Novaya volna v izuchenii etnopoliticheskoj istorii Volgo-Ural'skogo regiona / Pod red. K. Macuzato [A new wave in the study of the ethnopolitical history of the Volga-Ural region / Edited by K. Matsuzato], Sapporo, Centr slavyanskih issledovanij Publ., 2003, pp. 16-51 [in Russian].

Гагин Игорь Анатольевич
– Кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и истории Рязанского государственного медицинского университета (Рязань, Россия).

Igor Gagin
– Candidate of historical sciences, associate professor of Departments of philosophy and history Ryazan state medical university (Ryazan, Russia).

igagin@mail.ru

«РИЩА В ТРОПУ ТРОЯНЮ»: К ВОПРОСУ О ЗАГАДОЧНОМ ПЕРСОНАЖЕ «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

А.А. Карпенко
Независимый исследователь (Волгодонск, Россия)
e-mail: alnikar1953@mail.ru
Researcher ID: F-1250-2018
http://orcid.org/0000-0001-5905-2313
SPIN-код: 1459-5673

АВТОРСКОЕ РЕЗЮМЕ
В статье рассматривается проблема атрибуции «Трояна», упоминаемого в Слове о полку Игореве. Обосновывается гипотеза, согласно которой Трояном «Слова» был летописный «вещий» Олег. Значении личности «вещего» Олега для ранней русской истории огромно. Олег, по сути дела, является первым достоверным государственным деятелем нашей истории. Именно от него дошли первые древнерусские документы-договоры с греками, реальность которых подтверждается не только их документальной сущностью, но и косвенными свидетельствами иностранных источников. Долгое время в нашей историографии именно Олег считался первым правителем Древнерусского государства, объединившим Русь и сделавшим Киев столицей державы. Историки, как правило, рассматривали Олега в полном соответствии с показаниями источников как крупнейшего государственного деятеля своего времени.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: **Слово о полку Игореве, Троян, Вещий Олег, северяне.**

«RACING ON THE PATH OF TROYAN»: ON THE QUESTION OF A MYSTERIOUS CHARACTER IN THE TALE OF IGOR'S CAMPAIGN

Andrey Karpenko
Independent researcher (Volgodonsk, Russia)
e-mail: alnikar1953@mail.ru

ABSTRACT
The article is devoted to the problem of attribution of the «Troyan» mentioned in the Tale of Igor's Campaign. The hypothesis suggests that Troyan of the Igor tale was Oleg the Prophet of the Rus' chronicles. Significance of the personality of Oleg the Prophet for the early Russian history is enormous. Oleg, in fact, is the first authentic statesman in our history. It was he who concluded the first ancient Russian treaties with the Greeks, authenticity of which is confirmed not only by their documentary essence, but also by indirect evidence from foreign sources. For a long time in our historiography, it was Oleg who believed to be the first ruler of the Old Russian state, who united Rus' and made Kiev the capital of it. In full accordance with the testimony of sources, majority of historians viewed Oleg as the most prominent statesman of his time.

KEYWORDS: **Tale of Igor's Campaign, Troyan, Oleg the Prophet, northerners.**

Известный историк Древней Руси А.Г. Кузьмин заострял внимание на наличии в источниках отличной от летописной концепции начала Руси, содержащейся в «Слове о полку Игореве» и занесённой туда, по его мнению, из «поэтико-песенной традиции», согласно которой основателем династии выступает Троян (Кузьмин 1967: 42-53; 1969: 86-87, 89; 1969а: 64-68, 101-111, 156-158; 1969б: 53, 55-56, 58-59, 65-66; 1970: 65; 1986: 21, 646, 653; 2003: 199-203; Фомин 2005: 303).

«Слово о полку Игореве» где и запечатлён Троян, благодаря выдающимся художественным достоинствам стало самым знаменитым памятником русской средневековой литературы (СПИ 2002)[1].

По своему жанру «Слово о полку Игореве» является традиционным для древнерусской литературы Молением, так же, как «Моление Даниила Заточника». Потому-то, по традиции, оно и заканчивается словом «Аминь» (Ткаченко 2000: 43).

Кирилл Туровский в конце XII в. напомнил о том, что предания былых времён хранят летописцы и ви-

1 Все ссылки в работе проводятся в квадратных скобках на это, подготовленное А.А. Горским, издание «Слова» с указанием первой цифрой – страницы издания, второй – номер строки в Екатерининской копии «Слова». Например: [88, 303]. Используются также комментарии и пояснения А.А. Горского об обстоятельствах возникновения и некоторых проблемах изучения этого памятника.

тии, а памятник того же времени «Слово о полку Игореве» – это золотое слово витиев, хранивших память о предках на протяжении целого тысячелетия (Кузьмин 2003: 5). В одной из своих работ А.Г. Кузьмин писал о том, что один и тот же источник, один и тот же факт будет иметь совершенно разное значение в различных концепциях: несущественный в одной, он может стать основополагающим в другой. Именно в этом и заключается глубокая созидательная роль теории: определить фактам надлежащее им место, установить их «взаимосвязь» (Кузьмин 2003: 5). Поэтому важным является рассмотрение четырёх упоминаний загадочного Трояна всего в одном литературном памятнике – в «Слове о полку Игореве». Ведь они оставляют в недоумении всех исследователей, как самого этого памятника, так и всей Древней Руси.

Перед началом сложного и многостороннего разбора всех этих упоминаний следует аргументировать наличие у автора «Слова о полку Игореве» сложной, совершенно отличной от летописной, реконструкции картины исторического развития славян и Руси. И тому есть несколько примеров в тексте. Например, автор «Слова» вложил в уста бояр Святослава фразу о «времени Бусовом» [88, 303], о котором совершенно не знают летописи, но о котором по тексту «Слова» «поютъ» «готскыя красныя девы» и при этом «лелеютъ месть Шароканю» [88, 300]. Из контекста фразы получается, что кроме знакомства с образом вождя антов конца IV в. автор «Слова» по иному, нежели готский историк Иордан, представлял его конечную судьбу, то есть, видел в нём победителя готов, результатом деятельности которого, стало, вероятно, рождение и действительный подъём Антского политического союза (Кузьмин 2003: 157). Далее, при описании стремления Игоря и Всеволода одолеть половцев возникает интересная замена: сперва говорится, о том чтобы «ту ся саблямъ потручати о шеломы половецкыя» [82, 135], а в другом месте уже «поскепаны саблями калеными шеломы оварьскыя» [83, 155]. То есть, призыв к победе русских над половцами, похоже, является так же как бы одновременно и призывом к отмщению за поражение антов от аваров, совершенно неизвестное современным историкам, но после которого в начале VII в. имя антов навсегда исчезло из источников. Складывается ощущение, что автор «Слова» каким-то образом был знаком с той исторической традицией, которая отразилась в произведениях Иордана и Феофилакта Симокатта, которую творчески переосмыслил. Но это домысливание автора «Слова», тем не менее, не менее исторически обосновано, логично и полно, нежели данные самих Иордана и Феофилакта Симокатта, и к тому же даёт чёткие рамки существования Антского племенного союза. При этом, возможно, автор «Слова» опирается на какие-то тексты. Ведь он не вложил пассаж о «времени Бусовом» в уста песнотворца Бояна, устному творчеству которого, вероятно, это время и не было известно, а в уста бояр киевского князя Святослава (ум. 1194 г.). Имя Буса в «Слове» фонетически не менее близко к первоначально реконструируемому учёными иранскому Бозу, нежели имя Божа Иордана. В отличие от летописных «обров», искажённых временем, авары известны автору «Слова» под своим собственным именем, что для устного творчества маловероятно. В современных ему русах автор «Слова» прямых потомков антов не видит, а видит лишь преемников, в таком же соотношении, какое имели, например, половцы и готы, половцы и авары.

Автор «Слова» – знаток и более поздней славянской истории. Например, после поражения Игоря и победы Святослава, среди народов, которые «поют славу Святъславлю» и «каютъ князя Игоря» неожиданно, наряду с такими великими державами как Византийская империя («греци»), Священная Римская империя («немцы», впервые в столь суженом контексте), и независимая от неё часть Италии (названная под общем именем Венеции «венедици»), появляется «морава» [87, 260-263], – народ, который, объединил части всех ветвей славянства и первым из славян в 830-е гг. дозрел до государственности, но был почти полностью уничтожен мадьярами в конце IX – начала X вв., то есть почти за три века до написания «Слова».

А.Г. Кузьмин считал, что, «кроме Мономаховичей никто и не вёл себя от Рюрика. Во всяком случае, в “Слове о полку Игореве” легендарным родоначальником русских князей признаётся Троян, а главный герой – Игорь Святославич – назван его “внуком”, то есть потомком» (Кузьмин 1986: 21). Версии, бытовавшие в Черниго-во-Тмутараканской Руси, по его мнению, нашли косвенное подтверждение в «Слове о полку Игореве». Этот памятник показывает, что даже в XII в. на периферии сохранились местные, традиционные представления о ходе формирования Древнерусского государства.

В центре своеобразной генеалогии «Слова о полку Игореве» стоит образ Трояна, сведения о котором доносит сам автор Слова, точно так же, как он это делает в отношении сведений о Бусе, аварских шлемах, Мораве и т.д. Но следует оговориться, что он это делает самостоятельно, то есть, не со слов знаменитого песнотворца XI столетия Бояна, как ошибочно полагают почти все его исследователи, не разбиравшие «Слова», считая и А.Г. Кузьмина (Кузьмин 2003: 199). Загадочный образ породил значительную литературу, в которой господствуют мнения, что Троян это языческий бог или римский император.

Часть авторов (Н.С. Державин, А.С. Орлов, М.Н. Тихомиров, Б.А. Рыбаков) (Державин 1941: 5-50) полагали, что имеется в виду римский император Траян. Начало этой точке зрения положили в конце XIX в. Д.Я. Самоквасов и Д.И. Иловайский. Д.Я. Самоквасов, в частности, писал, что имя царя Трояна играет важную роль в преданиях южных, западных и восточных славян. В доказательство он приводил тот факт, что в «Хождении Богородицы по мукам», по рукописи XII в., именуется древнеславянский бог Траян: «то сетнее и человечь окамената утрия Трояна, Хорса, Велеса, Перуна». «Откровение Святого Апостола», изданное по рукописи XIV в., причисляя Трояна к древнеславянским богам, в то же время называет его бывшим римским царём: «имяще боги мнози: Перуна и Хорса, Дыя и Трояна, и инии мнози… . Троян бяше царь в Риме». Одна древнеболгарская песня воспевает царя Трояна, владетеля несметных сокровищ,

а одна древнесербская сказка смеётся над «царём Трояном с козьими ушами». Сличение сказаний о царе Траяне, по мнению Д.Я. Самоквасова, доказывает, что этот царь был историческим лицом, имевшим важное значение в истории всех славянских народов, поразившим воображение наших предков и надолго сохранившимся в народной памяти (Самоквасов 1888: 237). Связь времени императора Траяна и населения Дакии с Русью, по его мнению, выражают имена Рима и Римлян, а в славянской форме, – Влахи, Влохи, Волохи, повторяющиеся в названиях местностей. К таким топографическим именам относятся, например, летописные имена городов Римовъ и Роменъ в области верхнего течения р. Сулы; город Ромны нашего времени; р. Роменъ, впадающая в Сулу у городища Ромны; местность Римъ вблизи того же городища, у большой дороги; селение Римъ на границе Лохвицкого и Прилукского уездов; селение Ромейка в Коневском уезде, в области р. Рассавы, впадающей в Рось и др. На Суле же в Роменском уезде имеется село Волховцы, а при нём р. Волховцы, приток Суллы; в том же уезде у заштатного города Глинска помещается селение Волошиновка; в Зеньковском уезде вблизи Бельского городища на р. Ворскле есть село Большое Волошино; там же имеются две местности – Трояны и др. (Самоквасов 1908: 9).

Другая группа учёных (Д.С. Лихачёв, А. Болодур, Ф.М. Головенченко и др.) основывалась, главным образом, на тех же источниках, что и предыдущая группа, но считала, что имя римского императора лишь позднее перекрыло древний образ, и видела, таким образом, в Трояне древнего языческого бога. К этой, пожалуй, самой распространённой точке зрения присоединился потом и Ю.М. Золотов (Болдур 1958; Золотов 1970). Но сторонники этой версии, так же, как и сторонники предыдущей, уклонились от рассмотрения данного вопроса в широком контексте всей совокупности божеств, упоминаемых в «Слове». Исследователи «Слова» упорно старались не замечать вопроса, почему в его тексте присутствуют все локальные боги, как правило, неславянского происхождения, и при этом не упомянуто почти ни одного общеславянского или протославянского божества (Перун, Сварог; Волос, скотий бог; Мокошь).

Поскольку написание «Слова» и принятие христианства разделяет не менее двух веков трудно представить, чтобы его автор, будучи религиозным человеком, в деталях знал славянское язычество древности. Поэтому реконструировать с помощью «Слова» функции богов восточнославянского языческого пантеона (что происходит во всей литературе с момента открытия «Слова» до современности), обращаясь при этом к нему как к первоисточнику, с методологической стороны неоправданно. Функции славянских божеств, утерянные в результате борьбы церкви с язычеством, восстанавливались церковнослужителями с помощью известий о соседних со славянами народов, имеющих схожие религиозные представления с Русью языческого периода. Не стоит забывать, что они принимали определённое количество беженцев-язычников со стороны Руси.

Даждьбог и Велес применяются только для пояснения личностей героев «Слова». При этом автор «Слова о полку Игореве», никогда не называя своих источников, пользовался метафорами в отношении реальных людей таким образом, что их однозначное восприятие современными исследователями весьма затруднено. Это явно не тот Бог, в которого верит автор «Слова». Предположение о том, что в «Слове» именно восточнославянские божества, наталкивается на следующие противоречия. Зачем автору, романтизирующему порядки и единство древней Руси, демонизировать бывшую религию своих предков? А если и делать это, то почему, избегая церковных определений? А ведь негативное отношение к язычеству налицо. Языческие божества явно почему-то противодействуют Игорю, несмотря на то, что ни во время похода, ни в период своей жизни он не проявил себя ни ревнителем, ни гонителем язычества. Мифическое существо Див «свит звериньвъста зби» в сцене похода (вместе со всей природой) выступает на стороне половцев, предупреждая их своим криком о движении Игоревых войск (СПИ 2002: 120). Во время битвы «ветри, Стрибожи внуци» веяли «съ моря стрелами на храбрые полки Игоревы» [82, 138-139] и т.д. Это выглядит невероятным при учёте того, что никакое противодействие языческих божеств абсолютно не мешало действовать другим христианским князьям, включая Владимира Мономаха, или того же Святослава Киевского. Тем самым, допускается ещё более интересный парадокс. Зачем именно восточнославянским богам помогать язычникам, то есть, половцам и литве, главная характеристика которых это многократно использованные в «Слове» язычество: «поганыя полкы половецкыя» [81, 108], и «чёрный ворон, поганый половчине» [81, 125], и «дети бесови» [82, 146], и «поганыя головы половецкыя» [83, 154], и «Кончака, поганого кощея» [90, 359; 91, 369], и «наводите поганыя… на жизнь (то есть землю) Всеславлю» [93, 421, 423]?

Но при этом не разу не назван «поганым», то есть, язычником, ни один из русских князей, считая и Всеслава Полоцкого. Все языческие божества, за исключением славянского же Даждьбога, упоминаются исключительно в контексте противостояния половцам. Возможно, автор имел своей целью символически показать противостояние языческих, половецких и литовских богов-врагов Руси и христианского русского Бога, когда Игорь подобно Иисусу уступил, чтобы победить. Исследователи забывают, что «Слово» – явно не самое раннее произведение древнерусской литературы. Такое знание пантеона вроде бы несущественных, если когда-либо и присутствующих у славян божеств, было возможным только при непосредственном контакте автора «Слова» с носителями культа, или, по крайней мере, с его приверженцами, которых среди славян на юге Руси оставаться в XII в. уже не должно было. Выход из данного противоречия состоит только в допущении предположения, что эти знания были почерпнуты у донских «ясов», – остатков алан лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры, живших как раз на границе Северщины и Половецкой земли.

Судя по данным С.А. Плетнёвой, потомки алан и в послесалтовский период по-прежнему продолжали обитать в верховьях Северского Донца. Особый интерес

представляет третья группа (20 комплексов), принадлежащая отюрченым аланам. С.А. Плетнёва считает, что причиной отсутствия оружия в могилах и бедности захоронений, является некоторая отстраненность от основных торговых путей, проходивших через степи, а так же изоляция, связанная со стремлением сохранения национальной самобытности (Плетнёва 1952: 9). «Ясы» одинаково хорошо должны были знать как о Руси, так и о половцах. Автор «Слова» несомненно, хорошо знал кочевнический мир. Как отмечают специалисты, в тексте множество тюркизмов (СПИ 2002: 41).

По мнению С.А. Плетнёвой «ясы» XI-XIII вв. должны были уже иметь в своём языке немалое количество тюркизмов. В этом плане, становится интересным дублирование имён различных иранских и славянских божеств. Странным образом иранский Хорс, так же как и Даждьбог, интерпретируется, как солнечное божество. Два солнечных бога в одном пантеоне? Выход из этого противоречия, по нашему мнению, заключается в том, что Хорс – чуждый, иранский бог, вставленный в летописи и поучения для замены демонизированного имени Даждьбога, функции которого в значительной степени были забыты и восстанавливались автором «Слова» по ещё почитаемому на степной окраине Руси Хорсу (СПИ 2002: 243). О том, что Хорс заменил Даждьбога ещё в Начальном летописном своде и по этой причине встал с ним в один ряд в пантеоне Владимира, говорит следующий факт. В памятнике третьей четверти XI в. «Память и похвала князю Владимиру», где без упоминания Даждьбога, говорится, что Владимир «языческих богов, вернее, бесов, Перуна и Хорса и многих других попрал».

Против неславянского происхождения Хорса (с различной вокализацией: Харс, Хоурс, Хръс, Хърс, Хрос) вроде бы выступает тот факт, что часто упоминается в христианских поучениях-обличениях. При этом указывают, что в «Слове о полку Игореве» князь-волхв Всеслав:

В ночь вълком рыскаше, из Кыева
дорискаше до кур Тмутараканя,
великому Хръсови влъком прерыскаше.

То есть, направляясь на юго-восток он, пересёк путь великому Хорсу – это соответствует трактовке Хорса как Солнца. Однако, часто забывается, что в летописном тексте о пятибожии Владимира в списке богов только Хорс и Даждьбог иногда не разделены союзом «и» и точкой. Поэтому «Даждьбог», как иногда считается, служит поясняющим приложением к имени «Хорс». По нашей версии, здесь, скорее, присутствует обратная связь. Образ Даждьбога, порядком подзабытый к началу летописания, поясняется реально всё ещё действующим у донских алан божеством. Это же, кстати, подтверждает популярность Хорса в поучениях. И это притом, что в летописях он упоминается лишь однажды. Если бы он был славянским богом, то неминуемо был бы забыт, как и другие крупные восточнославянские божества. Подтверждается эта версия и «Словом», где Даждьбог упоминается дважды совсем без функциональной нагрузки, а в отношении Хорса мы видим всего одно упоминание, но носящее весьма яркий характер с эпитетом «великий», вроде бы совсем невозможным для верующего человека.

То же относится и к соотношению Симаргла и Дива. Иранское происхождение Симаргла не вызывает сомнения у исследователей. Заслуга в правильном истолковании имени этого бога, включённого в государственный Пантеон, принадлежит Н.М. Гальковскому и К.В. Тревер, которые сопоставили его со священной птицей иранской мифологии Симургом. Внешний облик этого существа – крылатый пёс. Симург – это крылатая собака, умеющая говорить по-человечески, и которой было открыто будущее.

Аналогичные функции выполняет Див «Слова о полку Игореве»:

Свист звъринъ въста
Збися живъ –
Кличет връху древа.

Именно «в свисте зверином раскрывается образ Дива – крылатого зверя – очевидно собаки или волка. Див поэмы – не сказочный и не мифологический персонаж, это Симаргл киевского Пантеона Владимира (Климов 2005: 41). Образ Симаргла был забыт летописцами. В отличие от других богов списка, он не присутствует ни в поучениях, ни в других текстах. Его нет в мифологиях западных и южных славян. Вряд ли знал о нём и автор «Слова», но память о почитании Симаргла восточными славянами заставила автора «Слова» обратиться к образу Дива, который, очевидно, обладая теми же функциями, почитался частью донских алан ещё в конце XII в.

Пример с аланскими аналогами русских богов – Дивом и Хорсом, использованными автором «Слова» для воссоздания забытых славянских богов – Даждьбога и Симаргла, делает возможным сделать предварительный вывод: автор «Слова» проделал огромную для своего времени работу, используя понятные на Руси образы богов соседних народов, но, тем не менее, к самой поэме как к первоисточнику русского язычества обращаться нельзя. Поэтому следует констатировать, что автор «Слова» не знал никакого бога Трояна, которого помимо пантеона славян не было ни у литовцев, ни у алан, ни у половцев. Но спрашивается: как же тогда объяснить такие факты, как тот, что в «Хождении Богородицы по мукам», по рукописи XII в., именуется древнеславянский бог Траян: «то сетнее и человечь окамената утрия Трояна, Хорса, Велеса, Перуна». «Откровение Святого Апостола», изданное по рукописи XIV в., причисляя Трояна к древнеславянским богам, в то же время называет его бывшим римским царём: «имяще боги мнози: Перуна и Хорса, Дыя и Трояна, и инии мнози… . Троян бяше царь в Риме».

Но спрашивается, откуда и авторы различных Хождений и Откровений подробно знали подлинные образы и имена божеств русского язычества, если язычество западных и южных славян восстанавливается лишь с помощью топонимики, лингвистики и фольклора? Если автор «Слова» в XII в. находил подходящие образы лишь на периферии Руси у соседних народов, то оттуда о них знали и авторы житий более позднего времени. Если образы Симаргла и Даждьбога находили только у алан,

то и Трояна должны были находить у одного из соседних языческих народов. «Хождение Богородицы по мукам» знает аланского Хорса, но не знает славянского Даждьбога, а Перуна – главное божество восточных славян ставит на последнее место. «Откровение Святого Апостола» ставит Трояна после аланских Хорса и Дыя (Дива «Слова»). Очевидно, кроме Перуна он отыскать славянских божеств на Руси уже не мог. Следует отметить, что в фольклоре славян всего одна древнеболгарская песня воспевает царя Трояна, владетеля несметных сокровищ, и лишь одна древнесербская сказка смеётся над «царём Трояном с козьими ушами» (Караджич). В обоих Троян выступает не как мифическое существо, а как реальный человек, то есть «царь». Причём славянские народы, имеющие этот образ, то есть, сербы и болгары группируются вокруг Молдавии и Румынии, в фольклоре которых этот образ активно присутствует. Там язычество имело наиболее глубокие корни, а Трояновыми назывались также находящиеся чуть южнее валы. Вероятно, что славяне во время своего переселения или миграций с Балкан на Русь перенесли «троянское» название валов в Приднепровье. Именно в память о народе, у которого была заимствовано это название, а, возможно, и техника их укрепления, и возникли имена типа Рима и Римлян, а в славянской форме, – Влахи, Влохи, Волохи, повторяющиеся в названиях местностей. Исследователи почему-то забывают, что волохи-румыны – это самоназвание балканского народа, используемое и у славян. Иначе трудно сопоставить множество Римов и Волохов на Руси с отсутствием упоминаний о римлянах в фольклоре южной части восточных славян. Вероятно, и у молдаван было заимствовано только название валов. Это следует из того, что в иных источниках, кроме «Слова», нет упоминаний как самого Ульпия Траяна, так и самого его обожествлённого образа. И, при этом, как будет показано ниже, Троян дважды выводился автором «Слова» как внук русского бога Даждьбога, что совершенно невероятно как для римского императора, так и, тем более, для бога, высшего порядка, коего видят в Трояне исследователи.

Веселин Чайканович до конца 1920 г. считал главным богом древних сербов Перуна, но затем, в книге «О верховном боге в древней сербской религии» признал «Дабога» высшим богом древнего сербского пантеона (Клейн 2004: 48-49). Культ именно этих двух богов, вероятно, имел самые сильные позиции на юго-востоке Руси. Это доказывается топонимикой, находками древнейших дубов Перуна ещё относительно середины VIII в. и т.д. Но самое замечательное, что здесь также, как и у сербов, велось своеобразное соревнование между Перуном и Даждьбогом. Во всех договорах 911 г., 944 г. и 971 г., так же, как и в пантеоне Владимира, на первом месте стоит вроде бы Перун. Но Даждьбог стоит в пантеоне Владимира на втором месте сразу после Перуна. Он является, кроме Перуна, единственным достоверным славянским божеством пантеона, и единственным, для объяснения, значения которого даётся «Хорс». Иранский Хорс, заменивший в летописях и церковных поучениях Даждьбога, не редко в них ставился выше самого Перуна, а упоминается он там, чуть ли даже не чаще. Даждьбог дважды и один раз под именем Хорса упоминается в «Слове о полку Игореве». В летописной переработке Хроники Иоанна Малалы Даждьбог представляется не просто богом Солнца, а богом верховной власти у славян, причем, судя по контексту, именно восточных. Поэтому, вероятно, вопреки устоявшемуся мнению, специальным божеством князей и дружины был не Перун, а Даждьбог. Получается, что Перун был главным божеством рядового населения юго-востока Руси. Именно поэтому использование образа и имени Даждьбога в XII в. было дозволительно церковью, а Перуна уже нет.

Но спрашивается: почему именно у сербов и юго-восточных славян названия двух после Сварога верховных божеств в пантеоне совпадают? Вероятно, по той причине, по которой практически совпадают имена крупнейшего племенного союза юго-востока Руси «север» и имени «сербы». Оба их наименования являются различными вариантами одного иранского слова *seu,*sew–, то есть «чёрный», а их общность относится ещё к антскому периоду. В этом плане, интересно обыгрывание цвета в названиях древнейших, то есть, основанных не позднее IX в., городов-столиц сербов и северян. Сербский город Белград (то есть Белый город) расположен на реке Дунай, вблизи впадения в неё реки Савы. Столица северян Чернигов (то есть, Чёрный город), находится на притоке Днепра – реке Десне, а ближайшим к ней притоком Днепра в границах расселения северян, является река Сула. А это уже говорит о стабильности восточнославянского язычества, не менявшего состав двух главных божеств в течении, как минимум, трёх веков. Мало того, это же подтверждает общность происхождения Руси и сербов. Ведь люди, почитавшие и кланявшиеся Перуну и Даждьбогу, – это и есть этническая основа княжеской династии, это и есть Русь наших договоров, отличная от варягов, поклонявшихся Волосу. Здесь же следует вспомнить договор Игоря 944 г., в котором представлена одна Русь, и она клянётся Перуном. Но при этом в несостоявшемся в 944 г. повторном походе на Царьград русь стоит отдельно и от варягов и от полян. При внимательном рассмотрении оказывается, что единственным племенем, о котором вроде бы забыл указать летописец, является «север». Поэтому северяне – это вроде бы и есть Русь 944 г., которая клянётся Перуном, а, следовательно, и русы всех иных договоров, то есть, и 911 и 971 гг., должны быть северянами.

Но это, увы, не так. Почему? Да, потому что, во-первых, имена договора Олега, среди которых должны были быть представлены и русские, не являются славянскими. Кто же тогда эти первые русы? Во-вторых, совершенно невозможно объяснить, почему сербы, находившиеся под большим влиянием соседней Византии, более чем на век отстали в развитии своей государственности от своих русских, находящихся вроде бы на периферии цивилизации, двойников? Кто помог северянам в развитии? И, наконец, в-третьих, почему, если северяне составляли главную основу Руси, они не закрепили, подобно сербам, своё имя за государством?

Очевидно русь – это немногочисленная, но весьма активная прослойка, возглавляющая часть восточнос-

лавянского племени северян. Кто же тогда эта Русь? Очевидно, что это не княжеская династия, поклонявшаяся Перуну и Даждьбогу, и бывшая изначально славянской. Вероятно, ответ мы найдём среди других божеств пантеона. И это явно иранцы. И хотя по значимости для восточных славян их боги явно уступают северянским, в пантеоне Владимира их так же, как и северянских – два из пяти. Это Симаргл и Стрибог. Тогда находит логическое объяснение, почему именно с иранским Хорсом летописец сопоставляет славянского Даждьбога, и почему Симаргла автор «Слова» заменил аланским Дивом. Даже несмотря на отсутствие упоминания иранских божеств в договоре Игоря, по замечанию Е.С. Галкиной, в его преамбуле «выделяется ряд бесспорно иранских имён: Сфандра (от имени героя популярного иранского эпоса, также “Эсфанд” – название 12-го месяца в иранском календаре), Прастен (вариант Фуростен, Фрастен), Фрутан (“скромный”), Алвад, Мутур (от “мохтар” – высший, главный), Стир, Истр, Гунастр, Алдан, Турбид; Фростен в разных вариациях вообще оказывается самым популярным именем среди послов и купцов – употребляется пять раз!» (Галкина 2002: 370). К сожалению, общее число имён в Олеговом договоре очень невелико, а в договоре 971 г. и вовсе всего два имени. Ещё большее сожаление можно выразить по поводу молчания летописей об именах социальной верхушки Руси, времени начала правления Владимира в Киеве. Версия об иранском происхождении Руси, всесторонне обоснованная Е.С. Галкиной, сейчас выглядит наиболее аргументированной (Галкина 2002; 2012. См. также: Жих 2018: 176-245; 2020: 210-245). Для нас же важно, что никакого языческого бога Трояна на Руси не было.

Третья по численности группа исследователей (Н.И. Костомаров, А.В. Лонгинов и др.) полагали, что за образом Трояна стоит кто-то из реальных князей русской истории. Из всех версий о том, что под Трояном выступает историческая личность, наиболее сильной доныне считалась версия Н.И. Костомарова. Л.В. Соколова, сделавшая недавно подробный обзор всех многочисленных точек зрения на «проблему Трояна» (Соколова 1990), собственный вывод и свела к необходимости вернуться к точке зрения Н.И. Костомарова.

Согласно версии Н.И. Костомарова, «Трояни» – это Кий, Щек и Хорив, основатели Киева. «Века Трояни» – это «начальные времена Киевской земли». «Троянь», на «седьмом» (в символическом смысле – последнем) веку, в который действует Всеслав Полоцкий – это единая Киевская Русь. Поскольку «земля Трояня» – Русская земля, «рыскать в тропу Трояню через поля на горы» – это «значит обращаться мысленно к истокам, к начальному периоду Киевской земли», вспоминая «переселение трёхродового племени полян (троян?) во главе с тремя братьями Троянами» (Соколова 1990: 357-360).

Но при внимательном рассмотрении оказывается, что единственной исторической основой этой версии является предположение, что Кий, Щек и Хорив по своему родственному положению являлись братьями. Но мы вправе спросить, а куда делась их сестра Лыбедь – равноправная, вместе с ними, основательница Киева? Сугубо гипотетическим окажется в этом плане и трёхродовое, а, например, не четырёхродовое деление полян. Братья, судя по контексту ПВЛ, не возглавляли различные роды, а представляли один, сохранённый после их смерти потомками. По справедливому замечанию А.А. Горского, заметившего ещё более глубокий недостаток, данная точка зрения не может быть принята в первую очередь потому, что Кий, Щек и Хорив рассматривались лишь как основатели Киева, но не Руси. Поэтому государство Русь не могло быть названо их именем. Это также находит подтверждение в ПВЛ, где граница расселения полян не выходила за границы Киева. Судьба трёх братьев не была связана ни с одним другим насёлённым пунктом Руси. В данном случае, по мнению А.А. Горского, государство Русь не могло быть названо именем братьев, поскольку их судьба связана с основанием Киева, но не с основанием Руси (СПИ 2002: 117-118). Последнее противоречие, как и все предыдущие, вышеуказанной версии, снимает гипотеза, которую автор данной статьи решил избрать в качестве рабочей.

Поскольку многие данные, например, упоминание в одном контексте с реальными людьми – с Ярославом Мудрым и Олегом Тмутараканским, говорят о том, что под Трояном выступает реальный человек или люди, то вполне целесообразно выдвинуть рабочую гипотезу, согласно которой Трояном был «вещий» Олег. Во-первых, он и есть основатель Руси. Во-вторых, даже признание Трояна божеством более низкого, чем Даждьбог и Велес уровня, не отвергнет полностью его отождествления с вещим Олегом. Почитание этого князя как создателя Древнерусского государства, учитывая его отдалённость по времени от конца XII в., вполне могло дойти до полуобожествления. В его образе могли развиться такие черты кудесников, какими явно наделялись Всеслав Полоцкий и Боян. Поэтому тот факт, что образ Трояна по некоторым параметрам сопоставим с образами других языческих божеств «Слова…», не является чем-то исключающим возможность отождествления Олега «вещего» и Трояна. Сочетание в образе Олега одновременно и небольшого божества и князя делало почитание его языческого прозвища запретным со стороны церкви. Вероятно, это было в числе причин, вероятно, наблюдается такая закономерность, что, чем более поздней и более северной была летописная традиция, тем менее заметный вклад в русскую историю признаётся со стороны этого князя. В сравнении с Киевской ПВЛ, в Новгородской Первой летописи Олег лишается княжеского достоинства и низводится до простого воеводы. Овладение Киевом здесь сводится до рядового события и даже не датировано годом. При этом предполагается, что Игорь уже был взрослым князем. А.Г. Кузьмин по этому поводу пишет, что «Олег сопровождает Игоря всего лишь как воевода, что, конечно, не соответствует действительности» (Кузьмин 2003: 198). Не удивительно, что его прозвище, не попавшее в летописи, было табуировано.

Об огромном значении личности «вещего» Олега для ранней русской истории говорилось много. Олег, по сути дела, является первым достоверным государственным деятелем нашей истории. Именно от него дошли первые древнерусские документы-договоры с гре-

ками, реальность которых подтверждается не только их документальной сущностью, но и косвенными свидетельствами иностранных источников. Долгое время в нашей историографии именно Олег считался первым правителем Древнерусского государства, объединившим Русь и сделавшим Киев столицей державы (Новосельцев 1991: 3). Историки, как правило, рассматривали Олега в полном соответствии с показаниями источников как крупнейшего государственного деятеля своего времени (Карамзин 1988: 74-87; Соловьёв 1988: 131-138; Ключевский 1987: 163-165, 168-170; Любавский 1916: 83-87; Греков 1949: 448-451; Очерки 1953: 80-82).

Известно, что ПВЛ начинается со слов: «Се Повести временьных лет, откуда есть пошла Руская земля стала, кто в Киеве нача первее княжита и откуда Русская земля стала есть» (ПСРЛ. I: 1). И на наиболее правильно сформулированный вопрос о первом киевском правителе даётся в самом тексте чёткий ответ: первым киевским князем был «вещий» Олег. Характерно, что начало Русской земли фактически отождествляется именно с началом киевского периода её истории. Ведь именно в уста «вещего» Олега вложена фраза: «и седее Олегъ княжа въ Киеве и реч Олегъ: все буди мти градомъ Русскими» (ПСРЛ. I: 23). В сообщении под 852 г. сказано, что в этот год «наченшю Михаилу цртвовати нача ся прозывати Руска земля» (ПСРЛ. I: 17-18). Там же, не упоминая Рюрика, сообщается, что первым «русским» князем был Олег: «А от перваго лета Михаилова до перваго лет Олгова Рускаго князя лет 29 а о перваго лет Олгова понеже седее в Киеве до первого лета Игорева лет лет 33». Таким образом, начало Руси видится первым летописцам не в призвании Рюрика в 862 г. в Ладогу или в Новгород (о нём см.: Жих 2018а: 3-44; 2020: 246-283), а захват Олегом Киева в 882 г.

Но почему в «Слове» вещий Олег назван именно Трояном?

Путей подобного перехода имени Олега в Трояна масса. Наиболее аргументированные пути можно представить следующим образом.

Существует вероятность того, что имя Трояна могло перейти на «вещего» Олега непосредственно на Балканах во время его тамошней деятельности или похода на Византию. Например, в двадцати километрах от Фессалоник, в селении Норышкей, до 1898 г. находилась лежащая на земле колонна с греческой надписью. Это есть пограничный столб, которым в 904 г. отмечена была официальная государственная граница между Византией и Болгарией. Как сказано, столб поставлен в 904 г., и притом по соглашению между обеими сторонами, что доказывает содержание надписи: «Граница между болгарами и ромэями. При Симеоне князе болгарском и по милости Божией, при Феодоре Олге тархане, при комите Дристре». Оба названных здесь чина, по мнению Ф.И. Успенского, суть исторические имена (Успенский 2002: 333).

Не стоит забывать, что Олег был формально в Киеве третьим по счёту князем после Аскольда и Дира, и по этой причине к нему и могло прилепиться наименование Троян. Можно отметить, что имя Троян схоже с именем третьего по старшинству брата Рюрика – Трувора. В Екатерининском списке, например, есть интересная форма написания Трояна – 3о ян (третий).

Есть несколько внешних предположения, почему автор «Слова» считал именно родоначальником русской династии Трояна – Олега «вещего».

Во-первых, вполне вероятно, что не только для современных исследователей, но и для русских людей XII в. вполне очевидным было наличие явных нестыковок в ПВЛ. Например, призвание уже немолодого Рюрика и рождение его «внука» Святослава отделяют без малого 80 лет, а «сын» Рюрика Игорь начинает активную политическую деятельность спустя 60 лет после смерти отца! При этом два наиболее достоверные документа ПВЛ – договоры князей Олега и Игоря отделяют друг от друга всего 33 года (911 и 944 гг.). Но вышеизложенное теряет часть своей силы, если смысл эпитета «внуче», свойственный «Слову», был знаком и даже использовался летописцами ПВЛ и их переписчиками. Применение летописцем термина «отцы» в иносказательном смысле зафиксировано нашей летописью под 986 г., когда Владимир отказал католикам в выборе вер на том основании, что «рече же Володимер Немцамъ идете опять яко отци наши сего не прияли суть» (ПСРЛ. I: 85). Термин «отци наши» в данном случае применён абстрактно, вероятно, для сравнения с тем фактом, что бабка Владимира Ольга приняла восточный вариант крещения, а другой, до Владимира, не принял из княжеской династии пока никто, несмотря на то, что миссионерская активность Запада на Руси была не слабее, чем Византии. Если это действительно так, то тогда становится ясно, почему ранние русские летописцы в отличие от ряда более поздних – Никоновской, Воскресенской, сведений В.Н. Татищева и т.д., согласовывавших даты деятельности и жизни первых русских князей (например, Игорь оказывается рождённым уже в 865-870-е гг. (ПСРЛ. IX: 9), с указанием «точных» дат, рождение Святослава отсрочивается к 920 г. (В.Н. Татищев со ссылками на Ростовскую и Новгородскую летописи), Владимира – к 942г. (Летописец Переяславля-Суздальского под 1015г.), а Ярослава – к 978 г. (есть и в ПВЛ под 1054г.)), переписывая и редактируя текст, не замечали этих противоречий. При этом встаёт вопрос: почему первые русские летописцы не редактировали именно в данных фрагментах свои тексты, в полной мере обнажив перед современными и даже позднесредневековыми исследователями все свои противоречия? Не потому ли, что эпитеты «сын»/ «отец» и «внук»/ «дед» и имели в древнерусское время в толм числе и символический, а не только строго реальный характер? Например, «внука» Игоря и его «деда» Трояна – Олега «вещего» в «Слове» отделяют не 8 десятилетий, а почти 3 столетия. Возможно, что, так же, как и Игорь под пером автора «Слова» стал «внуком» Олега, многие русские князья не ранее XI века сделались «внуками» Рюрика.

Троян мыслится автором «Слова» отцом Игоря Киевского (912-945 гг.) («на седьмом веце Трояни»). Троян – фигура пограничная между божеством и человеком, а потому в его отношении эпитет «внука» применим, в отличие от реальных людей, к коим, несомненно, относили Рюрика и других русских князей. Ведь, напри-

мер, за эпитетами «Ярославли внуки и Всеславли» идёт перечисление русских князей, среди которых было немало реальных внуков этих князей. Автор «Слова» – большой знаток русского княжеского рода. Например, он знает князей, не упомянутых в летописях. Кроме того, автор «Слова» знает о «времени Бусовом», несмотря на то, что это время отделено от «сечей Трояних» не менее, чем на пять столетий. Поэтому думается, что версия о происхождении, по крайней мере, части русских князей от «Вещего» Олега (а прямым потомком его мыслится только Всеслав «на седьмом веце Трояни»), была для него вполне обыденной и реальной.

Наиболее сильной стороной нашего обоснования является то, насколько популярным было имя Олега в Северско-Черниговско-Рязанской традиции. Такая популярность могла быть возможна только при предположении, что это имя родоначальника династии, киевского князя.

Последнее заставляет более внимательно рассмотреть именно северянскую версию происхождения «вещего» Олега.

Новгород Северский (Новгородок, Новгород-Святополч) – второй по значению город Черниговского княжества, был заложен на месте древнего поселения северян VII-IX вв. и получил своё второе наименование от названия их страны. В IX-X вв. изрезанный оврагами правый берег реки в районе будущего города был занят уже несколькими славянскими поселениями. Лепная керамика роменского (северянского) типа найдена в детинце, на возвышенности за ручьём, в урочище «Городок» южнее детинца. Сооружение первых сохранившихся укреплений в Новгороде Северском совпадает по месту (р. Десна) и времени со строительством крепостей Владимиром Святославичем. Возможно, Новгород входил в число городов, основанных в его княжение, но не исключено, что он был основан намного ранее, поскольку материальные результаты первых раскопок в Новгороде Северском, проведённых ещё в начале XIX в., к сожалению, не сохранились (Древняя Русь 1985: 34, 59, 72).

Но даже на сохранившемся уровне археологические наблюдения не вполне соответствуют сведениям письменных источников по истории Новгорода-Северского. Город основывается не позднее конца X в. в гуще славянских поселений на северо-восточной окраине Русской земли (Древняя Русь 1985: 73). Но впервые в письменном источнике он называется не ранее чем через век – в «Летописи путей» Владимира Мономаха, который зимой 1078/ 1079 г. разбил в окрестностях Новгорода половецкий отряд (ПСРЛ. I: 248). В 1095 г. после Любечского съезда он был выделен из состава Черниговского княжества (Новгород Святополч), и, обособившись от него, стал самостоятельным удельным городом, доставшись в управление Мстиславу, сыну князя киевского Святополка Изяславича (1095-1097) (Коган 1994: 78-79). Затем он на полвека исчезает из летописей и упоминается под 1146 г. Новгород Северский, но уже как один из крупнейших черниговских городов – столица отдельного княжества (ПСРЛ. II: 234).

Местные предания уверяют, что город существовал с древнейшего времени, и что церковь Успения была построена первыми князьями на месте, где стоял идол северян. Это вполне согласуется с тем фактом, что в древней Руси наибольшим почитанием, судя по обилию летописных вставок из русского эпоса (целая цепь сказаний о нём: о взятии Киева, об осаде Царьграда, о парусах, о коне, русские былины о Вольге), пользовался князь Олег «вещий». Причём суммарное количество всех выдержек из народного эпоса в ПВЛ, посвящённых Олегу, явно превышает оное с участием всех остальных русских князей довладимирова периода.

Правда, обрывочные данные археологии говорят о древности существования этого города. Вместе с тем, современными исследователями признаётся относительная молодость Новгорода Великого. Ещё в 1970-е гг. Г.П. Смирновой уточнялась датировка возникновения Новгорода, которая уверенно относилась ей на основе дендрохронологии к 953 г., то есть к периоду после написания Константином своего труда (Смирнова 1974; 1976). Данное противоречие зарождает в современной литературе сомнение по поводу того, какой именно Новгород имеет в виду Константин Багрянородный.

В полном противоречии с русскими летописями Константин Багрянородный пишет, что малолетний сын Игоря Святослав при живом правителе-отце (то есть, не позднее 945 г.) вроде бы сидел в том самом Новгороде, который тогда ещё вроде и не существовал, а позднее находился на огромном расстоянии от Киева вдали от Днепровской речной системы.

«(Да будет известно), что приходящие из внешней Росии в Константинополь моноксилы (лодки-однодревки) являются одни из Немогарда (Новгорода), в котором сидел Сфендослав, сын Ингора (Игоря), архонта Росии, а другие из крепости Милиниски (Смоленска), из Телиуцы (Любеч), Чернигоги (Чернигова) и из Вусеграда (Вышгорода)» (Константин Багрянородный 1989).

Где же тогда находился этот таинственный Новгород?

Общераспространённая интерпретация этого топонима как Новгорода на Волхове, на наш взгляд, не выдерживает критики. Из дальнейшего текста, бесспорно, явствует, что все перечисленные Константином города «внешней Росии» находятся в бассейне Днепра: «Итак, все они (моноксилы) спускаются рекою Днепр и сходятся в крепости Киоава (Киеве)…»; и далее Константин ещё раз уточняет, что славяне «вводят (моноксилы) в находящиеся по соседству водоёмы», которые «впадают в реку Днепр». Если придерживаться мнения, что Немогарды означает «Новгород», то это может быть только Новгород-Северский.

Если в ранней русской истории существовал Новгород-Северский, а Новгорода Великого ещё не было, то совершенно в ином ракурсе окажется забытое предположение А.А. Шахматова о том, что в первоначальной версии ПВЛ не было указания города, из которого пришел в Киев будущий «вещий» Олег. Интересно, что заимствованная у Д.И. Иловайского, а затем развитая Шахматовым версия о новгородском оттенке сказания о призвании варягов затем получила поддержку и развитие у подавляющего числа советских историков. Но версия о черниговском оттенке лица «вещего» Олега почему-то была забыта. А ведь Д.И. Иловайский писал, что «леген-

да об осаде Царьграда Олегом имеет оттенок Черниговский точно так же, как и легенда о призвании трёх Варягов оттенка Новгородского» (Иловайский 2004: 72).

Совершенно нелогичными оказываются действия «вещего» Олега при столкновении с северянами, единственным племенем, с которым ему пришлось сталкиваться дважды (при взятии Любеча и после взятия Киева и покорения древлян), и которых он, вопреки логике, обложил более легкой, чем хазары, данью. Очевидно, Олегова половина «варяжского» сказания была кардинальным образом переработана в связи с введением персонажа Рюрика.

Этническое происхождение князя Олега требует отдельного исследования. Часто имена Олега и Ольги сопоставляют с именем «царя» «Еврейско-хазарской переписки» «Хлгу» или «Халегву» и обычно читают как «Хельги», сближая с поздним шведским «святой». Другая версия сближает имя Олега с иранским аналогом – Халегу (иранское «творец» «создатель») (Галкина 2002: 385). Обе версии идут от отождествления имени «царя Руси Хлгу» и «вещего» Олега, хотя эти имена вполне могут быть разными. Имя Олега в архаичном восточнославянском написании звучит как «Вольга»/ «Вольг», и лишь позднее потерявшее «в», «Ольг». Историки же не всегда оправданно отталкиваются от его позднейшей формы «Олег».

Аполлон Григорьевич Кузьмин проделал огромную работу для расшифровки Трояна «Слова». Но родиной «вещего» Олега А.Г. Кузьмин считал загадочную прибалтийскую страну со славянским, аланским и финским населением – Роталию. Естественно, что в таком свете учёный вынужден был искать аналогии Трояну в забытых легендах Причерноморья, откуда Троян и должен был происходить. Фактически, тем самым, А.Г. Кузьмин отрезал себе путь от сопоставления Трояна с одним из князей ПВЛ. Отрыв Трояна от русских летописных источников неминуемо приводил А.Г. Кузьмина к выводу, что Черниговская версия якобы не охватывала многих важнейших фактов из истории Древнерусского государства и его зарождения.

ЛИТЕРАТУРА

Болдур 1958 - Болдур А. Троян «Слова о полку Игореве» // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 15. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1958. С. 7-35.

Галкина 2002 - Галкина Е.С. Тайны Русского каганата. М.: Вече, 2002. 428 с.

Галкина 2012 - Галкина Е.С. Русский каганат. Без хазар и норманнов. М.: Алгоритм, 2012. 336 с.

Греков 1949 - Греков Б.Д. Киевская Русь. М.: Учпедгиз, 1949. 511 с.

Державин 1941 - Державин Н.С. Сборник статей и исследований в области славянской филологии. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1941. 231 с.

Древняя Русь 1985 - Древняя Русь. Город, замок, село. М.: Наука, 1985. 432 с.

Жих 2018 - Жих М.И. Работы Дмитрия Тарасовича Березовца и проблема локализации Русского каганата // Исторический формат. 2018. № 3-4. С. 176-245.

Жих 2018а - Жих М.И. О соотношении «Новгородской» и «Ладожской» версий сказания о призвании варягов в начальном русском летописании // Вестник «Альянс-Архео». 2018. Вып. 24. С. 3-44.

Жих 2020 - Жих М.И. Восточные славяне накануне государственности. М.: Вече, 2020. 448 с.

Золотов 1970 - Золотов Ю.М. О Трояне «Слова о полку Игореве» // Советская археология. 1970. № 1. С. 261-263.

Иловайский 2004 - Иловайский Д.И. Начало Руси. Разыскания о начале Руси. Вместо введения в Русскую историю. М.: Астрель; АСТ, 2004. 631 с.

Карамзин 1988 - Карамзин М.Н. История государства Российского. Т. 1. Кн. 1. М.: Наука, 1988. 640 с.

Клейн 2004 - Клейн Л.С. Воскрешение Перуна. К реконструкции восточнославянского язычества. СПб.: Евразия, 2004. 479 с.

Климов 2005 - Климов Е.В. Религиозные истоки Древнерусской цивилизации. Нижневартовск: Полиграф Инвестсервис, 2005. 132 с.

Ключевский 1987 - Ключевский В.О. Сочинения. Т. I. Курс русской истории. Ч. 1. М.: Мысль, 1987. 430 с.

Коган 1994 - Коган В.М. История дома Рюриковичей. СПб.: Бельведер, 1994. 278 с.

Константин Багрянородный 1991 - Константин Багрянородный. Об управлении империей / Тексты, перевод, комментарий; под редакцией Г.Г. Литаврина и А.П. Новосельцева. М.: Наука, 1991. 496 с.

Кузьмин 1967 - Кузьмин А.Г. К вопросу о происхождении варяжской легенды // Новое о прошлом нашей страны. М.: Наука, 1967. С. 42-53.

Кузьмин 1969 - Кузьмин А.Г. Две концепции начала Руси в повести в Повести временных лет // История СССР. 1969. № 6. С. 80-105.

Кузьмин 1969а - Кузьмин А.Г. Русские летописи как источник по истории Древней Руси. Рязань, 1969. 240 с.

Кузьмин 1969б - Кузьмин А.Г. «Слово о полку Игореве» о начале Русской земли // Вопросы истории. 1969. № 5. С. 53-66.

Кузьмин 1970 - Кузьмин А.Г. Древнерусские исторические традиции и идейные течения XI века // Вопросы истории. 1970. № 10. С. 55-76.

Кузьмин 1986 - Кузьмин А.Г. Откуда пошла Русская земля. Века VI-X. Кн. 2 / Составление, предисловие, введения к документам, комментарий А.Г. Кузьмина. М.: Молодая гвардия, 1986. 702 с.

Кузьмин 2003 - Кузьмин А.Г. Начало Руси. Тайны рождения русского народа. М.: Вече, 2003. 425 с.

Любавский 1916 - Любавский М.К. Лекции по древней русской истории до конца XVI в. М., 1916. 306 с.

Новосельцев 1991 - Новосельцев А.П. Образование Древнерусского государства и первый его правитель // Вопросы истории. 1991. № 2-3.

Очерки 1953 - Очерки истории СССР. IX-XIII вв. Древняя Русь. Феодальная раздробленность. М.: Издательство АН СССР, 1953. 984 с.

Плетнёва 1952 - Плетнёва С.А. Кочевники южно-русских степей IX-XIII вв. (по археологическому материалу и письменным источникам). Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата исторических наук. М., 1952. 15 с.

ПСРЛ. I - Полное собрание русских летописей. Т. I. Лаврентьевская летопись. М.: Языки славянской культуры, 2001. 496 с.

ПСРЛ. II - Полное собрание русских летописей. Т. II. Ипатьевская летопись. М.: Языки славянской культуры, 1998. 648с.

ПСРЛ. IX - Полное собрание русских летописей. Т. IX. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. СПб., 1862. 278 с.

Самоквасов 1888 - Самоквасов Д.Я. История русского права: университетский курс. Книга первая. Языческая эпоха. Источники. Содержание институтов экономического религиозного и процессуального права. Варшава, 1888. 400 с.

Самоквасов 1908 - Самоквасов Д.Я. Происхождение русского народа. М.: Синодальная типография, 1908. 15 с.

Смирнова 1974 - Смирнова Г.П. О трёх группах новгородской керамики X – начала XI в. // Краткие сообщения Института археологии. 1974. № 139. С. 17-22.

Смирнова 1976 - Смирнова Г.П. Лепная керамика древнего Новгорода // Краткие сообщения Института археологии. 1976. № 146. С. 3-10.

Соколова 1990 - Соколова Л.В. Троян в «Слове о полку Игореве» (Обзор существующих точек зрения) // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 44. Л.: Наука, 1990. С. 325-362.

Соловьёв 1988 - Соловьёв С.М. Сочинения. Кн. 1. М.: Мысль, 1988. 800 с.

СПИ 2002 - Слово о полку Игореве, Игоря, сына Святъславля, внука Ольгова / Вступительная статья, подготовка текста, перевод с древнерусского, комментарий и приложение А.А. Горского. М.: Российская политическая энциклопедия, 2002. 190 с.

Ткаченко 2000 - Ткаченко П.С. В поисках града Тмутараканя. М.: Издательство Московского университета, 2000. 238 с.

Успенский 2002 - Успенский Ф.И. История Византийской империи. Т. 3. Период Македонской династии (867-1057). М.: Астрель; АСТ, 2002.

Фомин 2005 - Фомин В.В. Варяги и варяжская Русь: К итогам дискуссии по варяжскому вопросу. М.: Русская панорама, 2005. 488 с.

REFERENCES

Boldur 1958 - Boldur A. Troyan «Slova o polku Igoreve» [Trojan "Words about Igor's regiment"], in: Trudy Otdela drevnerusskoj literatury [Proceedings of the Department of Old Russian Literature], Volume 15, Moscow; Leningrad, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1958, pp. 7-35 [in Russian].

Derzhavin 1941 - Derzhavin N.S. Sbornik statej i issledovanij v oblasti slavyanskoj filologii [Collection of articles and studies in the field of Slavic philology], Moscow; Leningrad, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1941, 231 p. [in Russian].

Drevnyaya Rus' 1985 - Drevnyaya Rus'. Gorod, zamok, selo [Ancient Russia. City, castle, village], Moscow, Nauka Publ., 1985, 432 p. [in Russian].

Fomin 2005 - Fomin V.V. Varyagi i varyazhskaya Rus': K itogam diskussii po varyazhskomu voprosu [Varangians and Varangian Rus: Towards the Results of the Discussion on the Varangian Question], Moscow, Russkaya panorama Publ., 2005, 488 p. [in Russian].

Galkina 2002 - Galkina E.S. Tajny Russkogo kaganata [Secrets of the Russian Kaganate], Moscow, Veche Publ., 2002, 428 p. [in Russian].

Galkina 2012 - Galkina E.S. Russkij kaganat. Bez hazar i normannov [Russian kaganate. Without Khazars and Normans], Moscow, Algoritm Publ., 2012, 336 p. [in Russian].

Grekov 1949 - Grekov B.D. Kievskaya Rus' [Kievan Rus], Moscow, Uchpedgiz Publ., 1949, 511 p. [in Russian].

Ilovajskij 2004 - Ilovajskij D.I. Nachalo Rusi. Razyskaniya o nachale Rusi. Vmesto vvedeniya v Russkuyu istoriyu [The beginning of Russia. Investigations about the beginning of Russia. Instead of an introduction to Russian history], Moscow, Astrel' Publ.; AST Publ., 2004, 631 p. [in Russian].

Karamzin 1988 - Karamzin M.N. Istoriya gosudarstva Rossijskogo [History of Russian Goverment], Volume 1, Part 1, Moscow, Nauka Publ., 1988, 640 p. [in Russian].

Klejn 2004 - Klejn L.S. Voskreshenie Peruna. K rekonstrukcii vostochnoslavyanskogo yazychestva [Resurrection of Perun. Towards the reconstruction of East Slavic paganism], St. Petersburg, Evraziya Publ., 2004, 479 p. [in Russian].

Klimov 2005 - Klimov E.V. Religioznye istoki Drevnerusskoj civilizacii [Religious origins of Old Russian civilization], Nizhnevartovsk, Poligraf Invest-servis Publ., 2005, 132 p. [in Russian].

Klyuchevskij 1987 - Klyuchevskij V.O. Sochineniya. T. I. Kurs russkoj istorii [Compositions. Volume I. Course in Russian history], Part 1, Moscow, Mysl' Publ., 1987, 430 p. [in Russian].

Kogan 1994 - Kogan V.M. Istoriya doma Ryurikovichej [The history of the house of Rurikovich], St. Petersburg, Bel'veder Publ., 1994, 278 p. [in Russian].

Konstantin Bagryanorodnyj 1991 - Konstantin Bagryanorodnyj. Ob upravlenii imperiej / Teksty, perevod, kommentarij; pod redakciej G.G. Litavrina i A.P. Novosel'ceva [On the management of the empire / Texts, translation, commentary; edited by G.G. Litavrina and A.P. Novoseltseva], Moscow, Nauka Publ., 1991, 496 p. [in Russian].

Kuz'min 1967 - Kuz'min A.G. K voprosu o proiskhozhdenii varyazhskoj legendy [On the question of the origin of the Varangian legend], in: Novoe o proshlom nashej strany [New about the past of our country], Moscow, Nauka Publ., 1967, pp. 42-53 [in Russian].

Kuz'min 1969 - Kuz'min A.G. Dve koncepcii nachala Rusi v povesti v Povesti vremennyh let [Two concepts of the beginning of Russia in the story in the Tale of Bygone Years], in: Istoriya SSSR [History of the USSR], 1969, № 6, pp. 80-105 [in Russian].

Kuz'min 1969a - Kuz'min A.G. Russkie letopisi kak istochnik po istorii Drevnej Rusi [Russian chronicles as a source on the history of Ancient Russia], Ryazan, 1969, 240 p. [in Russian].

Kuz'min 1969b - Kuz'min A.G. «Slovo o polku Igoreve» o nachale Russkoj zemli ["Word about Igor's regiment" about the beginning of the Russian land], in: Voprosy istorii [History questions], 1969, № 5, pp. 53-66 [in Russian].

Kuz'min 1970 - Kuz'min A.G. Drevnerusskie istoricheskie tradicii i idejnye techeniya XI veka [Old Russian historical traditions and ideological currents of the XI century], in: Voprosy istorii [History questions], 1970, № 10, pp. 55-76 [in Russian].

Kuz'min 1986 - Kuz'min A.G. Otkuda poshla Russkaya zemlya. Veka VI-X. Kn. 2 / Sostavlenie, predislovie, vvedeniya k dokumentam, kommentarij A.G. Kuz'mina [Where did the Russian land come from. Centuries VI-X. Book 2 / Compilation, preface, introduction to documents, commentary by A.G. Kuzmin], Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 1986, 702 p. [in Russian].

Kuz'min 2003 - Kuz'min A.G. Nachalo Rusi. Tajny rozhdeniya russkogo naroda [The beginning of Russia. Secrets of the birth of the Russian people], Moscow, Veche Publ., 2003, 425 p. [in Russian].

Lyubavskij 1916 - Lyubavskij M.K. Lekcii po drevnej russkoj istorii do konca XVI v. [Lectures on ancient Russian history until the end of the 16th century], Moscow, 1916, 306 p. [in Russian].

Novosel'cev 1991 - Novosel'cev A.P. Obrazovanie Drevnerusskogo gosudarstva i pervyj ego pravitel' [Formation of the Old Russian state and its first ruler], in: Voprosy istorii [History questions], 1991, № 2-3 [in Russian].

Ocherki 1953 - Ocherki istorii SSSR. IX-XIII vv. Drevnyaya Rus'. Feodal'naya razdroblennost' [Essays on the history of the USSR. IX-XIII centuries. Ancient Russia. Feudal fragmentation], Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1953, 984 p. [in Russian].

Pletnyova 1952 - Pletnyova S.A. Kochevniki yuzhno-russkih stepej IX-XIII vv. (po arheologicheskomu materialu i pis'mennym istochnikam). Avtoreferat dissertacii na soiskanie uchyonoj stepeni kandidata istoricheskih nauk [Nomads of the southern Russian steppes of the 9th-13th centuries (based on archaeological material and written sources). Abstract of dissertation for the degree of candidate of historical sciences], Moscow, 1952, 15 p. [in Russian].

PSRL. I - Polnoe sobranie russkih letopisej. T. I. Lavrent'evskaya letopis' [Complete collection of Russian chronicles. Volume I. Laurentian Chronicle], Moscow, YAzyki slavyanskoj kul'tury Publ., 2001, 496 p. [in Russian].

PSRL. II - Polnoe sobranie russkih letopisej. T. II. Ipat'evskaya letopis' [Complete collection of Russian chronicles. Volume II. Ipatiev Chronicle], Moscow, YAzyki slavyanskoj kul'tury Publ., 1998, 648 p. [in Russian].

PSRL. IX - Polnoe sobranie russkih letopisej. T. IX. Letopisnyj sbornik, imenuemyj Patriarshej ili Nikonovskoj letopis'yu [Complete collection of Russian chronicles. Volume IX. Chronicle collection called the Patriarch or Nikon Chronicle], St. Petersburg, 1862, 278 p. [in Russian].

Samokvasov 1888 - Samokvasov D.YA. Istoriya russkogo prava: universitetskij kurs. Kniga pervaya. YAzycheskaya epoha. Istochniki. Soderzhanie institutov ekonomicheskogo religioznogo i processual'nogo prava [History of Russian Law: University Course. Book one. Pagan era. Sources. The content of the institutions of economic, religious and procedural law], Varshava, 1888, 400 p. [in Russian].

Samokvasov 1908 - Samokvasov D.YA. Proiskhozhdenie russkogo naroda [The origin of the Russian people], Moscow, Sinodal'naya tipografiya Publ., 1908, 15 p. [in Russian].

Smirnova 1974 - Smirnova G.P. O tryoh gruppah novgorodskoj keramiki X – nachala XI v. [About three groups of Novgorod ceramics of the 10th - early 11th centuries], in: Kratkie soobshcheniya Instituta arheologii [Brief reports of the Institute of Archeology], 1974, № 139, pp. 17-22 [in Russian].

Smirnova 1976 - Smirnova G.P. Lepnaya keramika drevnego Novgoroda [Stucco ceramics of ancient Novgorod], in: Kratkie soobshcheniya Instituta arheologii [Brief reports of the Institute of Archeology], 1976, № 146, pp. 3-10 [in Russian].

Sokolova 1990 - Sokolova L.V. Troyan v «Slove o polku Igoreve» (Obzor sushchestvuyushchih tochek zreniya) [Trojan in "The Lay of Igor's Campaign" (Review of existing points of view)], in: Trudy Otdela drevnerusskoj literatury [Proceedings of the Department of Old Russian Literature], Volume 44, Leningrad, Nauka Publ., 1990, pp. 325-362 [in Russian].

Solov'yov 1988 - Solov'yov S.M. Sochineniya [Essays], Part 1, Moscow, Mysl' Publ., 1988, 800 p. [in Russian].

SPI 2002 - Slovo o polku Igoreve, Igorya, syna Svyat"slavlya, vnuka Ol'gova / Vstupitel'naya stat'ya, podgotovka teksta, perevod s drevnerusskogo, kommentarij i prilozhenie A.A. Gorskogo [A word about Igor's regiment, Igor, son of Svyatoslavl, grandson of Olga / Introductory article, preparation of the text, translation from Old Russian, commentary and annex by A.A. Gorsky], Moscow, Rossijskaya politicheskaya enciklopediya Publ., 2002, 190 p. [in Russian].

Tkachenko 2000 - Tkachenko P.S. V poiskah grada Tmutarakanya [In search of the city of Tmutarakan], Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta Publ., 2000, 238 p. [in Russian].

Uspenskij 2002 - Uspenskij F.I. Istoriya Vizantijskoj imperii. T. 3. Period Makedonskoj dinastii (867-1057) [History of the Byzantine Empire. Volume 3. Period of the Macedonian dynasty (867-1057)], Moscow, Astrel' Publ.; AST Publ., 2002 [in Russian].

ZHih 2018 - ZHih M.I. Raboty Dmitriya Tarasovicha Berezovca i problema lokalizacii Russkogo kaganata [Works of Dmitry Tarasovich Berezovets and the Problem of Localization of the Rus' Khaganate], in: Istoricheskij format [Historical format], 2018, № 3-4, pp. 176-245 [in Russian].

ZHih 2018a - ZHih M.I. O sootnoshenii «Novgorodskoj» i «Ladozhskoj» versij skazaniya o prizvanii varyagov v nachal'nom russkom letopisanii [On the relationship between the "Novgorod" and "Ladoga" versions of the legend about the vocation of the Varangians in the initial Russian chronicle], in: Vestnik «Al'yans-Arheo» [Alliance-Archeo Bulletin], 2018, Volume 24, pp. 3-44 [in Russian].

ZHih 2020 - ZHih M.I. Vostochnye slavyane nakanune gosudarstvennosti [Eastern Slavs on the eve of statehood], Moscow, Veche Publ., 2020, 448 p. [in Russian].

Zolotov 1970 - Zolotov YU.M. O Troyane «Slova o polku Igoreve» [About Trojan "Words about Igor's Regiment"], in: Sovetskaya arheologiya [Soviet archeology], 1970, № 1, pp. 261-263 [in Russian].

Карпенко Андрей Александрович
– Независимый исследователь (Волгодонск, Россия).

Andrey Karpenko
– Independent researcher (Volgodonsk, Russia).

alnikar1953@mail.ru

КОНСТАНТИН КРОМИАДИ: ОТ КАРАТЕЛЯ ДО ОТДЕЛА КАДРОВ РАДИО «СВОБОДНАЯ ЕВРОПА»

Д.В. Суржик
Институт всеобщей истории РАН Россия, 119334, г. Москва, Ленинский проспект, д. 32а
e-mail: dimsu@inbox.ru
SPIN-код: 7128-7893

АВТОРСКОЕ РЕЗЮМЕ
Автор продолжает цикл исследований, посвящённых анализу деятельности участников эмигрантских организаций и их связей с Третьим Рейхом, а по окончании Второй мировой войны – с иностранными спецслужбами. Продолжая ту же парадигму, в этой статье рассказывается ещё об одном представителе «белого движения», Константине Григорьевиче Кромиади, также сыгравшем большую роль в антисоветской деятельности различных сил до и после Второй мировой войны.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: белая эмиграция, Абвер, Радио «Свобода».

KONSTANTIN KROMIADI: FROM A PUNISHER TO THE PERSONNEL DEPARTMENT OF RADIO FREE EUROPE

Dmitry Surzhik
Institute of World History, Russian Academy of Sciences Russia, 119334, Moscow, Leninsky Avenue, 32a
e-mail: dimsu@inbox.ru

ABSTRACT
The author continues a series of studies devoted to the analysis of the activities of members of emigrant organizations and their relations with the Third Reich and after the end of World War II – with foreign special services. Following the same paradigm, this article reports on one more representative of the White movement – Konstantin Grigorievich Kromiadi, who also played an important role in the anti-Soviet activities of various forces before and after World War II.

KEYWORDS: white emigration, Abwehr, Radio Liberty.

Константин Григорьевич Кромиади (псевдоним в Абвере – Санин) представляет еще один образец эмигранта, который сделал целью своей жизни борьбу против Советского Союза, немало не задумываясь о том, какие силы и с какой целью ее вели.

Грек по происхождению, Кромиади родился 21 января 1893 г. в селе Дивик Карской области Российской империи. Добровольцем участвовал в Первой мировой войне на Кавказском фронте и в Персии, дослужился до поручика. Участник Гражданской войны на стороне Белого движения. Полковник. Георгиевский кавалер. Эмигрировал в Германию, где в течение 16 лет работал таксистом в Берлине (Чуев 2003: 388).

1 сентября 1941 г. Кромиади по ходатайству Владимира Михайловича Деспотули был приглашён в столицу Третьего рейха. Ранее, в мае 1941 г., тот же редактор берлинской эмигрантской коллаборантской газеты «Новое слово» (Деспотули), подготовил переговоры лидеров НТС с Главным управлением имперской безопасности, итогом которых стал переезд штаб-квартиры «новопоколенцев» в Берлин и их активное сотрудничество с нацистскими спецслужбами. Итог этих переговоров польский резидент НТС А.Э. Вюрглер резюмировал так: «С той поры каждый из нас и вся организация идем в ногу с гестапо» (цит. по: Жуков, Ковтун 2012: 98).

Рис. 1. Полковник К.Г. Кромиади в белогвардейской форме (Кромиади 2011)

Рис. 2. К.Г. Кромиади (слева) и С.Н. Иванов, 1942 г. (Кромиади 2011)

В начале марта 1942 г. Кромиади по предложению сотрудника Абвера С.Н. Иванова[1] приехал в Смоленск для формирования экспериментального военного подразделения Абвера из русских военнопленных – Русской Национальной Народной Армии (РННА) – операция «Седая голова» (по криптониму С.Н. Иванова в Абвере). Создание РННА, несмотря на официальный запрет Гитлера использовать русских белоэмигрантов, проходило при поддержке «Абвера» (адмирал Канарис), «Иностранных армий Востока» (Fremde Heere Ost; FHO; Р. Гелен) и командования группы армий «Центр» (Г. фон Клюге). В состав организационной группы РННА вошли С.Н. Иванов, К.Г. Кромиади, два члена НТС: В.А. Весслер и И.Л. Юнг, а также священник РПЦЗ Гермоген (Кивачук) – секретарь архиерея Берлинского и Германского Серафима (Ляде), русский националист родом с Западной Украины, и группа российских эмигрантов, прибывших из Франции: Григорий Павлович Ламсдорф-Галаган, граф Сергей Сергеевич фон дер Пален, Владимир Станиславович Соболевский и граф Александр Александрович Воронцов-Дашков. Кураторами РННА были: от FHO - зондерфюрер Роберт Наук, а от «Абверкоманды-203» (к которой была приписана РННА) – подполковник доктор Вернер фон Геттинг-Зеебурга (Жуков, Ковтун 2012: 30-32). Личный состав подразделений «Граукопф» проходил диверсионные курсы.

В июне – августе 1942 г. подразделения РННА участвовали в 4 карательных операциях на территории приграничных областей России и Белоруссии, организованных с участием Кромиади (Александров 2020). В ходе каждой из операций сжигались сотни деревень, расстреливались сотни партизан и тысячи мирных жителей (см.: Чуев 2003: 388; Жуков, Ковтун 2012: 96-104, 110-115, 135). В ходе каждой операции на сторону партизан переходили от нескольких до нескольких десятков служащих РННА. Таким образом в первой половине августа 1942 г. на сторону партизан перешло не менее 200 человек. 29 августа 1942 г. Кромиади отозван в Берлин, а в начале 1943 г. РННА была расформирована (см.: Жуков, Ковтун 2010: 122).

С марта 1943 г., Кромиади под началом того же С.Н. Иванова выехал в Полоцк для формирования нового формирования из предателей – 1-й русской бригады СС «Дружина». Создание этого подразделения «Русской освободительной армии» (РОА) происходило под началом Абвера и РСХА в рамках «предприятия

1 Сергей Никитич Иванов – уроженец Санкт-Петербурга, инженер, белогвардейский офицер. После разгрома белых сил в России бежал в Германию. Устроился работать радиоинженером и учителем русского языка в одной из школ Абвера. Имел связи с руководством нацистской партии. До 1936 г. возглавлял отделение Всероссийской фашистской партии (Родзаевского) в Третьем рейхе. Со скандалом был отстранен от дел ВФП, переехал в Берлин и присоединился к местным эмигрантским фашистским группам (см.: Жуков, Ковтун 2012: 24-30).

«Цеппелин». К июлю 1943 г. численность бригады составляла 4 тысячи человек. Бригада могла самостоятельно проводить операции против достаточно крупных сил партизан. Самой крупной карательной акцией, осуществленной при участии «Дружины», была операция «Коттбус». В ходе операции было убито в бою 6087 партизан, расстреляно около 4000 мирных жителей. Производилась также и облава на невольников: от 3000 до 6000 сельских жителей были в качестве «остарбайтеров». Был сожжен 221 населенный пункт. Имущество, скот и продовольственные запасы селян были разграблены. Потери коллаборационистских воинских формирований составили 190 человек, 38 из них убитые (Селеменев 2018: 7, 9-10). 28 августа 1943 г. Кромиади был вновь отозван в Берлин, из-за того, что почти вся 1-я русская бригада СС «Дружина» под командованием В.В. Гиля (Родионова) на сторону партизан[2].

Однако этот переход не сказался на Кромиади. 2 сентября 1943 г. Кромиади он получил новое назначение — в штаб генерала-предателя А.А. Власова. 16 сентября 1944 г., после встречи Власова с Гиммлером, Кромиади назначили начальником личной канцелярии Власова. Кромиади организовывал текущую работу, лично подбирал кандидатуры в политический орган власовского движения – коллаборантский «Комитет освобождения народов России» (КОНР) (Жуков, Ковтун 2012: 163). В последующем этот опыт поможет ему при трудоустройстве на радио «Освобождение» (с 1959 г. – радио «Свобода»).

После капитуляции Германии Кромиади избежал выдачи и принял активное участие в укрывательстве чинов РОА от выдачи в СССР (Чуев 2003: 388). Из молодежной части власовского «Комитета освобождения народов России» К.Г. Кромиади и Б. Яковлев (Н. А. Троицкий) в августе 1947 г. на секретной конференции в лагере Шлейсгейм создал Боевого союза молодежи народов России (будущего Союза борьбы за освобождение народов России)[3]. В 1968 г. со СБОНР объединится еще один власовский «Союз воинов освободительного движения».

После натурализации Кромиади жил в Мюнхене с супругой Евгенией и дочерью Ольгой, которая некоторое время работала машинисткой в антисоветском журнале «Сатирикон»[4]. Сам же глава семьи работал начальником отдела кадров радиостанции «Свобода», а также выполнял контрразведывательные функции для ЦРУ. Так, в нескольких рассекреченных сообщениях 1958 г. Кромиади предупреждал американского резидента о просоветских настроениях ресторатора Александра Багатурии, тесно общавшимся с мюнхенской редакцией «Радио «Свобода», о «неусточивости» бывшего власовского полковника и председателя эмигрантского «Союза борьбы за освобождение народов России» и их вероятном возвращении в СССР[5]. Кромиади пользовался доверием американских оперативников и уже к марту 1963 г. получил официальное назначение в качестве личного советника начальника мюнхенской оперативной базы ЦРУ по эмигрантским вопросам[6].

Рис. 3. Полковник Кромиади в униформе РННА (Кромиади 2011)

Антисоветская борьба не оставляла Кромиади и дома, где сложился своеобразный клуб антисоветчиков. (В одном из рассекреченных документов 15 марта 1963г. ЦРУ прямо признается в том, что Кромиади до сих пор старается объединить все эмигрантские группы на антисоветской основе)[7]. Один из рассекреченных телеграмм ЦРУ сообщает о том, что в начале июня 1951 г. в доме бывшего власовского полковника собралась аудитория, которая после лекции 37-летнего Райнера Хильдебрандта приняла решение создать общество германо-русской дружбы[8]. Чтобы понять, из кого и для чего создавалось общество, необходимо обратиться к биографии

2 Электронный ресурс: https://biography.wikireading.ru/109922 (дата обращения - 20.08.2020).
3 Электронный ресурс: https://labas.livejournal.com/999790.html (дата обращения - 20.08.2020).
4 FROEHLICH, SERGIE_0079. P. 6 / Электронный ресурс: https://archive.org/details/FROEHLICHSERGIE-0079 (дата обращения - 20.08.2020).
5 См.: QKACTIVE VOL. 3 (CS FILE JAN 1958-JUN 1958)_0048 / Электронный ресурс: https://www.cia.gov/readingroom/document/5197c265993294098d50e455 (дата обращения - 20.08.2020); QKACTIVE VOL. 4 (CS FILE JUL 1958-DEC 1958)_0002 / Электронный ресурс: https://www.cia.gov/readingroom/docs/QKACTIVE%20%20%20VOL.%204%20%20%28CS%20FILE%20JUL%201958-DEC%201958%29_0002.pdf (дата обращения - 20.08.2020).
6 См.: QKACTIVE VOL. 7 (CS FILE JAN. 1962-DEC. 1962)_0014 P. 4 / Электронный ресурс: https://www.cia.gov/readingroom/document/5197c265993294098d50e3ec (дата обращения - 20.08.2020); QKACTIVE VOL. 8 (CS FILE JAN. 1963-DEC. 1964)_0032. P. 6 / Электронный ресурс: https://archive.org/details/QKACTIVEVOL8CSFILEJAN1963-DEC1964-0032 (дата обращения - 20.08.2020).
7 FROEHLICH, SERGIE_0102. P. 2 / Электронный ресурс: https://www.cia.gov/readingroom/document/519a6b29993294098d51156d (дата обращения - 20.08.2020).
8 QKACTIVE VOL. 1 (CS FILE JUL 1951-JUL 1957)_0075 / Электронный ресурс: https://www.cia.gov/readingroom/document/5197c263993294098d50dd81 (дата обращения - 20.08.2020).

Рис. 4. Медаль имени доктора Райнера Хильдебрандта, вручаемая за борьбу за права человека ненасильственными методами. Учреждена в 2004 г., с 2005 года ежегодно присуждается лицам, которые ненасильственными методами проводят кампании в защиту прав человека. В состав жюри входят Генри Киссинджер, Ави Примор, Иоахим Гаук, Ганс-Дитрих Геншер и Сергей Хрущев

Хильдебрандта. В студенческие годы он входил в кружок, который возглавлял профессор Альбрехт Хаусхофер, советник Риббентропа по геополитике и сын создателя этой науки. Летом 1948 г. Хильдебрандт с несколькими товарищами создал «Боевую группу против бесчеловечности». Официально заявленной целью группы был поиск «жертв репрессий» в советской оккупационной зоне Германии и Берлина. В действительности же, Хилебрандт со товарищи разыскивал примерно 500 агентов «Организации Гелена» и ЦРУ, заброшенных в советскую зону в начале 1950-х годов. Помимо этого, «Боевая группа» занималась саботажем, поджогами и массовыми отравлениями – то есть занималась террором и военными преступлениями. Группа также рассылала фейковые письма от имени жителей Восточного Берлина о своих злоключениях, а позднее вошла в состав нелегальной «зафронтовой организации», которую создали БНД и ЦРУ для диверсий в советском тылу в случае начала «горячей» войны в Европе[9].

С 1963 г. Кромиади состоял в церковном «Свято-князь-Владимирском братстве» (в 1983 – 2004гг. братство возглавлял Глеб Рар, брат Льва Рара, адъютанта генерала-предателя Власова). Скончался он 25 апреля 1990 г. в Мюнхене (Чуев 2003: 388).

Судьба Константина Кромиади, который не просто не «потерялся» после Второй мировой войны, но и был устроен в центральный орган радиопропаганды холодной войны – «Радио «Свобода» – наглядный пример той политики, которую ветеран ЦРК Гарри Розицки ёмко выразил фразой: «Это была грязная сделка: использовать любого ублюдка, лишь бы он был антикоммунистом» (цит. по: Thomas 2006: 35). Действительно, благодаря благосклонности американо-британских спецслужб и личному Кромиади многие каратели и пропагандисты, ранее работавшие на гитлеровский рейх, избежали законного преследования и составили первое поколение радиопропагандистов холодной войны. Логично и завершение жизненного пути этого и других власовцев – в «Свято-князь-Владимирском братстве» при РПЦЗ, «звёздным часом» которого станет празднование 1000-летия Крещения Руси в эмигрантской среде.

9 См. подробнее: DTLINEN-KGU VOL. 1_0019 / Электронный ресурс: https://www.cia.gov/readingroom/docs/DTLINEN-KGU VOL.1_0019.pdf (дата обращения - 20.08.2020); Boghardt 2015: 41-42.

ЛИТЕРАТУРА

Александров 2020 - Александров К.М. Офицерский корпус Армии генерал-лейтенанта А.А.Власова 1944-1945 / Электронный ресурс: https://biography.wikireading.ru/109922 (дата обращения - 20.08.2020).

Жуков, Ковтун 2010 - Жуков Д.А., Ковтун И.И. Первая русская бригада СС «Дружина». М.: Вече, 2010.

Жуков, Ковтун 2012 - Жуков Д.А., Ковтун И.И. РННА. Враг в советской форме. М.: Вече, 2012.

Кромиади 2011 - Кромиади К.Г. За землю, за волю! Воспоминания соратника генерала Власова. М.: Вече, 2011.

Селеменев 2018 - «Коттбус». Нацистская карательная операция в Беларуси, май-июнь 1943 г.: документы и материалы / Сост.: В.Д. Селеменев (рук.) и др.; редкол.: А.Н. Артизов и др. Минск: НАРБ, 2018.

Суржик 2020 - Суржик Д.В. Галлиполиец-террорист-югендфюрер: Виктор Александрович Ларионов // Исторический формат. 2020. № 3. С. 53-59.

Чуев 2003 - Чуев С.Г. Спецслужбы Третьего Рейха. В двух книгах. Кн. 2. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2003.

Boghardt 2015 - Boghardt T. The Fighting Group against Inhumanity: Resistance and Espionage in the Cold War, 1948-1959 (German title: Die Kampfgruppe gegen Unmenschlichkeit (KgU): Widerstand und Spionage im Kalten Krieg 1948-1959). Enrico Heitzer (Böhlau Verlag, 2015) // Studies in Intelligence. 2015. Vol 59. № 4 (Extracts, December).

Thomas 2006 - Thomas E. The Very Best Men: The Daring Early Years of the CIA. New York: Simon & Schuster Paperbacks, 2006.

REFERENCES

Aleksandrov 2020 - Aleksandrov K.M. Oficerskij korpus Armii general-lejtenanta A.A.Vlasova 1944-1945 [Army officer corps Lieutenant General A.A. Vlasov 1944-1945], Electronic resource: https://biography.wikireading.ru/109922 (Date of access - 20.08.2020) [in Russian].

Boghardt 2015 - Boghardt T. The Fighting Group against Inhumanity: Resistance and Espionage in the Cold War, 1948-1959 (German title: Die Kampfgruppe gegen Unmenschlichkeit (KgU): Widerstand und Spionage im Kalten Krieg 1948-1959). Enrico Heitzer (Böhlau Verlag, 2015), in: Studies in Intelligence, 2015, Vol 59, № 4 (Extracts, December) [in English].

CHuev 2003 - CHuev S.G. Specsluzhby Tret'ego Rejha. V dvuh knigah. Kn. 2 [Special services of the Third Reich. In two books. Book 2], Moscow, OLMA Media Grupp Publ., 2003 [in Russian].

Kromiadi 2011 - Kromiadi K.G. Za zemlyu, za volyu! Vospominaniya soratnika generala Vlasova [For the land, for the freedom! Memories of a colleague of General Vlasov], Moscow, Veche Publ., 2011 [in Russian].

Selemenev 2018 - «Kottbus». Nacistskaya karatel'naya operaciya v Belarusi, maj-iyun' 1943 g.: dokumenty i materialy / Sost.: V.D. Selemenev (ruk.) i dr.; redkol.: A.N. Artizov i dr. ["Cottbus". Nazi punitive operation in Belarus, May-June 1943: documents and materials / Compiled by: V.D. Selemenev (leader) and others; editorial board: A.N. Artizov and others], Minsk, NARB Publ., 2018 [in Russian].

Surzhik 2020 - Surzhik D.V. Gallipoliec-terrorist-yugendfyurer: Viktor Aleksandrovich Larionov [Gallipolian-terrorist-jugendführer: Victor Alexandrovich Larionov], in: Istoricheskij format [Historical format], 2020, № 3, pp. 53-59 [in Russian].

Thomas 2006 - Thomas E. The Very Best Men: The Daring Early Years of the CIA, New York, Simon & Schuster Paperbacks Publ., 2006 [in English].

ZHukov, Kovtun 2010 - ZHukov D.A., Kovtun I.I. Pervaya russkaya brigada SS «Druzhina» [First Russian SS Brigade "Druzhina"], Moscow, Veche Publ., 2010 [in Russian].

ZHukov, Kovtun 2012 - ZHukov D.A., Kovtun I.I. RNNA. Vrag v sovetskoj forme [RNNA. Enemy in Soviet uniform], Moscow, Veche Publ., 2012 [in Russian].

Суржик Дмитрий Викторович
– Кандидат исторических наук, ученый секретарь Центра истории войн и геополитики Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

Dmitry Surzhik
– Candidate of historical sciences, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

dimsu@inbox.ru

ВНУТРЕННИЕ И ВНЕШНИЕ АСПЕКТЫ ОБРАЗОВАНИЯ ОДРИССКОГО ЦАРСТВА И ПРОБЛЕМА ЛОКАЛИЗАЦИИ ПЕРВОНАЧАЛЬНОЙ ПЛЕМЕННОЙ ТЕРРИТОРИИ ОДРИСОВ

К.А. Анисимов
МБОУ «Центр образования № 23»
Россия, 300041, г. Тула, улица Сойфера, 8
e-mail: anisimov.cos@yandex.ru
SPIN-код: 1323-7170

АВТОРСКОЕ РЕЗЮМЕ
В статье рассматриваются внутренние и внешние аспекты образования Одрисского царства и проблема локализации первоначальной племенной территории одрисов. С одной стороны, персидское завоевание Фракии сокрушило гегемонию пеонов и ослабило гетов. При Ксеркссе, вероятно, были ослаблены в какой-то степени фракийские «царства» эдонов и бисальтов. Однако, с другой стороны, под господством Ахеменидов в регионе был установлен долгосрочный мир, что позволило развиться экономике, укрепить положение аристократии и, в конечном итоге, установить период процветания, который активизировал развитие социальных, экономических и политических отношений. Это благоприятно сказывалось и на территориях, прилегающих к сатрапии с запада, севера и северо-востока. В том числе на одрисах. Персы не были причиной тех процессов, которые привели к появлению фракийских государств, но благодаря им были созданы благоприятные условия для развития тех процессов, которые происходили во фракийском обществе до прихода персов. В долгосрочной перспективе больше всего от присутствия персов в Европе выиграли македоняне и одрисы, воспользовавшиеся поражениями пеонов и гетов. Одрисы, как следует из источников, не подчинялись персам. Их земли, находящиеся в глубине материка, не были подконтрольны персидской администрации. Но после изгнания персов из Европы именно они заняли большую часть бывших владений Ахеменидов во Фракии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: одрисы, Фракия, Македония, Персия, Ахемениды, Балканский полуостров, политогенез.

INTERNAL AND EXTERNAL FACTORS OF FORMATION OF THE ODRISIAN KINGDOM AND THE PROBLEM OF LOCALIZATION OF THE ORIGINAL TERRITORY OF THE ODRYSIANS

Konstantin Anisimov
Center of education № 23
Russia, 300041, Tula, Soyfer Street, 8
e-mail: anisimov.cos@yandex.ru

ABSTRACT
The article looks into the internal and external factors of the formation of the Odrysian kingdom and the problem of localization of the original tribal territory of the Odrysians. On one hand, the Persian conquest of Thrace crushed the hegemony of the Paeonians and weakened the Getae. Under Xerxes, the Thracian «kingdoms» of the Edoni and Bisaltae were probably impaired to some extent. However, on the other hand, under the rule of the Achaemenids a long-term peace was established in the region that allowed economy to develop, aristocracy to strengthen and, ultimately, created a period of prosperity, which boosted social, economic and political relations. This also favorably affected the territories adjacent to the satrapy from the west, north and northeast, including the Odrysians. The Persians were not the cause of the processes that led to the emergence of the Thracian states, but they created favorable conditions for the advancement of those processes that took place in the Thracian society before the Persian invasion. In the long term, the Macedonians and Odrysians benefited most from the presence of the Persians in Europe, taking advantage of the defeats inflicted on the Paeonians and Getae. The Achaemenids did not establish a satrapy over the Odrysians, as follows from the sources. Their lands, located in the interior of the mainland, were not under control of the Persian administration. But after the Persian retreat from Europe, it was they who occupied most of the former Achaemenid possessions in Thrace.

KEYWORDS: Odrysians, Thrace, Macedonia, Persia, Achaemenids, Balkan Peninsula, politogenesis.

1. ФРАКИЯ НАКАНУНЕ ПЕРСИДСКОГО ЗАВОЕВАНИЯ

Одрисам была уготована особая роль в истории Фракии. Они объединили большинство фракийских племен, создали Фракийское государство и боролись за гегемонию на Балканах. Во многом судьба их в V-IV вв. была идентична судьбе другой крупной северо-балканской державы – Македонии. При этом, мы практически ничего не знаем о ранней истории одрисов. Их держава возникает словно из ниоткуда. Сохранившиеся до наших дней письменные источники ставят своих читателей перед фактом существования этого крупнейшего в Европе политического образования классической эпохи, под контролем которого находились десятки фракийских племен и греческих полисов и эмпориев на побережье Эгейского, Мраморного и Черного морей. Такое странное отсутствие интереса к истории столь могущественного государства, в союзе с которым были заинтересованы многие греческие государства, резко контрастирует с относительно большим объемом сведений о легендарной истории Македонии и генеалогии македонских Аргеадов[1].

Исключение составляет лишь краткий пассаж историка Фукидида, который называл Тереса «первым основателем великого Одрисского царства, включавшего большую часть Фракии (хотя многие фракийские племена оставались независимыми)» (Thuc. II, 29, 2). Как справедливо заметил С. Йорданов (Йорданов 2001: 568), в данном пассаже речь идет не о том, что Терес был первым царем одрисов и до этого у них не существовало такого властного института, но о том, что при Тересе Одрисское царство стало великим государством, значительно расширившим свои границы, получившим международное признание и закрепившим за собой определенную сферу влияния. Таким образом, правление этого царя стало итогом длительного процесса, который остается скрытым от нас.

Можно утверждать достаточно уверенно, что личность Тереса была не только широко известна его современникам – эллинам, но и вызывала среди них много толков. В связи с этим Фукидид посчитал нужным сделать специальный комментарий, разъясняющий его слушателям и читателям, что одрисский царь и мифический Терей, сын бога войны Ареса, фракийский вождь и персонаж страшной истории о двух афинских царевнах Прокне и Филомеле, разные лица. Тут весьма любопытным кажется, что Геродот называл одрисского царя именно Тереем, как и мифического персонажа. Неожиданный комментарий Фукидида заставляет предполагать, что причиной странной путаницы стала постановка трагедии Софокла «Терей» около 429-414 гг.[2] (Терею также была посвящена одноименная трагедия Филокла (V в. до н.э.), что свидетельствует о популярности темы фракийско-афинских отношений в этот период). К сожалению, трагедии о фракийце Терее не сохранились до нашего времени, но довольно часто драматурги того времени использовали в своих постановках помимо мифических сюжетов актуальные политические события. Образ фракийского царя, взявшего в жены афинскую царевну и оскорбившего афинян вероломным преступлением как нельзя лучше сочетаются с реалиями афинской политики во Фракии, столкнувшейся с обширным и могущественным Одрисским царством.

К концу правления Тереса, на сколько мы можем предполагать, Одрисское царство уже включало в свои границы значительную часть Фракии, включая побережье Пропонтиды, а возможно и все побережье от устья реки Нест до устья Дуная, за исключением Фракийского Херсонеса и хоры крупных полисов. Согласно свидетельству римского сатирика Лукиана, Терес считался одним из долгожителей древнего мира и умер в возрасте около 92 лет (Theop. Fr. 300; Lucian. Macrob. 10). Смерть его мы можем датировать лишь предположительно в районе 471-470 гг., следовательно, он родился около 563 г. Во время похода Дария на скифов Терес был взрослым мужчиной в расцвете сил. Если он и не правил одрисами в это время, то наверняка принимал важное участие в управлении своим народом. Источники рисуют перед нами портрет воинственного и целеустремленного правителя, создавшего на месте разрозненных и воюющих друг с другом племен мощное военно-политическое объединение, внушающего страх и уважение всем соседним народам от грозных кочевников скифов до блистательных Афин. Вероятно, именно под влиянием успехов Тереса Геродот писал: «Будь фракийцы только единодушны и под властью одного владыки, то, я думаю, они были бы непобедимы и куда могущественнее всех народов. Но так как они никогда не могли прийти к единодушию, то в этом-то и коренилась их слабость» (V, 3). С его жизнью связаны важнейшие события, которые привели к рождению великой Одрисской державы.

Причина, как мне кажется, столь разной историографической судьбы двух соседних и во многом родственных друг другу государств в целенаправленной политике македонских царей, которые, начиная с Александра I Филэллина проводили курс на эллинизацию своей страны, привлекали к своему двору известных деятелей культуры и искусства, доказывали свое эллинское (аргосское) происхождение (Шофман 1960: 151-152; Борза 2013: 115-117, 174, 220, 224 и далее). В отличие от одрисов, цари Македонии всегда очень тесно были связаны с политической жизнью Эллады. Наконец, огромный всплеск интереса к македонской истории был вызван свершениями Филиппа II и Александра Великого.

Одрисское царство, как правило, придерживалось иной стратегии в отношении Эллады. За исключением краткого эпизода в начале Пелопонесской войны и острой конфронтации в 365-357 гг., одрисы старались не вмешиваться во внутриэллинские дела, ограничиваясь редкими дипломатическими контактами с Афинами, Дельфами и другими, вероятно, важными политическими, экономическими, культурными и религиозными центрами Эллады, которые редко попадали

1 Несколько вариантов преданий о возникновении Македонского царства мы находим у Геродота (Hdt. V, 22; VIII, 137-139), Фукидида (Thuc. II, 99), Еврипида в его трагедии «Архелай» (ее переложение в Hygin. Fab. 219), Диодора (Diod. VII, fr. 15), Помпея Трога в передаче Юстина (Just. VII, 1-2), Павсания (Paus., IX.40.8).

2 На основании того, что около 414 г. была поставлена комедия Аристофана «Птицы», пародирующая софокловского «Терея», постановку этой трагедии относят ко времени около 414 г. (Софокл 1990).

на страницы больших исторических произведений вроде «Историй» Геродота и Фукидида, находя выражение в договорах и почетных декретах. Гораздо более тесные связи существовали с полисами на фракийском побережье и Малой Азии, но до нас дошла именно афинская версия истории. Поэтому, о ранней истории одрисов, до встречи с ними Дария во время скифского похода, мы не знаем ничего.

Уже в силу того, что Одрисское царство появляется на страницах истории после походов персов в Европу, внешнеполитический фактор в формировании этого фракийского политического объединения привлекал к себе особое внимание. Т.Д. Златковская во Введении к своей монографии, давая краткий историографический обзор, так сформулировала эту точку зрения: «опыт персидского похода, в результате которого многие фракийцы были покорены, создал условия для образования единого царства во Фракии», и далее: «решающую роль в создании одрисского объединения играло «национальное чувство», появившееся у фракийцев после завоевания персами», что якобы и способствовало их объединению под властью одрисов (Златковская 1971: 8). Эта традиционная точка зрения нашла свое выражение в работе Ал. Фола, который отмечал, что последствием персидского завоевания было именно стимулирование развития организационных форм у фракийских племен, вынужденных защищаться перед лицом новой угрозы. В равной степени с персидским завоеванием, он выделяет натиск на восток Македонии и греков на север (Фол 1972: 94). Примерно такой же формулировки придерживается Д. Попов (Попов 2009: 76-77). Более активное влияние персов на создание крупного фракийского государства предполагает точка зрения З. Арчибальд. По ее мнению, персидская оккупация южных областей Фракии привела к быстрому развитию политической организации, появлению элитной военной иерархии, региональных центров власти, установлению регулярных политических и торговых отношений с греческими городами (КИДМ. Т. VI. Полутом II: 527).

Помимо персидского фактора ряд авторов выдвигал на первый план афинское влияние в становлении Одрисского царства. Первым эту точку зрения высказал, кажется Г. Кацаров, согласно которому, одрисам удалось создать столь крупное объединение благодаря поддержке афинян, предпочитавших иметь дело с одним сильным правителем в регионе (Кацаров 1926: 21). Схожих взглядов придерживался М. Ростовцев, который, как и в случае с возникновением Боспорского царства, считал, что Афины поддерживали создание таких крупных региональных держав, исходя из собственных экономических интересов (Rostovtzeff 1941: 111-112). В ранних работах к этой точке зрения был близок также Хр. Данов (Данов 1946-1947: 120), который в более позднее время уже выводил на первый план другие политические и географические факторы (Данов 1969: 317-362). В частности, он отмечал, что немалую роль сыграло то, что одрисы избежали прямого столкновения с персами и благодаря этому сохранили свои военные ресурсы, что дало им перевес над соседними племенами (Данов 1982: 96).

Следует отметить, что внутренним процессам, приведшим к образованию фракийской государственности, отдают первенство практически все исследователи, занимающиеся фракийской историей. В наиболее полном виде эту сторону вопроса осветили в своих монографиях Т.Д. Златковская в 1971 г. (Златковская 1971, там же историография вопроса: С. 8-15) и З. Арчибальд в 1998 г. (Archibald 1998), уделившие большее внимание социальным и экономическим аспектам фракийского общества накануне образования Одрисского царства и в период его существования. Тем не менее, внешнеполитические факторы тоже нельзя отбросить в сторону, по крайней мере в силу состояния наших письменных источников. Для того, чтобы разобраться в этом сложном вопросе, необходимо понять, что собой представляла Фракия до персидского вторжения и что изменилось после изгнания персов.

За исключением мифо-эпической традиции Древней Греции исторические сведения об истории фракийцев мы получаем лишь в VI-V вв. до н.э.[3] Первое этногеографическое описание Фракии, на сколько нам известно, оставил логограф Гекатей Милетский (конец VI – начало V вв. до н.э.). По сохранившимся у Стефана Византийского фрагментам из труда Гекатея, мы можем сделать вывод, что он оставил описание фракийского побережья с запада на восток от Пиерии и Халкидики до устья Истра (сов. Дунай). Сравнивая эти отрывочные сведения с тем, что сообщает уже сам Геродот, рассказывая о военных экспедициях персов на фракийском побережье, можно отметить, что какие-то племена, известные только Гекатею, отсутствуют в труде Геродота. Многие племена, упоминаемые Гекатеем, неизвестны другим авторам, однако, мы можем сделать выводы о их расположении, следуя указаниям на известные племена и населенные пункты. Исходя из того, что они исчезают из письменных источников, Т.Д. Златковская предположила, что в рассматриваемый период времени во Фракии шли активные процессы поглощения одних племен другими (Златковская 1971: 190-191). В ряде случаев мы находим конкретное подтверждение этому. К примеру, Гекатей называет по соседству с киконами племя ксантов. Геродоту они не известны, а Страбон, который также использовал труд Гекатея (КИДМ. Т. III. Ч. 3: 315-316), знает Ксантею, как город киконов (Strab. VII, fr. 43), следовательно, приблизительно на рубеже веков более слабое племя оказалось поглощено более сильным. Такую же судьбу постигло, вероятно, племя сатрокентов, слившихся с сатрами (Златковская 1971: 190-191).

Сведения о фракийцах Геродота, в первую очередь связаны с персидскими походами против скифов около 513 г. (КИДМ. Т. IV: 89) и против полисов Эллады в 491-478 гг. В это же время персы подчиняют южное и восточное побережье Фракии. В связи с этим, наши знания о расселении фракийских племен в этих местах существенно расширяются. Кроме того, сведения Геродота приоткрывают завесу тайны над историей Фракии накануне персидского вторжения.

3 Здесь и далее все даты до н.э., если не указано иное.

Приблизительно во второй четверти VI в. на юго-востоке проявляли активность фракийцы – апсинтии. Геродот сообщает об их вторжениях на Херсонес Фракийский, где проживало племя долонков (Hdt. VI, 34). В годы, когда у власти в Афинах находился тиран Писистрат, долонки терпели поражение в войне со с апсинтиями. Не имея возможности самостоятельно защитить себя, долонки по совету Дельфийского оракула пригласили править ими афинского аристократа Мильтиада Старшего из рода Филаидов. Мильтиад в сопровождении множества колонистов прибыл на полуостров, оградив его от вторжений апсинтиев стеной. Так как Мильтиад поддерживал дружеские отношения с лидийским царем Крезом (Hdt. VI, 37-38), его призвание долонками следует относить либо к первой, либо ко второй тирании Писистрата (Суриков 2005: 299). Он стал основателем династии тиранов, правивших Херсонесом на протяжении около полувека (Златковская 1971: 203 и далее).

Из текста Геродота следует, что апсинтии были ближайшими соседями херсонесских долонков на севере от полуострова. В более позднее время эту территорию занимали кены, но из других источников мы знаем, что апсинтии проживали на берегах Гебра и реки Мелас, иначе называвшейся Апсинт, что город Энос в устье Гебра находился на землях аписнтиев, что само это племя в более поздние времена получило название корпилов (Strabo. VII, fr. 58) Военно-административная область, стратегия, Корпилика находилась в I-II вв. н.э. к западу от Кеники (Ptol. III, XI, 6). Из Геродота и Арриана мы знаем, что в V-IV вв., во время похода Ксеркса на Элладу и похода Александра Великого в Азию, на побережье Меласского залива между устьем Гебра и Херсонесом Фракийским располагались земли племени петов, Петика (Hdt. VII, 110; Arr. Anab. I. 11, 4). Таким образом, можно сделать вывод, что в конце VI в. апсинтии представляли собой обширный союз племен, включавший территории корпилов, петов и кенов[4]. По нашему мнению, с этим племенным союзом необходимо связывать «царя фракийцев» Олора. Геродот ограничился лишь тем, что сообщил о браке Мильтиада Младшего, только что утвердившего свою власть над Херсонесом, с дочерью «царя фракийцев» Олора Гигесипилой (Hdt. VI, 39). «Отец истории» перечисляет это событие в числе мер Мильтиада по укреплению своей власти: убийство правителей отдельных поселений, создание отряда из 500 наемников, брак с дочерью Олора. В связи с этим высказывались разные мнения по поводу происхождения этого фракийского правителя, достаточно могущественного и влиятельного для того, чтобы обеспечить стабильность правления Мильтиада (подробнее: Златковская 1971: 120-122, 208; Порожанов 2011: 146-149). Учитывая, что союз с Олором должен был, очевидно, держать в страхе потенциальных противников Мильтиада, его владения должны были быть относительно недалеко от Фракийского Херсонеса. В непосредственной близи от полуострова находились племена апсинтиев, война с которыми подтолкнула долонков отдать власть Филаидам.

4 П. Делев ошибочно, на наш взгляд, отождествляет апсинтиев с меландитами (Делев 2010: 96-111).

Еще одно крупное объединение племен сложилось в Западных Родопах. Гекатею и Геродоту оно было известно под именем сатров (Hdt. VII, 110-112). Однако, уже Фукидиду в этом же регионе известны дии (Thuc. II, 96, 2). Более поздние авторы знают только могущественных бессов (Polyb. XXIII. 8). У Геродота бессы – род сатров, которому принадлежало знаменитое святилище Диониса с оракулом, аналогичным Дельфийскому (Hdt. VII, 111). Можно предположить, что череда имен «сатры-дии-бессы» отражает борьбу отдельных племен и родов за политическое руководство в племенном объединении вокруг святилища Диониса (Делев 2002: 14-15). В пользу этого свидетельствует тот факт, что после разгрома римлянами бессов вновь всплывает имя диев, участвующих в одном из антиримских восстаний (Tac. Ann. III, 38). Аналогичным образом мы можем объяснить изменения наименований и в других фракийских регионах, например смену имени апсинтиев на корпилов (Делев 2010: 96-111).

В Северной Фракии ключевую роль играли племена гетов. Геты занимали обширные районы Добруджи и прилегающие территории Нижнедунайской равнины, а также осваивали Левобережье Дуная (о гетах: Фол, Спиридонов 1983: 96-98; Ткачук 1999: 276). Геродот, описывая столкновение гетов с персами, называет их «самыми храбрыми и честными» среди фракийцев (Hdt. IV, 93). Фукидид (Thuc. II, 96, 2) подчеркивает сходство их одежды и вооружения со скифскими. Несмотря на воинственный настрой и доблесть, геты ничего не смогли противопоставить персидской военной машине. Они были побеждены, судя по всему, достаточно быстро, вынуждены были признать власть персов и присоединиться к армии Дария в походе против скифов (Hdt. IV, 97). Очевидно, что под именем гетов скрывается целый ряд более мелких племенных образований. Характерно, что Геродот ничего не говорит о контактах персов с крупными племенами кробизов и теридзов, о существовании которых он был осведомлен и даже называет в другом месте названия рек, текущих из земли кробизов (Hdt. IV, 49). Между тем, персы просто не могли миновать их на пути к Дунаю. Логично предположить, что на тот момент кробизы и теридзы входили в число гетов, выступивших против войска Дария.

Одним из наиболее развитых фракийских племен, насколько мы можем судить, были эдоны. О былом их могуществе свидетельствуют отрывочные факты позднейшей традиции. Страбон, видимо следуя за Гекатеем, сообщает, что эдоны представляли собой союз трех племен: мигдонов, ситонов/сидонов и одонов (Strab. VII, frg. 11; Steph. Byz. 197.16). О том, что до македонского завоевания эдонам принадлежала Мигдония, говорит Фукидид (Thuc. II, 99, 4). Название «Ситония» носил один из трех «пальцев» Халкидского полуострова, что указывает на то, что, по крайней мере, часть этого полуострова, а не только лежащая к северу Мигдония, была эдонской. Мифологическая традиция связывает с эдонами также Крестонию, где протекает река Эхедор, которая звалась прежде Эдоном область Крусиду на побережье Фермейского залива, бистонов и одомантов (КИДМ. Т. III. Ч. 3: 332). Наконец, о. Фасос прежде назывался Одо-

ном (Delev 2007: 85-106). Таким образом, в эпоху наивысшего своего могущества границы Эдонского племенного союза охватывали значительную территорию от реки Эхедор и Фермейского залива до устья реки Нест, включая о. Фасос и Халкидику. Мифы называют целый ряд эдонских царей и героев (Михайлов 1972: 317-353; Фол 1972: 39-67). В более позднее время свидетельством могущества эдонов служат датируемые приблизительно в пределах 520 – 465 гг. серебряные монеты царя Геты. Этот царь эдонов был первым правителем на Балканах, помещавшим на деньгах свое имя и греческий титул «басилей» (Тачева 2006: 35). Эдонский племенной союз, возможно включавший когда-то также бисальтов и одомантов (Strabo.VIIfr. 36), вероятно распался под напором пеонов (КИДМ. Т. III. Ч. 3: 330-332).

Из сведений, которые предоставляет нам Геродот, можно сделать вывод, что наиболее успешным и масштабным в VI в. до н.э. был процесс объединения племен вокруг пеонского племенного союза. Накануне персидского завоевания пеоны доминировали на фракийских землях к западу от Неста. Под их контролем находились обширные территории. Уже у Гомера пеоны тесно связаны с рекой Аксием, в нижнем течении которого располагалась их крепость Амидон (Hom. Il. II, 845; XVI, 285). Об этой южной части Пеонии сообщает также Фукидид (Thuc. II, 99, 4). Коренные земли пеонов располагались на восточном берегу верхнего течения Вардара (Аксия) и на реке Брегальница, примерно соответствуя территории совр. республики Северная Македония (о пеонах: Petrova 1999; Merker 1965: 35 ff.). На западе и севере они граничили с племенами Верхней Македонии и иллирийцами (Strabo. VII, V, I). Восточные пределы пеонов простирались вдоль Стримона (Thuc. II, 96, 3). В годы Греко-персидских войн пеонийскими считались также племена, живущие между Нижним Стримоном и Нестом до горы Пангей на юге (Hdt. V, 16; Hdt. VII, 113). У нас нет указаний на то, что эдонские земли в междуречье Стримона и Неста когда-либо находились под контролем пеонов, что указывает на то, что здесь эдоны сохранили независимость, однако пеоны отняли у них Мигдонию и Крестонию (Strabo. 7, frg. 11). Очерченными границами аппетиты пеонов не ограничивались. «Отец истории» сообщает о нападении пеонов на Перинф, крупный греческий полис на северном побережье Мраморного моря (Hdt. V, 1-2). Следовательно, как минимум эгейское побережье Фракии до устья р. Гебр находилось в сфере влияния, если не прямого господства пеонов. К концу VI в. пеоны осуществили первую попытку создания «империи», охватывающей обширную часть севера Балканского полуострова.

Приблизительно к тому же времени относится создание еще одного крупного политического объединения во Фракии – Македонского царства. Относительно подробно описал его создание Фукидид (Thuc. II, 99). Хотя, значительная часть македонских завоеваний относится уже к V в., часть этих приобретений (Пиерия, Боттиея, Эордея, Анфем) должно относить к более раннему времени (Борза 2013: 158). Из этого описания видно, что македоняне действовали не так, как пеоны. Если последние расширяли свою гегемонию, подчиняя своему влиянию соседние племена, то македонская экспансия была нацелена на захват пригодной для сельского хозяйства земли. Под предводительством своих царей македоняне изгоняли из перечисленных областей местных жителей или переселяли их. В результате, к концу VI в. Македония представляла собой гораздо более устойчивое политическое объединение с сильной царской властью.

Именно этот период, по нашему мнению, характеризовал Геродот, когда писал: «Будь фракийцы только единодушны и под властью одного владыки, то, я думаю, они были бы непобедимы и куда могущественнее всех народов. Но так как они никогда не могли прийти к единодушию, то в этом-то и коренилась их слабость» (Hdt. V, 3). Эта характеристика мало соответствует временам самого «отца истории», но в полной мере отражают ту ситуацию, которая сложилась во Фракии накануне вторжения персов. Борьба племен друг с другом привела к созданию племенных союзов, занимающих огромные территории по меркам древнегреческих полисов. В ряде случаев, как мы видели, можно говорить о превращении племенных союзов в ранние государства. Без сомнения, те же процессы проходили и во внутренних районах Фракии. В бассейне рек Марицы и Тунджи в роли объединителя выступал племенной союз одрисов.

2. ЛОКАЛИЗАЦИЯ ПЛЕМЕННОЙ ТЕРРИТОРИИ ОДРИСОВ И НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП ФОРМИРОВАНИЯ ИХ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Достаточно спорной остается проблема определения изначальной племенной территории одрисов, ядра, вокруг которого сложилось их государство. Без определения этой территории просто невозможно понять раннюю историю этого политического объединения и определить масштаб свершений первых одрисских царей. Собственно, в историографии существует две основных точки зрения. Согласно классическому, долгое время господствующему в историографии представлению, ядром одрисской государственности были земли в нижнем течении рек Марицы, Тунджи и Арды (обзор историографии вопроса: Фол, Спиридонов 1983: 47-48). Это представление опирается главным образом на первое упоминание одрисов у Геродота (Hdt, IV, 92), который сообщает, что загадочная река Артеск протекает по земле одрисов. Однако, при этом упускалось из внимания, что и сама локализация реки – вопрос дискуссионный, и Геродот вовсе не отмечает, что Артеск протекает через середину Одрисской области или одрисы как-то тесно связаны с этим топографическим объектом. Из контекста рассказа «отца истории» скорее следует, что Артеск является пограничным по отношению к основной территории ориентиром. Единственный вывод, который можно вывести из данного сообщения, это то, что к моменту появления персов во Фракии, одрисы контролировали территорию на берегах реки Артеск.

Из сказанного видно, что для определения восточной границы одрисов в данный период, необходимо уточнить маршрут персидского войска во время похода на скифов. Камнем преткновения служит локализация

упомянутых мест остановок Дария – источников Теара и реки Артеск. Реке Теару, столь ярко и подробно описанной Геродотом, по мнению М. Тачевой более всего соответствует совр. река Буюкдере, собирающая воду из 42 источников (Тачева 2006: 16-18). К аналогичным выводам пришла Ю. Цветкова, используя технологию ГИС-моделирования для реконструкции движения войска Дария (Цветкова 2018: 75-93). При этом авторами использовались также сведения римских интериниариев – дорожных карт с указанием маршрутов, использовавшихся в древности. Как правило, эти пути, учитывающие особенности рельефа соответствуют наиболее удобным маршрутам, пользовавшимся популярностью и в более древние эпохи, и в Новое время, что отмечает М. Тачева (Тачева 2006: 18).

Локализация реки Артеск, о которой Геродот, к сожалению, сообщает мало, очень важно для определения места проживания одрисов, и для определения дальнейшего маршрута персов. Под Артеском понимали реки Арду, Марицу, Тунджу, Теке, Семердере. Первые три варианта (особенной популярностью, ввиду некоторого созвучия названий, пользуется Арда[5]) предполагают большой крюк внутрь континента, отрыв от флота, следующего вдоль черноморского побережья, переправу через крупные судоходные реки, о которых у Геродота нет ни слова. В связи с этим, более вероятным представляется, что Артеск – один из притоков реки Эргене, берущий начало в горном массиве Странджи (Тачева 2006: 18).

То, что одрисы довольно прочно контролировали на рубеже V-IV вв. прилегающие к Эргене с северо-запада районы подтверждает Ксенофонт. В своем «Анабасисе» он сообщает, что после первых успехов одрисского династа Севфа II и его греческих наемников, стратегом которых был Ксенофонт, по покорению племен финов, с близлежащих гор к династу стали спускаться одрисы, пополнявшие войско Севфа (Xen. Anab. VII, V, 15). Земли финов достаточно уверенно локализуются в треугольнике, который образуют г. Перинф на Пропонтиде, мыс Финиада и Салмидесс на черноморском побережье и г. Византий на Босфоре (Stronk 1995: 251, карта 17; Фол, Спиридонов 1983: 85, 105). Таким образом, горами, с которых спускались одрисы, могут быть только горы Странджи. В тоже время, Ксенофонт, описывая встречу Севфа и послов из малоазийского Париона, следующих к царю одрисов Медоку, покровителю и воспитателю Севфа, отмечает, что место пребывания царя находится в глубине страны, в 12 днях пути от моря (Anab. VII. III, 16). Ранее, Фукидид в своем описании Одрисской державы, определял ее протяженность по диагонали от Византия до верховий реки Стримон, самой западной оконечности государства в 13 дней (Thuc. II. 97, 2). Это заставляет помещать ядро Одрисского царства в верховьях Марицы и Тунджи, в совр. Пловдивской и Пазарджикской областях Болгарии (Топалов 1998: 90-92). Именно здесь археологами был обнаружен элитарный погребальный комплекс с купольными гробницами к. VI – IV вв. у с. Дуванлий.

А. Фол, исходя из классического представления о ранней локализации одрисов на нижнем течении Марицы, Тунджи и Арды, высказал мнение, что Дуванлийский комплекс был оставлен мощным племенным объединением, которое стало жертвой одрисской агрессии. Это объединение он назвал «равнинными бессами» (Фол 1972: 74; 1975: 77-83). Важным аргументом в его реконструкции карты расселения фракийских племен, служит размещение «стратегий», военно-административных округов, на которые делилось позднее Фракийское царство конца I в. до н.э. – I в. н.э., а в последствии римские провинции Фракия, Верхняя и Нижняя Мезии. В основу этого административного деления были положены племенные границы, что отразилось в названиях стратегий (Кеника, Дросика, Сапаика, Астика, Бессика и т.д.). Границы Бессики, а также краткие упоминания о войнах римлян с бессами в I в. до н.э., позволяют говорить о том, что верхнее и среднее течение Марицы принадлежало этому племенному союзу (Cas. Dion. LI. 25, 4). Это же подтверждают и географические трактаты римской эпохи (Strabo. VII, fr. 47; Kl. Ptol. III. 11.6). Однако, необходимо также отметить, что, во-первых, среди стратегий отсутствует стратегия одрисов. Во-вторых, наши сведения о том, что бессы контролировали верхнее течение Марицы относятся к позднему времени, когда бессы определенно были доминирующим фракийским объединением (само имя бессов стало синонимом фракийцев для римлян: Делев 2012: 9). В-третьих, такие античные авторы как Полибий (Polyb. XXIII. 8), Плиний Старший (Plin. Nat. IV. 11, 40) и Тацит (Tac. Ann. III, 38), определенно помещают одрисов в верхнем течении реки Марицы, в окрестностях Филиппополя. Также следует отметить, что после македонского завоевания, именно верхнее и среднее течение Марицы и Тунджи были оплотом одрисской государственности. Здесь располагались владения Севфа III, восстановившего независимость одрисов (Diod. XVIII.14.2–4; Paus. I.9.6) (Топалов 2001: 10 и след.).

К аналогичным выводам пришел на основании в первую очередь данных нумизматики С. Топалов. В результате многолетних исследований он пришел к выводу, что серебряные монеты типа «силен и нимфа»,которые традиционно, но без доказательной базы, связывались с Фасосом, являются на самом деле ранними монетами одрисского племенного и государственного объединения. На протяжении приблизительно второй половины VI – IV вв. эти монеты являлись основной денежной единицей в землях верхнего и среднего течения Марицы и Тунджи, в современных Пловдивской и Пазарджикской областях. Именно в этом регионе позднее были обнаружены большинство монет одрисских царей Саратока, Медока, Амадока I (?) и Амадока II, Тереса II, значительная часть монет Котиса I и монеты Севфа III (Топалов 2006: 29-45). Также следует отметить, что общее количество монет царской чеканки просто тонет в массе монет «силен и нимфа». Проблема этих монет состоит в том, что в отличии от большинства монет царской и племенной чеканки, эти монеты не имеют

5 А. Фол предполагал, что Артекс – это Арда, но Геродот ошибочно связал реку с одрисами и ошибочно поместил на ее берега демонстративную акцию Дария (Фол 1972: 118, там же библиография вопроса).

никаких надписей, которые позволили бы определенно указать на их издателя, поэтому приходится идти более сложным путем. Таким образом, территории в верхнем и среднем течении Марицы и Тунджи, современные Пловдивская и Пазарджикская области, являлись ядром одрисского племенного союза, а затем и Одрисского царства. Об уровне развития этого племенного объединения свидетельствует достаточно широкая циркуляция собственной племенной монеты типа «силен и нимфа»[6], широкие экономические и культурные контакты с греческими полисами (Златковская 1971: 69-70; Фол 1972: 74. А Фол связывает регион с бессами) и, судя по всему, достаточно рано, с малоазийскими владениями Персидской державы (Тачева 2006: 25).

Компромиссную, в некотором роде, гипотезу, которая могла бы примерить две основные версии локализации одрисов, предложил П. Делев. Согласно его реконструкции, изначальная территория одрисов маркирована дольменами и наиболее ранними фракийскими купольными гробницами на северных склонах горного массива Сакар планина в Старозагорской и Новозагорской областях Болгарии. На юге их соседями были киконы, которым Делев «отдает» практически все Восточные Родопы и западный берег Марицы от устья Арды до эгейского побережья. Стремясь избежать столкновения с персами, одрисы ушли на запад, где сформировался новый центр у с. Дуванлий, в то время как старые некрополи на Сакаре прекращают существование (Делев 2008: 211-232).

Нельзя исключать, что по крайней мере отчасти П. Делев может быть прав. Он приходит к выводам, схожим с нашими, о том, что развитие и расширение Одрисского государства не было вызвано появлением персов. Древним центром одрисов действительно могли быть северные склоны Сакара, так как здесь определенно находился один из развитых центров Фракии раннего железного века (Делев 2008: 216). Однако нумизматический материал не позволяет включить этот регион в границы племенной территории одрисов в период чеканки монет типа «силен и нимфа».

С другой стороны, нельзя исключать того, что на Сакаре располагалась племенная территория неких соперников одрисов. В таком случае, прекращение функционирования аристократического комплекса в этом регионе можно объяснить уничтожением этого раннего политического объединения в ходе одрисской экспансии в VI в. В любом случае, наблюдения П. Делева позволяют приоткрыть еще одну страницу ранней одрисской истории. Более того, мы можем даже предположить, какое именно племенное объединение проживало на данной территории. Именно здесь помещают стратегию Беника, упомянутую Клавдием Птолемеем (Ptol. III, XI, 6) Г. Михайлов (Михайлов 1972: 75) и сам П. Делев (Delev 2009: 245-253). Племя бенов упоминает Плиний (Plin. NH. IV. 40-41), очевидно о нем же говорит Страбон, когда называет бренов (Strabo. VIIfr. 47) примерно в этом же регионе. Брены в свою очередь заставляют вспомнить загадочное фракийское племя кебренов, упомянутое в другом месте тем же Страбоном (Strabo. XIII. I, 21) и Полиэном (Polyaen. VII, 22). В одной из своих стратегем этот римский автор рассказывает историю о Косинге, царе кебренов и скаибоев, который был одновременно жрецом богини Геры и угрожая своими особыми отношениями с богиней, держал подданных под контролем. Архаичные отношения царя-жреца со своими соплеменниками наводят на мысль, что сообщение о Косингасе восходит к очень раннему времени. На наш взгляд, его необходимо связывать с Гекатеем, который упоминал племя скаев рядом с киконами (Steph. Byz. s. v. Skaioi). Надо полагать, Страбон, отмечая, что кебрены жили на реке Арисб, впадавшей в Гебр, пользовался тем же источником. Таким образом «царство Косинга» следует датировать приблизительно второй половиной VI в. до н.э. То обстоятельство, что в рассматриваемом районе в V-IV вв. не создавались аристократические гробницы, наводит на мысль о том, что противостояние «кебренов и скаибоев» с одрисами было достаточно ожесточенным. Кебренская земля долгое время могла управляться на прямую из одрисского центра, что мешало созданию здесь местных аристократических кланов. Таким образом, кебрены могли быть своего рода одрисским «Карфагеном». В любом случае, противники одрисов, обитавшие в этом регионе, явно были одним из наиболее развитых в политическом отношении фракийских объединений. Победа над таким соперником, безусловно, должна была обеспечить одрисов значительными материальными ресурсами, что способствовало ускорению их политического и социально-экономического развития. Богатые погребения комплекса у с. Дуванлии свидетельствует о выделении военной аристократии у одрисов уже в VI в. В это же время начинается чеканка монет типа «силен и нимфа» (Топалов 2006: 29-45).

Подчинив кебренов/бренов и скаибоев/скаев, одрисы должны были выйти на те рубежи, на которых их застал Дарий I. Как мы видели выше, первые сведения об одрисах связаны с походом персидского царя Дария I на скифов (Hdt. IV, 92-93). Это краткое, но емкое известие является первым упоминанием одрисов в истории и уже само по себе вызывает много вопросов. Исходя из локализации реки Артеск на северо-западе Странджи, можно сделать вывод о том, что одрисы в это время

6 С. Топалов, возражая гипотезе о «равнинных бессах» отметил, что между достоверными территориями союза горных племен сатров – диев – бессов в Родопах и территориями гипотетических «равнинных бессов» в верхнем течении Марицы и Тунджи археологические исследования выявили большие религиозные различия, противоположные по смыслу культовые практики, политические и экономические различия. У «равнинных бессов» имеется династический правящий дом, богатые погребения которого обнаружены в Дуванлии, большие купольные гробницы, многочисленные храмы и т.д. У «горных бессов» не выявлено ничего подобного, а в источниках они фигурируют как «независимые», «автономные», «без царей». При этом, у них можно отметить что-то вроде теократии, возглавляемой жрецами оракула Диониса, расположенного где-то высоко в горах (Hdt. VII, 111; Cas. Dion. LIV. 3. 2; 34. 5-7). В районе их несомненного проживания нет богатых погребений, в погребальном инвентаре не встречаются даже изделия из драгоценных металлов, тем более нет гробниц, подобных тем, что найдены на равнине. Исходя из всего вышесказанного, мы можем согласиться с утверждением, что гипотетические «равнинные бессы» не существовали в VI-II вв. до н.э., как минимум (Топалов 1994: 73-74; 2006: 17-18 с указанием дополнительной литературы).

контролировали обширные территории от истоков Марицы до бассейна реки Эргене. Эти плодородные земли в верхнем и среднем течении рек Марицы и Тунджи, ограничивались северными отрогами Родоп и южными отрогами Стара-Планины (Гема). На юге, за неимением точных данных, наиболее вероятным представляется ограничить одрисские земли течением реки Арды.

3. ПЕРСИДСКОЕ ЗАВОЕВАНИЕ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ФРАКИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Персидское завоевание было без сомнения одним из важнейших событий в истории Фракии. Начало этого процесса было связано с походом Великого царя Дария I на скифов около 513 г., относительно подробно описанного Геродотом (Hdt, IV, 89-93)[7].

По дороге Дарию подчинились без сопротивления фракийцы Салмидесса, нипсеи и скирмиады. Последние, как отмечает Геродот, проживали в районе городов Месембрия и Аполлония. Кроме «отца истории» их больше не называет ни один источник, но в окрестностях этих полисов археологи действительно выделяют особые племенные территории на берегах Бургасского залива (Топалов 2001: 131 и след., 149 и след.). Что скрывается под туманным определением «фракийцы Салмидесса» нам помогает понять другой древнегреческий автор, лично посетивший эти места – Ксенофонт. Опираясь на VII книгу его «Анабасиса» можно уверенно утверждать, что в бассейне реки Эргене, в треугольнике Перинф – мыс Финиада – Византий проживали племена, входившие в племенной союз финов[8]. Таким образом, без боя Дарию подчинились все фракийские племена на побережье Черного моря от Византия до Гема. Очевидно, именно для принятия их покорности и требовалась трехдневная остановка у источников Теара (Агбунов 1989: 139), находившихся в центре обширного региона между Пропонтидой и Бургасским заливом.

На Артеске Дарий отдал приказ своим воинам складывать камни в кучи, которые достигали внушительной высоты, учитывая количество воинов. Без сомнения, эта акция предназначалась для одрисов, по земле которых протекала река (Hdt. IV. 92). Необходимость для этой акции с одной стороны, и то, что одрисы не были названы в числе покорившихся персам племен с другой, указывают на силу и могущество этого фракийского племенного объединения. Одрисы в свою очередь, судя по тому, что мы ничего не слышали об их конфликтах с персами, сделали верные выводы. Миновав одрисские земли и Гемские горы, Дарий впервые в Европе встретил сопротивление со стороны коалиции племен, возглавляемых гетами, но и они были покорены. Геты были вынуждены принимать участие в походе на скифов (Hdt. IV. 97).

Несмотря на то, что скифский поход закончился для персов неудачно, положение их во Фракии было достаточно твердым. Это свидетельствует в пользу того, что персидский поход на скифов вовсе не завершился такой катастрофой, как изображает «отец истории». Часть историков видит подтверждение тому, что персидское влияние сохранилось даже в Северном Причерноморье, в изображении «сака парадрайя», или «скифов, что за морем», на стенах Накш-и Рустама (КИДМ. Т. IV: 89), другие полагают, что в данном случае это не более чем официальная пропаганда Дария, скрывающая его неудачу (Дандамаев 1985: 111). Весьма убедительную гипотезу о том, что под «скифами» в данном случае следует понимать гетов, которые были вооружены и одеты как скифы (Thuc. II, 96, 2), предложили А. Фол и Н. Хаммонд (КИДМ. Т. IV: 301-303). В недавней специальной работе М. Василева, посвященной персидскому пребыванию во Фракии, высказано мнение, что северная граница персидского господства во Фракии по окончании Скифской кампании проходила в лучшем случае в районе Аполлонии (Vasilev 2015: 369)[9]. Наиболее пессимистичную позицию в отношении персидского господства во Фракии представляет С.Ю. Сапрыкин, по мнению которого персы, уходя из Скифии, не удержали за собой даже западно-понтийское побережье Фракии. Он считает, что восточные фракийцы так и не стали «союзниками» персов, а быстрое отступление Дария свидетельствовало о том, что персы не чувствовали себя уверенно в недавно покоренной стране, что фракийцы были враждебно настроены к персам. Ахеменидам удалось удержать за собой только территории на побережье Эгейского и Мраморного морей, где Мегабаз, а потом Мардоний «подчинили мелкие племена» (Сапрыкин 2018: 177). О потере персами западно-понтийского побережья действительно можно говорить, но полагать, что это случилось сразу же после отступления Дария, не оправдано, на наш взгляд. Действия Мегабаза и его 80-тысячной армии никак не увязываются с таким сценарием, а пеонов едва ли стоит относить к категории «мелких племен».

Как бы там ни было, главным последствием скифского похода стало покорение персами фракийского побережья. Геродот кратко описывает подчинение южного побе-

7 Исследования показывают, что Дарий не отклонялся от своей главной цели и шел наиболее удобным путем к перевалу Айтос-Провадия одним из маршрутов, отмеченных позднее в римских интеринариях: через современные Кадекьой (римск. Беодизум) – Чорлу (римск. Циралум) – Каращиран (римск. Дризапара) – Люле-Бургас (римск. Бергуле) – Бабаески (римск. Буртудизум) – Хафсу (римск. Остудизум) – Ковчас (римск. Тарподизум) – Умур (римск. Садаме) – Девельт (римск. Деультум) и далее к Айтосскому перевалу (Тачева 2006: 18).

8 Это достаточно древний этноним – фины вместе с родственными им вифинами перебрались в Азию (Hdt. I, 28). Ксенофонт (Anab. VII, II, 32) в связи с финами называет племена меландитов и транипсов. Исходя из того, что мыс Финиада, по-видимому, маркирует северную границу территории финов, к числу их племен принадлежали также мелинофаги («просоеды»), занимавшие прибрежную полосу от мыса Финиада до т.н. византийской Дельты (Anab. VII, V, 12). Возможно, за этим прозвищем скрывается одно из исчезнувших племен из списка Гекатея. Описание «просоедов» у Ксенофонта явно перекликается с описанием астов у Страбона (Strabo. VII, VI, 1). В связи с этим напрашивается гипотеза о тождестве этих двух племен. Феопомп упоминает и «просоедов» (Μελινοφαγοι; fr. 223 Jacoby) и, возможно, астов, в качестве топонима (Steph. Biz. Ἀστακός). По крайней мере, можно предполагать, что в более поздний период «просоеды», как и другие племена финов вошли в состав племенного объединения астов. А. Фол предполагает, что этноним «асты» позднего происхождения (Фол 1975: 87; Фол, Спиридонов 1983: 111-112; Габелко 2005: 65).

9 К сожалению, мне удалось ознакомиться с этой замечательной работой уже после того, как данный текст был готов. По многим пунктам, хотя и не по всем, мои выводы совпадают с мнением автора.

режья страны. Покидая Европу, царь оставил во Фракии упомянутое 80-тысячное войско. Под командованием военачальника Мегабаза оно подчинило города на побережье Пропонтиды, включая Византий и Перинф, незадолго потерпевший поражение от пеонов (Hdt. V, 1). Затем, очевидно, были подчинены киконы и другие племена между устьем Гебра и устьем Неста, но подробностей этого мы не знаем. Геродот лишь указывает, что: «Овладев Перинфом, Мегабаз повел войско через Фракию и покорил царю все города и народности вдоль побережья. Таково было повеление Дария покорить Фракию» (Hdt. V, 3). Главной базой персов на киконском побережье стала крепость Дориск, о которой в другом месте было сказано, что «это обширная равнина на фракийском побережье. По этой равнине течет большая река Гебр. Там уже раньше было воздвигнуто царское укрепление под названием Дориск. В нем Дарий во время похода на скифов оставил персидскую стражу» (Hdt, VII, 59). На основании этого замечания, ряд историков предполагает, что Мегабаз действовал уже во время скифского похода Дария (Фол 1972: 89). Следующей жертвой персидской агрессии стали пеоны, в связи с чем Геродот приводит несколько наивную легенду о двух братьях – пеонах, желавших стать царями своего народа, подтолкнувших Дария к завоеванию пеонов (Hdt. V, 12-17). Мегабаз, по приказу царя Дария, захватил пеонские поселения и насильно вывез значительную часть пеонов Нижнего Стримона и Аксия в Азию, где им были выделены земли во Фригии (Hdt. V, 14; V, 23). Лишь во время Ионийского восстания 499-494 гг. (КИДМ. Т. IV: 90) они получили возможность вернуться на родину (Hdt. V, 98)[10]. Тогда же под власть персов попали и эдоны[11].

Покорив пеонов, по словам Геродота, Мегабаз отправил послов в Македонию. Геродот в связи с этим приводит еще одну легенду, по которой якобы наследник Аминты Александр перебил персидских послов на пиру, а позже, чтобы скрыть следы преступления подкупил отправленного на их поиски знатного перса Бубара, которому отдал также в жены свою сестру Гигею (Hdt. V, 17-21)[12]. В. Саракински предполагает, что «общий язык» македонские Аргеады и персы могли найти уже на фоне борьбы с общим противником – пеонами. В то время как Мегабаз наступал с востока, македоняне могли угрожать своим традиционным врагам с запада (Саракински 2013: 77). Мегабаз утвердив персидское влияние в Македонии отправился в Азию, вместе с изгнанными со своих земель пеонами, а его место на посту главного военачальника в Европе занял Отан, который довершил подчинение Византия, Калхедона, Лемноса, Имброса и еще ряда городов в Троаде (Hdt. VI, 26-27).

Судя по всему, персы не предпринимали попыток подчинить силой горные районы Фракии и их власть ограничивалась лишь приморскими землями на юге и востоке страны. Геродот специально уточняет, что даже племена на северных склонах Пангея (доберы, агрианы и одоманты), а также сатры в Родопах не были покорены Мегабазом (Hdt. V, 16; VII, 111). Подчиненные территориях включаются в особую сатрапию Скудра[13]. Впервые о «землях по ту сторону моря», то есть о европейских завоеваниях, упоминает персидская надпись на террасной стене Персеполя около 513 г. Затем, в египетской надписи, датируемой 498-497 гг., называется сатрапия Скудра. В перечне подвластных народов, составленных около 492 г. были перечислены народы, составляющие эту сатрапию: «саки парадрайя» («скифы, живущие по ту сторону моря», вероятно, геты), «скудра» (очевидно, собственно фракийцы; скудра изображены с двумя копьями и небольшими щитами, оружием характерным для фракийцев и часто встречающиеся на их изображениях, в том числе монетах этого периода), «иауна такабара» («ионийцы со шляпами наподобие щитов»), в которых видят македонян и фессалийцев, для которых были характерны широкополые шляпы – петасосы. В такой шляпе, в частности, изображался Александр I на своих монетах. Около 486 г. Скудра упоминается на стене гробницы Дария I в Накш-и Рустеме (КИДМ. Т. IV: 301-302).

Опорными пунктами персидской власти на фракийском побережье становятся военные базы, расположенные на стратегически важных участках морского торгового пути, связывающего Черное море и Элладу – Дориск у устья Гебра (Hdt. VII, 26; VII, 59; VII, 106), Эйон в устье Стримона (Hdt. VII, 26; Hdt. VII, 107; Thuc. I, 98, 1), Сест на Фракийском Херсонесе (Hdt. IX, 115), контролирующий пролив Дарданеллы (древний Геллеспонт), Бориза на черноморском побережье, у мыса Финиада, о которой

10 Однако, былого положения пеоны уже достигнуть не смогли. Некоторые их союзники обрели независимость. Характерно, что во время похода Ксеркса Геродот уже не говорит об одомантах как о пеонском племени (Hdt. VII, 112), также и Фукидид называет их фракийцами (Thuc. II. 101, 3). К западу от реки объединились Бисальтия и Крестония, которым правил анонимный царь-фракиец (Hdt. IX, 116). Мигдония вернулась под контроль эдонов, а позже ее вместе с Крестонией и Бисальтией захватили македоняне (Thuc. II. 99, 4, 6).

11 Согласно Геродоту (Hdt. V, 11; V, 23), в то время как Мегабаз уже завершил покорение части пеонских племен и переправлял их в Азию, Дарий отправил отличившегося перед ним во время скифского похода милетского тирана Гистиея в страну эдонов, где по просьбе тирана подарил ему местность для строительства города Миркин. Рассказ о деятельности Гистиея в Миркине показывает, что и Эдония находилась под контролем персов. Эта деятельность вызвала опасения у Мегабаза, и он убедил царя вернуть Гистиея к своему двору, где он в конце концов и был убит во время Ионийского восстания (Hdt. VI, 29-30).

12 Из рассказа Геродота не ясно, признал ли царь Аминта I верховную власть Ахеменидов, выдав «землю и воду». Преданию об убийстве персидских послов едва ли можно доверять, однако далее Геродот утверждает, что лишь Мардоний покорил Македонию власти Дария (Hdt. VI, 44; VII, 108). Византийский историк VIII-IX вв. Георгий Синкелл утверждал также, что Александр был первым македонским царем, давшим «землю и воду» персам (Syncell. 269, 10-11 (Mosshamm.)).

13 Существование этой сатрапии и ее размеры остаются предметом дискуссии. По мнению Н. Хаммонда Скудра включала в себя приморские и внутренние районы Фракии в бассейне Гебра. По мнению А. Фола, она ограничивалась только приморскими территориями, согласно с показаниями Геродота. Обе точки зрения представлены в их совместной статье в «Кембриджской истории Древнего мира» (КИДМ Т. IV: 299-300). О сомнениях в существовании сатрапии: Bacheva 2012: 11-26. Краткий обзор основных точек зрения: Борза 2013: 375-376. М. Василев предложил иное толкование: «Скудра» – это Фригия, где Геродот упоминает город с похожим названием – Кидрару (Hdt. VII, 30). Европейские приморские земли могли входить в юрисдикцию этой малоазийской сатрапии, как и азиатские фракийцы (фины и вифины) (Vasilev 2015: 120-121).

сообщает Гекатей (Steph. Byz. s.v. Βὸρυςα), Византий (Hdt. IX, 89)[14].

Дальнейшее продвижение персов в Европе было замедлено восстанием ионийцев в 499 г. Восстание охватило также города на берегах Пропонтиды. Лишь в 493 г. восстание удалось подавить. Согласно Геродоту, после покорения Ионии «персидский флот взял курс на Геллеспонт и захватил все города на левой его стороне при входе в пролив. Города же, лежащие на правой стороне, были уже захвачены персами с суши. А на европейской стороне Геллеспонта находятся следующие местности: Херсонес с большим числом городов, затем город Перинф, укрепленные места во Фракии, потом Селимбрия и Византий. Жители Византия и жившие на противоположном берегу калхедоняне не стали ждать нападения финикиян. Они покинули свои города и отплыли в Евксинский Понт. Там они поселились в городе Месамбрии» (Hdt. VI, 33).

Из этого лаконичного сообщения мы видим, что персидская власть во Фракии фактически пала, возможно ограничиваясь лишь несколькими базами, такими как Бориза. Даже Дориск, судя по всему, на какое-то время вышел из-под власти персов: именно здесь высадили ионийцы восставших пеонов, возвращавшихся на родину (Hdt. V, 98) То, что византийцы и калхедоняне бежали от персов в Месембрию, указывает на то, что берега Бургасского залива, где проживали нипсеи и скирмиады, признавшие власть Дария во время скифского похода, более персам не подчинялись (Блаватская 1952: 47). В пользу этого говорит и тот факт, что за три года до подавления Ионийского восстания во Фракию вторглись скифы, добравшиеся без особых препятствий вплоть до Херсонеса Фракийского, откуда они изгнали тирана Мильтиада Младшего (Hdt. VI, 40)[15]. Не менее показательны события на Стримоне. В первый год восстания именно сюда направились пеоны. В 497 г. вождь Ионийского восстания, опасаясь поражения, решил укрепиться в эдонском Миркине, где в итоге погиб, воюя с фракийцами (Hdt. VI, 126; Thuc. IV, 102). Из всего вышесказанного со всей очевидностью следует, что дело персов во Фракии после подавления Ионийского восстания пришлось начинать практически с нуля.

Новое покорение фракийского побережья и Македонии было довершено Мардонием, назначенным Дарием командующим во время первого похода на Элладу. В 492г. флот и сухопутное войско двинулись против Афин и Эретреи, для того, чтобы наказать их за поддержку восставших в 499 г. ионийцев. По пути персы подчиняли свободные еще города и народности. Мардонию покорился Фасос, затем Аканф на Халкидике, но у Афона флот попал в шторм и был уничтожен. Сухопутная армия добралась до Македонии, где подверглась ночному нападению со стороны фракийцев – бригов у горы Бермион. Несмотря на тяжелые потери, Мардонию удалось подчинить македонские племена персидской власти. К сожалению, об участии в этом деле македонских царей нам ничего не известно, но они явно сохранили свое положение преданных соратников Ахеменидов. Ввиду потерь Мардоний не мог более продолжать свой поход и был вынужден вернуться в Азию. Главным итогом этой кампании стало восстановление персидской власти на северном побережье Эгеиды (Hdt. VI, 43-45). Следующим эпизодом Греко-персидских войн стал поход Датиса и Артаферна против островов Архипелага и Афин в 491 г., завершившийся разгромом персов при Марафоне (Hdt. VI, 94-120). Впрочем, это не помешало персам пленить эритрейцев и подчинить себе острова Эгейского моря.

После умиротворения геллеспонтийских городов персы начинают восстанавливать свою власть на южном побережье Фракии, но о подобных попытках в северном направлении ничего не известно. Между тем, в годы Ионийского восстания отсюда исходила прямая угроза персидским владениям в лице скифов (Hdt. VI, 40). Можно предполагать, что, утратив фактический контроль над гетами и другими племенами западнопонтийского побережья, персы передали формальные права на этот регион одрисам, которым он принадлежал позднее. Каким образом последним удалось реализовать это право, наши источники умалчивают. Это наводит на мысль, что отношения одрисов с персами строились по той же схеме, что и отношения персов с маке-

14 Впрочем, есть основания полагать, что Геллеспонтийский регион, на двух берегах Пропонтиды и Проливов, был выделен в отдельный административный округ. В пользу этого говорит то, что согласно Геродоту, в отличие от «начальника во Фракии» Мегабаза (VII, 106, 1), Отан именуется «начальником войск в Приморской области» (V, 25, 1). Правителям сатрапии Скудра подчинялись правители крепостей, вожди местных племен и политических образований, даже такие могущественные как македонские цари. О терминах, применяемых к представителям персидской администрации во Фракии: Издмирски 2008: 129-136. Об особом приморском округе: КИДМ. Т. IV: 303.

15 Из рассказа Геродота создается впечатление, что после неудачного вторжения Дария в Скифию в 513 г., преследуя отступающего царя, скифы вторглись во Фракию, дойдя до Херсонеса Фракийского. Однако некоторые детали этого описания позволяют сделать вывод, что на самом деле скифское вторжение на Балканы имело место спустя значительный промежуток времени. Во-первых, Геродот ничего не сообщает о столкновении скифов, якобы преследующих отступающего Дария, с персами. Между тем, во Фракии Дарий оставил 80-тысячное войско во главе с Мегабазом, которое продолжало покорять фракийское побережье. Во-вторых, противостояние скифов персам, судя по описанию Геродота, должно было крайне негативно сказаться на скифском хозяйстве, а значит, жителям Северного Причерноморья требовалось какое-то время для того, чтобы восстановить экономику. Наконец, в-третьих, сам же Геродот связывает появление скифов на Фракийском Херсонесе с событиями Ионийского восстания 499-493 гг.: тиран Херсонеса Мильтиад Младший бежал при их приближении за три года до его повторного бегства уже от персов (493 г.), то есть в 496 г. (Hdt. VI, 83); скифы, собираясь вторгнуться в Азию, вели переговоры со спартанским царем Клеоменом, но спартанцы не поддержали эту идею и поход не состоялся (Hdt. VI, 83). Клеомен по преданию сошел с ума, научившись пить «по-скифски», не разбавляя вино водой, во время переговоров о совместных действиях против персов (Hdt. VI, 84) (Агбунов 1989: 170).

донянами[16]. Они могли заключить некое соглашение, скрепленное брачным союзом, по которому получали разрешение Дария или же признание Ахеменидами уже осуществившегося подчинения племен, еще недавно покоренных персами на востоке Фракии[17].

Гипотетический союз одрисов с Ахеменидами объясняет одну проблему, связанную с организацией сатрапии Скудра. Одним из доводов Н. Хаммонда в пользу того, что сатрапия должна была включать в свои границы также внутренние районы страны, служит отсутствие постоянных крупных военно-морских сил в регионе. По мнению исследователя, без флота контролировать приморские территории можно только при условии того, что внутренние территории также контролировались персидской администрацией (КИДМ. Т. IV: 299-301). Н. Хаммонд упускает из виду прямое указание Геродота, что персам были неподконтрольны внутренние горные районы страны, даже непосредственно примыкавшие к побережью (Hdt. V, 16; VII, 111). Заключение союза с одрисами решало проблему безопасности персидских опорных баз во Фракии.

После Марафона в Греко-персидских войнах наступает перерыв в 10 лет, во время которого персы были заняты подавлениями восстаний, укреплением власти нового царя Ксеркса, сменившего Дария, умершего в 486 г. (Дандамаев 1985: 132 и след.). Наконец, к 480 г. персы вновь были готовы к большому походу в Элладу. Во главе огромной армии, насчитывавшей по словам Геродота 1 млн. человек, Ксеркс и его главнокомандующий Мардоний двинулись в Европу.

В первую очередь было приказано подготовить инфраструктуру для наступающего из Азии флота и армии. На больших реках, таких как Стримон, строились мосты, был прорыт канал на Афонском перешейке, вдоль фракийского побережья построена дорога, а в крупных персидских крепостях во Фракии (Левке Акте, Тиродизе у Перинфа, Дориске, Эионе на Стримоне), а также в Македонии созданы продовольственные склады (Hdt. VII, 22-25). Херсонес Фракийский и Азия были соединены понтонным мостом, по которому огромная персидская армия переправилась в Европу (Hdt. VII, 55-115). Это пространное описание позволяет нам наглядно представить, что собой представляла «сатрапия Скудра» после похода Мардония. Описание этого маршрута дает нам наиболее полное представление о границах европейских владений Ксеркса накануне вторжения в Элладу. Кроме того, оно позволяет нам представить себе расселение фракийских племен вдоль эгейского побережья. Для нас важно, что в списке покоренных племен отсутствуют одрисы[18].

Неудача Ксеркса в Элладе показала сколь ненадежным было положение персов во Фракии. С весьма неприятными для своего самолюбия моментами столкнулся уже Великий царь, когда возвращался после поражения при Саламине в Азию, оставив в Элладе крупный воинский контингент во главе с Мардонием. На обратном пути войску приходилось добывать пропитание силой. Воины страдали от эпидемий, а в добавок ко всему у Великого царя украли священную колесницу, которую он оставил в пеонском городе Сирисе (Hdt. VIII, 115). По словам пеонов, колесницу и прилагавшихся к ней коней украли фракийцы, живущие у истоков Стримона. В связи с этим сообщением интересно рассмотреть несколько монет фракийских племен орресков,

16 Македония сохраняла в составе державы Ахеменидов значительную долю независимости. При Дарии были оформлены какие-то союзнические отношения македонян с Ахеменидами, скрепленные браком дочери царя Аминты со знатным персом Бубаром, возглавлявшим персидское посольство в Македонию (Hdt. VIII, 136). Позднее царь Александр I получил от персидского царя Ксеркса разрешение на подчинение всех фракийских земель до реки Стримон (Just. VII, 4, 1). Наиболее вероятно, что мандат на завоевание соседних фракийских областей Александр получил от Ксеркса после того, как власть персов в этом регионе была фактически ликвидирована, поскольку во время вторжения Ксеркса в Элладу и после его отступления захваченные македонянами земли были еще независимыми от македонского царя. При отступлении персидского войска македоняне, в отличие от тех же фракийцев, сохранили свою лояльность Ахеменидам (Hdt. VIII, 126; IX, 89). Это могло стать причиной того, что Великий царь предпочел иметь дело на этом участке своих потерянных владений с одним проперсидски настроенным властителем. О Македонии в период господства Ахеменидов: Саракински 2013: 115 след. Двумя десятилетиями ранее аналогичная ситуация сложилась на восточном побережье Фракии. После того, как персидская власть над западнопонтийским побережьем пала, одрисы могли воспользоваться положением союзников Ахеменидов, как и цари Македонии, для укрепления своей власти над племенами внутренних областей Фракии (Топалов 2014: 365 и след.).

17 В нашем распоряжении нет прямых указаний на династический союз между одрисами и персами, однако косвенные доводы в пользу этого есть. 1) Предполагать нечто подобное можно, исходя из самой дипломатической практики того времени и конкретных примеров из истории Македонии и одрисов (Hdt. IV, 80; Hdt. V, 21; Thuc. II, 101, 5), однако эти примеры указывают, что скорее одрисы бы выдали свою царевну за персидского аристократа. Впрочем, исключать того, что одной из жен одрисского царя (Тереса?) могла стать знатная персиянка, также нельзя. 2) След гипотетического брачного союза с представительницей персидской аристократии возможно был обнаружен в одной из гробниц близ погребального комплекса у с. Дуванлий. В ранних женских погребениях были обнаружены изящные персидские сосуды и бижутерия из драгоценных металлов, а в погребении близ с. Даскал Атанасовского района Старозагорской области были обнаружены два золотых фиала персидского происхождения, датируемые серединой VI в. 3) Царские имена. С персидским (шире – иранским) влиянием некоторые исследователи связывают появление целого ряда т.н. «царских имен». К ним относятся «Спарадок», «Спарток», «Медок, «Амадок», «Садок», «Берисад» («Перисад»), «Садал», «Сараток». В отношении некоторых имен, у которых предполагается иранское происхождение, существуют другие варианты, например, «Берисад/Перисад» рядом исследователей считается фракийским именем. А главное, фракийские «царские имена» не встречаются в таком же виде у персов (исключение, сомнительная связь между именем «Берисад/Перисад» и именем персидской царицы вавилонского происхождения Парисатиды) (Гиндин 1981: 62-63; Крыкин 1993: 78-79; Тачева 2006: 25).

18 В нее входили петы на берегу залива Мелас до устья Гебра, затем киконы на равнине к западу от Гебра, бистоны у Абдер и Бистонского озера, сапеи и дерсеи (видимо занимавшие соответственно земли к востоку и западу от устья Неста), эдоны (Hdt. VII, 110). Далее на запад от Стримона власть персов признавали области Бисальтия, Крестония, Мигдония, полуостров Халкидика и Македонское царство (Hdt. VII, 115, 122-124). Ксеркс вел за собой все подвластные племена и народы, в частности, к персам присоединились кроме фракийцев и жителей прибрежных полисов, жители Халкидики (Hdt. VII, 122) и царь Македонии Александр I (Hdt. VII, 173; VIII, 34). Однако в этом списке мы не встретим названия племен к северу от Пропонтиды и к востоку от Гебра: апсинтиев-корпилов, кенов, финов, нипсеев, скирмиадов, гетов и других. Это указывает на то, что часть этих племен, покоренных Дарием, так и не вернулась под персидскую власть, о чем мы уже говорили выше, а другие (апсинтии) возможно никогда эту власть не признавали.

ихнов и тинтенов, на которых изображен воин (вождь?) держащий за узду вздыбленного коня. Эти монеты отличаются своей иконографией от основной массы монет этих племен. В случае орресков и тинтенов имеется только один тип с этим изображением, у ихнов – две серии монет. На наш взгляд (насколько нам известно, эта мысль еще не озвучивалась в литературе), на монетах может быть изображено именно похищение коней Великого царя персов, несомненно яркое событие, достойное того, чтобы его запечатлеть, особенно в условиях противостояния фракийцев персидскому завоеванию. Таким образом, мы можем уточнить кем были дерзкие «фракийцы, живущие у истоков Стримона», а также уточнить место обитания этих трех племен, известных лишь по монетам. Наша догадка приобретает еще больший вес, ввиду того, что С. Топалов иным образом пришел к выводу, что оррески обитали приблизительно в том же регионе (Топалов 2014: 87).

Надо отметить, что еще во время похода на Элладу во Фракии проявлялись признаки неповиновения. Геродот приводит следующий эпизод, демонстрирующий настроения как минимум части фракийской элиты: царь бисальтов и крестонеев запретил своим сыновьям принимать участие в походе Ксеркса, но они ослушались, за что позднее он ослепил их (Hdt. VIII, 116). Это сообщение интересно по целому ряду причин. Во-первых, мы узнаем, что под властью персов находится некий царь-фракиец, правивший двумя племенными группами – бисальтами и крестонами. Бисальты были весьма развитым фракийским племенем, владели серебряными рудниками и чеканили свою монету. Во-вторых, мы узнаем, что он отказался признавать над собою власть Ксеркса и запретил своим сыновьям участвовать в походе персов на греков. В-третьих, «Царь-фракиец» имел возможность демонстративно наказать сыновей-ослушников, несмотря на присутствие где-то неподалеку персидских войск, персидских наместников, а возможно и самого Великого царя. Поступок сыновей свидетельствует о том, что часть фракийской элиты поддерживала персидское господство. Молодое поколение видело в этом возможность прославиться. О том, что эти настроения были широко распространены во фракийском обществе можно судить по тому, что в последствии, опираясь на местное население, упорное сопротивление грекам оказали персидские крепости Эйон на Стримоне (Hdt. VII, 107) и Дориск (Hdt. VII, 106).

Ситуация во Фракии обострилась повсеместно после разгрома персов при Платеях. Остатки персидского войска, отступающие во главе с Артабазом, по пути к Византию, где они переправились в Азию, несли потери от постоянных нападений фракийцев (Hdt. IX, 89)[19]. Своеобразную символическую точку персидскому господству во Фракии поставили апсинтии, перебив людей персидского наместника Эобаза, бежавшего из осажденного афинянами Сеста. Самого наместника апсинтии принесли в жертву богу Плистору (Hdt. IX, 119). Этим же и Геродот оканчивает свою «Историю». Хотя во Фракии еще держались довольно долго несколько приморских крепостей, пути этой страны и державы Ахеменидов разошлись навсегда. Владения Великих царей во Фракии вскоре были фактически поделены между тремя усиливающимися державами – Одрисским царством, Македонией и Афинской архэ (Порожанов 2011: 11-12).

4. ПОСЛЕДСТВИЯ ПЕРСИДСКОГО ГОСПОДСТВА ВО ФРАКИИ

Весьма важен вопрос о степени влияния Ахеменидской державы на фракийцев. Как мы видели, в некоторых работах именно персидскому фактору отдается одна из ключевых ролей в развитии фракийской государственности (КИДМ. Т. VI. Полутом II: 527). Пеоны, «империя» которых была уничтожена Мегабазом, царь бисальтов и крестонеев, эдоны, ставшие вскоре жертвой Македонии, геты и другие племена, попавшие из-за персов сначала под удар скифов, а затем одрисов вряд ли бы согласились с тем, что персы сделали что-то хорошее для развития фракийского общества. Разве что Македония, больше всех выигравшая от персидского протектората. В других регионах персидская власть была либо кратковременной (черноморское побережье, возможно северное побережье Пропонтиды), либо ее не было там вовсе, как у одрисов. При этом, именно одрисам в большей степени приписывают это самое «персидское влияние». Исходя из данных письменной традиции можно скорее говорить о том, что фракийцы развивались скорее не благодаря, а вопреки персидскому влиянию.

Тем не менее, у персидского господства во Фракии была и обратная сторона, которая состоит в том, что ахеменидское завоевание, прервав прежнее поступательное развитие фракийской государственности в ряде регионов, привело в конечном итоге к формированию единого экономического пространства, интегрированного в экономические отношения с персидским Востоком. Зримым свидетельством этого явления служат так называемые «фрако-македонские» монеты[20].

Само появление этих монет служит свидетельством некоего нового уровня общественного развития местных племен. «Фракийско-македонские» монеты представляли собой серебряные слитки очень крупных номиналов (Юрукова 1992: 14). Справедливо предположение, что часть этих монет представляла собой дань, которую некоторые племена уплачивали Ахеменидам в форме золотых и серебряных изделий, слитков или монет. В пользу этого говорит состав кладов, в которых находят значительное число таких монет (КИДМ. Т. IV: 532). Важным также представляет-

19 Особенно любопытно, на фоне поражения персов в Элладе, что с полисами фракийского побережья, судя по сообщению Геродота, у Ксеркса таких проблем не возникло (Hdt. VIII, 117; VIII, 120; IX, 89). Движение против персов после ухода Ксеркса обнаружилось лишь в городах Халкидики – в Олинфе и Потидеи (Hdt. VIII, 126-129).

20 А. Фол отмечал, что это традиционное наименование по отношению к рассматриваемым ниже монетам, будет не верным. На территории Македонского царства того времени не было залежей серебра. Племена, чеканившие эти монеты в тот период, проживали за границами Македонии. Серебряные рудники находились на землях фракийцев и в Иллирии (КИДМ. Т. IV: 303).

ся то, что все основные фракийские источники серебра находились в пределах, подконтрольных персам: в Крестонии, Бисальтии, области у горы Пангей (Hdt. V, 17; VII, 112). Однако, следует отметить, что многие монеты выпускались от имени племен, живших достаточно далеко от границ сатрапии Скудра. Известны монеты пеонийских племен лееев на Верхнем Стримоне и дерронов на Среднем Аксии, на территории совр. Республики Северная Македония[21]. Оррески, известные своей активной чеканкой, локализуются между Нестом и верховьями Марицы (Топалов 2014: 87). Тинтены проживали где-то по соседству с дерронами или же их следует отождествить с иллирийским племенем, оставившим богатый погребальный комплекс в Требенище[22]. Нельзя не упомянуть также эмиссии монет типа «силен и нимфа» на обширных территориях в верхнем течении Марицы и Тунджи, которые мы связываем с одрисам. На монетах племена изображали богов или царей-жрецов с конями или волами, а также разнообразные дополнительные символы, которые сопровождались надписями греческими буквами на греческом языке. Они выполнялись вероятно греческими мастерами, услугами которых пользовались фракийцы и пеоны. Многие греческие полисы на побережье Халкидики и Фракии также уже чеканили свою монету (Златковская 1971: 179 и след.; Топалов 2014: 62 и след.). Учитывая географию распространения и хронологию чеканки, из этого вполне определенно можно сделать вывод, что чеканились эти монеты в первую очередь на экспорт, однако во внутренних областях можно отметить и использование их для внутреннего пользования. Учитывая крупные номиналы, речь явно должна идти об использовании их как удобного средства накопления богатства органами племенного управления, превращавшихся в государственные, и отдельными лицами, семьями или родами[23]. Закономерно, что после формирования европейской сатрапии выпуск монет стал более масштабным.

Появление денег в македонско-фракийском регионе и широкое распространение их на западе Персидской империи свидетельствуют о том, что этот богатый природными ресурсами регион под властью Ахеменидов стал «частью стабильного торгового сообщества, которое включало долину Дуная, северную Эгеиду, Черное море и значительную часть Малой Азии; а за пределами этих регионов товары, прежде всего серебро, отправлялись в западном направлении через Требениште на юг Италии, через Дунайскую долину во внутренние районы Адриатического побережья, через Черное море на Кавказ, Иран и далее на восток, а также по морю в материковую Грецию, Левант и Египет»[24]. Во Фракию хлынули потоком деньги греческих полисов, главным образом Кизика и Париона (Златковская 1971: 72 и след.). Как отмечают специалисты, последняя четверть VI в. стала началом фазы заметного процветания (Блаватская 1952: 64-66).

Выстраивая систему управления в своих европейских владениях, Ахемениды явно предпочитали опираться на македонскую и фракийскую элиту, не доверяя греческим полисам на побережье[25]. Вероятно, часть владений пеонов получили также фракийские династы, ранее подчинявшиеся пеонам или страдавшие от их экспансии: эдоны вернули Мигдонию, бисальты получили Крестонию (Thuc. II. 99, 4, 6; Strab. VII, fr. 11). Не малую роль, по мнению исследователей, здесь должна была сыграть и определенная ментальная близость фракийско-македонской и персидской знати[26]. Тем не менее, не стоит преувеличивать роль персов в формировании экономического положения аристократии и ее образа жизни, наполненного роскошью и блеском, зримым свидетельством которого служили гробницы царей и знати, наполненные изделиями из драгоценных металлов. Как уже было сказано выше, с появлением персов количество этих роскошных погребений увеличива-

21 Вероятно, крупнейшего пеонийского племени, сохранившего независимость и ставших основой будущего Пеонийского царства (Топалов 2014: 68).

22 Н. Хаммонд отождествляет это племя с иллирийцами – атинатанами и перисадиестами, которые, по его мнению, контролировали серебряные рудники Дамастии (КИДМ. Т. VI. Полутом I: 507).

23 О функциях денег у греков и фракийцев в этот период: КИДМ. Т. IV: 519 и след.

24 Никогда прежде торговый обмен между фракийцами с греками и Востоком не достигали такого уровня. Персы связали фракийское побережье дорогами, мостами и построили Афонский канал. Огромные массы рабочих, задействованных при строительстве этих объектов (Hdt. VII, 23), а также персидские гарнизоны, расположенные вдоль всего побережья (Hdt. VII, 25), нуждались в продовольствии. Покоренные фракийцы кроме того должны были выплачивать дань персидским царям. Все это стимулировало сельскохозяйственное производство. Рост экономики неизбежно должен был отразиться на торговле с греческими полисами. Большую роль в развитии фракийской торговли играли в этот период полисы на западном побережье Черного моря (КИДМ. Т. IV: 304-308).

25 Мы знаем, что цари Македонии существенно расширили свои владения, опираясь на персидское покровительство. Часть фракийской знати, так же как македоняне, вероятно поддерживала персидское господство, примеры чему мы видели выше. Судя по всему, тесно сотрудничали с Ахеменидами эдоны, на землях которых находилась персидская крепость Эйон, и киконы, жившие вокруг крепости Дориск. Прямо об этом свидетельствует описание осады Эйона афинским полководцем Кимоном: он смог взять крепость, лишь после того, как нанес удар по фракийцам, доставлявших персам хлеб, и изгнать их с собственной земли (Plut. Kimon. VII) (КИДМ. Т. IV: 304).

26 Художественные вкусы и образ жизни фракийцев были гораздо ближе к Малой Азии и персам. С появлением персов в Европе в конце VI в. значительно возрастает число огромных гробниц с дарами в виде золотых и серебряных сосудов, бронзовых шлемов и панцирей. Самые ранние экземпляры сосудов, созданных около 500-475 гг. до н.э. под несомненным влиянием персидских образцов, были найдены в царском кургане Кукова Могила близ г. Дуванлий, во внутренней Фракии, в верхнем течении Гебра. Как было показано выше, эти земли не входили в границы сатрапии Скудра. Персидское влияние видят в фиалах, ушных кольцах из Куковой Могилы и Мушовицы, золотых пекторалях с летящими птицами из Мушовицы, в серебряных поножах из Врацы. И. Венедиков и Т. Герасимов отмечали, что персидские мотивы и предметы оказали сильное влияние на фракийское искусство, которое заимствовало на Востоке идеи еще в доахеменидский период. Персидское влияние в Европе породило художественные импульсы, надолго определивших пути развития фракийского искусства. По мнению ряда исследователей, персидское влияние во Фракии и Македонии также проявилось в образе жизни местной аристократии, подражавшей персидской знати на охоте и в войне, в обычаях придворной жизни, разведении лошадей нисейской породы (Венедиков, Герасимов 1973: 127 и след.; КИДМ. Т. IV: 304-305; Тачева 2006: 25).

ется, но появляются они гораздо раньше[27]. Обширные торговые связи способствовали дальнейшему обогащению фракийско-македонской аристократии. Это стало возможным благодаря высокому экономическому уровню региона, который был достигнут в период существования персидской сатрапии в Европе. Изгнание персов в ходе Греко-персидских войн и экспансия Афинской архэ с одной стороны и Македонии с другой привели к разрушению этой процветающей торгово-экономической системы[28].

Подводя итог, следует отметить, что с одной стороны персидское завоевание Фракии сокрушило гегемонию пеонов и ослабило гетов. При Ксерксе, вероятно, были ослаблены в какой-то степени фракийские «царства» эдонов и бисальтов. Однако, с другой стороны, под господством Ахеменидов в регионе был установлен долгосрочный мир, что позволило развиться экономике, укрепить положение аристократии и в конечном итоге, установить период процветания, который активизировал развитие социальных, экономических и политических отношений. Это благоприятно сказывалось и на территориях, прилегающих к сатрапии с запада, севера и северо-востока. В том числе на одрисах. Персы не были причиной тех процессов, которые привели к появлению фракийских государств, но благодаря им были созданы благоприятные условия для развития тех процессов, которые происходили во фракийском обществе до прихода персов. В долгосрочной перспективе больше всего от присутствия персов в Европе выиграли македоняне и одрисы, воспользовавшиеся поражениями пеонов и гетов. Одрисы, как следует из источников, не подчинялись персам. Их земли, находящиеся в глубине материка, не были подконтрольны персидской администрации. Но, после изгнания персов из Европы, именно они заняли большую часть бывших владений Ахеменидов во Фракии.

27 Ярким примером такого рода являются погребения фракийской знати в совр. Синдосе, в греческой Македонии. С самого своего возникновения в конце VI в. Синдос становится важным торговым центром, имеющим связи с материковой Элладой, Ионией и Родосом. Украшения, произведения искусства и оружие погребений из Синдоса демонстрируют, что персидское влияние на искусство и художественные вкусы здесь отсутствует, несмотря на тесные связи с персами, которые несомненно существовали в период расцвета Синдоса. Это подтверждает, что персы застали общество, в котором процессы выделения знати формирования государственности уже шли полным ходом (КИДМ. Т. IV: 305 и след.).

28 Общий кризис экономики, наступивший после изгнания персов из Европы, сказался в том числе и на греческих полисах побережья вплоть до Черного моря, и на иллирийских племенах совр. Албании. Вплоть до эллинистического периода, территория бывшей сатрапии Скудра не смогла достичь столь высокого уровня материального благополучия (КИДМ. Т. IV: 307).

ЛИТЕРАТУРА

Агбунов 1989 - Агбунов М.В. Путешествие в загадочную Скифию. М., 1989.

Блаватская 1952 - Блаватская Т.В. Западнопонтийские города в VII-I веках до н.э. М., 1952.

Борза 2013 - Борза Ю.Н. История Античной Македонии (до Александра Великого). СПб., 2013.

Венедиков, Герасимов 1973 - Венедиков И., Герасимов Т. Тракийското изкуство. София, 1973.

Габелко 2005 - Габелко О.Л. История Вифинского царства. СПб., 2005.

Гиндин 1981 - Гиндин Л.А. Древнейшая ономастика Восточных Балкан (фрако-хетто-лувийские и фрако-малоазийские изоглоссы). София, 1981.

Дандамаев 1985 - Дандамаев М.А. Политическая история Ахеменидской державы. М., 1985.

Данов 1946-1947 - Данов Хр. Към историята на Беломорска Тракия през елинистическата епоха // Исторически преглед. Volume III. 1946-1947.

Данов 1969 - Данов Хр. Древна Тракия. София, 1969.

Данов 1982 - Данов Хр. Траки. София, 1982.

Делев 2002 - Делев П. Районът на Средна Места в древността // Копривлен. Т. 1. Спасителни археологически проучвания по пътя Гоце Делчев – Драма 1998-1999 г. София, 2002.

Делев 2008 - Делев П. Надгробните могили при Симеоновград, Одриското царство и тракийските племена в долината на Хеброс // Спасителни археологически разкопки по трасето на железопътната линия Пловдив-Свиленград през 2005 г. Велико Търново, 2008.

Делев 2010 - Делев П. Някои проблеми на етнонимията в централна и югоизточна Тракия // Югоизточна България през II-I хилядолетие пр. Хр. Варна, 2010.

Делев 2012 - Делев П. Тракийските беси // Годишник на Софийския университет „Св. Климент Охридски“, Исторически факултет. 2012. № 100.

Златковская 1971 - Златковская Т.Д. Возникновение государства у фракийцев VII-V вв. до н.э. М., 1971.

Издмирски 2008 - Издмирски М. Персийската администрация в древна Тракия // Анали. 2008. № 2-4.

Йорданов 2001 - Йорданов С. «Терес, пръв могъщ базилевс на одрисите…» (Към проблема за формирането на Одриското царство) // Палеобалканистика и старобългаристика. Втори есенни международни четения «Професор Иван Гълъбов». Велико Търново, 2001.

Кацаров 1926 - Кацаров Г. България в древността. Историко-археологически очерк. София, 1926.

КИДМ. Т. III. Ч. 3 - Кембриджская история Древнего мира. Т. III. Ч. 3. Расширение греческого мира. VIII-VI века до н.э. / Под редакцией Дж. Бордмэна и Н.-Дж.-Л. Хэммонда. Перевод с английского А.В. Зайкова. М., 2007.

КИДМ. Т. IV - Кембриджская история Древнего мира. Т. IV. Персия, Греция и Западное Средиземноморье ок. 525-479 гг. до н.э. / Под редакцией Дж. Бордмэна, Н.-Дж.-Л. Хэммонда, Д.-М. Льюиса, М. Оствальда. Перевод с английского А.В. Зайкова. М., 2017.

КИДМ. Т. VI. Полутом I - Кембриджская история Древнего мира. Т. VI. Полутом I. Четвертый век до нашей эры / Под редакцией Д.-М. Льюиса, Дж. Бордмэна, С. Хорнблоуэра, М. Оствальда. Перевод с английского А.В. Зайкова. М., 2017.

КИДМ. Т. VI. Полутом II - Кембриджская история Древнего мира. Т. VI. Полутом II. Возвышение Македонии / Под редакцией Д.-М. Льюиса, Дж. Бордмэна, С. Хорнблоуэра, М. Оствальда. Перевод с английского А.В. Зайкова. М., 2017.

Крыкин 1993 - Крыкин С.М. Фракийцы в античном Северном Причерноморье. М., 1993.

Михайлов 1972 - Михайлов Г. Траките. София, 1972.

Попов 2009 - Попов Д. Древна Тракия. История и культура. София, 2009.

Порожанов 2011 - Порожанов К. Одриското царство, полисите по неговите крайбрежия и Атина от края на VI век до 341 г.пр.хр. Благоевград, 2011.

Сапрыкин 2018 - Сапрыкин С.Ю. Древнее Причерноморье. М.; СПб., 2018.

Саракински 2013 - Саракински В. PERSOMACEDONICA. Македонија и Персија пред Александар. Скопје, 2013.

Софокл 1990 - Софокл. Драмы / Перевод Ф.Ф. Зелинского, О.В. Смыки и В.Н. Ярхо. Под редакцией М.Л. Гаспарова и В.Н. Ярхо. М., 1990.

Суриков 2005 - Суриков И.Е. Политики в контексте эпохи: архаика и ранняя классика. М., 2005.

Тачева 2006 - Тачева М. Царете на древна Тракия. Книга първа. София, 2006.

Ткачук 1999 - Ткачук М.Е. Гетика, которую мы потеряли. Из антологии хронологических разрывов // Stratum plus. 1999. № 3.

Топалов 1994 - Топалов С. Одриското царство от края на V до средата на IV в. пр. н.е. Приноси към проучване на монетосеченето и историята му. София, 1994.

Топалов 1998 - Топалов С. Племена и владетели от земите на Одриското царство и граничните му югозападни територии от края VI до средата на IV в. пр. н.э. приноси към проучване монетосеченето и историята на Древна Тракия. София, 1998.

Топалов 2001 - Топалов С. Приноси към проучване монетосеченето и историята в земите на Източна Тракия от края на IV в. пр. н.е. до края на III в. пр. н.е. София, 2001.

Топалов 2006 - Топалов С. Към политическата история на Одриското царство от края на VI до средата на IV в. пр. н.е. Ч. I. София, 2006.

Топалов 2014 - Топалов С. Към политическата история на Одриското царство от края на VI до средата на IV в. пр. н.е. Ч. II. София, 2014.

Фол 1972 - Фол А. Политическа история на траките. София, 1972.

Фол 1975 - Фол А. Тракия и Балканите през ранноелинистическата епоха. София, 1975.

Фол, Спиридонов 1983 - Фол А., Спиридонов Т. Историческа география на тракийските племена до III в. пр. н.е. София, 1983.

Цветкова 2018 - Цветкова Ю. ГИС и тракология. Приложения на Географските информационни системи в изследванията на тракийската история. София, 2018.

Шофман 1960 - Шофман А.С. История Античной Македонии. В двух частях. Ч. I. Казань, 1960.

Юрукова 1992 - Юрукова Й. Монетите на тракийските племена и владетели. Т. I. София, 1992.

Archibald 1998 - Archibald Z. The Odrisian Kingdom of Thrace. Orpheus Unmasked. Oxford, 1998.

Bacheva 2012 - Bacheva G.D. Detecting a satrapy: The Skudra case // Thracia. Volume XX. София, 2012.

Delev 2007 - Delev P. The Edonians // Thracia. 2007. Volume 17 (In honorem annorum LX Cirili Yordanov).

Delev 2009 - Delev P. Once More on the Thracian Strategies of Claudius Ptolemy // Сборник в памет на професор Велизар Велков. София, 2009.

Merker 1965 - Merker I.L. The Ancient Kingdom of Paionia // Balkan Studios. Volume VI. 1965.

Petrova 1999 - Petrova E. Paeonia in the 2nd and the 1st millennia BC. Skopje, 1999.

Rostovtzeff 1941 - Rostovtzeff M. The Social and Economic History of the Hellenistic World. Oxford, 1941.

Stronk 1995 - Stronk J.P. The Ten Thousand in Thrace. An archaeological and historical commentary on Xenophon`s Anabasis, books VI – iii-vi – VII. Amsterdam, 1995.

Vasilev 2015 - Vasilev M.I. The Policy of Darius and Xerxes towards Thrace and Macedonia. Leiden, 2015.

REFERENCES

Agbunov 1989 - Agbunov M.V. Puteshestvie v zagadochnuyu Skifiyu [Journey to the mysterious Scythia], Moscow, 1989 [in Russian].

Archibald 1998 - Archibald Z. The Odrisian Kingdom of Thrace. Orpheus Unmasked, Oxford, 1998 [in English].

Bacheva 2012 - Bacheva G.D. Detecting a satrapy: The Skudra case, in: Thracia, Volume XX, Sofia, 2012 [in English].

Blavatskaya 1952 - Blavatskaya T.V. Zapadnopontijskie goroda v VII-I vekah do n.e. [Western Pontic cities in the 7th-1st centuries BC], Moscow, 1952 [in Russian].

Borza 2013 - Borza YU.N. Istoriya Antichnoj Makedonii (do Aleksandra Velikogo) [History of Ancient Macedonia (before Alexander the Great)], St. Petersburg, 2013 [in Russian].

Cvetkova 2018 - Cvetkova YU. GIS i trakologiya. Prilozheniya na Geografskite informacionni sistemi v izsledvaniyata na trakijskata istoriya [GIS and thracology. Applications of Geographic Information Systems in the Research of Thracian History], Sofiya, 2018 [in Bulgarian].

Dandamaev 1985 - Dandamaev M.A. Politicheskaya istoriya Ahemenidskoj derzhavy [Political history of the Achaemenid state], Moscow, 1985 [in Russian].

Danov 1946-1947 - Danov Hr. Kom istoriyata na Belomorska Trakiya prez elinisticheskata epoha [To the history of White Sea Thrace during the Hellenistic era], in: Istoricheski pregled [Historical review], Volume III, 1946-1947 [in Bulgarian].

Danov 1969 - Danov Hr. Drevna Trakiya [Ancient Thrace], Sofiya, 1969 [in Bulgarian].

Danov 1982 - Danov Hr. Traki [Thracians], Sofiya, 1982 [in Bulgarian].

Delev 2002 - Delev P. Rajonot na Sredna Mesta v drevnostta [The area of Sredna Mesta in antiquity], in: Koprivlen. T. 1. Spasitelni arheologicheski prouchvaniya po potya Goce Delchev – Drama 1998-1999 g. [Nettle. Volume 1. Rescue archeological excavations on the road Gotse Delchev – Drama 1998-1999], Sofiya, 2002 [in Bulgarian].

Delev 2007 - Delev P. The Edonians, in: Thracia, Volume 17 (In honorem annorum LX Cirili Yordanov), Sofia, 2007 [in English].

Delev 2008 - Delev P. Nadgrobnite mogili pri Simeonovgrad, Odriskoto carstvo i trakijskite plemena v dolinata na Hebros [The tombs near Simeonovgrad, the Odrysian kingdom and the Thracian tribes in the valley of Hebros], in: Spasitelni arheologicheski razkopki po traseto na zhelezopotnata liniya Plovdiv-Svilengrad prez 2005 g. [Rescue archeological excavations along the route of the Plovdiv-Svilengrad railway line in 2005], Veliko Tornovo, 2008 [in Bulgarian].

Delev 2009 - Delev P. Once More on the Thracian Strategies of Claudius Ptolemy, in: Sbornik v pamet na profesor Velizar Velkov [Collection in memory of Professor Velizar Velkov], Sofia, 2009 [in English].

Delev 2010 - Delev P. Nyakoi problemi na etnonimiyata v centralna i yugoiztochna Trakiya [Some problems of ethnonymy in central and southeastern Thrace], in: YUgoiztochna Bolgariya prez II-I hilyadoletie pr. Hr. [Southeastern Bulgaria in the II-I millennium BC.], Varna, 2010 [in Bulgarian].

Delev 2012 - Delev P. Trakijskite besi [The Thracian rages], in: Godishnik na Sofijskiya universitet „Sv. Kliment Ohridski“, Istoricheski fakultet [Yearbook of Sofia University "St. Kliment Ohridski", Faculty of History], 2012, № 100 [in Bulgarian].

Fol 1972 - Fol A. Politicheska istoriya na trakite [Political history of the Thracians], Sofiya, 1972 [in Bulgarian].

Fol 1975 - Fol A. Trakiya i Balkanite prez rannoelinisticheskata epoha [Thrace and the Balkans during the Early Hellenistic era], Sofiya, 1975 [in Bulgarian].

Fol, Spiridonov 1983 - Fol A., Spiridonov T. Istoricheska geografiya na trakijskite plemena do III v. pr. n.e. [Historical geography of the Thracian tribes until the 3rd century BC.], Sofiya, 1983 [in Bulgarian].

Gabelko 2005 - Gabelko O.L. Istoriya Vifinskogo carstva [History of the Bithinian kingdom], St. Petersburg, 2005 [in Russian].

Gindin 1981 - Gindin L.A. Drevnejshaya onomastika Vostochnyh Balkan (frako-hetto-luvijskie i frako-maloazijskie izoglossy) [The most ancient onomastics of the Eastern Balkans (Thraco-Hittite-Luwian and Thraco-Asia Minor isoglosses)], Sofiya, 1981 [in Russian].

Izdmirski 2008 - Izdmirski M. Persijskata administraciya v drevna Trakiya [The Persian administration in ancient Thrace], in: Anali [Annals], 2008, № 2-4 [in Bulgarian].

Jordanov 2001 - Jordanov S. «Teres, prev mogoshch bazilevs na odrisite…» (Kom problema za formiraneto na Odriskoto carstvo) [«Teres, the first powerful basileus of the Odrysians…» (On the problem of the formation of the Odrysian kingdom)], in: Paleobalkanistika i starobolgaristika. Vtori esenni mezhdunarodni cheteniya «Profesor Ivan Galabov» [Paleo-Balkan studies and Old Bulgarian studies. Second Autumn International Readings "Professor Ivan Galabov"], Veliko Tornovo, 2001 [in Bulgarian].

Kacarov 1926 - Kacarov G. Bolgariya v drevnostta. Istoriko-arheologicheski ocherk [Bulgaria in antiquity. Historical and archaeological essay], Sofiya, 1926 [in Bulgarian].

KIDM. T. III. CH. 3 - Kembridzhskaya istoriya Drevnego mira. T. III. CH. 3. Rasshirenie grecheskogo mira. VIII-VI veka do n.e. / Pod redakciej Dzh. Bordmena i N.-Dzh.-L. Hemmonda. Perevod s anglijskogo A.V. Zajkova [The Cambridge History of the Ancient World. Volume III. Part 3. Expansion of the Greek world. VIII-VI centuries BC / Under. edited by J. Boardman and N.-J.-L. Hammond. Translated from English by A.V. Zaikov], Moscow, 2007 [in Russian].

KIDM. T. IV - Kembridzhskaya istoriya Drevnego mira. T. IV. Persiya, Greciya i Zapadnoe Sredizemnomor'e ok. 525-479 gg. do n.e. / Pod redakciej Dzh. Bordmena, N.-Dzh.-L. Hemmonda, D.-M. L'yuisa, M. Ostval'da. Perevod s anglijskogo A.V. Zajkova [The Cambridge History of the Ancient World. Volume IV. Persia, Greece and the Western Mediterranean approx. 525-479 BC. / Edited by J. Boardman, N.-J.-L. Hammond, D.-M. Lewis, M. Ostwald. Translated from English by A.V. Zaikov], Moscow, 2017 [in Russian].

KIDM. T. VI. Polutom I - Kembridzhskaya istoriya Drevnego mira. T. VI. Polutom I. CHetvertyj vek do nashej ery / Pod redakciej D.-M. L'yuisa, Dzh. Bordmena, S. Hornblouera, M. Ostval'da. Perevod s anglijskogo A.V. Zajkova [The Cambridge History of the Ancient World. Volume VI. Half-turn I. Fourth century BC / Edited by D.-M. Lewis, J. Boardman, S. Hornblower, M. Ostwald. Translated from English by A.V. Zaikov], Moscow, 2017 [in Russian].

KIDM. T. VI. Polutom II - Kembridzhskaya istoriya Drevnego mira. T. VI. Polutom II. Vozvyshenie Makedonii / Pod redakciej D.-M. L'yuisa, Dzh. Bordmena, S. Hornblouera, M. Ostval'da. Perevod s anglijskogo A.V. Zajkova [The Cambridge History of the Ancient World. Volume VI. Halfway II. The Rise of Macedonia / Edited by D.-M. Lewis, J. Boardman, S. Hornblower, M. Ostwald. Translated from English by A.V. Zaikov], Moscow, 2017 [in Russian].

Krykin 1993 - Krykin S.M. Frakijcy v antichnom Severnom Prichernomor'e [Thracians in the antique Northern Black Sea region], Moscow, 1993 [in Russian].

Merker 1965 - Merker I.L. The Ancient Kingdom of Paionia, in: Balkan Studios, 1965, Volume VI [in English].

Mihajlov 1972 - Mihajlov G. Trakite [The Thracians], Sofiya, 1972 [in Bulgarian].

Petrova 1999 - Petrova E. Paeonia in the 2nd and the 1st millennia BC, Skopje, 1999 [in English].

Popov 2009 - Popov D. Drevna Trakiya. Istoriya i kul'tura [Ancient Thrace. History and culture], Sofiya, 2009 [in Bulgarian].

Porozhanov 2011 - Porozhanov K. Odriskoto carstvo, polisite po negovite krajbrezhiya i Atina ot kraya na VI vek do 341 g.pr.hr. [The kingdom of Odrys, the polises along its coasts and Athens from the end of the 6th century to 341 BC.], Blagoevgrad, 2011 [in Bulgarian].

Rostovtzeff 1941 - Rostovtzeff M. The Social and Economic History of the Hellenistic World, Oxford, 1941 [in English].

Saprykin 2018 - Saprykin S.YU. Drevnee Prichernomor'e [Ancient Black Sea region], Moscow; St. Petersburg, 2018 [in Russian].

Sarakinski 2013 - Sarakinski V. PERSOMACEDONICA. Makedonija i Persija pred Aleksandar [Macedonia and Persia before Alexander], Skopje, 2013 [in Macedonian].

SHofman 1960 - SHofman A.S. Istoriya Antichnoj Makedonii. V dvuh chastyah [History of Ancient Macedonia. In two parts], Part I, Kazan, 1960 [in Russian].

Sofokl 1990 - Sofokl. Dramy / Perevod F.F. Zelinskogo, O.V. Smyki i V.N. YArho. Pod redakciej M.L. Gasparova i V.N. YArho [Dramas], Moscow, 1990 [in Russian].

Stronk 1995 - Stronk J.P. The Ten Thousand in Thrace. An archaeological and historical commentary on Xenophon`s Anabasis, books VI – iii-vi – VII, Amsterdam, 1995 [in English].

Surikov 2005 - Surikov I.E. Politiki v kontekste epohi: arhaika i rannyaya klassika [Politics in the context of the era: archaism and early classics], Moscow, 2005 [in Russian].

Tacheva 2006 - Tacheva M. Carete na drevna Trakiya. Kniga perva [The kings of ancient Thrace. Book one], Sofiya, 2006 [in Bulgarian].

Tkachuk 1999 - Tkachuk M.E. Getika, kotoruyu my poteryali. Iz antologii hronologicheskih razryvov [The Getica We Lost. From an anthology of chronological breaks], in: Stratum plus, 1999, № 3 [in Russian].

Topalov 1994 - Topalov S. Odriskoto carstvo ot kraya na V do sredata na IV v. pr. n.e. Prinosi kom prouchvane na monetosecheneto i istoriyata mu [The kingdom of Odrys from the end of the 5th to the middle of the 4th century BC. Contributes to the study of coinage and its history], Sofiya, 1994 [in Bulgarian].

Topalov 1998 - Topalov S. Plemena i vladeteli ot zemite na Odriskoto carstvo i granichnite mu yugozapadni teritorii ot kraya VI do sredata na IV v. pr. n.e. prinosi kom prouchvane monetosecheneto i istoriyata na Drevna Trakiya [Tribes and rulers from the lands of the Odrysian kingdom and its border southwestern territories from the end of the 6th to the middle of the 4th century BC. contributes to the study of coinage and the history of Ancient Thrace], Sofiya, 1998 [in Bulgarian].

Topalov 2001 - Topalov S. Prinosi kom prouchvane monetosecheneto i istoriyata v zemite na Iztochna Trakiya ot kraya na IV v. pr. n.e. do kraya na III v. pr. n.e. [Contributions to the study of coinage and history in the lands of Eastern Thrace from the end of the IV century BC. until the end of the 3rd century BC.], Sofiya, 2001 [in Bulgarian].

Topalov 2006 - Topalov S. Kom politicheskata istoriya na Odriskoto carstvo ot kraya na VI do sredata na IV v. pr. n.e. [To the political history of the Odrysian kingdom from the end of the 6th to the middle of the 4th century BC.], Part I, Sofiya, 2006 [in Bulgarian].

Topalov 2014 - Topalov S. Kom politicheskata istoriya na Odriskoto carstvo ot kraya na VI do sredata na IV v. pr. n.e. [To the political history of the Odrysian kingdom from the end of the 6th to the middle of the 4th century BC.], Part II, Sofiya, 2014 [in Bulgarian].

Vasilev 2015 - Vasilev M.I. The Policy of Darius and Xerxes towards Thrace and Macedonia, Leiden, 2015 [in English].

Venedikov, Gerasimov 1973 - Venedikov I., Gerasimov T. Trakijskoto izkustvo [Thracian art], Sofiya, 1973 [in Bulgarian].

YUrukova 1992 - YUrukova J. Monetite na trakijskite plemena i vladeteli [The coins of the Thracian tribes and rulers], Volume I, Sofiya, 1992 [in Bulgarian].

Zlatkovskaya 1971 - Zlatkovskaya T.D. Vozniknovenie gosudarstva u frakijcev VII-V vv. do n.e. [The emergence of the state among the Thracians of the 7th-5th centuries. BC.], Moscow, 1971 [in Russian].

Анисимов Константин Александрович
– Учитель истории в МБОУ «Центр образования № 23» (Тула, Россия).

Konstantin Anisimov
– Teacher of history of the Center of education № 23 (Tula, Russia).

anisimov.cos@yandex.ru

О НЕДОПУСТИМОСТИ ДИЛЕТАНТИЗМА В ИСТОРИЧЕСКОЙ РАБОТЕ. РЕПЛИКА ПО ПОВОДУ СТАТЬИ: ГУБАРЕВ О.Л. К ДИСКУССИИ О ПЛЕМЕННЫХ СОЮЗАХ И ПОЛИТОГЕНЕЗЕ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН ДО РЮРИКА // NOVOGARDIA. 2020. № 2. С. 4-36

М.И. Жих
Российско-немецкий исторический семинар (Санкт-Петербург, Россия)
e-mail: max-mors@mail.ru
Scopus Author ID: 55358941500
Researcher ID: F-3154-2014
http://orcid.org/0000-0003-2212-6416
SPIN-код: 6149-3974

АВТОРСКОЕ РЕЗЮМЕ
В рецензии рассматривается статья О.Л. Губарева, посвящённая дискуссии о социально-политическом строе восточных славян предгосударственного времени. Показано, что статья написана на низком научном уровне и по этой причине не пригодна для академической дискуссии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: **политогенез, славяне, племенные союзы, историография, дилетантизм.**

UNACCEPTABILITY OF DILETANTISM IN HISTORICAL WORK. A REVIEW OF THE ARTICLE BY O.L. GUBAREV TO THE DISCUSSION OF TRIBAL UNIONS AND POLITOGENESIS OF THE EASTERN SLAVS BEFORE RYURIK // NOVOGARDIA. 2020. № 2. P. 4-36

Maksim Zhikh
The Public and Scientific Project «Russian-German Historical Seminar»
(Saint Petersburg, Russia)
e-mail: max-mors@mail.ru

ABSTRACT
The review criticizes the article by O.L. Gubarev which is devoted to the discussion of the socio-political system of the Eastern Slavs in the pre-state period. The work of O.L. Gubarev demonstrates a low level of scientific research and, for that reason, it is not suitable for academic discussion.

KEYWORDS: **politogenesis, Slavs, tribal unions, historiography, amateurism.**

История как наука о прошлом человечества обладает высокой социальной значимостью и привлекает интерес большого количества людей. Формирование широкого круга любителей истории – важный результат исторического просвещения общества. Среди любителей истории закономерно появляются те, кто, не удовлетворяясь, по тем или иным причинам, существующими работами историков, хочет и сам что-то сделать для развития историографии, а обилие журналов делает публикацию делом не сложным. Результат при этом получается двойственным. Некоторым любителям удаётся овладеть методологией научно-исторической работы на должном уровне, смотреть на вещи свежим взглядом, и создавать действительно интересные профессиональные работы (свежим примером такой работы является книга А. Пауля: Пауль 2016). Но, к сожалению, куда чаще желание высказаться существенно опережает у любителей истории проработку источни-

кового и историографического материала и умение корректно с ним работать. Это неумение «компенсируется» наивной убеждённостью в «сверхценности» своих идей, которые почему-то не принимают «окостеневшие» в своих догмах историки, что сопровождается поиском «врагов», политизацией научных вопросов и т.п.

В последние годы инженер-кораблестроитель О.Л. Губарев, увлекающийся древнерусской историей, активно публикует многочисленные работы по «варяжскому вопросу». Об одной из них, посвящённой уровню общественного развития восточных славян накануне сложения древнерусской государственности (Губарев 2020: 4-36), у нас и пойдёт речь. В своей статье О.Л. Губарев пытается доказать, что славянское общество накануне т.н. «призвания варягов» было крайне примитивным экономически, социально и политически, не имея каких-либо признаков перехода к государственности: у восточных славян, по мнению О.Л. Губарева, отсутствовали социальная иерархия, «племенные союзы» (и вообще какие-либо формы социально-политической организации уровнем выше «племени»), развитая военная организация, выделившийся слой знати и т.д. Своим развитием восточнославянское общество, согласно О.Л. Губареву, обязано культуртрегерской деятельности варягов Рюрика.

Характерно, что даже условные «норманисты», то есть историки, придерживающиеся мнения о значительности скандинавского вклада в политогенетические процессы Восточной Европы рубежа I-II тыс. н.э., в своём большинстве обычно решительно отмежёвываются от подобных взглядов[1], и тут О.Л. Губарев противостоит практически всей серьёзной актуальной историографии, предлагая вернуться к донаучным представлениям «норманистов» XVIII – начала XIX в., когда, например, А.Л. Шлёцер писал о восточных славянах: «Конечно, люди тут были, Бог знает с которых пор и откуда сюда зашли, но люди без правления, жившие подобно зверям и птицам, которые наполняли их леса; не отличавшиеся ничем, не имевшие никакого сношения с южными народами» (Шлёцер 1809: 419-420), что «кто знает, сколь долго пробыли бы они еще в етом состоянии, в етой блаженной для получеловека бесчувственности, ежели не были возбуждены» скандинавами (Шлёцер 1816: 179-180).

По словам О.Л. Губарева «говорить о “восточнославянской государственности” и “политогенезе” в дорюриковские времена не имеет смысла. Точнее, можно говорить об отсутствии восточнославянской государственности до Рюрика и о крайней заторможенности процесса политогенеза у восточных славян до появления его варягов» (Губарев 2020: 20).

Может ли быть так, что большинство историков, рассматривающих восточнославянское общество конца I тыс. н.э. как стоящее на пороге государственности, и ищущих истоки древнерусской общественной структуры во внутренних политогенетических процессах славянского мира, заблуждаются, будучи, на чём настаивает О.Л. Губарев, непрерывно подвержены влиянию политических факторов, в то время как А.Л. Шлёцер и его современный последователь, напротив, правы, будучи честными и объективными, далёкими от политики исследователями? В принципе, может. При условии, что это будет **корректно обосновано на основе анализа источников и историографии.**

Но собственный анализ источников в статье О.Л. Губарева отсутствует как таковой (при этом автор имплицитно исходит из полной доказанности своих положений), его текст представляет собой по большей части полемику против работ как ушедших (М.Н. Тихомиров, П.Н. Третьяков, Б.А. Рыбаков, В.В. Седов и т.д.), так ныне здравствующих (П.П. Толочко, Н.Ф. Котляр, М.Б. Свердлов, А.А. Горский, Е.А. Шинаков, автор этих строк и т.д.) историков.

Корректная научная полемика должна включать в себя следующие элементы:

(1) Корректное и целостное изложение позиции оппонента с пояснением того, на основе каких источников она построена (ибо рассматривать надо не абстрактные «теории», а стоящие за ними аргументы и анализ источников);

(2) Обоснование своего несогласия с позицией оппонента и объяснение причин разногласий на основе источников;

(3) Проведение собственного анализа источников с пояснением того, что именно было при анализе источников упущено оппонентом.

О.Л. Губаревым данные условия не выполняются в отношении ни одного из «критикуемых» им авторов. Из изложения О.Л. Губарева невозможно составить целостную картину позиции ни одного историка (её изложение подменяется случайными цитатами, выхваченными из контекста или мнениями по отдельным вопросам). Мы не узнаем, в чём состоит концепция и аргументация М.Н. Тихомирова, в чём состоит концепция и аргументация П.Н. Третьякова, в чём состоит концепция и аргументация Б.А. Рыбакова, в чём состоит концепция и аргументация В.В. Седова, в чём состоит концепция и аргументация П.П. Толочко, в чём состоит концепция и аргументация Н.Ф. Котляра, в чём состоит концепция и аргументация М.Б. Свердлова, в чём состоит концепция и аргументация А.А. Горского, в чём состоит концепция и аргументация Е.А. Шинакова, в чём состоит концепция и аргументация автора этих строк и других «критикуемых» инженером историков. Не узнаем, что между ними общего, и чем они различаются (а у всех перечисленных очень разные концептуальные подходы к восточнославянскому политогенезу).

Из изложения О.Л. Губарева невозможно понять, чем его не устраивает проводившийся «критикуемыми» им историками анализ источников. Нет у него и попыток проведения какого-либо собственного их анализа с объяснением того, что прежде упускалось оппонентами.

К сожалению, в тексте О.Л. Губарева целостный анализ источников и историографии полностью подменён

1 Так, согласно Д.А. Мачинскому, «все социально-экономические предпосылки для возникновения государственности имелись к IX в. и в чисто славянской среде» (Мачинский 1984: 19-20). По словам Н.Ф. Котляра, «об основополагающей роли варягов в создании государственности на Руси действительно писали некоторые историки и филологи в XVIII-XIX вв., но в наше время подобные взгляды не разделяет почти никто из специалистов» (Котляр 2007: 346).

общими риторическими рассуждениями, построенными таким образом, словно все его положения давно доказаны и не нуждаются ни в какой аргументации.

О.Л. Губарев настойчиво пытается политизировать чисто научные вопросы о славянском политогенезе и свести сложный и многогранный историографический процесс лишь к воздействию вненаучных факторов, выдавая при этом свои субъективные представления о ходе исторического развития славян за истину в последней инстанции.

Например, О.Л. Губарев регулярно говорит о некоем «удревнении» славян некоторыми учёными: «такой специалист по изучению культуры восточных славян, всячески стремящийся подчеркнуть их высокую культуру, как В.В. Седов» (Губарев 2020: 9); «в исторической науке в СССР имели место постоянные попытки историков-славистов удревнить славян, подчеркнуть их высокую культуру, доказать, что к IX в. восточные славяне стояли на пороге сложения государственности или что ранние формы государства у них уже существовали» (Губарев 2020: 10); «попытки удревнения славян, например, гипотеза Б.А. Рыбакова о Руси Кия… попытки Б.А. Рыбакова обосновать автохтонность праславян на данной территории, начиная с I тысячелетия до н.э.» (Губарев 2020: 11); «гипотеза о союзах племён у восточных славян была необходима для того, чтобы поддержать тезис о сложении государственности у восточных славян к VIII-IX вв. до появления варягов» (Губарев 2020: 15); «делалось всё, чтобы подчеркнуть высокую культуру и древность славян» (Губарев 2020: 16); «на деле эта “новая терминология” есть не что иное, как возврат к гипотезе П.Н. Третьякова и Б.А. Рыбакова сталинских времён (1950-е гг.) о славянских племенных союзах, в попытках всячески удревнить восточных славян и показать высокий уровень их культуры, а также то, что они стояли уже на пороге сложения государственности» (Губарев 2020: 20); «в не заявляемом прямо, но подразумевающемся желании возвысить культуру восточных славян, вопреки имеющимся археологическим и источниковедческим данным» (Губарев 2020: 21).

Полная некорректность подобных выпадов очевидна: проблемы происхождения славян, их расселения, темпов и уровня социально-политического развития славянского общества являются в науке остро-дискуссионными и не имеющими на данный момент однозначного решения. Соответственно, любые рассуждения об «удревнениях», «укорочениях», «завышениях», «занижениях» и т.д. являются не более, чем вненаучными спекуляциями и попыткой вненаучными методами дискредитировать оппонентов. Инженер О.Л. Губарев рассуждает так, словно ему известна «золотая середина», позволяющая похлопывать по плечу и отечески наставлять выдающихся историков. Если О.Л. Губарев считает, что советские учёные были не правы, то это надо предметно обосновывать анализом источников, а не многократным повторением одних и тех же политизированных филиппик.

Вообще, регулярные апелляции к политике, к сожалению, являются важной составной частью стиля О.Л. Губарева. Уже в начале статьи, констатируя в современной историографии «появление новых гипотез о политогенезе восточных славян, якобы стоявших на пороге сложения государственности к моменту появления варягов Рюрика», автор тут же намекает, что оно «может быть объяснено какими-то другими (видимо, политическими – М.Ж.) причинами» (Губарев 2020: 5-6). Между тем, в работах авторов этих «новых гипотез» (М.Б. Свердлова, А.А. Горского, Е.А. Шинакова, автора этих строк и т.д.), в отличие от работ О.Л. Губарева, нет не только никаких апелляций к политическим факторам, но даже и намёков на них. Характерно, что О.Л. Губарев не смог привести ни одного соответствующего примера.

Нагнетая истерию, О.Л. Губарев утверждает, что будто бы «отечественные историки, сторонники скандинавской гипотезы происхождения Руси, шельмовались, лишались работы, репрессировались, их труды не печатали» (Губарев 2020: 16). Хотелось бы знать, кто конкретно из отечественных историков был уволен с работы за то, что был сторонником скандинавской гипотезы происхождения Руси? Кто конкретно был репрессирован за отстаивание скандинавской гипотезы происхождения Руси? На сколько нам известно, таких фактов, кроме случая 1960 г. с отчислением из МГУ студента первого курса исторического факультета А.А. Амальрика (конкретные обстоятельства которого не вполне ясны[2]), не было. Зато есть конкретный пример административного давления на «антинорманистов», причём имевший место не «в те времена укромные, теперь почти былинные», а прямо на наших глазах: в 2011 году был уволен за свою научную позицию сторонник гипотезы о южнобалтийском происхождении варягов, ведущий научный сотрудник ИРИ РАН, В.В. Фомин. И мне ничего не известно о каком-либо возмущении О.Л. Губарева по этому поводу…

На самом деле, большинство советских учёных были сторонниками скандинавской гипотезы происхождения Руси, свободно излагали её во множестве работ, и именно она доминировала в советской науке (историографический обзор см.: Фомин 2018: 98-164; 2019: 60-97). Показательна в этом отношении книга В.В. Мавродина, вышедшая в 1945 году, то есть во время, по версии О.Л. Губарева, каких-то особых гонений на сторонников скандинавской гипотезы. В ней утверждается, что скандинавское происхождение династии «Рюриковичей», её окружение и связи «не могут быть взяты под сомнение», что «слишком зримо ощутимы следы норманнов в древней Руси для того, чтобы отрицать их роль в образовании и развитии Древнерусского государства», что весьма существенно значение «скандинавов в истории Руси», что «из имён членов семьи Игоря видно, что династия киевских князей, несомненно, норманского происхождения», что в X в. русские князья содержали многочисленные норманские дружины, что «в составе “русов” было большое число норманнов», что по рус-

2 А.А. Зимин так пишет об этом: «Однажды явился ко мне с рефератом о норманизме, в котором громил Рыбакова. Я ему сказал, что, конечно, может он и прав, но нужно учиться, и “гусарским наездом” истину не доказывают. Но, очевидно, систематическая учеба была ему не по нутру. Дальнейшая его жизнь – страница жизни нашей страны, а к истории нашей феодальной науки она уже отношения не имеет (курсив мой – М.Ж.)» (Зимин 2015: 234).

ским городам сидели варяжские конунги, что Сказание о призвании варягов повествует о приглашении одной скандинавской дружины для борьбы с другими скандинавами или с соседними местными племенами, что нет оснований отрицать большую роль варягов в деле создания государства у восточных славян, где они «выступают в роли катализаторов» (Мавродин 1945: 210, 225, 242, 245, 383-386, 388-389)[3]. Как видим, вполне себе классическая «скандинавская гипотеза» начала Руси.

Кому импонировала скандинавская гипотеза происхождения Руси, тот и в сталинские времена следовал скандинавской гипотезе (В.В. Мавродин), кому она не импонировала, тот развивал другие концептуальные подходы к проблеме происхождения Руси и становления восточнославянской государственности (М.Н. Тихомиров, А.Н. Насонов, Б.А. Рыбаков) и не стоит творческие поиски учёных, многообразие и борьбу разных концепций, сводить к факторам идеологии и давления «сверху». Кроме эпизода «борьбы с космополитизмом» как таковых преследований сторонников скандинавской гипотезы в СССР никогда не было, это миф, создаваемый ныне самими «норманистами», чтобы создать себе ореол будто бы «гонимых», хотя в реальности дело обстоит наоборот: именно «норманисты» занимались и занимаются жёсткой травлей оппонентов, наглядным примером чего являются, в частности, тексты О.Л. Губарева[4].

Важно при этом подчеркнуть, что как «официальная» советская наука не жаловала «норманизм», точно также она не жаловала и «антинорманизм», т.к. оба эти историографических течения рассматривались как идеалистические и не марксистские. И.П. Шаскольский обвинял «антинорманистов» В.Б. Вилинбахова и А.Г. Кузьмина в недопонимании марксистской концепции происхождения русской государственности и подчёркивал, что «после Октября антинорманизм целиком переместился в страны Западной Европы, стал течением российской эмигрантской историографии» и «умер с нею» в 1950-е гг., потому как мог «существовать только как течение русской идеалистической дворянско-буржуазной историографии», а его возрождение на почве советской науки невозможно (Шаскольский 1983: 43-44, 45-47, 50-51).

О.Л. Губарев открыто призывает к политизации исторической науки: «реабилитация сформировавшихся в годы советского антинорманизма представлений о высоком уровне культуры восточных славян лесной полосы в настоящее время может способствовать дальнейшему распространению псевдо-патриотических неоантинорманистских идей с отрицанием какого-либо участия норманнов в образовании древнерусского государства и отрицанием скандинавской природы варягов» (Губарев 2020: 7). То есть историки, в представлении О.Л. Губарева, вместо поисков научной истины, только и должны думать о том, к распространению каких «идей» эти поиски могут привести и согласовываться тут с «хронометром» О.Л. Губарева, а то чего доброго, ему что-то не понравится. Вот не нравится ему «высокий уровень культуры славян» – и всё, для историков такие выводы должны стать табу. При этом «представления» О.Л. Губарева «о низком уровне культуры восточных славян лесной полосы» в настоящее время тоже могут ведь способствовать «дальнейшему распространению» каких-нибудь «идей», например, об «исторической неполноценности» славян, которые неоднократно возникали под пером разных идеологов, представлявших уровень развития славян в соответствии с реанимируемыми О.Л. Губаревым идеями А.Л. Шлёцера (о шовинистических взглядах на историческое развитие славян и их связь с «норманнской теорией» см.: Пауль 2014; 2015: 237-244). Навязываемое инженером О.Л. Губаревым историкам соревнование в «политической благонадёжности» – путь тупиковый. Историческая наука, вопреки О.Л. Губареву, не занимается и не должна заниматься подобными вещами, у неё одна задача: объективное познание исторического прошлого.

Будучи предельно политизирован сам, О.Л. Губарев настойчиво навязывает читателю мысль, что будто бы политизирована именно позиция тех историков, концепции которых ему не нравятся: «В условиях цензуры и господства антинорманизма в СССР подобная линия (о предгосударственном уровне развития восточнославянского общества – М.Ж.) прослеживалась в большинстве публикаций историков-славистов П.Н. Третьякова, С.В. Юшкова, М.Н. Тихомирова, Б.А. Рыбакова, М.Б. Свердлова» (Губарев 2020: 10); «в связи с господством официальной идеологии антинорманизма не только в СССР, но и в странах соцлагеря, возникают подозрения в политизированности данного историка (Г. Ловмянского – М.Ж.), старавшегося показать высокую культуру восточного славянства до появления норманнов» (Губарев 2020: 14).

Создаётся впечатление, что все эти бесконечные попытки навесить на всех, чья позиция ему не нравится, какие-то политические ярлыки, является для О.Л. Губарева просто способом максимально избежать какого-либо аргументированного обсуждения проблем социально-политической истории восточных славян по-существу. В академической науке прибегать к подоб-

3 В 1952 году В.В. Мавродин был временно уволен с должности профессора исторического факультета ЛГУ (каким-либо уголовным преследованиям он при этом не подвергался, в 1952-1953 гг. преподавал в Петрозаводском университете, вернулся на работу в ЛГУ в должности профессора в 1953 году, после смерти И.В. Сталина), но нет данных о том, что это было связано с его позицией, изложенной в книге 1945 года. В ходе «чисток» в рамках «Ленинградского дела» из ЛГУ было уволено ок. 300 человек, т.е. каждый седьмой преподаватель. Занимая посты декана исторического факультета (который в то время считался «идеологическим») и заведующего кафедрой истории СССР, В.В. Мавродин практически не имел шансов не попасть под «проработку» в рамках «Ленинградского дела», когда «чистили» весь «руководящий состав» города на Неве. Помимо В.В. Мавродина с кафедры истории СССР Исторического факультета ЛГУ были уволены Б.А. Романов, А.В. Предтеченский, В.А. Овсянкин и т.д. То есть разгром кафедры и факультета носил системный характер и никак не был связан с «варяжским вопросом».

4 Будучи просто любителем истории, О.Л. Губарев в своих сетевых опусах ничтоже сумняшеся примеряет мантию арбитра исторических дискуссий, вешает ярлыки и развязно раздаёт оплеухи историкам, которые ему чем-либо не нравятся и доходит до того, что возмущается тем, что они защищают кандидатские и докторские диссертации (см. например: https://trv-science.ru/2017/08/esche-raz-ob-erzac-nauke-v-medievistike/). Видимо, прежде чем защищать диссертации, историки должны согласовывать их содержание с инженером О.Л. Губаревым.

ного рода «аргументации» недопустимо, ибо если началось навешивание политических ярлыков, научная дискуссия не имеет смысла. Как можно дискутировать с тем, кто, подобно О.Л. Губареву, постоянно норовит обвинить оппонента в том, что построения того обусловлены политическими факторами? В академической науке возможен только один вид критики: критика на уровне анализа источников, которая в статье О.Л. Губарева полностью отсутствует, будучи подменена риторикой и политизацией.

Кстати, если намёки на «политическую» ангажированность оппонентов всё же прозвучали, они тоже должны быть обоснованы источниками, а не голословно постулироваться. О.Л. Губарев доходит до прямого обвинения советских историков, чья позиция его не устаивает, в научной недобросовестности и лицемерии, в том, что в своих научных работах о происхождении Руси, они будто бы писали не то, что думали на самом деле: «видные и известные ученые Юшков, Тихомиров, Рыбаков, Третьяков… видимо, находясь под давлением цензуры и официальной идеологии антинорманизма, были крайне неряшливы в своих работах, посвященных “полянской” гипотезе происхождения руси, что на конкретных примерах было продемонстрировано А.А. Амальриком. Собственно, любой человек, вынужденный вопреки своему желанию говорить не то, что думает, делает это с явной неохотой и спустя рукава. Да ещё и при господстве цензуры и линии партии в исторической науке, допускавшей только хвалебные отзывы на подобные работы. Отсутствие критики работ, идущих в русле официальной идеологии, тоже сказывается на их качестве не лучшим образом» (Губарев 2020: 17).

Обвинения О.Л. Губаревым известных историков в неискренности носят очень серьёзный характер и должны соответствующим образом предметно аргументироваться (например, их дневниковыми записями, письмами, свидетельствами знакомых с ними людей и т.д., но ни одного доказательства в пользу своего тезиса О.Л. Губарев не приводит), иначе они являются просто банальной злонамеренной и спекулятивной клеветой. За клевету обычно подают в суд. Умершие историки сделать этого, и вообще, защитить своё честное имя, увы, не могут. Поэтому в академической науке к памяти ушедших историков принято относиться бережно и писать о них максимально аргументированно. К сожалению, О.Л. Губарев не понимает того, что за слова надо отвечать, то есть аргументировать их, иначе они являются недопустимой клеветой. Наука тем отличается от площадной перебранки, что в научной дискуссии любой тезис должен аргументироваться. Под пером О.Л. Губарева наука как таковая вообще исчезает, ибо при желании всегда можно сказать: «да мой оппонент просто неискренен, он всё понимает, но врёт в силу тех или иных причин», но тот, кто подобное произносит (или подразумевает), автоматически ставит себя вне науки и вне академической дискуссии.

Тезис О.Л. Губарева о научной неискренности советских историков, отстаивавших концепции славянского политогенеза, которые ему не нравятся, легко опровергается обращением к работам ведущих учёных-славистов, первая половина творчества которых приходится на советское время, а вторая – на постсоветское. Никакого рубежа в их творчестве и научном поиске 1991 год не составляет, никто из них ни от чего из изложенного в предыдущих работах не отказывался, все они продолжали последовательно развивать свои концептуальные разработки предшествующей поры. Назову для примера имена О.Н. Трубачёва (Трубачёв 2002; 2005), А.С. Стрижака (Стрижак 1991; 1992; 1998: 18-56), В.В. Седова (Седов 1982; 1995; 1999; 1999а; 2002), Б.А. Тимощука (Тимощук 1990; 1995), В.Л. Янина (Янин 2001; 2003; 2004; 2008), П.П. Толочко (Толочко 1987; 1989; 2005; 2007; 2011; 2013), А.Г. Кузьмина (Кузьмин 2003), И.Я. Фроянова (Фроянов 1974; 1980; 1990; 1992; 1995; 1996; 1999; 2015), М.Б. Свердлова (Свердлов 1983; 1988; 1996; 1997; 2003; 2017), С.Н. Азбелева (Азбелев 2006; 2007; 2010: 598-618), А.Н. Сахарова (Сахаров 1980; 1982; 2004), А.А. Горского (Горский 1989; 2004; 2011: 129-180; 2012: 192-210), Е.А. Шинакова (Шинаков 2009; 2020) и т.д. Никто из них после 1991 года, вопреки ожиданиям О.Л. Губарева, ни во что не «перекрашивался»[5].

Равно как и многие историки-древнерусисты нового поколения, вообще не жившие в сознательном возрасте в СССР, тоже далеки от взглядов О.Л. Губарева о социальной, политической, культурной и т.д. «неразвитости» восточных славян (см. например: Артамонов 2006: 30-42; 2011: 240-246; Темушев 2014; 2015; Жих 2015: 7-28; 2017: 175-234; 2019; 2020).

Сторонники скандинавской гипотезы происхождения Руси при этом точно также развивали свои взгляды как до так и после 1991 года (см. например: Мельникова 1977; 1986; 2011; 2011а; Петрухин 1982: 143-158; 1989: 26-30; 1995; 2014; Лебедев 1985; 2005).

Сколь голословны и спекулятивны «обвинения», высказываемые О.Л. Губаревым в отношении историков, концепции которых ему не нравятся, столь же неаргументированными являются и его «похвалы» в адрес тех историков, чьи концепции ему близки: «Только отдельным славистам вроде И.И. Ляпушкина удавалось выдержать это давление и с соблюдением необходимых мер предосторожности отстаивать объективный взгляд на историю восточных славян. И.И. Ляпушкин убедительно доказывал отсутствие у славян в VI-VII вв. военных дружин, а значит и “славянской знати”, разложения родоплеменного строя и создания предпосылок возникновения государственности» (Губарев 2020: 11); «Видные историки В.В. Мавродин, Г. Ловмянский, И.П.

5 Плохо представляя реальное развитие историографии (см. работы, указанные выше), О.Л. Губарев утверждает, что будто бы «в конце 90-х гг. прошлого века казалось, что вопрос наконец-то закрыт и историческая наука вернулась к объективному исследованию прошлого («объективным исследованием» О.Л. Губарев именует такое, результаты которого соответствуют его собственной точке зрения – М.Ж.)» (Губарев 2020: 6), при этом следует одна-единственная ссылка на статью Л.С. Клейна (Клейн 1999: 91-101), которая представляет собой воспоминания о дискуссии (между Л.С. Клейном и И.П. Шаскольским по поводу книги И.П. Шаскольского «Норманнская теория в современной буржуазной науке») на историческом факультете ЛГУ в 1965 году. Комплекс проблем общественного строя восточных славян и древнерусского политогенеза в этой статье вообще не рассматривается, да Л.С. Клейн никогда ими профессионально и не занимался.

Шаскольский писали о “племенных княжениях” у славян как форме перехода к ранней государственности. И снова И.И. Ляпушкин оказался на высоте положения, критикуя такой подход. “И.И. Ляпушкин подверг критике мнение о племенных княжениях как государственных образованиях”» (Губарев 2020: 15).

На основе чего мы должны предпочесть позицию И.И. Ляпушкина позиции П.Н. Третьякова или В.В. Седова (если говорить о ведущих археологах-славистах), позиции В.В. Мавродина, Г. Ловмянского, И.П. Шаскольского? Только лишь на основе того, что она близка взглядам О.Л. Губарева? В нормальной научной работе, чтобы обосновать предпочтение позиции одного автора перед другими позициями, необходимо провести их серьёзный сопоставительный анализ и обосновать, чем именно позиция «А» лучше объясняет свидетельства корпуса источников, нежели позиция «Б», а не голословно написать «позиция А правильная, ведь её правильной считаю я». О.Л. Губарев со всей откровенностью следует известному тезису: «есть две позиции: одна моя, а другая неправильная».

В работе О.Л. Губарева имеет место системная фальсификация и/или примитивазация позиции оппонентов. Приведём примеры.

Отрицая существование у славян ступенчатой политической организации («племенных союзов») он пишет: «в составе археологической культуры, отождествляемой с данным племенем, должны быть выделены четкие границы субкультур, что позволило бы рассматривать эти субкультуры как признаки наличия отдельных племен в составе более крупного “племенного союза”. Прекрасно это понимая, Б.А. Рыбаков говорил о том, что такие субкультуры удалось выделить, не приводя конкретных данных о том, какие археологические культуры он имел в виду. Богатую черняховскую культуру, которую большинство историков связывает с готами, Б.А. Рыбаков приписывал славянам» (Губарев 2020: 20 – ссылок на конкретные работы Б.А. Рыбакова при этом не приводится).

На самом деле Б.А. Рыбаков писал: «Археологические материалы позволили выявить внутри всей Вятической территории отдельные небольшие районы; они выявлены лишь в северной части Вятичей [Соловьёва 1956: 161-165, рис. 8]. Таких районов-племён удалось обнаружить шесть, но, исходя из их размера, во всей земле Вятичей их должно быть не менее 10. Таким образом, археология помогает нам осознавать всю вятическую общность именно как союз племён. Анализ распространения вятических семилопастных височных колец, изготовленных одним мастером (отлитых в одной литейной форме!), показывает, что существовала еще более мелкая структурная единица, чем племя: на всей территории Вятичей должно было быть по расчету около сотни мелких мастерских с незначительным районом сбыта в 10-15 км в поперечнике каждая [Рыбаков 1948: 452. Карты на с. 446 (рис. 119) и на с. 461 (рис. 122)]. Другими словами, по археологическим данным мы можем нащупать элементы десятичного деления, характерного для высшей ступени первобытности и сохраняющегося некоторое время и позднее.

Группа поселков – “сто” (район сбыта одной мастерской).

Племя – “тысяча” – особенности погребального обряда.

Союз племен “тьма” – Вятичи – этнографическое единство» (Рыбаков 1982: 264).

Как видим, вопреки утверждению О.Л. Губарева, Б.А. Рыбаков приводит совершенно конкретные данные по славянской археологии предгосударственной эпохи и ничего не говорит о черняховской культуре (попутно отмечу, что работа Г.Ф. Соловьёвой, на которую он опирается, О.Л. Губареву вообще не известна и в его статье не упоминается). То есть позиция Б.А. Рыбакова О.Л. Губаревым сфальсифицирована.

Сфальсифицирована О.Л. Губаревым и позиция В.В. Седова, которого он причисляет к сторонником гипотезы «славянского» происхождения Руси (Губарев 2020: 17). На самом деле, В.В. Седов подчёркивал, что попытки объяснить происхождение этнонима «русь» из собственно славянского материала «не выглядят убедительными» (Седов 1982: 112) и был последовательным сторонником «иранской» гипотезы: «Положение лингвистов об иранском происхождении этнонима русь ныне приобретает надежную историко-археологическую подоснову. Русь – ославяненный, первоначально неславянский этноним, вошедший в обиход в славянском мире в позднеримское время, когда в условиях славяно-иранского симбиоза формировались анты. Тогда же славянами были восприняты и другие этнонимы иранского происхождения – анты, сербы, хорваты и другие. В период гуннского нашествия носители этнонима русь мигрировали в Среднее Поволжье, где создали именьковскую культуру. Через три столетия они вынуждены были переселиться в Левобережнодне-провско-Донской регион, где представлены волынцевской культурой. Место их проживания здесь фиксируется в летописях как Русская земля (в узком значении)» (Седов 2002: 274).

Искажена О.Л. Губаревым позиция М.И. Артамонова и П.Н. Третьякова. По его словам, «Вопрос о критике авторов “полянской гипотезы” до сих пор остается болезненным вопросом. Так, при публикации ранее не издававшейся статьи М.И. Артамонова, подготовленной в годы господства советского антинорманизма (1970-е гг.) и отдававшего дань и “полянской” гипотезе, и разложению родового строя восточных славян, и появлению у них знати (и, тем не менее, посвященной памяти И.И. Ляпушкина), редакция журнала “Советская археология” исключила “страницы, посвященные излишне резкой полемике автора с покойным П.Н. Третьяковым” (имеется в виду статья: Артамонов 1990: 271-290 – М.Ж.)» (Губарев 2020: 17).

Как понимать процитированное с точки зрения логики? Если М.И. Артамонов сам «отдавал дань “полянской” гипотезе», то какое отношение его статья имеет к «критике авторов “полянской гипотезы”»?

На самом деле, в пассаже О.Л. Губарева перепутано всё. Ни М.И. Артамонов, ни П.Н. Третьяков вообще не были сторонниками «полянской гипотезы» Тихомирова-Рыбакова. Оба они были сторонниками иранской

гипотезы происхождения Руси. В упомянутой О.Л. Губаревым статье М.И. Артамонов писал: «Славянское государство на среднем Днепре не могло получить свое имя от варягов, известных финнам под именем руотси или руси. Оно задолго до появления варягов называлось Росским, потому что его территория была известна под именем Росской, а в дальнейшем Русской земли. Вполне вероятно, название этой земли восходит к ираноязычным роксоланам (росаланам), какие позже по-готски назывались “росоманами” и при появлении гуннов первыми восстали против готов, а затем вошли в состав завладевших страной гунно-болгар. Упоминание народа “рос” в Восточной Европе имеется у сирийского историка VI в. Захария Ритора. Вряд ли тогда оно относилось к славянам. Это имя дошло до заселивших Среднее Приднепровье славян вместе с волынцевской культурой, которая вошла в круг славянских культур только в VIII-IX вв. Вполне вероятно, с появлением варягов старое название “Росская земля” превратилось в Русскую землю, что благодаря созвучию этих названий было нетрудно, но не исчезло из памяти народной и дожило до наших дней в слове Россия и производных от него: российский, россиянин. Под именем рос-рус выходцы из этой земли стали известны в Византии и у арабов, вне зависимости от их действительной этнической принадлежности. Были ли они славянами, норманнами, балтами или финнами, они одинаково представляли Росское или Русское государство. Не входя далее в историографию давнего вопроса о происхождении имени “Русь”, я со своей стороны еще раз отмечу, что оно не было названием норманнов, ставших известными славянам под именем варягов (имени тоже неясного происхождения)» (Артамонов 1990: 287). Как видим, сторонник иранской теории происхождения Руси, М.И. Артамонов, отнюдь не союзник для О.Л. Губарева.

Иранскую гипотезу происхождения Руси разделял и П.Н. Третьяков (Третьяков 1968: 179-187; 1970: 72-110), так что по данному вопросу между ним и М.И. Артамоновым никакого расхождения не было. Какие же тогда «страницы, посвящённые излишне резкой полемике автора с покойным П.Н. Третьяковым» изъяла редакция «Советской археологии» при публикации архивного текста М.И. Артамонова? Тому, кто, в отличие от О.Л. Губарева, хорошо знает славистическую историографию, известно о полемике между М.И. Артамоновым и И.И. Ляпушкиным с одной стороны, и П.Н. Третьяковым с другой стороны по вопросу о времени и путях славянского расселения в Восточной Европе. П.Н. Третьяков отстаивал «раннее» пребывание славян в Восточной Европе (по мнению учёного предками славян были носители зарубинецкой археологической культуры), И.И. Ляпушкин и М.И. Артамонов отстаивали «позднее» появление славян в Восточной Европе (откуда-то с запада, не ранее VI-VII вв.). Полемика при этом принимала весьма жёсткий характер (см. например: Ляпушкин 1968: 6-9). Видимо, именно её и «сократила» редакция «Советской археологии», так что «полянская теория», равно как и «варяжский вопрос» тут вообще не при чём.

Искажена и примитивизирована О.Л. Губаревым позиция М.Б. Свердлова. По его словам «о росах как славянском племени и о происхождении имени Русь от названия реки Рось уже в постсоветское время продолжал писать М.Б. Свердлов, попутно не отказываясь от других гипотез времён советского антинорманизма: о наличии до прихода варягов у славян дружин (не разделяя восточных, западных и южных славян), о накоплении богатств в руках узкого слоя славянской знати и т.д.» (Губарев 2020: 14).

Необходимо решительно оградить блестящего медиевиста, глубоко знатока источников, все тезисы которого обычно обусловлены их глубоким анализом, от подобных некорректных и голословных выпадов некомпетентного «критика», не проработавшего всерьёз даже малую часть источниковых и историографических данных, обобщённых М.Б. Свердловым. На самом деле М.Б. Свердловым выдвинута комплексная многоплановая концепция формирования древнерусской государственности и происхождения руси как этнонима, учитывающая совокупность разных данных и разных исторических факторов (Свердлов 2003: 83-307). И, разумеется, М.Б. Свердлов нигде не утверждал прямолинейно «о происхождении имени Русь от названия реки Рось». По словам учёного «Устанавливались также южные неславянские связи этнонима и хоронима Рос, как предполагали исследователи, аланские [Vernadsky 1959: 63, 75, 79], сармато-аланские [Третьяков 1968], иранские (см. ранее работы О.Н. Трубачева, В.В. Седова), германские (герулы) [Станг 2000]. Эти наблюдения вновь возвращают его объяснение к южным регионам Восточной Европы. Следует также отметить правобережный приток Днепра реку Рось как маркер южного распространения этнонима и (или) хоронима Рос. Возможно, как отмечено исследователями, по происхождению он был иранским и отражал подобно этнониму анты древнее славяно-иранское этнокультурное взаимодействие. Традиционная для IX-X вв. греческая форма рос лишь сохранила исконную форму этого этнонима и (или) хоронима. Река Рось, сохранившая его древнейшую форму (возникновение этого гидронима в X в. отразило бы уже единственную для этого времени форму Русь), вероятно, являлась маркером южных пределов каганата росов (зона расселения восточных славян). Южнее ее начиналась степь, где господствовали кочевые народы [см.: Седов 1982: 109, карта 14]» (Свердлов 2003: 94-95).

Разумеется, ни в этом случае, ни в каких-либо других, О.Л. Губарев ничего не возразил М.Б. Свердлову аргументированно и по-существу.

Относительно работы С.П. Щавелева О.Л. Губарев пишет: «И вот после жесткой критики А.П. Новосельцевым работ Б.А. Рыбакова о “Руси Кия” появляется статья С.П. Щавелева о “восточнославянском политогенезе” на основе анализа “летописного сказания о Кие” (имеется в виду статья: Щавелев 2012: 293-296 – М.Ж.)» (Губарев 2020: 20).

Во-первых, если кого-то подвергли критике, то само по себе это ещё ни о чём не говорит. Критика ведь может на поверку оказаться слабо аргументированной, неубедительной, тенденциозной и т.д., так что этот вопрос следует предметно и аргументированно рассматривать. Понятно, что для О.Л. Губарева, тенденциозно

и предвзято относящегося к Б.А. Рыбакову, если того кто-то покритиковал, на этом вопрос и закрыт – ему тут же ясно, что «Рыбаков не прав», но для науки вопрос отнюдь не закрыт.

Во-вторых, легенда о Кие и вне связи с какими-либо гипотезами Б.А. Рыбакова является важным и ценным источником для изучения славянской княжеской власти (или как минимум, представлений о ней летописцев) и в таком качестве плодотворно разрабатывается не только С.П. Щавелевым, но и другими известными специалистами, в частности, О.Н. Трубачёвым (Трубачев 2002: 133-136) и М.Б. Свердловым (Свердлов 2003: 78-79).

Сфальсифицирована была О.Л. Губаревым и моя позиция. Он пишет: «М.И. Жих, чтобы оправдать отсутствие археологических признаков наличия знати у восточных славян, заявляет, что “в археологии давно отказались от наивных прямолинейных корреляций характера погребений и социального статуса погребенных (в частности, тот же Л.С. Клейн об этом писал), т.к. всё гораздо сложнее”. И это действительно так. Существует множество факторов, способных влиять на плохую сохранность того или иного памятника и, следовательно, искажать реальность, связанную с этим памятником. Об этом и писал Л.С. Клейн. Однако, тут в дело вступает статистика и теория вероятности. При достаточно полной выборке уже можно делать определенные выводы. Если на множестве раскопанных поселений и погребений восточных славян археологи отмечают чрезвычайную бедность находок, то это уже можно рассматривать как достоверную информацию. Если готы Германариха создали богатое и мощное государство, то связываемая с ними черняховская культура в целом отражает это богатство. Несмотря на то, что отдельные памятники могут утратить многое и создавать искаженную картину реальности, культура, взятая в целом, дает вполне цельное впечатление» (Губарев 2020: 8-9).

На самом деле мной было сказано следующее (в обсуждении одного из текстов О.Л. Губарева на сайте Academia.edu):

«В археологии давно отказались от наивных прямолинейных корреляций характера погребений и социального статуса погребённых (в частности, тот же Л.С. Клейн об этом писал), т.к. всё гораздо сложнее. У славян (в отличие от, скажем, германцев и балтов) безраздельно господствуют малоинвентарные и безынвентарные погребения, что, видимо, объясняется особенностями религиозных представлений славян. Даёт ли это основание для прямолинейных выводов об отсутствии знати у славян? Нет, на даёт. Поскольку её существование чётко прописано в источниках, как собственно славянских (ретроспективно), так и в аутентичных византийских [комплексный анализ византийских источников о славянах см.: Свердлов М.Б. 1977: 46-59; 1997: 28-42; 2003: 55-82]. Византийские источники VI-VII вв. сообщают о правителях и знатных людях у славян, которые в набегах на империю захватывали массы пленных и огромные ценности. Но археологически “княжеские” и “знатные” погребения в пражской, пеньковской, ипотешти-кындештской культурах, на сколько я знаю, не фиксируются. О чём это говорит? Видимо о том, что славянский погребальный обряд (связанный с религиозными представлениями) не предполагал помещение в могилу богатого инвентаря независимо от социального статуса погребённого. В общем, у нас есть комплекс свидетельств письменных источников о существовании славянской знати. Если Вы считаете, что я или кто-то другой, ошибочно его интерпретирует – дайте свой анализ соответствующего комплекса источников и покажите, в чём я (или кто-то другой), по Вашему мнению, не прав в их трактовке. Пока Вы этого не сделали и свели всю Вашу “критику” к чистой риторике и странным “обвинениям”. Анализу источников может быть противопоставлен только другой анализ источников».

Как видим, вместо того, чтобы ответить на мои аргументы что-то по-существу (и провести свой анализ источников, к которому я его призывал), О.Л. Губарев просто обрезал мои слова на полуслове, пропустил всю мою аргументацию, сделав вид, что её нет, и начал что-то доказывать самому себе, т.к. всё им написанное не имеет отношения к моей аргументации. «Тихо сам с собою я веду беседу».

Также О.Л. Губарев либо не понял, либо сделал вид, что не понял, какую мысль Л.С. Клейна я имею в виду. Я имел в виду следующие: «Богатые погребения – не всегда погребения богатых (некоторые народы хоронили всех детей с особенно богатым инвентарем: ведь дети не успели попользоваться им в жизни), а бедные погребения – не всегда погребения бедных (первых римских пап не выявить: их хоронили подчеркнуто скромно)» (Клейн 2004: 95-96). То есть речь идёт вовсе не о степени сохранности материала, а о том, что отсутствует вообще жёсткая прямолинейная корреляция между социальным статусом и богатством захоронения. Погребальный обряд определяется идеологическими представлениями социума. У славян они, видимо, были таковы, что не предполагали богатых захоронений: мы имеем аутентичные свидетельства византийских источников о славянских правителях и славянской знати, но не имеем соответствующих захоронений, которые бы археологически надёжно опознавались в качестве «знатных». Если у соседних с Византией славян таковые отсутствовали (но при этом знать достоверно была), то и отсутствие археологически опознаваемых «знатных» захоронений у восточных славян, не может быть свидетельством в пользу отсутствия у них знати.

Показательно, что новгородские сопки, поздний этап бытования которых приходится уже на эпоху становления Древнерусского государства, и которые, учитывая серьёзные ресурсы, затрачиваемые для их возведения, рассматриваются археологами как элитарные погребения (Конецкий 1989: 140-150; 1993: 3-26), тоже не содержат богатого инвентаря.

О восточнославянской знати догосударственного времени существует комплекс летописных свидетельств, который разбирается мной в специальной статье (Жих 2015: 7-28). Если О.Л. Губарев не согласен с её выводами, считает проведённый мной анализ источников неубедительным, или, как можно понять, вообще отрицает существование знати у восточных славян, значит, он должен провести свой анализ этих источни-

ков и показать, в чём я не прав, но этого он не сделал. Вместо этого находим у него голословные пассажи типа: «источники не дают оснований говорить о наличии иерархических социальных структур у восточных славян» (Губарев 2020: 23). Как источники могут давать (или не давать) основания для чего-либо, если их не анализировать? Анализу источников может противостоять только анализ источников, но никак не риторические восклицания. Тот стиль полемики, который избрал О.Л. Губарев, сложно рассматривать всерьёз. Ещё сложнее на его в кавычках «критику» как-то всерьёз отвечать, поскольку он не анализирует самостоятельно источники, проанализированные теми авторами, которых он «критикует», не пишет, в чём конкретно в анализе источников его оппоненты, на его взгляд, не правы.

Многие утверждения О.Л. Губарева голословны и основаны на банальном незнании материала.

Он утверждает: «Существование “союзов племен” у восточных славян не поддерживается сообщениями источников. Нет никаких оснований предполагать у восточных славян наличие сложных иерархических структур, таких как “союзы племен” и “сложные вождества”» (Губарев 2020: 20).

Говоря о проблеме социальной организации славянских общностей, известных по «Повести временных лет» и вопросе о том, составляли ли они союзы неких общностей меньшего уровня, О.Л. Губарев просто проигнорировал практически всю специальную литературу, посвящённую данной проблеме.

Им не рассматриваются и даже не фигурируют в списке литературы фундаментальные монографии Б.А. Тимощука (Тимощук 1990; 1995), в которых обобщён весь имевшийся на конец 80-х – середину 90-х гг. археологический материал по проблеме социально-политического развития восточных славян, и в которых проблеме славянских политических центров разного уровня (и стоящих за ними иерархических социальных единиц) уделено значительное внимание и разработана система социальной классификации и эволюции восточнославянских поселений VI-X вв.

О.Л. Губареву неизвестна диссертация и статьи Г.Ф. Соловьёвой (Соловьёва 1953; 1956: 138-170), которая на археологическом материале предприняла попытку выделения локальных групп («малых племён») в ареале вятичей, радимичей и северян. Неизвестна ему и дискуссия вокруг работ Г.Ф. Соловьёвой[6].

О.Л. Губареву неизвестна работа Л.В. Алексеева, в которой тот выделил локальные группы, соответствующие «малым племенам» в ареале смоленских и полоцких кривичей (Алексеев 1977: 23-30).

О.Л. Губареву неизвестны работы И.Я. Фроянова и полемика между И.Я. Фрояновым и Е.Н. Носовым о «племенных» центрах и «малых племенах» ильменских словен (Фроянов, Дворниченко 1988: 22-40; Фроянов 1992: 21-74; Фроянов, Михайлова 1999: 228-236; Носов, Плохов 1997: 129-152; Носов 2005: 13-14, 20-21, 153-154. Современную оценку этой дискуссии см.: Еремеев, Дзюба 2010: 400-402, 417).

О.Л. Губареву неизвестна работа Б.А. Звиздецкого, выделившего по археологическим материалам «племенные центры» в Древлянской земле (Звіздецький 2008: 76-77).

О.Л. Губареву неизвестна работа И.И. Еремеева, в которой тот предпринял попытку выделения «племенных» центров, а соответственно, и «малых племён», в ареале ильменских словен на основе новых археологических данных (Еремеев, Дзюба 2010: 394-417).

Проигнорировав практически всю историографию проблемы, разумеется, очень легко прийти к «нужному» выводу, но какова его реальная научная ценность?

Теоретические представления О.Л. Губарева о формировании государства прямолинейны: «Наличие предпосылок создания государства предполагало значительное расслоение общества, обнищание родовичей и накопление богатств в руках узкого слоя славянской знати и князей» (Губарев 2020: 11); «Основной предпосылкой образования раннего государства является наличие неравенства и концентрация богатств в руках наследственной знати» (Губарев 2020: 23).

Именно такой подход господствовал в столь нелюбимой О.Л. Губаревым советской историографии, но он, во-первых, отнюдь не является единственно возможным. К примеру, И.Я. Фроянов и представители его научной школы рассматривают древнерусскую государственность как совокупность структур полисного типа, а сам древнерусский политогенез как процесс формирования городских вечевых общин (Фроянов 1974; 1980; 1990; 1992; 1995; 1996; 1999; 2015; Фроянов, Дворниченко 1988; Майоров 2001; Петров 2003; Михайлова 2010; Кривошеев 2015; Пузанов 2017; Долгов 2017)[7]. Такой путь политогенеза вовсе не требует «значительного расслоения общества». Разумеется, с позицией И.Я. Фроянова и его учеников можно не соглашаться, но нельзя делать вид, что её не существует.

Во-вторых, расслоение общества (во всяком случае на ранних этапах) может не улавливаться (или плохо улавливаться) археологически, особенно, если религиозные представления народа не предполагают помещение в погребение большого количества инвентаря (о чём уже говорилось выше).

Особый упор делает О.Л. Губарев на якобы отсутствие у славян дружины, на «практическую безоружность славян», как на фактор, тормозящий их политическое развитие (Губарев 2020: 12).

На самом деле, уровень вооружения и воинского искусства славян мало чем отличался от уровня других «варваров». По словам С.В. Назина «Источники описывают славян VI века как бойцов, вооружённых только двумя метательными копьями и очень тяжёлым щитом [Стратегикон, XI, 4, 11; Свод I: 371]. Из работы в работу кочует навеянный словами Иоанна Эфесского образ “безоружных” славян, бессильных противостоять тяжёлой коннице или конным стрелкам. Странно, что никто

6 Например, её критика в книге В.В. Богомольникова (Богомольников 2004: 104-109), или, наоборот, поддержка на новом уровне тезиса о «племенных центрах» и «малых племенах» Северской земли в работе Ю.О. Пуголовка (Пуголовок 2018: 216-228).

7 Один из учеников И.Я. Фроянова, А.Ю. Дворниченко, и вовсе считает, что домонгольская Русь с её полисным строем «классического» государства вообще не знала (Дворниченко 2014).

не пытался сравнить славян с каталонскими пехотинцами “аль-мугаврами”, вооружёнными только парой дротиков, большим ножом и щитом. Казалось бы, этим средневековым “славянам” нечего было делать на полях сражений, где господствовала рыцарская конница. Между тем “каталонская компания” в конце XIII – начале XIV века оставила за собой кровавый след, разгромив всех, кто встал на её дороге. Ни турецкие и аланские конные стрелки, ни франкские рыцари и византийские кавалларии ничего не смогли противопоставить “безоружной” испанской пехоте. Вообще, как показывают археологические находки, точно так же, как и славяне, были вооружены пешие воины по всей Европе, как “римляне”, так и “варвары”. Шлемы, брони носили только короли и их немногочисленная дружина, большая часть бойцов-щитоносцев (scutati) шла в бой защищённая только военным поясом, с мечом и парой дротиков [Банников, Морозов 2015: 217]. Согласны с этим и письменные источники. Прокопий описывает герулов – отважное восточногерманское племя, чьё имя, кстати, стало в англосаксонском и скандинавском языках обозначением знатного человека (earl), как легковооружённых воинов, “ибо герулы не имеют ни шлемов, ни панцирей, ни другого защитного вооружения. У них нет ничего, кроме щита и простой грубой рубахи, подпоясав которую они идут в бой. А рабы у герулов вступают в сражение даже без щитов” [Прокопий, II, XXV, 27-28; Прокопий Кесарийский 1998: 128]» (Назин 2017: 189-190).

Все источники единогласно подчёркивают воинственность и агрессивность славян.

Тацит в начале II в. писал, что венеты «обходят разбойничьими шайками все леса и горы между певкинами и феннами… носят [большие] щиты, и имеют преимущество в тренированности и быстроте пехоты» (Свод I: 39).

В середине VI в. гот Иордан констатировал, что «венеты, анты и славяне… теперь свирепствуют всюду, по грехам нашим» (Свод I: 111).

Византийский автор VI в. Менандр Протектор приводит слова славянского правителя Даврентия (Δαυρέντιον – искажённое в греческой передаче славянское имя *Dobręta или подобное), сказанные в ответ на аварское требование подчиниться и платить дань: «Родился ли среди людей и согревается ли лучами солнца тот, кто подчинит нашу силу? Ибо мы привыкли властвовать чужой [землёй], а не другие нашей. И это для нас незыблемо, пока существуют войны и мечи» (Свод I: 321).

В том же VI в. согласно Иоанну Эфесскому «В третьем году после смерти Юстина царя и правления победительного Тиверия – вышел народ лживый славяне. И прошли они стремительно через всю Элладу, по пределам Фессалоники и Фракии всей. Они захватили много городов и крепостей: они опустошали, и жгли, и захватывали в плен, и стали властвовать на земле и живут на ней, властвуя, как на своей собственной, без страха, в продолжение четырёх лет... Пока Бог на их стороне, они, конечно же, и опустошают, и жгут, и грабят всё вплоть до стены до внешней: и все царские табуны, многие тысячи, и всё остальное… Без заботы и страха захватывают пленных, убивают и жгут. И они обогатились и приобрели золото, и серебро, и табуны лошадей, и много оружия. И они выучились воевать лучше, чем ромеи» (Свод I: 279).

Интерес славян к табунам лошадей, отмечаемый Иоанном Эфесским, – признак существования у славян не только пехоты, но и конницы. Феофилакт Симокатта, рассказывая о войнах конца VI века, прямо говорит о существовании у славян конных воинов: «В третьем часу дня, когда все они спали, не выставив никакого караула, возле зарослей появились варвары. Спешившись с коней, славяне решили отдохнуть в тени и дать постоять лошадям» (Свод II: 35).

Тот же автор повествует об умении славян оперативно и грамотно создавать укрепленные вагенбурги – таборы из возов: «…Оставив Одисс, [Петр] перешел в области, расположенные левее, и, прибыв в Маркианополь, приказал тысяче [воинов] двинуться впереди войска. И вот они натолкнулись на шестьсот славян, везших большую добычу от ромеев… Поскольку варвары не могли избежать столкновения, они устроили крепость из составленных повозок, в середине обвода поместив детей и женщин. Ромеи, приблизившись к гетам – таково древнее имя этих варваров – не решались сойтись с ними врукопашную: они боялись дротиков, которые варвары со своего укрепления метали в коней» (Свод II: 29-31).

Интересно сообщение «Стратегикона» о знании славянами и применении в воинском деле ядов для отравленных стрел: «Пользуются они также деревянными луками и небольшими стрелами, намазанными отравляющим веществом, которое оказывает действие, если поражённый им заранее не намазался соком тириака или другими средствами, известными врачебным наукам, либо если тотчас же не вырезал рану, чтобы отрава не распространилась на всё тело» (Свод I: 371). Применение яда требует серьёзных навыков: собирание яда, его хранение, нанесение на оружие, возможные противоядия и т.д.

В VII в. Римский Папа Григорий I писал епископу Салоник Максиму: «По поводу же народа славян, который сильно вам угрожает, я весьма сокрушаюсь и тревожусь. Сокрушаюсь от того, что уже, вместе с вами, претерпеваю. Тревожусь, ибо через истрийский вход они начали уже вторгаться в Италию» (Свод II: 351).

Византийские источники говорят о высоком уровне развития военного дела и воинского искусства у славян: «Византиец Феодор Синкелл, описывая осаду Константинополя славяно-аварским войском в 623 году, упоминает уже среди славян “гоплитов” – то есть доспешную, тяжеловооружённую пехоту, переплавлявшуюся на кораблях. Особенно же щедро на описание военных достижений наших славянских предков житие “Чудеса св. Дмитрия Солунского”. У славян, осаждавших Фессалоники, оно упоминает не только уже знакомых нам “гоплитов”, но и “манганариев” – обслугу осадных машин – а сами эти машины упоминаются аж в четырех видах, от простого прикрытия-“черепахи” до подробно описанных сложных камнемётов… Упоминаются в “Чу-

десах" и славянские мечи, которые славяне сами же и ковали. Что, впрочем, на фоне "камнеметной артиллерии" в конце шестого века уже не слишком удивляет» (Прозоров 2016: 16-17).

Эти сообщения письменных источников подтверждаются археологией. Звенья кольчуг найдены на славянских памятниках VI-VII вв. в Прикарпатье (Черновка I), на днепровском Левобережье (могильник Лебяжье, городище Мощенка), у Днепровских порогов (Игрень-Подкова III). На той же Мощенке и в Полесском городище Хотомель найдены пластины панцирей (Казанский 2011: 43-50).

Констатируя, что с 580-х гг. в византийских источниках наряду с лёгкой пехотой всё чаще фигурирует славянское войско, «экипированное профессиональным оружием», М.М. Казанский делает обоснованный вывод о появлении у славян «постоянных дружин» (Казанский 2011: 49).

Подчеркнём некорректность позиции О.Л. Губарева, согласно которой сведения византийских источников и данные о социальной организации южной части славянского мира не могут привлекаться для характеристики его северной части (Губарев 2020: 4).

М.М. Казанский отмечает, что «до VIII в. славяне, расселившиеся в разных частях Европы, находились приблизительно на одном уровне социального и экономического развития. Поэтому археологические находки в Восточной Европе и сведения византийцев о войске балканских славян отражают единый процесс эволюции военного дела у славян» (Казанский 2011: 43).

Период славянского расселения был наполнен многочисленными передвижениями славянских народов (Трубачёв 1974: 48-67), и как следствие, быстрым распространением технологических и социальных инноваций по всей славянской ойкумене. Северные новгородские словене, согласно летописному преданию, были выходцами из дунайского региона (ПВЛ 2007: 8), а археология фиксирует многочисленные признаки культурных импульсов с Дуная в Восточную Европу, в частности, в её лесную зону (обобщение соответствующих археологических материалов см.: Седов 1999: 183-204).

Тезис О.Л. Губарева об «отставании» восточных славян от балтийских (Губарев 2020: 21-23) некорректен, поскольку если большинство восточноевропейских славянских этнополитических объединений прекращает своё самостоятельное развитие в IX-X вв. (вследствие экспансии политии, возглавляемой Рюриковичами), то балтийские славяне продолжали его в XI-XII вв. Соответственно, недопустимо, как это делает О.Л. Губарев, механически сравнивать языческих восточных славян IX-X вв. и языческих балтийских славян XI-XII вв. и говорить об «отставании» первых от вторых, т.к., вполне естественно, что за два века развитие балтийских славян ушло далеко вперёд.

О.Л. Губарев утверждает буквально «отсутствие религии. Поклонение источникам, камням, рощам» у восточных славян (Губарев 2020: 23). Это чистая фантазия автора – на самом деле средневековые источники, говорящие о поклонении славян природным объектам, говорят и об их поклонении богам. Там же читаем, что славянские боги на самом деле скандинавские: «Перун (Тор) и Волос (Улль)». Безответственное и ни на чём не основанное суждение: о поклонении на Руси каким-либо скандинавским божествам не говорится ни в одном источнике, и уж тем более ни один источник не отождествляет славянских богов со скандинавскими[8].

Утверждение О.Л. Губарева, что до прихода Рюрика восточные славяне знали «только межплеменные» войны (Губарев 2020: 23) не соответствует источникам: согласно Повести временных лет славяне давали вооружённый отпор набегам иноземцев, так ильменские словене и их союзники «Изъгнаша варяги за море, и не даша имъ дани» (Повесть временных лет 2007: 13).

Утверждение О.Л. Губарева о том, что полюдье было институтом, которым восточные славяне обязаны варягам (Губарев 2020: 23) неверно и не соответствует данным источников. Вот, что говорится в «Анонимной записке» (в передаче Ибн Русте, автора первой половины X в.) о полюдье у восточных славян: «Глава их коронуется, они ему повинуются и от слов его не отступают. Местопребывание его находится в середине страны славян… И упомянутый глава, которого они называют ''главой глав'' (ра'ис ар-руаса), зовется у них свиет-малик, и он выше супанеджа (видимо, воеводы – М.Ж.), а супанедж является его заместителем (наместником)… Есть у него прекрасные, прочные и драгоценные кольчуги. Город, в котором он живет, называется Джарваб, и в этом городе ежемесячно в течении трех дней проводится торг, покупают и продают. Царь ежегодно объезжает их. И если у кого из них есть дочь, то царь берет себе по одному из ее платьев в год, а если сын, то также берет по одному из платьев в год. У кого же нет ни сына, ни дочери, тот дает по одному из платьев жены или рабыни в год. И если поймает царь в своей стране вора, то либо приказывает его удушить, либо отдает под надзор одного из правителей на окраинах своих владений» (Новосельцев 1965: 388-389).

Славяне, о которых говорится в «Анонимной записке» – это славяне Днепровского Левобережья, скорее всего, либо вятичи (Рыбаков 1982: 225-234, 258-284), либо северяне (Шпилев 2009: 52-69). Как видим, институт полюдья имеет восточнославянское происхождение, а варяги просто его заимствовали и продолжили его использование. Более того – скандинавами был заимствован не только славянский институт полюдья, но и сам термин «полюдье»: скандинавские источники («Сага о Харальде Суровом Правителе») используют для обозначения подобного полюдью механизма сбора дани славянское слово (pólúta, pólútasvarf) (Джаксон, Подосинов 2013: 184-186).

8 Культы Перуна и Велеса известны у всех славян – западных, южных и восточных, включая тех, чьи контакты с норманнами были минимальны (Иванов 2005; Milošević 2013: 127-134). Почитание Перуна известно с VI века (свидетельство Прокопия Кесарийского, согласно которому славяне «считают, что один из богов – создатель молнии – именно он есть единый владыка всего, и ему приносят в жертву быков и всяких жертвенных животных»: Свод I: 183). И сами эти боги, как и балтская пара Перкунас – Вяльняс, являются славянской версией божеств индоевропейского пантеона.

Подводя итоги, констатируем, что если называть вещи своими именами, то статья О.Л. Губарева в силу некорректных методов работы автора с источниковым и историографическим материалом, не может рассматриваться в качестве научной работы.

О.Л. Губарев предметно не рассматривает и не анализирует источники о социальном и политическом строе восточных славян. Всё сводится исключительно к риторическим высказываниям.

О.Л. Губарев не даёт системного и сколько-нибудь последовательного анализа историографии. Всё сводится к набору произвольно выхваченных имён и цитат. Реальный историографический процесс в области изучения общественного строя славян автор представляет себе очень поверхностно. Целые пласты историографии автору незнакомы.

Советская историография рассматриваются О.Л. Губаревым предельно упрощённо и зачастую просто карикатурно, сводясь при этом лишь к нескольким именам. Не находим мы в статье и системного анализа современной историографии общественного строя славян и ведущихся в ней дискуссий, а снова сталкиваемся с несколькими произвольно взятыми именами и работами.

Полемика О.Л. Губарева с теми учёными, работы которых им упомянуты (как уже указано, отбор носит весьма произвольный характер), совершенно некорректна. Автор ни разу не рассматривает предметно работы своих оппонентов и не проводит встречный анализ источников. Не пишет о том, в чём конкретно на его взгляд, оппоненты ошиблись в трактовке источников и как источники, по его мнению, должны трактоваться. Всё сводится к голословной риторике вкупе с какими-то непонятными «обвинениями» политизированного свойства.

Поставив себя вне научной этики и игнорируя её, О.Л. Губарев умышленно использует смешение научного и публицистического стилей, что не позволяет ни рассматривать его текст в качестве научного, ни вести с ним академическую полемику.

ЛИТЕРАТУРА

Азбелев 2006 - Азбелев С.Н. Устная история Великого Новгорода: Очерки IX-XVII столетий. Великий Новгород: Издательство НовГУ, 2006. 307 с.

Азбелев 2007 - Азбелев С.Н. Устная история в памятниках Новгорода и Новгородской земли. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. 296 с.

Азбелев 2010 - Азбелев С.Н. Гостомысл // Варяго-русский вопрос в историографии. М.: Русская панорама, 2010. С. 598-618.

Алексеев 1977 - Алексеев Л.В. Некоторые вопросы заселенности и развитие Западнорусских земель в IX-XIII вв. // Древняя Русь и славяне. Сборник к 70-летию академика Б.А. Рыбакова. М.: Наука, 1977. С. 23-30.

Артамонов 1990 - Артамонов М.И. Первые страницы русской истории в археологическом освещении // Советская археология. 1990. № 3. С. 271-290.

Артамонов 2006 - Артамонов Г.А. Князь и дружина в структуре славянского общества VI-XI вв. н.э. // Судьба России в современной историографии. М., 2006. С. 30-42.

Артамонов 2011 - Артамонов Г.А. Спорные вопросы изучения союзов племён восточных славян // Преподаватель XXI век. 2011. № 4-2. С. 240-246.

Банников, Морозов 2015 - Банников А.В., Морозов М.А. Византийская армия (IV-XII вв.). СПб.: Евразия, 2015. 687с.

Богомольников 2004 - Богомольников В.В. Радимичи (по материалам курганов X-XII вв.). Гомель, 2004. 226 с.

Горский 1989 - Горский А.А. Древнерусская дружина. М.: Прометей, 1989. 124 с.

Горский 2004 - Горский А.А. Русь: От славянского Расселения до Московского царства. М.: Языки славянской культуры, 2004. 207 с.

Горский 2011 - Горский А.А. Славянское расселение и эволюция общественного строя славян // Великое переселение народов: Этнополитические и социальные аспекты. СПб.: Алетейя, 2011. С. 129-180.

Горский 2012 - Горский А.А. О стадии развития восточнославянского общества накануне образования государства Русь // Древнейшие государства Восточной Европы. 2010. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2012. С. 192-210.

Губарев 2020 - Губарев О.Л. К дискуссии о племенных союзах и политогенезе восточных славян до Рюрика // NOVOGARDIA. 2020. № 2. С. 4-36.

Дворниченко 2014 - Дворниченко А.Ю. Зеркала и химеры. О возникновении Древнерусского государства. СПб.: Евразия; М.: Klio, 2014. 558 с.

Джаксон, Подосинов 2013 - Джаксон Т.Н., Подосинов А.В. Топонимия на перекрёстке культур: древнескандинавское название Азовского моря и устная традиция // Древнейшие государства Восточной Европы. 2011. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2013. С. 165-191.

Долгов 2017 - Долгов В.В. Быт и нравы Древней Руси. Миры повседневности XI-XIII вв. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2017. 592 с.

Еремеев, Дзюба 2010 - Еремеев И.И., Дзюба О.Ф. Очерки исторической географии лесной части пути из варяг в греки. СПб.: Нестор-История, 2010. 670 с.

Жих 2015 - Жих М.И. Славянская знать догосударственной эпохи по данным начального летописания // Исторический формат. 2015. № 2. С. 7-28.

Жих 2017 - Жих М.И. Восточнославянский политогенез и реформы княгини Ольги // Исторический формат. 2017. №3-4. С. 175-234.

Жих 2019 - Жих М.И. Славянский правитель Само и его «держава» (623-658). Источники, локализация, социально-политическая организация, историческое значение. СПб., 2019. 148 с.

Жих 2020 - Жих М.И. Восточные славяне накануне государственности. М.: Вече, 2020. 448 с.

Звіздецький 2008 - Звіздецький Б.А. Городища IX-XIII вв. на території літописних древлян. К., 2008. 176 с.

Зимин 2015 - Зимин А.А. Храм науки (Размышления о прожитом) // Судьбы творческого наследия отечественных историков второй половины XX в. / Сост. А.Л. Хорошкевич. М.: Аквариус, 2015. С. 35-384.

Иванов 2005 - Иванов И. Культ Перуна у южных славян. М.: Ладога-100, 2005. 48 с.

Казанский 2011 - Казанский М.М. О славянском панцырном войске (VI-VII вв.) // Stratum plus. 2011. № 5. С. 43-50.

Клейн 1999 - Клейн Л.С. Норманизм – антинорманизм: конец дискуссии // Stratum plus. № 5. 1999. С. 91-101.

Клейн 2004 - Клейн Л.С. Воскрешение Перуна. К реконструкции восточнославянского язычества. СПб.: Евразия, 2004. 479 с.

Конецкий 1989 - Конецкий В.Я. Новгородские сопки и проблема этносоциального развития Приильменья в VIII-X вв. // Славяне. Этногенез и этническая история. Л.: Издательство ЛГУ, 1989. С. 140-150.

Конецкий 1993 - Конецкий В.Я. Новгородские сопки в контексте этносоциальных процессов конца I – начала II тысячелетия н.э. // Новгородский исторический сборник. Вып. 4 (14). СПб.; Новгород, 1993. С. 3-26.

Котляр 2007 - Котляр Н.Ф. В тоске по утраченному времени // Средневековая Русь. Вып. 7. М.: Индрик, 2007. С. 343-353.

Кривошеев 2015 - Кривошеев Ю.В. Русь и монголы: Исследование по истории Северо-Восточной Руси XII-XIV вв. Третье издание, исправленное и дополненное. СПб.: Академия исследования культуры, 2015. 452 с.

Кузьмин 2003 - Кузьмин А.Г. Начало Руси. Тайны рождения русского народа. М.: Вече, 2003. 426 с.

Лебедев 1985 - Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе. Историко-археологические очерки. Л.: Издательство ЛГУ, 1985. 290 с.

Лебедев 2005 - Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб.: Евразия, 2005. 640 с.

Ляпушкин 1968 - Ляпушкин И.И. Славяне Восточной Европы накануне образования древнерусского государства (VIII – первая половина IX в.). Историко-археологические очерки / Материалы и исследования по археологии СССР. № 152. Л.: Наука, 1968. 192 с.

Мавродин 1945 - Мавродин В.В. Образование Древнерусского государства. Л.: Издательство ЛГУ, 1945. 432 с.

Майоров 2001 - Майоров А.В. Галицко-Волынская Русь: Очерки социально-политических отношений в домонгольский период. Князь, бояре и городская община. СПб.: Университетская книга, 2001. 640 с.

Мачинский 1984 - Мачинский Д.А. О месте Северной Руси в процессе сложения Древнерусского государства и европейской культурной общности // Археологическое исследование Новгородской земли. Л., 1984. С. 5-25.

Мельникова 1977 - Мельникова Е.А. Скандинавские рунические надписи. Тексты, перевод, комментарий. М.: Наука, 1977. 276 с.

Мельникова 1986 - Мельникова Е.А. Древнескандинавские географические сочинения: Тексты, перевод, комментарий. М.: Наука, 1986. 232 с.

Мельникова 2011 - Мельникова Е.А. Скандинавские рунические надписи: новые находки и интерпретации. Тексты, перевод, комментарий. М.: Восточная литература, 2011. 255 с.

Мельникова 2011а - Мельникова Е.А. Древняя Русь и Скандинавия = Old Rus' and Scandinavia: избранные труды. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2011. 476 с.

Михайлова 2010 - Михайлова И.Б. Малые города Южной Руси в VIII – начале XIII в. СПб.: Издательство СПбГУ, 2010. 294 с.

Назин 2017 - Назин С.В. Происхождение славян: реконструкция этнонима, прародины и древнейших миграций. М.: Грифон, 2017. 280 с.

Новосельцев 1965 - Новосельцев А.П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI-IX вв. // Древнерусское государство и его международное значение. М.: Наука, 1965. С. 355-419.

Носов 2005 - Носов Е.Н. Новгородское городище в свете проблемы становления городских центров Поволховья // Носов Е.Н., Горюнова В.М., Плохов А.В. Городище под Новгородом и поселения Северного Приильменья (новые материалы и исследования). СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. С. 8-32.

Носов, Плохов 1997 - Носов Е.Н., Плохов А.В. Холопий городок на Волхове // Древности Поволховья. СПб., 1997. С. 129-152.

Пауль 2014 - Пауль А. Просто они верят в «ущербность» славян. 2014 / Электронный ресурс: http://pereformat.ru/2014/07/petruhin/ (дата обращения – 07.08.2020).

Пауль 2015 - Пауль А. Норманизм на службе фашистской Германии // Варяги и Русь. Сборник статей и монографий. М.: Русская панорама, 2015. С. 237-244.

Пауль 2016 - Пауль А. Балтийские славяне: от Рерика до Старигарда. М.: Книжный мир, 2016. 544 с.

ПВЛ 2007 - Повесть временных лет / Подготовка текста, перевод, статьи и комментарии Д.С. Лихачёва; Под редакцией В.П. Адриановой-Перетц. Третье издание (подготовил М.Б. Свердлов). СПб.: Наука, 2007. 670 с.

Петров 2003 - Петров А.В. От язычества к святой Руси. Новгородские усобицы (к изучению древнерусского вечевого уклада). СПб.: Издательство Олега Абышко, 2003. 352 с.

Петрухин 1982 - Петрухин В.Я. Три центра Руси: фольклорные истоки и историческая традиция // Художественный язык средневековья. М.: Наука, 1982. С. 143-158.

Петрухин 1989 - Петрухин В.Я. К проблеме формирования «Русской земли» в Среднем Поднепровье // Древнейшие государства на территории СССР. 1987. М.: Наука, 1989. С. 26-30.

Петрухин 1995 - Петрухин В.Я. Начало этнокультурной истории Руси IX-XI веков. Смоленск: Русич; М.: Гнозис, 1995. 317с.

Петрухин 2014 - Петрухин В.Я. Русь в IX-X вв. От призвания варягов до выбора веры. М.: ФОРУМ; НЕОЛИТ, 2014. 464с.

Прозоров 2016 - Прозоров Л.Р. Мифы о Древней Руси. Историческое расследование. М.: Эксмо, 2016. 352 с.

Прокопий Кесарийский 1988 - Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история / Пер. А.А. Чекаловой. Второе издание, исправленное и дополненное. М.: Алетейя, 1998. 541 с.

Пуголовок 2018 - Пуголовок Ю.О. До питання про включення південно-східних земель сіверян до складу Русі // Старожитності Лівобережжя Дніпра. К., 2018. С. 216-228.

Пузанов 2017 - Пузанов В.В. От праславян к Руси: становление Древнерусского государства (факторы и образы политогенеза). СПб.: Издательство Олега Абышко, 2017. 744 с.

Рыбаков 1948 - Рыбаков Б.А. Ремесло древней Руси. М.: Издательство АН СССР, 1948. 792 с.

Рыбаков 1982 - Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII-XIII вв. М.: Наука, 1982. 590 с.

Сахаров 1980 - Сахаров А.Н. Дипломатия Древней Руси: IX – первая половина X вв. М.: Мысль, 1980. 358 с.

Сахаров 1982 - Сахаров А.Н. Дипломатия Святослава. М.: Международные отношения, 1982. 240 с.

Сахаров 2004 - Сахаров А.Н. Россия: Народ. Правители. Цивилизация. М.: Наука, 2004. 957 с.

Свердлов 1977 - Свердлов М.Б. Общественный строй славян в VI – начале VII века // Советское славяноведение. 1977. № 3. С. 46-59.

Свердлов 1983 - Свердлов М.Б. Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. Л.: Наука, 1983. 238 с.

Свердлов 1988 - Свердлов М.Б. От Закона Русского к Русской Правде. М.: Юридическая литература, 1988. 176 с.

Свердлов 1996 - Свердлов М.Б. Общественный строй Древней Руси в русской исторической науке XVIII-XX вв. СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. 329 с.

Свердлов 1997 - Свердлов М.Б. Становление феодализма в славянских странах. СПб.: Дмитрий Буланин, 1997. 319с.

Свердлов 2003 - Свердлов М.Б. Домонгольская Русь. Князь и княжеская власть на Руси VI – первой трети XIII в. СПб.: Академический проект, 2003. 734 с.

Свердлов 2017 - Свердлов М.Б. Латиноязычные источники по истории Древней Руси IX-XIII вв. Германия. «Правда Русская». История текста. Избранные статьи. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2017. 592 с.

Свод I - Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. I. М.: Восточная литература, 1994. 474 с.

Свод II - Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. II. М.: Восточная литература, 1995. 592 с.

Седов 1982 - Седов В.В. Восточные славяне в VI-XIII вв. М.: Наука, 1982. 327 с.

Седов 1995 - Седов В.В. Славяне в раннем средневековье. М.: Фонд археологии, 1995. 415 с.

Седов 1999 - Седов В.В. Древнерусская народность. Историко-археологическое исследование. М.: Языки русской культуры, 1999. 316 с.

Седов 1999а - Седов В.В. У истоков восточнославянской государственности. М.: УРСС, 1999. 144 с.

Седов 2002 - Седов В.В. Славяне. Историко-археологическое исследование. М.: Языки русской культуры, 2002. 624с.

Соловьёва 1953 - Соловьёва Г.Ф. Славянские племенные союзы по археологическим данным (вятичи, радимичи, северяне). Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата исторических наук. М., 1953. 15 с.

Соловьёва 1956 - Соловьёва Г.Ф. Славянские союзы племён по археологическим материалам VIII-XIV вв. н.э. (вятичи, радимичи, северяне) // Советская археология. Вып. XXV. 1956. С. 138-170.

Станг 1999 - Станг Х. Наименование Руси (герульская версия) // Stratum plus. 1999. № 5. С. 119-147.

Стрижак 1991 - Стрижак О.С. Етнонімія Птолемеєвої Сарматії у пошуках Русі. К.: Наукова думка, 1991. 224 с.

Стрижак 1992 - Стрижак О.С. Роксолани і Русь // Ономастика України першого тисячоліття нашої ери. К.: Наукова думка, 1992. С. 27-34.

Стрижак 1998 - Стрижак О.С. Із Птолемеєвого етнотопонімікону Східної Європи (resp. Славії) // Ономастика України та етногенез східних слов'ян. К.: Наукова думка, 1998. С. 18-56.

Темушев 2014 - Темушев С.Н. Образование Древнерусского государства. М.: Квадрига, 2014. 207 с.

Темушев 2015 - Темушев С.Н. Налоги и дань в Древней Руси. Минск: Издательство БГУ, 2015. 278 с.

Тимощук 1990 - Тимощук Б.А. Восточнославянская община VI-X вв. М.: Наука, 1990. 184 с.

Тимощук 1995 - Тимощук Б.А. Восточные славяне: от общины к городам. М.: Издательство МГУ, 1995. 261 с.

Толочко 1987 - Толочко П.П. Древняя Русь. Очерки социально-политической истории. К.: Наукова думка, 1987. 246с.

Толочко 1989 - Толочко П.П. Древнерусский феодальный город. К.: Наукова думка, 1989. 254 с.

Толочко 2005 - Толочко П.П. Древнерусская народность: воображаемая или реальная. СПб.: Алетейя, 2005. 224 с.

Толочко 2007 - Толочко П.П. Археология и древняя история (в защиту исторического марксизма). К.: Академпериодика, 2007. 107 с.

Толочко 2011 - Толочко П.П. Власть в Древней Руси. X-XIII вв. СПб.: Алетейя, 2011. 200 с.

Толочко 2013 - Толочко П.П. Ранняя Русь: история и археология. СПб.: Блиц, 2013. 212 с.

Третьяков 1968 - Третьяков П.Н. О древнейших русах и их земле // Славяне и Русь. К 60-летию Б.А. Рыбакова. М.: Наука, 1968. С. 179-187.

Третьяков 1970 - Третьяков П.Н. У истоков древнерусской народности / Материалы и исследования по археологии СССР. № 179. Л.: Наука, 1970. 156 с.

Трубачёв 1974 - Трубачёв О.Н. Ранние славянские этнонимы – свидетели миграции славян // Вопросы языкознания. 1974. № 6. С. 48-67.

Трубачёв 2002 - Трубачёв О.Н. Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. Издание второе, дополненное. М.: Наука, 2002. 495 с.

Трубачёв 2005 - Трубачёв О.Н. В поисках единства. Взгляд филолога на проблему истоков Руси. Третье издание, дополненное. М.: Наука, 2005. 286 с.

Фомин 2018 - Фомин В.В. Норманистская сущность «советского антинорманизма». Часть первая // Исторический формат. 2018. № 3-4. С. 98-164.

Фомин 2019 - Фомин В.В. Норманистская сущность «советского антинорманизма». Часть вторая // Исторический формат. 2019. № 1. С. 60-97.

Фроянов 1974 - Фроянов И.Я. Киевская Русь: Очерки социально-экономической истории. Л.: Издательство ЛГУ, 1974. 160 с.

Фроянов 1980 - Фроянов И.Я. Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. Л.: Издательство ЛГУ, 1980. 256 с.

Фроянов 1990 - Фроянов И.Я. Киевская Русь: Очерки отечественной историографии. Л.: Издательство ЛГУ, 1990. 328 с.

Фроянов 1992 - Фроянов И.Я. Мятежный Новгород: Очерки истории государственности, социальной и политической борьбы конца IX – начала XIII столетия. СПб.: Издательство СПбГУ, 1992. 281 с.

Фроянов 1995 - Фроянов И.Я. Древняя Русь. Опыт исследования истории социальной и политической борьбы. М.; СПб.: Златоуст, 1995. 701 с.

Фроянов 1996 - Фроянов И.Я. Рабство и данничество у восточных славян (VI-X вв.). СПб.: Издательство СПбГУ, 1996. 512 с.

Фроянов 1999 - Фроянов И.Я. Киевская Русь. Главные черты социально-экономического строя. СПб.: Издательство СПбГУ, 1999. 370 с.

Фроянов 2015 - Фроянов И.Я. Лекции по русской истории. Киевская Русь. СПб.: Русская коллекция, 2015. 1048 с.

Фроянов, Дворниченко 1988 - Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю. Города-государства Древней Руси. Л.: Издательство ЛГУ, 1988. 272 с.

Фроянов, Михайлова 1999 - Фроянов И.Я., Михайлова И.Б. Город или протогород? (Об одной надуманной исторической категории) // Раннесредневековые древности Северной Руси и ее соседей. СПб., 1999. С. 228-236.

Шаскольский 1983 - Шаскольский И.П. Антинорманизм и его судьбы // Проблемы отечественной и всеобщей истории. Генезис и развитие феодализма в России. Вып. 7. Л.: Издательство ЛГУ, 1983. С. 35-51.

Шинаков 2009 - Шинаков Е.А. Образование Древнерусского государства: сравнительно-исторический аспект. М.: Восточная литература, 2009. 477 с.

Шинаков 2020 - Шинаков Е.А. У истоков русской государственности. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2020. 528 с.

Шлёцер 1809 - Шлёцер А.Л. Нестор. Русские летописи на древле-славянском языке. Ч. I. СПб., 1809. 705 с.

Шлёцер 1816 - Шлёцер А.Л. Нестор. Русские летописи на древле-славянском языке. Ч. II. СПб., 1816. 842 с.

Шпилев 2009 - Шпилев А.Г. О соотнесении «страны славян» Ибн Русте с Северской землей второй трети IX в. // Средневековый город Юго-Востока Руси: предпосылки возникновения, эволюция, материальная культура: Материалы конференции, посвященной столетию начала археологических исследований Гочевского археологического комплекса. Курск, 2009. С. 52-69.

Щавелев 2012 - Щавелев С.П. Летописное сказание о Кие и его родичах как раннеисторический образ политогенеза у восточных славян // Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства: материалы международной конференции, посвящённой 110-летию со дня рождения И.И. Ляпушкина. СПб., 2012. С. 293-296.

Янин 2001 - Янин В.Л. У истоков новгородской государственности. Великий Новгород, 2001. 152 с.

Янин 2003 - Янин В.Л. Новгородские посадники. Издание второе, исправленное и дополненное. М.: Языки славянской культуры, 2003. 513 с.

Янин 2004 - Янин В.Л. Средневековый Новгород: Очерки археологии и истории. М.: Наука, 2004. 415 с.

Янин 2008 - Янин В.Л. Очерки истории средневекового Новгорода. М.: Языки славянских культур, 2008. 395 с.

Milošević 2013 - Milošević A. Tko je Porin iz 30. glave De administrando imperio? // Starohrvatska prosvjeta. Ser. III. 2013. Sv. 40. S. 127-134.

Vernadsky 1959 - Vernadsky G. The Origins of Russia. Oxford: Clarendon Press, 1959. 354 s.

REFERENCES

Alekseev 1977 - Alekseev L.V. Nekotorye voprosy zaselennosti i razvitie Zapadnorusskih zemel' v IX-XIII vv. [Some questions of the population and development of Western Russian lands in the IX-XIII centuries], in: Drevnyaya Rus' i slavyane. Sbornik k 70-letiyu akademika B.A. Rybakova [Ancient Russia and the Slavs. Collection for the 70th anniversary of academician B.A. Rybakov], Moscow, Nauka Publ., 1977, pp. 23-30 [in Russian].

Artamonov 1990 - Artamonov M.I. Pervye stranicy russkoj istorii v arheologicheskom osveshchenii [The first pages of Russian history in archaeological coverage], in: Sovetskaya arheologiya [Soviet archeology], 1990, № 3, pp. 271-290 [in Russian].

Artamonov 2006 - Artamonov G.A. Knyaz' i druzhina v strukture slavyanskogo obshchestva VI-XI vv. n.e. [The prince and the squad in the structure of the Slavic society of the 6th-11th centuries. AD], in: Sud'ba Rossii v sovremennoj istoriografii [The fate of Russia in modern historiography], Moscow, 2006, pp. 30-42 [in Russian].

Artamonov 2011 - Artamonov G.A. Spornye voprosy izucheniya soyuzov plemyon vostochnyh slavyan [Controversial issues of studying the unions of the tribes of the Eastern Slavs], in: Prepodavatel' XXI vek [Teacher XXI century], 2011, № 4-2, pp. 240-246 [in Russian].

Azbelev 2006 - Azbelev S.N. Ustnaya istoriya Velikogo Novgoroda: Ocherki IX-XVII stoletij [Oral History of Veliky Novgorod: Essays in the IX-XVII Centuries]. Velikiy Novgorod, Izdatel'stvo NovGU Publ., 2006, 307 p. [in Russian].

Azbelev 2007 - Azbelev S.N. Ustnaya istoriya v pamyatnikah Novgoroda i Novgorodskoj zemli [Oral history in the monuments of Novgorod and the Novgorod land], St. Petersburg, Dmitrij Bulanin Publ., 2007, 296 p. [in Russian].

Azbelev 2010 - Azbelev S.N. Gostomysl [Gostomysl], in: Varyago-russkij vopros v istoriografii [Varyago-Russian question in historiography], Moscow, Russkaya panorama Publ., 2010, pp. 598-618 [in Russian].

Bannikov, Morozov 2015 - Bannikov A.V., Morozov M.A. Vizantijskaya armiya (IV-XII vv.) [Byzantine army (IV-XII centuries)], St. Petersburg, Evraziya Publ., 2015, 687 p. [in Russian].

Bogomol'nikov 2004 - Bogomol'nikov V.V. Radimichi (po materialam kurganov X-XII vv.) [Radimichi (based on materials from the mounds of the X-XII centuries)], Gomel, 2004, 226 p. [in Russian].

Dolgov 2017 - Dolgov V.V. Byt i nravy Drevnej Rusi. Miry povsednevnosti XI-XIII vv. [Life and customs of Ancient Russia. Worlds of everyday life XI-XIII centuries], St. Petersburg, Izdatel'stvo Olega Abyshko Publ., 2017, 592 p. [in Russian].

Dvornichenko 2014 - Dvornichenko A.YU. Zerkala i himery. O vozniknovenii Drevnerusskogo gosudarstva [Mirrors and chimeras. On the emergence of the Old Russian state], St. Petersburg, Evraziya Publ.; Moscow, Klio Publ., 2014, 558 p. [in Russian].

Dzhakson, Podosinov 2013 - Dzhakson T.N., Podosinov A.V. Toponimiya na perekryostke kul'tur: drevneskandinavskoe nazvanie Azovskogo morya i ustnaya tradiciya [Toponymy at the Crossroads of Cultures: the Old Scandinavian Name of the Sea of Azov and Oral Tradition], in: Drevnejshie gosudarstva Vostochnoj Evropy [The oldest states of Eastern Europe], 2011, Moscow, Russkij fond sodejstviya obrazovaniyu i nauke Publ., 2013, pp. 165-191 [in Russian].

Eremeev, Dzyuba 2010 - Eremeev I.I., Dzyuba O.F. Ocherki istoricheskoj geografii lesnoj chasti puti iz varyag v greki [Essays on the historical geography of the forest part of the route from the Varangians to the Greeks], St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2010, 670 p. [in Russian].

Fomin 2018 - Fomin V.V. Normanistskaya sushchnost' «sovetskogo antinormanizma». CHast' pervaya [Normanist essence of soviet anti-normanism. Part one], in: Istoricheskij format [Historical format], 2018, № 3-4, pp. 98-164 [in Russian].

Fomin 2019 - Fomin V.V. Normanistskaya sushchnost' «sovetskogo antinormanizma». CHast' vtoraya [Normanist essence of soviet anti-normanism. Part two], in: Istoricheskij format [Historical format], 2019, № 1, pp. 60-97 [in Russian].

Froyanov 1974 - Froyanov I.YA. Kievskaya Rus': Ocherki social'no-ekonomicheskoj istorii [Kievan Rus: Essays on Socio-Economic History], Leningrad, Izdatel'stvo LGU Publ., 1974, 160 p. [in Russian].

Froyanov 1980 - Froyanov I.YA. Kievskaya Rus': Ocherki social'no-politicheskoj istorii [Kievan Rus: Essays on Social and Political History], Leningrad, Izdatel'stvo LGU Publ., 1980, 256 p. [in Russian].

Froyanov 1990 - Froyanov I.YA. Kievskaya Rus': Ocherki otechestvennoj istoriografii [Kievan Rus: Essays on Russian Historiography], Leningrad, Izdatel'stvo LGU Publ., 1990, 328 p. [in Russian].

Froyanov 1992 - Froyanov I.YA. Myatezhnyj Novgorod: Ocherki istorii gosudarstvennosti, social'noj i politicheskoj bor'by konca IX – nachala XIII stoletiya [Rebellious Novgorod: Essays on the history of statehood, social and political struggle at the end of the 9th – beginning of the 13th century], St. Petersburg, Izdatel'stvo SPbGU Publ., 1992, 281 p. [in Russian].

Froyanov 1995 - Froyanov I.YA. Drevnyaya Rus'. Opyt issledovaniya istorii social'noj i politicheskoj bor'by [Ancient Russia. Research experience in the history of social and political struggle], Moscow; St. Petersburg, Zlatoust Publ., 1995, 701 p. [in Russian].

Froyanov 1996 - Froyanov I.YA. Rabstvo i dannichestvo u vostochnyh slavyan (VI-X vv.) [Slavery and tributary among the Eastern Slavs (VI-X centuries)], St. Petersburg, Izdatel'stvo SPbGU Publ., 1996, 512 p. [in Russian].

Froyanov 1999 - Froyanov I.YA. Kievskaya Rus'. Glavnye cherty social'no-ekonomicheskogo stroya [Kievan Rus. The main features of the socio-economic system], St. Petersburg, Izdatel'stvo SPbGU Publ., 1999, 370 p. [in Russian].

Froyanov 2015 - Froyanov I.YA. Lekcii po russkoj istorii. Kievskaya Rus' [Lectures on Russian history. Kievan Rus], St. Petersburg, Russkaya kollekciya Publ., 2015, 1048 p. [in Russian].

Froyanov, Dvornichenko 1988 - Froyanov I.YA., Dvornichenko A.YU. Goroda-gosudarstva Drevnej Rusi [City-states of Ancient Rus], Leningrad, Izdatel'stvo LGU Publ., 1988, 272 p. [in Russian].

Froyanov, Mihajlova 1999 - Froyanov I.YA., Mihajlova I.B. Gorod ili protogorod? (Ob odnoj nadumannoj istoricheskoj kategorii) [City or proto-city? (About one contrived historical category)], in: Rannesrednevekovye drevnosti Severnoj Rusi i ee sosedej [Early medieval antiquities of Northern Russia and its neighbors], St. Petersburg, 1999, pp. 228-236 [in Russian].

Gorskij 1989 - Gorskij A.A. Drevnerusskaya druzhina [Old Russian squad], Moscow, Prometej Publ., 1989, 124 p. [in Russian].

Gorskij 2004 - Gorskij A.A. Rus': Ot slavyanskogo Rasseleniya do Moskovskogo carstva [Russia: From Slavic Settlement to Muscovy], Moscow, YAzyki slavyanskoj kul'tury Publ., 2004, 207 p. [in Russian].

Gorskij 2011 - Gorskij A.A. Slavyanskoe rasselenie i evolyuciya obshchestvennogo stroya slavyan [Slavic settlement and evolution of the social system of the Slavs], in: Velikoe pereselenie narodov: Etnopoliticheskie i social'nye aspekty [Great Migration of Peoples: Ethnopolitical and Social Aspects], St. Petersburg, Aletejya Publ., 2011, pp. 129-180 [in Russian].

Gorskij 2012 - Gorskij A.A. O stadii razvitiya vostochnoslavyanskogo obshchestva nakanune obrazovaniya gosudarstva Rus' [On the stage of development of East Slavic society on the eve of the formation of the state of Russia], in: Drevnejshie gosudarstva Vostochnoj Evropy [The oldest states of Eastern Europe], 2010, Moscow, Russkij fond sodejstviya obrazovaniyu i nauke Publ., 2012, pp. 192-210 [in Russian].

Gubarev 2020 - Gubarev O.L. K diskussii o plemennyh soyuzah i politogeneze vostochnyh slavyan do Ryurika [Towards a discussion about tribal unions and the political genesis of the Eastern Slavs before Rurik], in: NOVOGARDIA, 2020, № 2, pp. 4-36 [in Russian].

Ivanov 2005 - Ivanov I. Kul't Peruna u yuzhnyh slavyan [The cult of Perun among the southern Slavs], Moscow, Ladoga-100 Publ., 2005, 48 p. [in Russian].

Kazanskij 2011 - Kazanskij M.M. O slavyanskom pancyrnom vojske (VI-VII vv.) [About the Slavic armored army (VI-VII centuries)], in: Stratum plus, 2011, № 5, pp. 43-50 [in Russian].

Klejn 1999 - Klejn L.S. Normanizm – antinormanizm: konec diskussii [Normanism – Anti-Normanism: End of the Debate], in: Stratum plus, № 5, 1999, pp. 91-101 [in Russian].

Klejn 2004 - Klejn L.S. Voskreshenie Peruna. K rekonstrukcii vostochnoslavyanskogo yazychestva [Resurrection of Perun. Towards the reconstruction of East Slavic paganism], St. Petersburg, Evraziya Publ., 2004, 479 p. [in Russian].

Koneckij 1989 - Koneckij V.YA. Novgorodskie sopki i problema etnosocial'nogo razvitiya Priil'men'ya v VIII-X vv. [Novgorod hills and the problem of ethnosocial development of Priilmenye in the VIII-X centuries], in: Slavyane. Etnogenez i etnicheskaya istoriya [Slavs. Ethnogenesis and ethnic history], Leningrad, Izdatel'stvo LGU Publ., 1989, pp. 140-150 [in Russian].

Koneckij 1993 - Koneckij V.YA. Novgorodskie sopki v kontekste etnosocial'nyh processov konca I – nachala II tysyacheletiya n.e. [Novgorod hills in the context of ethnosocial processes at the end of the 1st - beginning of the 2nd millennium A.D.], in: Novgorodskij istoricheskij sbornik [Novgorod historical collection], Volume 4 (14), St. Petersburg; Novgorod, 1993, pp. 3-26 [in Russian].

Kotlyar 2007 - Kotlyar N.F. V toske po utrachennomu vremeni [Longing for wasted time], in: Srednevekovaya Rus' [Medieval Russia], Volume 7, Moscow, Indrik Publ., 2007, pp. 343-353 [in Russian].

Krivosheev 2015 - Krivosheev YU.V. Rus' i mongoly: Issledovanie po istorii Severo-Vostochnoj Rusi XII-XIV vv. Tret'e izdanie, ispravlennoe i dopolnennoe [Russia and the Mongols: A Study on the History of North-Eastern Russia XII-XIV centuries. Third edition, revised and expanded], St. Petersburg, Akademiya issledovaniya kul'tury Publ., 2015, 452 p. [in Russian].

Kuz'min 2003 - Kuz'min A.G. Nachalo Rusi. Tajny rozhdeniya russkogo naroda [The beginning of Russia. Secrets of the birth of the Russian people], Moscow, Veche Publ., 2003, 426 p. [in Russian].

Lebedev 1985 - Lebedev G.S. Epoha vikingov v Severnoj Evrope. Istoriko-arheologicheskie ocherki [The Viking Age in Northern Europe. Historical and archaeological essays], Leningrad, Izdatel'stvo LGU Publ., 1985, 290 p. [in Russian].

Lebedev 2005 - Lebedev G.S. Epoha vikingov v Severnoj Evrope i na Rusi [The era of the Vikings in Northern Europe and in Russia], St. Petersburg, Evraziya Publ., 2005, 640 p. [in Russian].

Lyapushkin 1968 - Lyapushkin I.I. Slavyane Vostochnoj Evropy nakanune obrazovaniya drevnerusskogo gosudarstva (VIII – pervaya polovina IX v.). Istoriko-arheologicheskie ocherki / Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR [Slavs of Eastern Europe on the eve of the formation of the Old Russian state (VIII – first half of the IX century). Historical and archaeological essays / Materials and research on the archeology of the USSR], Volume 152, Leningrad, Nauka Publ., 1968, 192 p. [in Russian].

Machinskij 1984 - Machinskij D.A. O meste Severnoj Rusi v processe slozheniya Drevnerusskogo gosudarstva i evropejskoj kul'turnoj obshchnosti [On the place of Northern Russia in the process of the formation of the Old Russian state and the European cultural community], in: Arheologicheskoe issledovanie Novgorodskoj zemli [Archaeological research of the Novgorod land], Leningrad, 1984, pp. 5-25 [in Russian].

Majorov 2001 - Majorov A.V. Galicko-Volynskaya Rus': Ocherki social'no-politicheskih otnoshenij v domongol'skij period. Knyaz', boyare i gorodskaya obshchina [Galicia-Volyn Rus: Essays on socio-political relations in the pre-Mongol period. Prince, boyars and city community], St. Petersburg, Universitetskaya kniga Publ., 2001, 640 p. [in Russian].

Mavrodin 1945 - Mavrodin V.V. Obrazovanie Drevnerusskogo gosudarstva [Formation of the Old Russian state], Leningrad, Izdatel'stvo LGU Publ., 1945, 432 p. [in Russian].

Mel'nikova 1977 - Mel'nikova E.A. Skandinavskie runicheskie nadpisi. Teksty, perevod, kommentarij [Scandinavian runic inscriptions. Texts, translation, commentary], Moscow, Nauka Publ., 1977, 276 p. [in Russian].

Mel'nikova 1986 - Mel'nikova E.A. Drevneskandinavskie geograficheskie sochineniya: Teksty, perevod, kommentarij [Old Norse Geographical Writings: Texts, Translation, Commentary], Moscow, Nauka Publ., 1986, 232 p. [in Russian].

Mel'nikova 2011 - Mel'nikova E.A. Skandinavskie runicheskie nadpisi: novye nahodki i interpretacii. Teksty, perevod, kommentarij [Scandinavian runic inscriptions: new finds and interpretations. Texts, translation, commentary], Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2011, 255 p. [in Russian].

Mel'nikova 2011a - Mel'nikova E.A. Drevnyaya Rus' i Skandinaviya: izbrannye trudy [Old Rus' and Scandinavia: selected works], Moscow, Russkij fond sodejstviya obrazovaniyu i nauke Publ., 2011, 476 p. [in Russian].

Mihajlova 2010 - Mihajlova I.B. Malye goroda YUzhnoj Rusi v VIII – nachale XIII v. [Small towns of South Russia in the VIII – early XIII centuries], St. Petersburg, Izdatel'stvo SPbGU Publ., 2010, 294 p. [in Russian].

Milošević 2013 - Milošević A. Tko je Porin iz 30. glave De administrando imperio? [Who is Porin from chapter 30 De administrando imperio?], in: Starohrvatska prosvjeta [Old Croatian education], Ser. III, 2013, Sv. 40, pp. 127-134 [in Croatian].

Nazin 2017 - Nazin S.V. Proiskhozhdenie slavyan: rekonstrukciya etnonima, prarodiny i drevnejshih migracij [The origin of the Slavs: the reconstruction of the ethnonym, ancestral home and the most ancient migrations], Moscow: Grifon Publ., 2017, 280 p. [in Russian].

Nosov 2005 - Nosov E.N. Novgorodskoe gorodishche v svete problemy stanovleniya gorodskih centrov Povolhov'ya [Novgorod settlement in the light of the problem of the formation of urban centers in the Volkhov region], in: Nosov E.N., Goryunova V.M., Plohov A.V. Gorodishche pod Novgorodom i poseleniya Severnogo Priil'men'ya (novye materialy i issledovaniya) [Settlement near Novgorod and settlements of the Northern Priilmenye (new materials and research)], St. Petersburg, Dmitrij Bulanin Publ., 2005, pp. 8-32 [in Russian].

Nosov, Plohov 1997 - Nosov E.N., Plohov A.V. Holopij gorodok na Volhove [A servile town on the Volkhov], in: Drevnosti Povolhov'ya [Antiquities of the Volkhov region], St. Petersburg, 1997, pp. 129-152 [in Russian].

Novosel'cev 1965 - Novosel'cev A.P. Vostochnye istochniki o vostochnyh slavyanah i Rusi VI-IX vv. [Eastern sources about the Eastern Slavs and Russia of the 6th-9th centuries], in: Drevnerusskoe gosudarstvo i ego mezhdunarodnoe znachenie [Old Russian state and its international significance], Moscow, Nauka Publ., 1965, pp. 355-419 [in Russian].

Paul' 2014 - Paul' A. Prosto oni veryat v «ushcherbnost'» slavyan [They just believe in the "inferiority" of the Slavs], 2014, Electronic resource: http://pereformat.ru/2014/07/petruhin/ (Date of access – 07.08.2020) [in Russian].

Paul' 2015 - Paul' A. Normanizm na sluzhbe fashistskoj Germanii [Normanism in the service of fascist Germany], in: Varyagi i Rus'. Sbornik statej i monografij [Varangians and Russia. Collection of articles and monographs], Moscow, Russkaya panorama Publ., 2015, pp. 237-244 [in Russian].

Paul' 2016 - Paul' A. Baltijskie slavyane: ot Rerika do Starigarda [Baltic Slavs: from Rerik to Starigard], Moscow, Knizhnyj mir Publ., 2016, 544 p. [in Russian].

Petrov 2003 - Petrov A.V. Ot yazychestva k svyatoj Rusi. Novgorodskie usobicy (k izucheniyu drevnerusskogo vechevogo uklada) [From paganism to holy Russia. Novgorod strife (to the study of the Old Russian veche way)], St. Petersburg, Izdatel'stvo Olega Abyshko Publ., 2003, 352 p. [in Russian].

Petruhin 1982 - Petruhin V.YA. Tri centra Rusi: fol'klornye istoki i istoricheskaya tradiciya [Three centers of Russia: folklore origins and historical tradition], in: Hudozhestvennyj yazyk srednevekov'ya [The artistic language of the Middle Ages], Moscow, Nauka Publ., 1982, pp. 143-158 [in Russian].

Petruhin 1989 - Petruhin V.YA. K probleme formirovaniya «Russkoj zemli» v Srednem Podneprov'e [On the problem of the formation of the "Russian land" in the Middle Dnieper], in: Drevnejshie gosudarstva na territorii SSSR [The oldest states on the territory of the USSR], 1987, Moscow, Nauka Publ., 1989, pp. 26-30 [in Russian].

Petruhin 1995 - Petruhin V.YA. Nachalo etnokul'turnoj istorii Rusi IX-XI vekov [The beginning of the ethnocultural history of Russia in the 9th-11th centuries], Smolensk, Rusich Publ.; Moscow, Gnozis Publ., 1995, 317 p. [in Russian].

Petruhin 2014 - Petruhin V.YA. Rus' v IX-X vv. Ot prizvaniya varyagov do vybora very [Russia in the IX-X centuries. From the vocation of the Varangians to the choice of faith], Moscow, FORUM Publ.; NEOLIT Publ., 2014, 464 p. [in Russian].

Prokopij Kesarijskij 1988 - Prokopij Kesarijskij. Vojna s persami. Vojna s vandalami. Tajnaya istoriya / Per. A.A. CHekalovoj. Vtoroe izdanie, ispravlennoe i dopolnennoe [War with the Persians. War with the vandals. Secret History / Translated by A.A. Chekalova. Second edition, revised and expanded], Moscow, Aletejya Publ., 1998, 541 p. [in Russian].

Prozorov 2016 - Prozorov L.R. Mify o Drevnej Rusi. Istoricheskoe rassledovanie [Myths about Ancient Russia. Historical investigation], Moscow, Eksmo Publ., 2016, 352 p. [in Russian].

Pugolovok 2018 - Pugolovok YU.O. Do pitannya pro vklyuchennya pivdenno-skhidnih zemel' siveryan do skladu Rusi [On the issue of the inclusion of the southeastern lands of the northerners in Russia], in: Starozhitnosti Livoberezhzhya Dnipra [Antiquities of the Left Bank of the Dnieper], Kiev, 2018, pp. 216-228 [in Ukrainian].

Puzanov 2017 - Puzanov V.V. Ot praslavyan k Rusi: stanovlenie Drevnerusskogo gosudarstva (faktory i obrazy politogeneza) [From the Proto-Slavs to Russia: the formation of the Old Russian state (factors and images of political genesis)], St. Petersburg, Izdatel'stvo Olega Abyshko Publ., 2017, 744 p. [in Russian].

PVL 2007 - Povest' vremennyh let / Podgotovka teksta, perevod, stat'i i kommentarii D.S. Lihachyova; Pod redakciej V.P. Adrianovoj-Peretc. Tret'e izdanie (podgotovil M.B. Sverdlov) [The Tale of Bygone Years / Preparation of the text, translation, articles and comments by D.S. Likhachev; Edited by V.P. Adrianova-Peretz. Third edition (prepared by M.B. Sverdlov)], St. Petersburg, Nauka Publ., 2007, 670 p. [in Russian].

Rybakov 1948 - Rybakov B.A. Remeslo drevnej Rusi [The craft of ancient Russia], Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1948, 792 p. [in Russian].

Rybakov 1982 - Rybakov B.A. Kievskaya Rus' i russkie knyazhestva XII-XIII vv. [Kievan Rus and Russian principalities of the XII-XIII centuries], Moscow, Nauka Publ., 1982, 590 p. [in Russian].

Saharov 1980 - Saharov A.N. Diplomatiya Drevnej Rusi: IX – pervaya polovina X vv. [Diplomacy of Ancient Rus: IX – first half of X centuries], Moscow, Mysl' Publ., 1980, 358 p. [in Russian].

Saharov 1982 - Saharov A.N. Diplomatiya Svyatoslava [Svyatoslav's diplomacy], Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 1982, 240 p. [in Russian].

Saharov 2004 - Saharov A.N. Rossiya: Narod. Praviteli. Civilizaciya [Russia: People. Rulers. Civilization], Moscow, Nauka Publ., 2004, 957 p. [in Russian].

Sedov 1982 - Sedov V.V. Vostochnye slavyane v VI-XIII vv. [Eastern Slavs in the VI-XIII centuries], Moscow, Nauka Publ., 1982, 327 p. [in Russian].

Sedov 1995 - Sedov V.V. Slavyane v rannem srednevekov'e [Slavs in the early middle ages], Moscow, Fond arheologii Publ., 1995, 415 p. [in Russian].

Sedov 1999 - Sedov V.V. Drevnerusskaya narodnost'. Istoriko-arheologicheskoe issledovanie [Old Russian people. Historical and archaeological research], Moscow, YAzyki russkoj kul'tury Publ., 1999, 316 p. [in Russian].

Sedov 1999a - Sedov V.V. U istokov vostochnoslavyanskoj gosudarstvennosti [At the origins of the East Slavic statehood], Moscow, URSS Publ., 1999, 144 p. [in Russian].

Sedov 2002 - Sedov V.V. Slavyane. Istoriko-arheologicheskoe issledovanie [Slavs. Historical and archaeological research], Moscow, YAzyki russkoj kul'tury Publ., 2002, 624 p. [in Russian].

SHaskol'skij 1983 - SHaskol'skij I.P. Antinormanizm i ego sud'by [Anti-Normanism and its Fates], in: Problemy otechestvennoj i vseobshchej istorii. Genezis i razvitie feodalizma v Rossii [Problems of national and general history. Genesis and development of feudalism in Russia], Volume 7, Leningrad, Izdatel'stvo LGU Publ., 1983, pp. 35-51 [in Russian].

SHCHavelev 2012 - SHCHavelev S.P. Letopisnoe skazanie o Kie i ego rodichah kak ranneistoricheskij obraz politogeneza u vostochnyh slavyan [Chronicle legend about Kie and his relatives as an early historical image of political genesis among the Eastern Slavs], in: Slavyane Vostochnoj Evropy nakanune obrazovaniya Drevnerusskogo gosudarstva: materialy mezhdunarodnoj konferencii, posvyashchyonnoj 110-letiyu so dnya rozhdeniya I.I. Lyapushkina [Slavs of Eastern Europe on the eve of the formation of the Old Russian state: materials of the international conference dedicated to the 110th anniversary of the birth of I.I. Lyapushkin], St. Petersburg, 2012, pp. 293-296 [in Russian].

SHinakov 2009 - SHinakov E.A. Obrazovanie Drevnerusskogo gosudarstva: sravnitel'no-istoricheskij aspekt [The formation of the Old Russian state: a comparative historical aspect], Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2009, 477 p. [in Russian].

SHinakov 2020 - SHinakov E.A. U istokov russkoj gosudarstvennosti [At the origins of Russian statehood], St. Petersburg, Izdatel'stvo Olega Abyshko Publ., 2020, 528 p. [in Russian].

SHlyocer 1809 - SHlyocer A.L. Nestor. Russkie letopisi na drevle-slavyanskom yazyke [Nestor. Russian chronicles in ancient Slavic language], Volume I, St. Petersburg, 1809, 705 p. [in Russian].

SHlyocer 1816 - SHlyocer A.L. Nestor. Russkie letopisi na drevle-slavyanskom yazyke [Nestor. Russian chronicles in ancient Slavic language], Volume II, St. Petersburg, 1816, 842 p. [in Russian].

SHpilev 2009 - SHpilev A.G. O sootnesenii «strany slavyan» Ibn Ruste s Severskoj zemlej vtoroj treti IX v. [On the correlation of the "country of the Slavs" Ibn Rust with the Seversk land of the second third of the 9th century], in: Srednevekovyj gorod YUgo-Vostoka Rusi: predposylki vozniknoveniya, evolyuciya, material'naya kul'tura: Materialy konferencii, posvyashchennoj stoletiyu nachala arheologicheskih issledovanij Gochevskogo arheologicheskogo kompleksa [The Medieval City of Southeast Russia: Preconditions for the Origin, Evolution, Material Culture: Proceedings of the Conference Dedicated to the Centenary of the Beginning of Archaeological Research of the Gochev Archaeological Complex], Kursk, 2009, pp. 52-69 [in Russian].

Solov'yova 1953 - Solov'yova G.F. Slavyanskie plemennye soyuzy po arheologicheskim dannym (vyatichi, radimichi, severyane). Avtoreferat dissertacii na soiskanie uchyonoj stepeni kandidata istoricheskih nauk [Slavic tribal unions according to archaeological data (vyatichi, radimichi, northerners). Abstract of dissertation for the degree of candidate of historical sciences], Moscow, 1953, 15 p. [in Russian].

Solov'yova 1956 - Solov'yova G.F. Slavyanskie soyuzy plemyon po arheologicheskim materialam VIII-XIV vv. n.e. (vyatichi, radimichi, severyane) [Slavic tribal unions based on archaeological materials from the 8th-14th centuries. AD (vyatichi, radimichi, northerners)], in: Sovetskaya arheologiya [Soviet archeology], Volume XXV, 1956, pp. 138-170 [in Russian].

Stang 1999 - Stang H. Naimenovanie Rusi (gerul'skaya versiya) [The name of Russia (Herulian version)], in: Stratum plus, 1999, № 5, pp. 119-147 [in Russian].

Strizhak 1991 - Strizhak O.S. Etnonimiya Ptolemeєvoї Sarmatiї u poshukah Rusi [Ethnonymy of Ptolemaic Sarmatia in search of Russia], Kiev, Naukova dumka Publ., 1991, 224 p. [in Ukrainian].

Strizhak 1992 - Strizhak O.S. Roksolani i Rus' [Roxalans and Russia], in: Onomastika Ukraïni pershogo tisyacholittya nashoї eri [Onomastics of Ukraine in the first millennium of our era], Kiev, Naukova dumka Publ., 1992, pp. 27-34 [in Ukrainian].

Strizhak 1998 - Strizhak O.S. Iz Ptolemeevogo etnotoponimikonu Skhidnoї Evropi (resp. Slaviї) [From the Ptolemaic ethnotoponymy of Eastern Europe (resp. Slavia)], in: Onomastika Ukraïni ta etnogenez skhidnih slov'yan [Onomastics of Ukraine and ethnogenesis of the Eastern Slavs], Kiev, Naukova dumka Publ., 1998, pp. 18-56 [in Ukrainian].

Sverdlov 1977 - Sverdlov M.B. Obshchestvennyj stroj slavyan v VI – nachale VII veka [The social system of the Slavs in the VI – early VII century], in: Sovetskoe slavyanovedenie [Soviet Slavic Studies], 1977, № 3, pp. 46-59 [in Russian].

Sverdlov 1983 - Sverdlov M.B. Genezis i struktura feodal'nogo obshchestva v Drevnej Rusi [Genesis and structure of feudal society in Ancient Russia], Leningrad, Nauka Publ., 1983, 238 p. [in Russian].

Sverdlov 1988 - Sverdlov M.B. Ot Zakona Russkogo k Russkoj Pravde [From Russian Law to Russian Truth], Moscow, YUridicheskaya literatura Publ., 1988, 176 p. [in Russian].

Sverdlov 1996 - Sverdlov M.B. Obshchestvennyj stroj Drevnej Rusi v russkoj istoricheskoj nauke XVIII-XX vv. [The social structure of Ancient Rus in the Russian historical science of the 18th-20th centuries], St. Petersburg, Dmitrij Bulanin Publ., 1996, 329 p. [in Russian].

Sverdlov 1997 - Sverdlov M.B. Stanovlenie feodalizma v slavyanskih stranah [The formation of feudalism in the Slavic countries], St. Petersburg, Dmitrij Bulanin Publ., 1997, 319 p. [in Russian].

Sverdlov 2003 - Sverdlov M.B. Domongol'skaya Rus'. Knyaz' i knyazheskaya vlast' na Rusi VI – pervoj treti XIII v. [Pre-Mongol Rus. Prince and princely power in Russia VI - the first third of the XIII century], St. Petersburg, Akademicheskij proekt Publ., 2003, 734 p. [in Russian].

Sverdlov 2017 - Sverdlov M.B. Latinoyazychnye istochniki po istorii Drevnej Rusi IX-XIII vv. Germaniya. «Pravda Russkaya». Istoriya teksta. Izbrannye stat'i [Latin-language sources on the history of Ancient Russia in the 9th-13th centuries. Germany. "Russian Truth". History of the text. Featured Articles], St. Petersburg, Izdatel'stvo Olega Abyshko Publ., 2017, 592 p. [in Russian].

Svod I - Svod drevnejshih pis'mennyh izvestij o slavyanah [The collection of the oldest written records of the Slavs], Volume I, Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 1994, 474 p. [in Russian].

Svod II - Svod drevnejshih pis'mennyh izvestij o slavyanah [The collection of the oldest written records of the Slavs], Volume II, Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 1995, 592 p. [in Russian].

Temushev 2014 - Temushev S.N. Obrazovanie Drevnerusskogo gosudarstva [Formation of the Old Russian state], Moscow, Kvadriga Publ., 2014, 207 p. [in Russian].

Temushev 2015 - Temushev S.N. Nalogi i dan' v Drevnej Rusi [Taxes and tribute in ancient Russia], Minsk, Izdatel'stvo BGU Publ., 2015, 278 p. [in Russian].

Timoshchuk 1990 - Timoshchuk B.A. Vostochnoslavyanskaya obshchina VI-X vv. [East Slavic community of the 6th-10th centuries], Moscow, Nauka Publ., 1990, 184 p. [in Russian].

Timoshchuk 1995 - Timoshchuk B.A. Vostochnye slavyane: ot obshchiny k gorodam [Eastern Slavs: from community to cities], Moscow, Izdatel'stvo MGU Publ., 1995, 261 p. [in Russian].

Tolochko 1987 - Tolochko P.P. Drevnyaya Rus'. Ocherki social'no-politicheskoj istorii [Ancient Russia. Essays on socio-political history], Kiev, Naukova dumka Publ., 1987, 246 p. [in Russian].

Tolochko 1989 - Tolochko P.P. Drevnerusskij feodal'nyj gorod [Old Russian feudal city], Kiev, Naukova dumka Publ., 1989, 254 p. [in Russian].

Tolochko 2005 - Tolochko P.P. Drevnerusskaya narodnost': voobrazhaemaya ili real'naya [Old Russian people: imaginary or real], St. Petersburg, Aletejya Publ., 2005, 224 p. [in Russian].

Tolochko 2007 - Tolochko P.P. Arheologiya i drevnyaya istoriya (v zashchitu istoricheskogo marksizma) [Archeology and Ancient History (in Defense of Historical Marxism)], Kiev, Akademperiodika Publ., 2007, 107 p. [in Russian].

Tolochko 2011 - Tolochko P.P. Vlast' v Drevnej Rusi. X-XIII vv. [Power in Ancient Russia. X-XIII centuries], St. Petersburg, Aletejya Publ., 2011, 200 p. [in Russian].

Tolochko 2013 - Tolochko P.P. Rannyaya Rus': istoriya i arheologiya [Early Russia: history and archeology], St. Petersburg, Blic Publ., 2013, 212 p. [in Russian].

Tret'yakov 1968 - Tret'yakov P.N. O drevnejshih rusah i ih zemle [About the most ancient Rus and their land], in: Slavyane i Rus'. K 60-letiyu B.A. Rybakova [Slavs and Russia. To the 60th anniversary of B.A. Rybakov], Moscow, Nauka Publ., 1968, pp. 179-187 [in Russian].

Tret'yakov 1970 - Tret'yakov P.N. U istokov drevnerusskoj narodnosti / Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR [At the origins of the ancient Russian people / Materials and research on the archeology of the USSR], Volume 179, Leningrad, Nauka Publ., 1970, 156 p. [in Russian].

Trubachyov 1974 - Trubachyov O.N. Rannie slavyanskie etnonimy – svideteli migracii slavyan [Early Slavic ethnonyms - witnesses of the migration of the Slavs], in: Voprosy yazykoznaniya [Linguistic issues], 1974, № 6, pp. 48-67 [in Russian].

Trubachyov 2002 - Trubachyov O.N. Etnogenez i kul'tura drevnejshih slavyan. Lingvisticheskie issledovaniya. Izdanie vtoroe, dopolnennoe [Ethnogenesis and culture of the ancient Slavs. Linguistic research. Second edition, supplemented], Moscow, Nauka Publ., 2002, 495 p. [in Russian].

Trubachyov 2005 - Trubachyov O.N. V poiskah edinstva. Vzglyad filologa na problemu istokov Rusi. Tret'e izdanie, dopolnennoe [In search of unity. A philologist's view on the problem of the origins of Russia. Third edition, revised], Moscow, Nauka Publ., 2005, 286 p. [in Russian].

Vernadsky 1959 - Vernadsky G. The Origins of Russia, Oxford: Clarendon Press Publ., 1959, 354 p. [in English].

YAnin 2001 - YAnin V.L. U istokov novgorodskoj gosudarstvennosti [At the origins of the Novgorod statehood], Velikiy Novgorod, 2001, 152 p. [in Russian].

YAnin 2003 - YAnin V.L. Novgorodskie posadniki. Izdanie vtoroe, ispravlennoe i dopolnennoe [Novgorod posadniks. Second edition, revised and enlarged], Moscow, YAzyki slavyanskoj kul'tury Publ., 2003, 513 p. [in Russian].

YAnin 2004 - YAnin V.L. Srednevekovyj Novgorod: Ocherki arheologii i istorii [Medieval Novgorod: Essays on Archeology and History], Moscow, Nauka Publ., 2004, 415 p. [in Russian].

YAnin 2008 - YAnin V.L. Ocherki istorii srednevekovogo Novgoroda [Essays on the history of medieval Novgorod], Moscow, YAzyki slavyanskih kul'tur Publ., 2008, 395 p. [in Russian].

ZHih 2015 - ZHih M.I. Slavyanskaya znat' dogosudarstvennoj epohi po dannym nachal'nogo letopisaniya [Slavs upper class in the pre-state epoch (from the earliest medieval annals)], in: Istoricheskij format [Historical format], 2015, № 2, pp. 7-28 [in Russian].

ZHih 2017 - ZHih M.I. Vostochnoslavyanskij politogenez i reformy knyagini Ol'gi [Eastern Slav's polity's genesis and reforms by princess Olga], in: Istoricheskij format [Historical format], 2017, № 3-4, pp. 175-234 [in Russian].

ZHih 2019 - ZHih M.I. Slavyanskij pravitel' Samo i ego «derzhava» (623-658). Istochniki, lokalizaciya, social'no-politicheskaya organizaciya, istoricheskoe znachenie [Slavic knyaz samo and his "Empire" (623-658). Sources, localization, socio-political organization, historical significance], St. Petersburg, 2019, 148 p. [in Russian].

ZHih 2020 - ZHih M.I. Vostochnye slavyane nakanune gosudarstvennosti [Eastern Slavs on the eve of statehood], Moscow, Veche Publ., 2020, 448 p. [in Russian].

Zimin 2015 - Zimin A.A. Hram nauki (Razmyshleniya o prozhitom) [Temple of Science (Reflections on the past)], in: Sud'by tvorcheskogo naslediya otechestvennyh istorikov vtoroj poloviny XX v. / Sost. A.L. Horoshkevich [The fate of the creative heritage of Russian historians in the second half of the XX century / Compiled by A.L. Khoroshkevich], Moscow, Akvarius Publ., 2015, pp. 35-384 [in Russian].

Zvizdec'kij 2008 - Zvizdec'kij B.A. Gorodishcha IX-XIII vv. na teritorii litopisnih drevlyan [Ancient settlements of the 9th-13th centuries on the territory of the chronicle Drevlyans], Kiev, 2008, 176 p. [in Ukrainian].

Жих Максим Иванович
– Общественно-научный проект «Российско-немецкий исторический семинар» (Санкт-Петербург, Россия).

Maksim Zhikh
– The Public and Scientific Project «Russian-German Historical Seminar» (Saint Petersburg, Russia).

max-mors@mail.ru

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«МОСКОВСКИЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

1160-летие Древнерусского государства, 300-летний юбилей Российской империи, 100-летие образования Союза Советских Социалистических Республик, 30 лет существования современной российской государственности и другие поворотные моменты в исторической судьбе нашей страны возвращают нас к проблеме выбора пути общественного развития, побуждают определить критерии такого выбора.

ПРИГЛАШАЕМ ВАС И ВАШИХ КОЛЛЕГ ПРИНЯТЬ АКТИВНОЕ УЧАСТИЕ В МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ «КЛЮЧЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ».

Тема конференции –

«Проблема выбора пути в исторической судьбе России»

Конференция состоится **18–19 марта 2022 года в Институте истории и политики МПГУ** по адресу: **г. Москва, проспект Вернадского, 88, КГФ МПГУ.**

В связи с последствиями пандемии COVID-19 предусмотрено сочетание очного и дистанционного участия. Оргкомитет своевременно сообщит соответствующую информацию.

Сбор и регистрация участников конференции – 18 марта, с 10–30 до 11–00.
Начало пленарного заседания – 18 марта, в 11 часов.

Участникам конференции предлагается обсудить следующие темы:

— Зарождение древнерусской государственности и Крещение Руси: цивилизационный выбор;
— Русский народ на пути к объединению и в борьбе за независимость: рождение Московской Руси;
— Преодоление Смуты и строительство Империи: от «бунташного века» Тишайшего царя до «славных дней Петра», от «недостроенной храмины» к «золотому веку» и пугачевщине;
— Монархия и прогресс: «хорошие» и «плохие» императоры, реформы и «реакция», была ли возможна мирная эволюция «самодержавно-крепостнического» строя;
— «И просвещенный наш народ…»: либеральное общество и революционная традиция;
— «Отречемся от старого мира…» и «Мы наш, мы новый мир построим…»: крушение монархии, Февраль против Октября, Советская власть и ее альтернативы;
— «Здравствуй, страна героев, страна мечтателей, страна ученых!»: успехи и противоречия советской модернизации, победы и проблемы социализма в СССР, расцвет и гибель Советской страны;
— Современная Россия и постсоветское пространство: сделан ли выбор;
— Россия и мир: исторические параллели, столкновение и диалог цивилизаций;
— Университет и школа: традиции и новые подходы, педагогика будущего.

19 МАРТА ПЛАНИРУЕТСЯ УЧАСТИЕ В РАБОТЕ КОНФЕРЕНЦИИ УЧАЩИХСЯ ШКОЛ.
Сбор и регистрация участников – с 10–30 до 11–00. Начало работы – в 11 часов.

Заключительный этап мероприятия – Круглый стол на тему: «Поворотные моменты политической и социальной истории России и их отражение в современной историографии и учебной литературе».

По итогам конференции будет опубликован сборник статей. Материалы для публикации принимаются по указанному электронному адресу до 1 декабря 2021 г.

Оформление текста: объем до 20 тыс. знаков (с пробелами); формат – doc; шрифт – Times New Roman; кегль – 14 (для сносок – 12), интервал – полуторный; поля – стандартные. Сноски – автоматические и постраничные. Аббревиатуры архивов и др. учреждений расшифровать в Списке сокращений.

Оргкомитет оставляет за собой право отбора статей для публикации.

Заявки на участие в конференции принимаются до 1 марта 2022 г. по электронному адресу:
vsevolodvoronin@yandex.ru

Форма заявки прилагается (см. след. страницу).

Справки и дополнительную информацию можно получить по телефону: **+7 916 571-97-72.**

Ответственный за мероприятие – **Воронин Всеволод Евгеньевич,** доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Института истории и политики МПГУ.

Оргкомитет конференции

ЗАЯВКА

на участие в работе Международной научной конференции молодых ученых

«Ключевские чтения»

(Москва, МПГУ, 18–19 марта 2022 г.)

1	ФАМИЛИЯ, имя, отчество	
2	Город, страна	
3	Место учебы/работы	
4	Должность/Курс/Класс	
5	Ученая степень и ученое звание (если есть)	
6	Тема доклада	
7	Аннотация (на рус. и англ. яз. – до 500 знаков каждая)	
8	Ключевые слова (на рус. и англ. яз. – до 10 слов)	
9	Контактный телефон	
10	Адрес электронной почты	

ПРАВИЛА ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛЕ

В соответствии с требованиями ВАК и наукометрических баз данных РИНЦ и Scopus, в международном научном журнале «Исторический формат» вводятся следующие правила публикации.

Журнал публикует оригинальные статьи с результатами научных исследований на русском, английском, французском и немецком языках, относящиеся к исторической тематике, а также сообщения о проводимых под эгидой или при участии журнала научных мероприятиях. Редакция не вступает с авторами в содержательное обсуждение статей, переписку по методике написания и оформления научных статей и не занимается доведением статей до необходимого научно-методического уровня. Плата за публикацию в международном научном журнале «Исторический формат» не взимается. Авторский гонорар не выплачивается, не оплачивается рецензирование статей. Для обеспечения широкого доступа материалы журнала размещаются в Интернете: на сайте журнала, в научной электронной библиотеке «КиберЛенинка», в наукометрической базе данных РИНЦ и т.д.

Авторы статей, принятых к публикации высылают на электронный адрес редакции скан-копию бланка согласия, в котором дают разрешение на редактирование статьи, включение ее в электронные базы данных, а также на безвозмездную передачу указанных прав третьим лицам, при условии соблюдения их неимущественных авторских прав, извлечение из статьи и использование на безвозмездной основе метаданных (название, имя автора/правообладателя, аннотации, библиографические материалы и пр.) с целью включения в базы данных РИНЦ и Scopus, и подтверждение, что материал ранее не был опубликован и не находится на рассмотрении и/или не принят к публикации в каком-либо ином издании. Бланк согласия должен быть подписан автором и заверен в организации, в которой он работает или обучается.

В случае несоблюдения каких-либо требований редакция оставляет за собой право не рассматривать поступившие статьи. Журнал не публикует авторские материалы, ранее напечатанные в других изданиях; материалы, не соответствующие тематике журнала; статьи, не содержащие новой информации либо содержащие фактологические, исторические или иные ошибки, которые не могут быть исправлены; статьи, содержащие утверждения и гипотезы, прямо противоречащие установленным научным фактам; литературно-художественные и публицистические произведения любого содержания, в том числе и на научную тему; любую информацию и объявления, не имеющие непосредственного отношения к научной деятельности; материалы, содержащие сведения, которые составляют государст-венную либо коммерческую тайну; материалы, содержащие оскорбления, клевету либо заведомо ложные сведения в отношении граждан и организаций.

ПОРЯДОК СДАЧИ МАТЕРИАЛА:

Статья оформляется в соответствии с требованиями к оформлению материалов и высылается вместе со скан-копией заверенного бланка согласия на электронный адрес редакции: mail@histformat.com

Файлы должны быть поименованы по фамилии автора в латинской графике (например, IvanovStatya, IvanovBlank). Рукописи принимаются к рассмотрению непрерывно в течение года. Материал не должен превышать 1 п.л. (40 тыс. знаков с пробелами, включая рисунки, таблицы, список литературы и прочие компоненты статьи), сообщения — 0,5 п.л., рецензии — 0,2 п.л.

Статьи, поступившие в редакцию, подлежат внутреннему и внешнему рецензированию. Внутреннее рецензирование осуществляется редколлегией. Внешнее рецензирование научных материалов обеспечивается автором предоставленного материала и осуществляется специалистом соответствующего профиля, имеющим ученую степень доктора или кандидата наук. В случае несоблюдения каких-либо требований редакция оставляет за собой право не рассматривать такие статьи.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ МАТЕРИАЛОВ:

Редколлегия журнала «Исторический формат» принимает только материалы, присланные файлом, прикрепленным к электронному письму (формат Word, файл с расширением .doc ., docx ., rtf). Статья должна быть оформлена строго в соответствии общими требованиями к оформлению научных публикаций и тщательно вычитана.

Рукописи, направляемые в журнал, должны содержать следующие разделы:

1. Индекс по Универсальной десятичной классификации (УДК).

2. Название статьи, ФИО автора(ов), сведения об авторе, адресные данные (полное юридическое название организации, адрес организации, адрес электронной почты всех или одного автора), авторское резюме и ключевые слова на русском языке, адрес электронной почты. Объем аннотации должен включать от 100 до 250 слов. Ключевых слов и словосочетаний должно быть не более 10.

3. Те же данные, указанные на английском языке, в той же последовательности, что в п. 2. Авторское резюме на английском языке (Abstract) может отличаться от русского аналога, но обязательно должно быть максимально подробным, чтобы выполнять функцию независимого от статьи источника информации. Информация резюме на английском должна быть понятна и интересна англоязычному читателю, который мог бы без обращения к полному тексту получить наиболее полное представление о тематике и уровне исследования.

4. Полный текст статьи, оформленный в соответствии с действующими требованиями журнала, приме-

чания, список использованной литературы (название «Литература»), список литературы в романском алфавите (название “References”).

Параметры оформления статьи: выравнивание — по ширине листа; первая строка — отступ 1,25; межстрочный интервал — одинарный; шрифт — Times New Roman; размер — 14; без автоматической расстановки переносов.

Иллюстрации (фотографии, рисунки, таблицы, графики, диаграммы и т.п.) должны иметь сквозную нумерацию согласно их положению в тексте и дополнительно прилагаться в виде отдельных файлов. Иллюстрации предоставляются в форматах tif или jpeg (разрешением не менее 300 dpi).

При оформлении статьи используется «гарвардский стиль» — оформление библиографии, когда список литературы выстроен в алфавитном порядке, а отсылка в тексте оформляется через фамилию автора (или фамилия первого автора, если авторов несколько), год издания и по необходимости номер страницы.

5. Список литературы с последующей английской транслитерацией. Автоматизировать процесс транслитерации можно, воспользовавшись программным обеспечением, которое доступно по адресу http://translit.ru (в раскрывающемся списке «Варианты» выбирать BGN). После автоматического транслитерирования необходимо вручную проверить правильность полученного результата и внести необходимые коррективы. Транслитерированные ссылки должны содержать только значащие для аналитической обработки элементы (ФИО авторов, название первоисточника, выходные данные). В списке литературы названия работ на языках, использующих нелатинизированные алфавиты, должны быть переведены на английский и заключены в квадратные скобки; названия источников должны быть транслитерированы, в конце следует указать язык оригинала в квадратных скобках. В случае цитирования книги название издательства (если это название учреждения) должно быть переведено на английский язык, во всех остальных случаях — транслитерировано, место издания — переведено.

Примером оформления публикации может служить любая статья в последнем опубликованном номере журнала. Просим авторов обратить на это внимание и следовать принятым правилам оформления материалов.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФОРМАТ

2020, № 4

* * *

ЭЛЕКТРОННОЕ ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

Дата выхода номера: 3.10.2021
Формат 210x297
Электронный файл PDF
Гарнитура «Source Sans Pro»

Издатель: Редакция журнала
«Исторический формат»

Верстка: Пезиков В.Н.

Редакция может не разделять точку зрения авторов статей, не вступает с авторами в содержательное обсуждение статей, переписку по методике написания и оформления научных статей и не занимается доведением статей до необходимого научно-методического уровня. Ответственность за содержание публикуемых материалов несет автор.

При любом использовании материалов ссылка на журнал обязательна.

* * *

E-mail редакции: **mail@histformat.com**
Официальный сайт: **http://histformat.com/**

16+

© Исторический Формат, 2020-2021
ISSN 2411-9415

▲ вернуться к оглавлению

http://histformat.com/